

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ՀԱՅԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Խմբագրական խորհուրդ՝ Սիմոնյան Ա. Հ. /Ուսումնական/,
Բալթաթանյան Հ. Ս., Մաղալյան Վ.Ս., Հովհաննիսյան Մ. Ս.,
Մարգարյան Հ. Գ., Չոբանյան Պ. Ա.

Հ Ա Յ – Վ Ր Ա Ց Ա Կ Ա Ն
Հ Ա Ր Ա Բ Ե Ր ՈՒ Թ Յ ՈՒ Ն Ն Ե Ր

ՄԱՏԵՆԱՇԱՐ

ՄԱՏԵՆԱՇԱՐԻ ՀԻՄՆԱԴԻՐ
ԵՊՀ ՀՀԻ ՎՐԱՑԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ԳԻՐՔ Բ

Երևան
ԵՊՀ հրատ.
2013

ՀՏԴ 941 (479.25)
ԳՄԴ 63.3 (23)
Հ 240

Հրատարակվում է Հայագիտական հետազոտությունների
ինստիտուտի գիտական խորհրդի որոշմամբ

Կազմեց և հրատարակությամբ պատրաստեց Հրաչիկ Բայրամյանը

Հ 240 Հայ-վրացական հարաբերություններ /մատենաշար/-եր.:
ԵՊՀ հրատ., 2013: Գիրք 2.- 340 էջ

Ն. Մառ «Վրացի պոետ Ակակին հայերի մասին»

Բանաստեղծ Ակակի Ծերեթելին իր հիմնադրած «Ակակիս կրեբուլի» /«Ակակի ժողովածու»/ հանդեսում (1898թ., №5) տպագրում է ծավալուն հետազոտություն «Արմենիա, Հայաստան, Սոմխեթի անվանումների պատմական քննություն» վերտառությամբ: Պատասխան հոդվածով հանդես է գալիս ականավոր հայագետ, վրացագետ, կովկասագետ Նիկողայոս Մառը: Մառի հոդվածը նույն թվականին թարգմանում և հրատարակում են Թիֆլիսում լույս տեսնող հայկական հանդեսները, մասնավորապես «Մուրճ» ամսագիրը և «Մշակ» լրագիրը:

Նյութերը՝ ուսերեն պատասխան բնագիրը և դրա հայերեն թարգմանությունն ամբողջությամբ հրատարակվում են առաջին ամգամ միասին:

Գիրքը կարող է օգտակար լինել հայագետներին, վրացագետներին, հայ-վրացական լեզվամշակութային հարցերով հետաքրքրվողներին, մասնավորապես կովկասագետներին և այդ մասնագիտությունն ընտրած ուսանողներին:

Զ. Ա. Վերմիշև «Հայ - վրացական հարաբերությունների մասին»

Աշխատության մեջ քննության է առնվում Իլիա ճավճավաձեի «Հայ գիտնականները և քարերի աղաղակը» երկը: Վերմիշևը վերլուծում է գրողի պատմատնտեսագիտական հայացքները, պարզաբանում հիմնահարցերը և վերհանում այն միտումները, որոնք պատճառ են դարձել սուբյեկտիվ եզրահանգումների ու անհարկի մեղադրանքների: Նա առավել քան հետամուտ է եղել ճավճավաձեի այլազգի գործիչների՝ հայ-վրացական հարաբերությունների մասին գրած աշխատությունների գնահատությանը:

ՀՏԴ 941 (479.25)
ԳՄԴ 63.3 (22)

ISBN978-5-8084-1744-1

© ԵՊՀ հրատարակչություն, 2013
© Կազմողի համար

ԳՐՈՖԵՍՍՈՐ Ն. ՄԱՐՐ

ՎՐԱՑԻ ՊՈԷՏ ԱԿԱԿԻՆ ՀԱՅՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

«Նովոյէ Օբոզր.» տպարից Թարգմ. Ս. Հ.

ԿԴԵՍԱՆ ՕՐ 7 ՂԱԿԵ
ԳԻՆՆ Է 10 ԿԳԵԻ

Թ Ի Ֆ Լ Ի Ս

ԱՐԱԳԱՏԻՊ ՄԵԱՑԱԿԱՆ ՄԱՐՏԵՐՈՍԵԱՆԻ

Միքայելիան փողոց, տուն № 81.

1898.

Грузинскій поэтъ Акакій*) объ армянахъ

C'est la profonde ignorance,
qui inspire le ton dogmatique.
La Bruyère, *Les caractères e tc., V.*

Въ январскомъ номерѣ „Сборника Акакія” помѣщена статья *Историческое изслѣдованіе названій: Арменія, Айхстанъ и Сомхети*. Статья, судя по заглавію, долженствующая представить этюдъ по исторической географіи и этнографіи въ связи съ этимологическими разьясненіями, на самомъ дѣлѣ есть пестрая коллекція, выражаясь мягче, курьезовъ. „Сборникъ Акакія” или, какъ онъ звучитъ на грузинскомъ языкѣ „Акакись кребули”, издающійся съ осени прошлаго года, весьма симпатичное и довольно содержательное изданіе, но этого еще, конечно, не было бы достаточно, чтобъ обратить вниманіе на легкомысленную статью. Мало ли нелѣпостей пишется, какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ столичныхъ журналахъ и газетахъ, иногда и очень серьезныхъ и, во всякомъ случаѣ вліятельныхъ, о прошломъ Закавказья и въ частности армянъ. За послѣдніе годы на нашихъ глазахъ прошла цѣлая серія газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ объ армянской литературѣ, исторіи, языкѣ и народности, поучительныхъ развѣ только въ томъ смыслѣ, что отсутствіе здраваго смысла и

* Этимъ простымъ, но популярнымъ во всей Грузіи именемъ и позволяемъ себѣ называть въ продолженіе всей статьи извѣстнаго грузинскаго писателя князя Акакія Церетели.

элементарныхъ знаній по исторіи Арменіи выдавалось за послѣднее слово науки. У насъ не было и нѣтъ ни охоты, ни времени перебирать всѣ эти варварскіе наѣзды въ область армяновѣдѣнія лицъ, совершенно невѣдомыхъ нашей наукѣ. Если однако мы рѣшились заняться статьею Акакія, такъ это единственно потому, что мы питаемъ особую симпатію къ этому даровитому грузинскому писателю, и не только за прелесть его поэзіи, необычайную легкость слога, богатство языка и мастерское владѣніе имъ,- эти качества поэта настоящаго вопроса не касаются,- но, особенно, за искренность, прямоту и независимость его литературнаго направленія. Въ современной грузинской литературѣ Акакій, несомнѣнно, рыцарь безъ страха и упрека, и потому именно и жаль, что изъ его устъ намъ приходится слышать весьма и весьма несправедливыя сужденія объ армянахъ. Мы здѣсь вовсе не собираемся, конечно, защищать армянъ противъ выходки Акакія, къ которой они отнесутся, по всей вѣроятности, съ полнымъ равнодушіемъ. Не думаемъ также выступать противъ культивированія взаимной вражды армянъ и грузинъ, на антагонизмъ которыхъ будто бы и можетъ быть построено благополучіе Кавказа. Наше убѣжденіе, что слѣпая вражда, да и вообще вражда ничего не строить и ни къ чему хорошему не приводитъ, и если кто этого не видитъ сегодня, увидитъ завтра. Болѣе того, мы не имѣли бы ничего, если бы Акакій высказалъ осужденіе армянамъ, стоящимъ въ предѣлахъ его кругозора; быть можетъ, отношенія грузинъ и армянъ сложились такимъ образомъ на Кавказѣ, особенно въ Тифлисѣ, что грузину не за что ласкать армянина, какъ и армянину не за что любить грузина. Это вопросъ добрососѣдскихъ отношеній,

установленіе которыхъ зависитъ отъ понятливости самихъ сосѣдей и ихъ доброй воли. Но Акакій мотивируетъ свои сужденія данными изъ армянской исторіи, армянской литературы и вообще армянской жизни, и вотъ эти-то данныя, единственно лежащія въ основѣ мнѣнія Акакія объ армянахъ, не выдерживаютъ никакой критики и должны быть оцѣнены по достоинству; что же касается самого мнѣнія, то мы не имѣемъ никакой претензіи убѣждать кого-либо въ его несостоятельности, такъ какъ окружающая жизнь на каждомъ шагѣ учитъ насъ, что люди въ большинствѣ случаевъ дорожатъ тѣмъ или инымъ мнѣніемъ не въ силу его основательности, а въ силу того, что они въ виду какихъ-либо привходящихъ обстоятельствъ, во чтобы то ни стало, иногда вопреки всякому здравому смыслу, хотятъ держаться извѣстнаго мнѣнія.

Акакій опирается отчасти на историческую справку о прошломъ армянъ, принадлежащую перу „молодого грузинскаго ученаго“, но мы не думаемъ, чтобы и самъ уважаемый поэтъ смотрѣлъ на эту справку иначе, какъ на продуктъ незрѣлаго еще ума, и придавалъ ей особое значеніе. Справка компилятивнаго характера, избобличающая кое-какое знакомство автора съ трудами нѣкоторыхъ оріенталистовъ и совершенную неосвѣдомленность въ арменистикѣ, написана не безъ задора, свойственнаго „смѣлымъ ученымъ“, необремененнымъ знаніями.

Самостоятельно въ справкѣ „молодого ученаго“ развѣ мнѣніе, что у „нынѣшнихъ армянъ нѣтъ никакого національнаго названія, у нихъ не было никакой национальной исторіи до отдѣленія армянской церкви отъ православной“, а сооб-

щенія армянскихъ историковъ о древнѣйшей эпохѣ Арменіи лишь сказки (стр. 49).

Впрочемъ и въ этомъ утвержденіи нѣтъ ничего новаго: этотъ, какъ бы сказать мягче, наивный взглядъ въ той или иной степени проскальзываетъ у большинства случайныхъ авторовъ, бравшихся писать объ Арменіи. Если бы рѣчь шла о томъ только, что въ древне-армянскихъ историкахъ начальная эпоха исторіи армянъ представлена легендарно (а начало какихъ древнихъ народовъ, скажите пожалуйста, не окутано легендарными данными?), если бы хотѣли намъ внушить, что данными армянскихъ историковъ, какъ и данными всякихъ историковъ, нельзя пользоваться безъ критической провѣрки, то, конечно, мы не имѣли бы ничего сказать. Мы развѣ замѣтили бы, что „молодой грузинскій ученый” и его почтенный единомышленникъ запоздали. Отрицательная критика армянскихъ источниковъ въ общемъ сдѣлала гигантскіе шаги, благодаря трудамъ ученыхъ, частью европейцевъ (извѣстнаго историка Gutschmid'a, проф. Baumgartner'a, проф. Sarrigère'a и др.), значительно же частью самихъ армянъ (проф. Патканова, ученаго отца Дашяна, историка Карагашяна, ученаго монаха о. Галуста, проф. Халатьянца и др.), и это увлеченіе отрицательнымъ отношеніемъ, шедшее crescendo, въ настоящее время нуждается скорѣе въ умѣряющемъ духѣ, чѣмъ въ поощреніи. Однако всѣ эти ученые, не говоря о специалистахъ иного направленія, подвергая строгой критикѣ данныя армянскихъ источниковъ, не являются отрицателями армянской національной исторіи, а, напротивъ, содѣйствуютъ ея утвержденію на болѣе прочныхъ научныхъ данныхъ. Конечно, жаль, если подобная элементарная истина еще не

усвоена въ грузинской интеллигентной средѣ, но признаемся, что въ этомъ явленіи есть элементъ забавный, такъ какъ отрицаніе армянской національной исторіи и, слѣдовательно, армянской культуры является, если не болѣе, такъ на половину отрицаніемъ грузинской культуры.

Въ самую древнюю пору и вплоть до X вѣка по Р. Хр. грузинская литература находилась подъ значительнымъ вліяніемъ армянской; достаточно сказать, что первые переводы библейскихъ книгъ на грузинскій языкъ были сдѣланы съ армянскаго языка, и это доказывается не армянами, а учеными, совершенно равнодушными къ армяно-грузинскимъ пререканіямъ. Грузинское церковное письмо, если и не было дано армяниномъ Месропомъ (современное арменовѣдѣніе на этомъ и не желаетъ настаивать, какъ думаетъ Акакій, стр. 36), то оно, несомнѣнно, было составлено по образцу армянскаго алфавита, и по существу сообщеніе армянскихъ историковъ нисколько не противорѣчитъ дѣйствительности. Если такіе основные факторы христіанской культуры въ Грузіи, какъ церковное письмо и св. Писаніе были получены грузинами отъ армянъ, то можно себѣ представить, каково было вліяніе армянской образованности на древнихъ грузинъ и какъ разъ въ ту пору, когда армянская церковь жила одною жизнью съ вселенской. Не забавно ли послѣ этого, когда грузинъ съ самодовольствомъ сообщаетъ, что до отпаденія отъ православія у армянъ не было національной культурной жизни? Вѣдь если не были у армянъ національной культуры до указанного момента, то у грузинъ, перенимавшихъ въ эту эпоху образованіе у армянъ, подавно совсѣмъ ничего не было. Но

мы этого, конечно, не думаемъ. Акакій одно изъ своихъ доказательствъ сознательно питаемой вражды армянъ къ грузинамъ видить (стр. 38) въ „рѣшеніи Двинскаго собора 596 года“, воспреещающемъ армянамъ общаться съ грузинами въ чемъ-либо, кромѣ дѣлъ купли и продажи.

Можно указать на случаи такой же, а пожалуй еще болѣе фанатической нетерпимости грузинъ къ армянамъ, какъ ино-вѣрцамъ, и даже кощунственнаго отношенія грузинскихъ іерарховъ къ христіанской святынѣ, Достаточно, думается, напомнить ту отвратительную сцену, которая описывается въ *Грузинскихъ лѣтописяхъ* по поводу спора о томъ, какая вѣра лучше – армянская или грузинская. Мы стѣсняемся передать здѣсь это сообщеніе грузинскаго лѣтописца (см. груз. текстъ изд. Академіи Наукъ, ч. I, стр. 314-315=франц. переводъ Brosset, I, стр. 452-454). Но насъ занимаетъ, какъ такой ultrasвѣтскій писатель, какъ Акакій, въ доказательство того, что будто вражда къ грузинамъ есть священный законъ армянской націи, ссылается на церковное запрещеніе, вызванное разгуломъ фанатическихъ страстей духовнаго сословія, и то его части; къ тому же, приведенная Акакіемъ редакція запрещенія принадлежитъ вовсе не Двинскому собору, какъ думаетъ поэтъ, а окружному посланію католикоса Авраама (см. Моисей Утійскій, Моск. изд., 1871, стр. 130 и 136)*.

* Говоря объ армянской и грузинской культурахъ, само собой понятно, мы не говоримъ еще ничего объ ихъ абсолютномъ значеніи. Для науки цѣна культурныхъ явленій не въ вѣсѣ и размѣрахъ ихъ, а въ интересѣ, сопряженномъ съ выясненіемъ ихъ жизненнаго процесса.

** Акакій особое вниманіе обращаетъ на то, что, при запрещеніи армянамъ общаться въ чемъ бы то ни было съ грузинами, разрѣшалось

Никто, конечно, не отрицаетъ, что армянская церковь, вѣря въ непогрѣшимость своего ученія, ревниво оберегала своихъ сыновъ отъ ученій, казавшихся ей заблужденіемъ, и, отстаивая свое автокефальное существованіе, соборными постановленіями боролась съ отрицателями ея авторитета, но это явленіе — общее во взаимныхъ отношеніяхъ церквей даже тогда, когда церквамъ не угрожаетъ никакая опасность. Едва ли также нуждается въ доказательствѣ, что пресловутый запретъ „Двинскаго собора” былъ плодомъ минутной раздраженности и никогда не получалъ жизненнаго значенія. Такой правильный взглядъ на дѣло, при томъ мотивированный, существуетъ въ самой грузинской литературѣ (Ф. Жорданія, *Хроники* и пр. (на груз. яз.), Тифлисъ 1893, стр. 313). Быть можетъ, Акакій не успѣлъ еще прочесть труда г. Жорданія, но онъ, надо полагать, читалъ брошюру Д. З. Бакрадзе „*Профессоръ Паткановъ и источники грузинской исторіи*” (на груз. языкѣ) Тифлисъ, 1884), откуда (стр. 6) и взята, по всей видимости, инкри-

вести съ ними, какъ съ евреями, дѣла купли и продажи; но если этотъ пунктъ особенно возмущаетъ Акакія, но мѣшаетъ ему знать, что судя по сообщенію кат. Іоанна (Моск. Изд. 1853, стр. 42), отцы армянской церкви на Двинскомъ соборѣ и запретили армянамъ входить съ грузинами въ торговые сдѣлки, но о чемъ все это свидѣтельствуетъ кромѣ крайняго обостренія отношеній между распавшимися на два лагеря духовными вождями до тѣхъ поръ единой армянско-грузинской церкви, каковому обостренію обѣ стороны *одинаково* содѣйствовали, ревнуя о чистотѣ вѣры? Ровно ни о чемъ! Жизнь въ то время въ Арменіи вовсе не была такъ односторонне-церковная, чтобы ея отношенія къ сосѣдямъ опредѣлялись такими исключительными статьями церковнаго значенія. Впослѣдствіи же эти статьи забывались такъ основательно, что ихъ приходится откапывать въ лѣтописяхъ, какъ археологическую древность.

минируемая имъ статья „Двинскаго собора“, и, слѣдовательно, Акакій знаетъ, что покойный грузинскій историкъ также не придаетъ этому документу общеармянскаго характера, ибо противъ такого его значенія возстаютъ неоспоримые факты (ор. с., стр. 6-7).

Въ дальнѣйшемъ мы рассмотримъ по пунктамъ всѣ части разбираемой статьи, вызывающія оговорки съ нашей стороны, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будемъ приводить предварительно слова Акакія.

1) „Если справиться въ исторіи армянъ, самобытность грузинъ ни въ какую пору не заслуживаетъ упоминанія“ (стр. 36).

Тринадцать лѣтъ мы читаемъ по армянски, вотъ уже десять лѣтъ, какъ изучаемъ армянскихъ авторовъ въ качествѣ спеціалиста, но ни у одного армянскаго историка, ни у одного армянскаго писателя мы не встрѣчали ни одного мѣста, гдѣ самобытность грузинъ подвергалась бы такому крайнему сомнѣнію или осмѣянію. Напротивъ того, не будь армянскихъ авторовъ, значительная часть грузинскаго прошлаго навѣки осталась бы покрытою непроницаемымъ мракомъ. О достоинствахъ грузинскихъ царей, о подвигахъ грузинскихъ князей говорится не только въ армянскихъ историкахъ, но въ записяхъ и припискахъ армянскихъ рукописей*. Это фактъ, въ

* Читателямъ, быть можетъ, неизвѣстно, что возникновеніемъ въ Европѣ чисто научнаго интереса къ грузинскимъ историческимъ памятникамъ и появленіемъ непревзойденнаго до сихъ поръ труженика грузиновѣда М. Brosset грузины отчасти обязаны свѣдѣніямъ армянскихъ источниковъ по грузинской исторіи. Мы приведемъ по этому вопросу одно мѣсто изъ цитованной уже нами брошюры на грузинскомъ языкѣ грузина Д. З. Бакрадзе (стр. 1-2), мнѣніе котораго въ данномъ вопросѣ особенно будетъ назидательно для грузинъ: „Ког-

наукѣ давно признанный, и если онъ въ современномъ грузинскомъ обществѣ не оцѣненъ по достоинству, то вина этому не скудость или непригодность армянскихъ матеріаловъ для грузинской исторіи, а незнакомство грузинъ съ древне-армянской литературой и основанное отчасти на этомъ незнаніи враждебное настроеніе ко всему армянскому. Если кое-что и знаютъ объ армянскихъ источникахъ грузинской исторіи современные грузины, это исключительно два-три спеціалиста, и тѣ изъ вторыхъ рукъ изъ работъ покойнаго академика Brosset.

Конечно, въ армянскихъ источникахъ нельзя ожидать грузинской точки зрѣнія; въ нихъ не все рассказывается такъ, какъ въ грузинскихъ лѣтописяхъ; армянскіе историки съ одинаковымъ безпристрастіемъ повѣствуютъ о славныхъ и неславныхъ дѣлахъ грузинъ, но въ этомъ именно и есть достоинство армянскихъ источниковъ, а если подчасъ армянская точка зрѣнія, вполне умѣстная въ памятникахъ армянской литературы, и сгущаетъ краски кое-гдѣ, быть можетъ, даже

да въ 1822 году въ Парижѣ было основано Азіатское Общество одинъ изъ его членовъ, прославленный С.-Мартень, убѣдилъ названное общество, что Грузія не такъ бѣдна историческими памятниками, какъ это думаютъ, и что обнародованіе ихъ прольетъ свѣтъ на минувшую жизнь Востока. Эту мысль С.-Мартень основывалъ на обрывочныхъ данныхъ европейской науки и особенно на свѣдѣніяхъ армянскихъ памятниковъ, которые имъ въ совершенствѣ были изучены. По предложенію С.-Мартена, человекъ пять, членовъ Азіатскаго Общества, горячо принялись за изслѣдованіе исторіи Грузіи, но, къ несчастью, большинство изъ нихъ вскорѣ скончалось; остался въ живыхъ лишь Мари Броссе, который свою дѣятельность на поприщѣ нашей (грузинской) исторіографіи въ 1837 г. изъ Парижа перенесъ въ Петербургъ“.

освѣщаетъ факты невѣрно, то для этого и существуютъ извѣстныя филологическія дисциплины – историческая критика, критика текстовъ и т. п., которыя даютъ источникамъ должную оцѣнку, а армянскіе литературные памятники критики не боятся, лишь бы она была дѣйствительно научная.

2) Если вѣрить армянской исторіи, „оказывается, и языкъ они (армяне) даровали намъ” (стр. 36). У армянскихъ историковъ мы ничего подобнаго не находимъ. Быть можетъ, подъ дарованіемъ армянами языка грузинамъ надо понимать то, что, по одному „лѣтописному” сообщенію, грузины первоначально говорили на армянскомъ языкѣ. Но это сообщеніе имѣется исключительно въ *Грузинскихъ лѣтописяхъ* (груз. текстъ изд. Акад. Наукъ, т. I, стр. 25 и 26 = франц. переводъ Brosset, т. I, стр. 31 и 32), и если встрѣчается въ армянской литературѣ подобное свѣдѣніе, то только въ памятникѣ, переведенномъ съ грузинскаго (Исторія Грузіи (арм. текстъ), Венеція, 1884, стр. 17 и 18 = франц. перев. Brosset, *Additions et Eclaircissements*, 1851, стр. 6).

3) „ Не вчера ли это было,- говоритъ далѣе Акакій,- какъ ихъ (армянъ) ученый Паткановъ доказывалъ, что у грузинъ не было исторіи, что они ее сочинили лишь въ XVIII вѣкѣ, во время Вахтанга, и ту на основаніи армянской сказки” (стр. 36).

Если бы Акакій хотѣлъ сказать, что покойный профессоръ петербургскаго университета, русскій ученый, армянинъ по происхожденію, первый подвергъ строго научной критикѣ *Грузинскія лѣтописи*, указавъ въ этомъ памятникѣ на крупныя анахронизмы, выяснилъ несостоятельность ряда фактовъ, основанныхъ частью, несомнѣнно, на эпонимномъ приѣмѣ, извѣстномъ ему изъ армянскихъ историковъ, частью, предполо-

жительно, на „грузинизаціи“ подвиговъ иноземныхъ героев и доказаль съ очевидностью, что *Грузинскія лѣтописи* въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ его время единственно извѣстны въ европейской наукѣ, во всякомъ случаѣ есть произведеніе XVIII вѣка, и что болѣе древняя редакція, доступная пока исключительно въ армянскомъ переводѣ, едва ли древнѣе XI-го вѣка; если бы, повторяемъ, Акакій имѣлъ въ виду указать на эти заслуги покойнаго армениста, то, конечно, и говорить бы намъ было не о чемъ. Оговорившись, что мысль о баснословномъ характерѣ источниковъ начальной эпохи грузинской исторіи было вскользь высказана еще до Патканова грузиномъ Бакрадзе, мы бы только добавили, что, какъ ученикъ покойнаго профессора, съ гордостью признаемъ за нимъ эту заслугу предъ лицомъ науки, и кромѣ того, лично интересуясь научнымъ грузиновѣдѣніемъ, мы питаемъ къ его памяти особую признательность за эту же статью, такъ какъ оживленіе

* Вотъ подлинныя слова покойнаго грузинскаго историка: „источники о первыхъ ея (Грузіи) временахъ очень скудны, да и тѣ носятъ характеръ баснословный“ (Бакрадзе, Объ источникахъ Грузинской исторіи, Кавказскій календарь на 1858 годъ, Тифлисъ, 1857, стр. 405). И въ позднѣйшихъ работахъ Бакрадзе вовсе не отрицаетъ этого факта, а оправдываетъ его неблагоприятными обстоятельствами. Кстати, можно замѣтить, что въ своихъ научныхъ трудахъ этотъ ученый, по призванію, держался замѣчательно корректнаго тона по отношенію къ армянскому вліянію на грузинъ; даже въ его интересныхъ многими указаніями возраженіяхъ на статью К. П. Патканова, по существу однако не представляющихъ отвѣта на ея цѣнныя части, доминируетъ дѣловитое отношеніе къ вопросу, хотя въ этихъ возраженіяхъ апологетическаго характера въ спокойный тонъ ученаго мѣстами прорывается нотка взволнованнаго національно-патріотическаго чувства.

** Существуетъ еще національно-патріотическое грузиновѣдѣніе съ особыми „научными“ приѣмами.

мысли, вызванное ею въ грузинск. научной литературѣ, дало толчокъ серьезной разработкѣ вопроса объ источникахъ грузинской исторіи и содѣйствовало между прочимъ появленію на свѣтъ Божій древнѣйшей редакціи грузинскихъ лѣтописей, которая въ существенной части превосходно подтверждаетъ основныя мысли К. П. Патканова*.

Но Акакій своимъ читателямъ внушаетъ нѣчто совершенно иное; судя по его словамъ, Паткановъ, „армянскій ученый“, какъ армянинъ, намѣренно отрицалъ и поносилъ грузинское прошлое. Однако это не такъ. Мы будемъ справедливы и признаемъ, что этотъ непозволительный извѣтъ на память ученаго, пользовавшагося заслуженной извѣстностью, Акакію не принадлежитъ; онъ давно циркулируетъ въ части грузинской интеллигентной среды и искусно муссируется въ quasi-научныхъ трудахъ нѣкоторыхъ грузинъ, но мы въ правѣ были ожидать, что даровитый грузинскій поэтъ, съ такой настойчивостью и независимостью идущій своей самостоятельной дорогой, погнушается повторить безъ провѣрки сплетни; еще менѣе мы могли ожидать, что такой неліцепріятный пророкъ своего народа, какъ Акакій, подобные слухи, порожденные незнаніемъ дѣла, положить въ основаніе сужденія о цѣлой народности, хотя бы и маленькой.

* Изъ сказаннаго о значеніи работы К. П. Патканова вовсе нѣтъ надобности заключать, что она безукоризненна до мелочей: не будучи специалистомъ по грузиновѣдѣнію, Паткановъ естественно не могъ избѣжать нѣкоторыхъ промаховъ въ подробностяхъ. Въ настоящее время, кромѣ того, нѣкоторые его приемы показались бы устарѣвшими, но это уже не имѣетъ никакого отношенія къ навязываемому ему грузинофобству.

Благотворность научной критики, которой подвергъ Паткановъ *Грузинскія лѣтописи*, рано или поздно будетъ, конечно, шире признана и въ грузинской средѣ. Однако могутъ подумать, что въ этой благотворной для грузиновъ дѣлѣ научной критикѣ отрицательное отношеніе Патканова къ *Грузинскимъ лѣтописямъ* опредѣлялось ненавистью его, какъ армянина, ко всему грузинскому, желаніемъ унижить грузинъ въ глазахъ образованнаго общества, что тотъ же Паткановъ въ критикѣ армянскихъ памятниковъ избѣгалъ отрицательнаго отношенія. Но въ томъ-то и дѣло, что хотя и армянинъ, ученый Паткановъ былъ одинаково беспощаденъ въ критикѣ историческихъ памятниковъ, принадлежали ли они грузинамъ или армянамъ. Достаточно сказать, что въ оцѣнкѣ Хоренскаго, этой гордости армянской литературы, „армянскій ученый” Паткановъ болѣе неумолимъ въ своихъ отрицательныхъ выводахъ, чѣмъ въ оцѣнкѣ *Грузинскихъ лѣтописей*.

4) „Развѣ не по ихъ (армянъ) наущенію высказалъ публично Гренъ, что царица Тамара была возведена на престолъ по интригѣ армянъ и осетинъ, грузины же въ то время, въ XII вѣкѣ, представляли небольшую, неразумную толпу, лишенную значенія?” (стр. 36).

Намъ не разъ случалось встрѣчать грузинской литературѣ сопоставленіе г. Грена съ К. П. Паткановымъ. О значеніи Грена въ нашей наукѣ мы можемъ умолчать. Въ настоящій моментъ вопросъ въ томъ, какимъ путемъ дознался Акакій,

что, высказывая публично цитованное выше мнѣніе о воцареніи Тамары, г. Гренъ дѣйствовалъ по наущенію армянъ. Что армяне могли находить леснаго для себя въ томъ, что ихъ предки при грузинскомъ дворѣ были интриганами!? Если даже это лестно для кого-либо, то въ самомъ мнѣніи г. Грена все же нѣтъ ничего, что указывало бы на исключительную роль армянъ: судя по словамъ Акакія, г. Гренъ воцареніе Тамары объяснялъ интригою армянъ и осетинъ, и если на этомъ основаніи обвинять армянъ въ наущеніи, то обвиненіе это должно коснуться и осетинъ, и въ такомъ случаѣ г. Гренъ публично высказалъ интересующее Акакія мнѣніе по наущенію осетинъ и армянъ!! Мы не знаемъ, какія „осетинскія внушенія” могли тутъ дѣйствовать, но о „наущеніи армянъ” по отношенію г. Грена можно говорить лишь при совершенномъ незнакомствѣ съ армянской литературой, въ которой если и встрѣчаемся съ какимъ-либо отзывомъ о научныхъ работахъ г. Грена („Ардзаганкъ” 1893, N 148), то онъ далеко не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы армяне интересовались мнѣніемъ г. Грена объ историческомъ значеніи армянъ, гдѣ бы тамъ ни было, хотя бы даже въ Грузіи.

Да, наконецъ, неужели не понимаетъ Акакій, что, требуя отъ cadaго исключительно имъ исповѣдуемыхъ взглядовъ на прошлое армянъ и грозя за всякое иное отношеніе къ дѣлу инсинуаціями, онъ тѣмъ самымъ возбуждаетъ въ обществѣ, и безъ того мало просвѣщенномъ, гоненіе на свободу мысли.

Или, быть можетъ, Акакій вокругъ себя ощущаетъ опасный избытокъ свободы и взаимной терпимости?

5) „Развѣ не армянскіе газеты и журналы доказываютъ, будто грузинскій языкъ такъ бѣденъ, что нельзя на немъ высказывать сложныхъ мыслей и будто даже слова грузины заимствовали изъ армянскаго языка, тогда какъ совершенно иное говорятъ европейскіе ученые (?) и въ числѣ нихъ ихъ же (армянъ) авторитетъ г. Гатеріасъ, по мнѣнію котораго и изучить нельзя армянскій языкъ, если не при посредствѣ грузинскаго” (стр. 36).

„Армянскіе газеты и журналы” сказано, должно быть, для большаго эффекта; въ армянскихъ газетахъ и журналахъ, какъ въ періодической печати всего свѣта, пишутся и дѣльныя статьи и опрометчивыя вещи, при чемъ первыя обыкновенно принадлежать серьезнымъ писателямъ и публицистамъ, вторыя - легкомысленнымъ авторамъ; но нападки на грузинскій языкъ въ той формѣ, будто на грузинскомъ и выражаться нельзя по-человѣчески, намъ никогда не попадались въ армянскихъ журналахъ и газетахъ; напротивъ, судя по тому, что намъ приходилось читать въ армянской литературѣ касательно грузинскаго языка и грузинъ, мы положительно можемъ утверждать, что ни одинъ серьезный армянскій писатель не позволитъ себѣ написать о грузинахъ столько дикихъ вещей, сколько высказано объ армянахъ въ статьѣ Акакія, грузинскаго писателя, безспорно, первой величины.

Касательно заимствованія словъ грузинами изъ армянскаго языка армянскимъ газетамъ и журналамъ нечего было доказы-

вать, такъ какъ это фактъ, честь открытія котораго никакъ нельзя присвоить армянамъ: существованіе армянскихъ словъ въ грузинскомъ языкѣ признано и указано такими грузинами, какъ писатель XVIII вѣка Саба-Сулханъ Орбелиани и лексикографъ XIX вѣка Д. І. Чубиновъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе армянскаго языка на грузинскій гораздо сильнѣе, чѣмъ это пока выяснено, и грузины должны были быть очень благодарны армянскимъ журналамъ и газетамъ, если бы они дѣйствительно выясняли указанное явленіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, какъ внушаетъ Акакій, но этого, къ сожалѣнію, не было. Позорнаго нѣтъ ничего въ томъ, что въ грузинскій языкъ вошло много иностранныхъ словъ, въ томъ числѣ и армянскихъ. Усваиваніе чужого и перерабатываніе въ свое указываетъ лишь на жизнеспособность языка. Грузинскій языкъ также оказалъ извѣстное вліяніе на армянскій, и армяне, насколько мы ихъ знаемъ, будутъ очень признательны, если какой-либо грузинъ выяснитъ размѣры этого вліянія. Сами армяне нисколько не стараются скрыть этотъ фактъ: венеціанскіе мхитаристы охотно отмѣчаютъ въ своемъ капитальномъ словарѣ слова грузинскаго происхожденія, если, конечно, это имъ извѣстно.

Наконецъ, никакіе европейскіе ученые, ни даже покойный французскій ориенталистъ Gattegias, произведенный отчего-то въ статьѣ Акакія въ армянскаго авторитета, не говорили такой отчаянной мысли, что безъ грузинскаго будто и изучить нельзя армянскій. Большинство арменистовъ никогда не знало, да и въ настоящее время не знаетъ грузинскаго языка. Съ

другой стороны, знаніе грузинскаго языка не очень содѣйствовало успѣхамъ Gatteyrias'a въ армянскомъ, который онъ зналъ, судя по его переводамъ, довольно посредственно. Дѣло, конечно, не въ усвоеніи армянскаго языка, а въ его лингвистическомъ изученіи, для чего Gatteyrias и обращалъ вниманіе на грузинскій языкъ^{*}, но какое отношеніе онъ усматривалъ между армянскимъ и грузинскимъ, это тайна, которую онъ унесъ съ собой въ могилу. Спѣшимъ прибавить, что мы лично въ своихъ лингвистическихъ работахъ дошли до той же мысли о первостепенномъ значеніи грузинскаго для всесторонняго выясненія исторіи армянскаго языка. Но это чисто научный вопросъ, который армяне выучились уже отличать отъ вопросовъ національныхъ, и для нихъ по существу безразлично, какое рѣшеніе получить этотъ вопросъ, лишь бы оно было согласно съ наукою и истиною.

6) „Въ доказательство [своихъ несправедливыхъ притязаній] они (армяне) указываютъ на грузинскіе же храмы и монастыри, на которыхъ выскоблили грузинскія надписи и вмѣсто „Давидовъ” и „Багратовъ” вписали „Аршаковъ и Маршаковъ” (стр. 37).

Если бы Акакій лишній разъ хотѣлъ указать на маловѣроятное сообщеніе о варварскомъ обращеніи какого-то армянина

^{*} L'Arménie et les Arméniens par I. A. Gatteyrias, Paris 1883, стр. 141. Кстати, этотъ трудъ Gatteyrias'a по существу ничего новаго не представлялъ и въ свое время; но кто совершенно никакого понятія не имѣетъ о прошломъ Арменіи, тому можно, пожалуй, рекомендовать его и въ настоящее время, предупредивъ, что авторъ — лишь усердный ученикъ армениста Дюлорье и на 109 страницахъ малаго 8^о знакомить съ шаблонно-традиціонной исторіею армянъ ab ovo до паденія армянскаго царства въ Киликіи.

съ грузинской надписью, прошедшее черезъ многія газеты, то противъ этого намъ нечего было бы возражать. Каждый искренне пожалѣетъ, конечно, что кто-то по невѣжеству погубилъ грузинскую надпись, если, повторяемъ, это не выдумка; а армянамъ вдвойнѣ будетъ досадно, если такимъ негодяемъ, дѣйствительно, оказался ихъ сородичъ. Однако весь ядъ цитованныхъ строкъ въ томъ и состоитъ, что Акакій обобщаетъ единичный, подлежащій провѣркѣ, фактъ, и всѣхъ армянъ выставляетъ варварами, сознательно выскабливающими грузинскія надписи и чинящими подлогъ. Но это — свѣдѣніе, стоящее въ явномъ противорѣчii съ дѣйствительностью. Въдь когда обвиняютъ вообще армянъ въ подобной гнусности, имѣютъ въ виду, конечно, не армянское простонародіе, которое къ тому же было бы въ высшей степени несправедливо привлекать къ дѣлу: армянское простонародіе, разъ замѣтитъ буквы на камнѣ, относится къ нимъ съ благоговѣніемъ, какъ къ святынь, къ какому бы языку онѣ ни относились. Мы лично не разъ были свидѣтелями подобнаго отношенія. Въ армянской же интеллигенціи, составляющей соль общества и руководящей имъ, уваженіе къ древностямъ, какъ къ чужимъ, такъ и своимъ, составляетъ одну изъ симпатичнѣйшихъ чертъ ея членовъ, даже въ той либеральной части, которая, ратуя постоянно за разрывъ съ прошлымъ, казалось бы менѣе всего должна была интересоваться археологическими вопросами. Да и какъ же можно ожидать иного отношенія, когда филологія уже давно насчитываетъ въ армянскомъ образованномъ обществѣ сотни своихъ представителей, въ большинствѣ усердно прослушавшихъ, какъ русскихъ, такъ особенно нѣмецкихъ историковъ, археологовъ, этнографовъ,

лингвистовъ и т. п. Но независимо отъ нѣмецкой филологической науки, армяне давно проявили уваженіе къ надписямъ, и не только своимъ, но и къ чужимъ. Грузинскія надписи армянскими учеными монахами заботливо собирались и даже печатались, и при томъ раньше, чѣмъ самими грузинами было обращено серьезное вниманіе на грузинскія надписи. Объ этомъ любовномъ отношеніи армянъ къ грузинскимъ надписямъ грузины могли бы знать хотя бы по изданіямъ Имп. Академіи Наукъ, напр. „*Inscriptions géorgiens etc. recueillies par le Père Nersès Sargisian et expliquées par M. Brosset, St. Pétersbourg, 1864.* Такое же отношеніе приходилось наблюдать намъ лично. Во время нашихъ археологическихъ поѣздокъ въ Русскую Арменію, мы видѣли грузинскія надписи въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно армянами, одну между прочимъ въ селеніи Кошъ, т. е. почти подъ бокомъ Эчмиадзина, и если замѣчалось что-либо въ армянахъ мѣстныхъ и сопровождавшихъ насъ, такъ это было не озлобленіе противъ слѣдовъ временнаго грузинскаго господства въ Арменіи, а вполнѣ разумное любопытство. Въ александропольскомъ уѣздѣ въ открытомъ полѣ былъ найденъ кусокъ каменнаго креста съ любопытною грузинскою надписью, любопытною по самому своему мѣстонахожденію, и этотъ камень съ грузинскою надписью былъ подобранъ и заботливо спасенъ для науки армяниномъ. Мы это видѣли своими глазами. Но довольно! Здѣсь вѣдь не пишется исторія заслугъ армянъ передъ грузинской эпиграфикой. Укажемъ развѣ еще на то, что и въ ученой армянской средѣ, лучшей показатель-

* Путешествовалъ въ Арменіи въ 1843-53 годахъ.

ницѣ степени развитія національнаго самосознанія, какъ и въ армянской интеллигенціи, господствуетъ не только терпимость, но и охотное вниманіе къ грузинскому вліянію въ древнеармянской жизни. Между прочимъ, не грузинъ, а армянскій ученный о. І. Дашянъ выяснилъ посильно, какую важную роль сыгралъ въ армянской литературѣ грузинскій текстъ одного философскаго трактата греческаго писателя Прокла, имѣвшаго въ средніе вѣка огромное значеніе.

Сказаннаго достаточно.

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ 1898 г., N 1842

14-го янв. 98 г. С. П.-бургъ

Н. Марръ

Вмѣсто отвѣта публицисту – поэту.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
Что намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ,
Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.
(А. Плещеевъ, “Послѣ чтенія газетъ”).

Мы просимъ извиненія у читателей и вторичное возбужденіе вопросу, казалось бы, исчерпаннаго въ предыдущей статьѣ (“Нов. Обозр.”, NN 4841-4842), и на этотъ разъ по случаю новыхъ ошибочныхъ утвержденій Акакія журналъ “Акакись Кребули”, 1898, (VII, стр. 55-69), частью невольныхъ, но частью, несомнѣнно, сознательныхъ. Говорить мы будемъ, какъ и въ прошлый разъ, по существу, не касаясь вовсе ни современныхъ армяно-грузинскихъ отношеній, ни непривычнаго

нашему слуху тона, допущеннаго княземъ въ изложеніи своихъ возраженій.

Мы вполне понимаемъ, что людямъ, стоящимъ внѣ научныхъ интересовъ, трудно удержаться въ предѣлахъ дозволеннаго научной дѣловитостью и не забытья. Забывчивость эта особенно естественна въ такой средѣ, гдѣ лучшіе люди многотрудное исканіе научной правды о прошломъ, сопряженное со всякаго рода лишеніями, объясняютъ эгоистическими побужденіями тружениковъ.

Не признавая ни ученой заботы, ни научнаго труда, пѣвецъ Колхиды самъ не отказывается отъ обсужденія вопросовъ, требующихъ, каждый въ отдѣльности, многолѣтней подготовительной работы и цѣлаго арсенала разнообразныхъ свѣдѣній и знаній для своего рѣшенія. Мы, конечно, не имѣемъ намеренія рѣшать на страницахъ газеты хоть одинъ изъ многочисленныхъ затрогиваемыхъ Акакіемъ специальныхъ историко-литературныхъ вопросовъ. Во-первыхъ, мы себя не считаемъ во всѣхъ вопросахъ достаточно освѣдомленными, а, во-вторыхъ, для специальныхъ замѣтокъ нужна читающая публика со специальной подготовкой. Акакій упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не обратили вниманія на его мнѣніе о Давидѣ Курополатѣ (стр. 56), какъ-будто недостаточно того, что вообще-то мы пожелали обратить вниманіе на его статью и

* Напечатанная А к а к і е м ъ въ газ. "Кавказъ" (NN 60 и 61) передѣлка грузинской статьи отличается усиленіемъ этого тона, переходящимъ всякія границы. Мы были бы въ правѣ ожидать, если не вполне корректнаго, то по крайней мѣрѣ, приличнаго тона въ сужденіяхъ какъ самомъ дѣлѣ, так и о лицахъ. Въ нашихъ ссылкахъ мы имѣемъ въ виду грузинскій оригиналъ статьи князя А. Церетели.

какъ-будто мы обязаны давать догматически определенное мнѣніе по каждому историческому и литературному вопросу, даже такому, который не подвергался всестороннему научному обслѣдованію вполнѣ компетентнаго лица. Если бы все было такъ просто и ясно въ прошломъ Арменіи и Грузіи, какъ представляетъ себѣ князь, если бы не только сложный вопросъ о значеніи такого, сравнительно крупнаго, историческаго лица, какъ Давидъ Курополать, но и совершенно простой вопросъ о переводѣ съ армянскаго на грузинскій, напр., *“Житія Георгія Зоравара”*, можно бы было научно рѣшать безъ широкаго ориенталистическаго образованія, безъ разностопонной освѣдомленности въ пазноязычныхъ первоисточникахъ и безъ предварительной черной работы, — то нужно ли говорить, что грузинскіе націонало-патріотетвующіе ученые давно были признаны двигателями науки въ нашей области, и во главѣ ихъ съ честью могъ бы стать Акакій!

А пока-что, охотно жертвуемъ “нѣсколькими часами, чтобы вторично воочію показать, что Акакій взялся судить о такомъ дѣлѣ, о какомъ онъ не имѣетъ ровно никакого понятія. Если бы Акакій на самомъ дѣлѣ обсуждалъ вопросы “сегодняшняго дня, а не минувшихъ вѣковъ”, какъ утверждаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи (стр. 60), то еще разъ повторяемъ, насъ и не было бы слышно”. Но онъ вторгается въ нашу

* “Зоравар” по-армянски значитъ “воевода”, какъ титулуется въ армянскихъ святцахъ Георгій Побѣдоносецъ: это армянское слово взято грузинскимъ переводчикамъ, конечно из армянскаго оригинала.

“ Въ русской передѣлкѣ своего *ответа* А к а к і й вводитъ русскихъ читателей въ заблужденіе, когда онъ пишетъ (“Кавказ”, №60), что будто мы “выступили противъ него, Акакія, за его статью “О

научную область, желая свои современные, національно-патриотическіе и житейскіе взгляды, быть может, и нелишенные правдивости - это стоит внѣ нашихъ научныхъ интересовъ – положить въ основу при рѣшеніи вопросовъ о прошломъ, и этого приѣма никакъ нельзя оправдать.

Акакій, напр., увѣряетъ, что въ прошломъ грузины ничего дурного не дѣлали армянамъ (61 стр.). Что грузины въ прошломъ очень часто находились въ хорошихъ отношеніяхъ съ армянами, это не только не *ново*, но доказывается прежде всего тѣмъ культурнымъ общеніемъ, на которомъ мы настаивали и которое съ такой фанатичностью отрицаетъ Акакій. Что же касается до догматически высказываемой мысли, будто грузины такъ-таки ничего дурного не дѣлали армянамъ, то по этому вопросу Акакій совершенно не годится въ судьи, такъ какъ, во-первыхъ, понятіе князя о “дурномъ”. Когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ грузинъ къ армянамъ, намъ не кажется правильнымъ, и, во-вторыхъ, что для насъ особенно важно, у князя нѣтъ для этого дѣла надлежащей научной подготовки. Еще болѣе одностороненъ Акакій, когда далѣе онъ утверждаетъ, что въ прошломъ грузины неоднократно воевали въ защиту армянской вѣры и національности, а свои храмы и святыни уступали армянамъ (стр. 61-62). Если Акакій этимъ хочетъ сказать, что армяне въ

современныхъ отношеніяхъ армянъ къ грузинамъ”, помѣщенную въ январской книжкѣ “Кребули” Подобной статьи Акакія мы не знаемъ. Статья Акакія, помѣщенная въ январской книжкѣ “Кребули” и разобранная нами, озаглавлена на грузинскомъ языкѣ (стр. 32) такъ: *istoriuli ganxilva saxelwodebis: armenis, haiastanis da somxeTis*, т. е. Историческое изслѣдованіе названій: Арменія, Аѣстанъ и Сомхети.

древности не проливали крови за грузинъ и не уступали имъ храмовъ, то онъ глубоко ошибается. Мы знаемъ храмы, такъ, напр., изящную церковь св. Григорія въ Ани, которая выстроена была армяниномъ, какъ свидѣтельствуется древняя, современная построенію, армянская надпись, высѣченная на каменной стѣнѣ, и затѣмъ уступлена грузинамъ, снабдившимъ грузинскими надписями поверхность ея штукатурки. Нужно ли также доказывать, что если грузинское царство такъ или иначе продержалось до начала истекающаго столѣтія, то грузины этимъ обязаны въ значительной степени армянамъ, которые переносили первые наиболѣе тяжкіе удары всѣхъ многократныхъ опустошительныхъ вторженій общихъ враговъ христіанства, служа такимъ путемъ Грузіи брестверомъ съ открытой и опасной для нея стороны. Когда армяне окончательно пали и были совершенно поработены персами и турками, то пробить роковой часъ и для сосѣдняго края: грузинскія племена одни за другими стали переходить въ магометанство, даже отуречиваться, и началась долгая агонія грузинскаго царства, благополучно совершившаяся присоединеніемъ Грузіи къ Россіи.

Но къ чему говорить обо всемъ этомъ людямъ, ослѣпленіе которыхъ доходитъ до того, что наше искреннее желаніе разсѣять туманъ, наводимый невѣжествомъ на прошлое Грузіи, спѣшатъ истолковать побужденіями, по меньшей мѣрѣ, непонятными намъ, и въ частности нашимъ недоброжелательствомъ къ грузинамъ!

Грузинскій поэтъ, очевидно, не понимаетъ, что ученый пересталъ бы быть ученымъ съ момента, когда онъ рѣшилъ бы скрыть научную правду потому, что она, положимъ,

оказалась бы вредною его сородичамъ, не говоря уже о томъ, что если и можетъ произойти вредъ, то не отъ правды, а отъ игнорированія ея. Да гдѣ же, наконецъ, у насъ вредныя положенія, которыя свидѣтельствовали бы о нашемъ недоброжелательствѣ къ грузинамъ?! Неужели только въ томъ случаѣ были бы мы причислены къ доброжелателямъ грузинъ, если бы мы скрыли ту горькую истину, что грузины не знаютъ своего прошлаго или, что еще хуже, они знаютъ его въ одностороннемъ ложно-потріотическомъ освѣщеніи, и что имъ надо, обративъ на это серьезное вниманіе, приобщиться къ научному движенію въ оріенталистикѣ?

Что дурного въ томъ, что, какъ мы доказывали и доказываемъ, грузины въ древности подвергались вліянію культурныхъ сосѣдей, не только грековъ, но и армянъ, сирійцевъ, арабовъ и персовъ, посильно старались заимствовать у нихъ хорошіе, свѣтлые, облагораживающіе элементы? Неужели было бы лучше, если бы кто выяснялъ, что въ прошломъ грузины доказали свою невоспріимчивость къ разнообразнымъ окружавшимъ ихъ культурамъ, и что если и перенимали что-либо отъ своихъ сосѣдей, такъ, судя по Акакію (стр. 66-67), только отрицательныя черты, надо полагать, какъ болѣе имъ сродныя? Или, быть можетъ, мы не должны были доказывать, что лучшіе памятники древне-грузинской свѣтской литературы переведены съ персидскаго? Мы, значить, должны были увѣрять, что романъ о Висѣ и Раминѣ не есть переводъ съ персидскаго, хотя сличеніе съ персидскимъ

* По этому поводу см. ниже, гдѣ рѣчь о заимствованіяхъ изъ армянскаго языка.

оригиналомъ насъ убѣдило въ противномъ! Мы, значить, должны были доказывать, что грузинскій романъ XII-го в. *Амирандареджаніани* не есть переводъ съ персидскаго, хотя въ основѣ его лежитъ персидская національная тенденція (см. Н. Марръ, *Персидская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ "Амирандареджаніани"*, "Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія", 1895, іюнь; ср. также другую нашу критическую замѣтку къ "Жур. Мин. Нар. Просвѣщ.", того же года), и т. д. Да и въ будущемъ, надо полагать, мы не должны обстоятельно выяснять (если кто насъ не предупредитъ, что, думаемъ, также возможно), что извѣстная поэма *Барсова кожа* восходитъ къ персидскому оригиналу, что поэтъ Шота создалъ ее изъ прозаическаго грузинскаго перевода персидскаго романа,- не должны мы этого паскрывать, хотя

* Кстати, Акакій старается ослабить силу нашего указанія на строго научное отношеніе проф. Патканова, не менѣе чѣмъ къ грузинскимъ, и къ поднымъ армянскимъ памятникамъ тѣмъ замѣчаніемъ, что за отрицательную критику Хоренскаго Паткановъ взялся, молъ, побуждаемый мнѣніями европейскихъ ученыхъ. Положимъ, что это такъ, - изменяетъ ли это сколько-нибудь наше положеніе о томъ, что армяне доразвились вполнѣ уже до того, чтобы не только хладнокровно слушать мнѣнія ученыхъ, разрушающихъ традиціонныя взгляды на лучшіе памятники древнеармянской литературы, но и работать самимъ въ интересахъ науки въ томъ же противутрадиціонномъ направленіи, между тѣмъ какъ грузины, даже, казалось бы, ученые грузины, не только не хотятъ слышать научно-мотивированныя мнѣнія хотя бы о такомъ интересномъ вопросѣ, какъ культурное вліяніе персовъ на грузинъ, но стараются *всячески* затемнить такой, напр., безспорный фактъ, какъ переводъ романа о Висѣ и Раминѣ съ персидскаго на грузинскій (см. нашу статью *Къ вопросу о вліяніи персидской литературы на грузинскую*, "Жур. Мин. Нар. Просв.", 1897, мартъ),

изученіе самага памятника вѣдრять въ насъ научное убежденіе въ очевидности этого перевода*. Мы не должны были доказывать, что Житіе Петра Ивера, грузинскаго царевича, извѣстнаго палестинскаго дѣтеля V-го вѣка, на грузинскій языкъ переведено съ сирійскаго, хотя и внѣшніе и внутренніе признаки говорятъ въ пользу этого факта (см. Н. Марръ. *Житіе Петра Ивера*, изд. имп. правосл. палест. общ. С.-П. 1896, т. XVI, выпускъ второй, стр. XXI и сл.). Потому же не должны были мы выяснять по-возможности сирійское происхожденіе грузинской душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасфѣ (Н. Марръ "Армянско-грузинскіе матеріалы для исторіи душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасфѣ" въ Зап. вост. отд. имп. русс. арх. общ. С.-П., т. XI, стр. 56 и сл.). Мало того, мы, оказывается, должны увѣрять другихъ въ томъ, что грузинская литература вліяла на армянскую, а не армянская на грузинскую, хотя въ исторіи армяно-грузинскихъ литературныхъ общеній вліяніе армянъ было, судя по выясненнымъ лично нами даннымъ, и болѣе плодотворно! Вѣдь вопросъ о вліяніи армянъ на грузинъ есть лишь одна, хотя и существенная, доля того цѣлаго научнаго

* Намъ съ какимъ-то злорадствомъ указывали не разъ на то, что наши справки въ Британскомъ музеѣ о персидской поэмѣ, по заглавію могшей представить оригиналь *Барсовой кожи*, не далъ желательнаго въ нашемъ смыслѣ результата, какъ-будто мы въ персидской рукописи Британскаго музея искали доводовъ персидскаго происхожденія *Барсовой кожи*, а не реальнаго подтвержденія тѣхъ доводовъ, которые вытекаютъ изъ изученія самой поэмы Шоты Руставели и которыхъ вполне достаточно, чтобъ убѣдить умъ, мало-мальски знакомый съ методомъ сравнительнаго изученія литературныхъ памятниковъ. Не разъ также твердили объ "очевидной" неосновательности нашего мнѣнія о *Барсовой кожѣ*, хотя самихъ-то основаній нашего мнѣнія мы еще не печатали!

синтеза, до котораго мы дошли или доходимъ путемъ кропотливыхъ изысканій; и вдругъ, оказывается, мы должны отказаться отъ плодовъ своихъ паботъ! Но, интересно, во имя какихъ идеаловъ предлагаютъ намъ отречься отъ нашего кровнаго научнаго убѣжденія и провозгласить то, въ несостоятельности чего насъ убѣдили факты! Мы приглашаемъ Акакія и руководимыхъ имъ читателей къ свѣту, и очень жаль, если кто этого свѣта боится; но пусть, по крайней мѣрѣ, не стараются напрасно тащить насъ въ мракъ... средневѣковыхъ научныхъ пріемовъ. Пусть не пытаются тщетно сдвинуть насъ съ занятой нами научной позиціи, выставляя насъ защитниками какихъ-то армянскихъ интересовъ. Если нашъ посийный протестъ противъ покушенія на научную правду оказался въ интересахъ однихъ армянъ, то не наша это вина. Намъ остается одно – сожалѣть тѣхъ, чьи интересы оказались въ-разрѣзъ съ научными.

Обратимся теперь къ оцѣнкѣ *отвѣта* Акакія.

Акакій не далъ ни одного существеннаго возраженія на пункты нашей статьи какъ относительно фиктивности общеармянскаго “священнаго закона”, быдто бы предписывающаго армянамъ вражду съ грузинами и относительно недостаточно еще оцѣненнаго значенія армянскихъ источниковъ для исторіи Грузіи, такъ и относительно г. Грена, быдто бы судившаго о царицѣ Тамарѣ по наущенію армянъ и подложныхъ надписей, быдто бы изсѣкаемыхъ армянами на грузинскихъ храмахъ, а равно касательно значенія покойнаго проф. Патканова въ дѣлѣ критики *Грузинскихъ летописей*.

Акакій не привелъ въ возраженіяхъ на эти пункты ни одного новаго факта, который имѣлъ бы значеніе и не былъ бы использованъ съ подобающимъ вниманіемъ въ аргумен-

таціяхъ нашей прошлой статьи, ни одного новаго источника*.

Акакій не далъ себѣ труда прочитать разборъ *Грузинскихъ летописей*, принадлежащій перу покойн. проф. Патканова, или, если и далъ, то оказался неподготовленнымъ, чтобы оцѣнитъ его, что также возможно, судя по обстоятельствамъ, изложеннымъ ниже. Что Акакій далъ новаго въ возраженіяхъ на упомянутые пятть пунктовъ, такъ это деликатныя передержки нашихъ мыслей и для непосвященнаго въ дѣло трудно уловимыя извращенія нашихъ доводовъ. При нѣкоторомъ игрибомъ настроеніи автора мы склонны объяснить это шуткою, какъ "шуткою" объясняетъ самъ онъ пространное сказаніе грузинскаго лѣтописца объ испытаніи грузинской и армянской вѣры посредствомъ собакъ. Надо знать, что это не какое-либо бѣглое замѣчаніе, какъ внушаетъ Акакій, а цѣлая драма, съ любовью рассказанная лѣтописцемъ въ повѣствовательной формѣ, мѣстами въ діалогахъ (*Грузинскія летописи*, изд. акад. наукъ, т. I, стр. 312-317 = франц. пер. стр. 450-455). Определеніе лучшаго вѣроисповѣданія при помощи собакъ есть лишь одинъ кульминаціонный моментъ драмы, затѣянной грузинскимъ католикосомъ Іоанномъ. Драма разыгрывается въ торжественномъ собраніи въ присутствіи могущественной царицы Тамары, безсильной бороться, съ фанатиз-

* Для отчетливости замѣтимъ, что Акакій привелъ тѣ мѣста изъ Gattegias'a и Моисея Каганкатвацѣ, которыя были указаны и оцѣнены нами въ прошлый разъ, но не приведены in extenso, такъ какъ мы стѣснялицъ удлинить статью. Кстати, названный историкъ Моисей Утійскій, какъ оказывается, назывался Каганкатвацѣ по недоразумѣнію и дошедшее до насъ произведеніе его относится, по всей вѣроятности, къ концу X-го вѣка (A. Manandian, Beiträge zur albanischen Geschichte, Leipzig, 1897).

момъ грузинскаго католикоса*. Собакамъ решаютъ бросить не простую просфору, а Агнца, пресуществленнаго въ плоть Спасителя (*Груз. летоп.*, стр. 315 и 316 = франц. пер. стр. 453 и 454): чей Агнецъ будетъ съѣденъ собакой, та сторона должна признать себя побѣжденной. Армяне просятъ оставить ихъ въ покоѣ, но неумолимый католикось настоялъ на своемъ. Въ концѣ концовъ испытаніе совершается, конечно, въ пользу грузинъ, и "уличенные въ неправотѣ" армяне, многіе армяне, принуждены отречься отъ своей вѣры.

Все это "нисколько не отвратительное", на взглядъ Акакія, зрѣлище есть, по мнѣн'ю игриваго поэта, легенда, въ шуткувнесенная въ *Грузинскія летописи*.

Когда мнимый актъ двинскаго собора – мнимость Акакій долженъ былъ признать – оказывается посланіемъ армянскаго католикоса VI-го вѣка, сообщаемымъ историкомъ X-го вѣка, изъ такого "факта" Акакій созидаетъ "общearмянскій священный законъ" о ненависти армянъ къ грузинамъ; когда же грузинскій католикось XII-го вѣка возмутительно надругается надъ религіозными чувствами армянъ, и объ этомъ даютъ повѣствованіе, полное драматизма, "современныя" *Грузинскія летописи*, то это шутка, легенда! Когда русскій ученый** Паткановъ критически под-

* Не мѣшаетъ замѣтить, что грузинскіе цари отличались вообще замѣчательной вѣпотерпимостью, какъ знаемъ объ этомъ изъ мусульманскихъ историковъ. Между прочимъ, грузинскій царь Давидъ Возобновитель (ум. 1125) находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ армянскимъ ученымъ писателемъ Іоанномъ Діакономъ и оказывалъ ему высокое вниманіе.

** Акакію не нравится, что мы называемъ пок. Патканова, профессора с-петербургскаго университета, русскимъ ученымъ, а не армянскимъ, и позволяетъ себѣ по этому поводу недостойныя глумленія какъ по нашему адресу, такъ и по адресу покойнаго

вергъ сомнѣнію легендарныя данныя *Грузинскихъ летописей* о начальной исторіи, то это было, по мнѣнію Акакія, преступленіе, учиненное армяниномъ вслѣдствіе армянскаго грузинофобства, а когда грузинъ Акакій обширное сообщеніе тѣхъ же “непогрѣшимыхъ” *Грузинскихъ летописей* о событіяхъ современныхъ признаетъ штукою и легендою, то это, надо полагать, высокій подвигъ въ защиту правды! Акакій однако забываетъ, что и, будучи легендою, приведенное лѣтописное сообщеніе не перестаетъ быть грузинской легендой, а въ качествѣ таковой оно свидѣтельствуетъ о фактѣ того фанатическаго настроенія въ грузинской средѣ, гдѣ возникла подобная легенда, возможность котораго Акакій старается отрицать далѣе, Акакій, очевидно, не знаетъ, или показываетъ видъ, чт не знаетъ, что грузины, какъ православный народъ, въ своихъ отношеніяхъ къ армянамъ руководствовались постановленіями вселенскихъ соборовъ, и имъ нечего было, конечно, соборне

заслуженнаго ориенталиста, всю жизнь посильно содѣйствовавшего научной постановкѣ арменистики я въ Россіи и пріобрѣтшаго среди востоковѣдовъ широкую извѣстность, какъ русскій ученый. Не входя въ разсмотрѣніе прямо-таки, какъ бы выразиться мягче, небылицъ, взводимыхъ на ученую репутацію проф. Патканова, мы остановимся на обезпокоившей грузинскаго поэта мелочи: Акакій, видимо, не понимаетъ, или притворяется непонимающимъ, что хотя Паткановъ былъ армянинъ, даже ученый армянинъ, но армянскимъ ученымъ его нельзя называть, какъ это сдѣлалъ Акакій, потому что Паткановъ прошелъ *русскую научную школу* и былъ представителемъ *русскаго востоковѣдѣнія*. Поправляя обмолвку Акакія, мы хотѣли указать лишь на неточность выраженія, быть можетъ, случайную, а, быть можетъ, и намѣренную, такъ какъ, благодаря этой неточности, два пункта – въ армянскую національность и “армянскую” ученость нашего покойнаго учителя.

утверждать новые каноны противъ еретиковъ, каковыми у грузинъ признавались армяне.

Съ армянами, какъ съ еретиками, грузины въ силу многихъ статей различныхъ вселенскихъ соборовъ, хотя бы, напр., въ силу 58-й статьи Соборныхъ постановлений, по грузинскому періоду Ефимія Афонскаго, не могли въ брачные союзы и т. и. У насъ нѣтъ желанія обсуждать въ данный моментъ болѣе детально во многихъ отношеніяхъ щекотливый вопросъ о нетерпимости въ древности грузинскаго духовенства къ армянамъ, къ этимъ «семижды проклятымъ армянамъ», какъ выражается авторитетно грузинскій католикосъ въ высокодостоверныхъ Грузинскихъ летописяхъ (ч. I, изд. Академіи наукъ, груз. тек. стр. 312= франц. пер. стр. 450). Но развѣ можно отсюда выводить общегрузинскій «священный законъ» о національной ненависти грузинъ къ армянамъ? Мы не думаемъ этого, несмотря на случаи такого явно-фанатичнаго отношенія отдѣльных грузинъ ко всеуармянскому, какое наблюдается, напр., въ послѣднихъ статьяхъ А к а к і я. Но мы миновемъ эти и подобныя возраженія на тѣ же пункты-мало сказать, что нестоятельны. Впрочемъ, мы предпочитаемъ выяснить документально характеръ аргументаціи А к а к і я, предоставляя другимъ ея дальнѣйшую оцѣнку.

Акакій или незнакомъ съ самимъ словаремъ Сулхана Орбелиани, или странно ошибается, когда утверждаетъ (стр. 66), будто Орбелиани не признавалъ факта заимствованія армянскихъ словъ грузинскимъ яз. Чтобы убѣдиться въ истинности нашего положенія, достаточно отыскать въ цитированномъ словарѣ слова არაკი араки, არჯახი арджаспи *купоросъ*, ასპრეზი аспарэзи *ристалище*, ბაგობი багини, ბანჯარა банджары *травы*, ტრი танецъ и десятки другихъ, которыя грузинскій лексикографъ совер-

шенно правильно признаетъ армянскія въ такихъ выраженіяхъ: სომხურია т. е. это армянское слово, или სომხურად ჰქვია, т. е. такъ называется на армянскомъ языкѣ.

Акакій или не читалъ *Грузинскихъ лѣтописей* или странно ошибается, когда утверждаетъ (стр. 62-63), что будто въ грузинскомъ текстѣ стоитъ фраза: „грузины говорили всегда по-грузински“, и будто замѣна грузинскаго армянскимъ принадлежитъ армянскому переводчику. Вотъ подлинный грузинскій текстъ съ нашимъ русскимъ переводомъ:

აქამდის ქართლოსანთა ენა სომხური იყო, რომელსა ზრახვიდეს. ხოლო ოდეს შემოკრბეს ესე ურიცხური ნათესავნი ქართლსა შინა, მაშინ ქართულთაცა დაუტევეს ენა სომხური და ამათ ყოველთა ნათესავთაგან შეიქმნა ენა ქართული.

До сего времени языкъ картлосидовъ (т. е. грузинъ) былъ армянскій, на какомъ и бесѣдовали; когда же перчисленные выше отмѣтныя, чуждыя племена собрались въ Грузіи, тогда грузины оставили *армянскій языкъ*, и отъ (смѣшенія языковъ) всѣхъ этихъ племенъ образовался грузинскій языкъ.

Такъ напечатано и понято это мѣсто покойнымъ академикомъ Broset (Hist. de la Géorgie, I, груз. текстъ, стр. 25 = франц. перев., стр. 31). Для обстоятельности прибавимъ, что первый разъ въ нѣкоторыхъ грузинскихъ рукописяхъ слово „армянскій“ замѣнено словомъ „грузинскій“, но неумѣстность этого „исправленія“ очевидна, такъ какъ при такомъ чтеніи мы получаемъ фразу: до сихъ поръ языкъ картлосидовъ (т. е. грузинъ) былъ грузинскій“, и тогда не имѣетъ смысла говорить въ концѣ сообщенія объ образованіи впервые грузинскаго языка впоследствии. Неза-

висимо отъ этого, объ армянскомъ языкѣ говорится вѣдь еще разъ: "грузины оставили *армянскій языкъ*", на которомъ, значить, говорили они раньше, и на этотъ разъ во всѣхъ рукописяхъ пѣчь объ оставленіи грузинами именно армянскаго языка. Наконецъ, такъ понималъ это мѣсто и царевичъ Вахуштъ, грузинскій царевичъ (*Исторія Грузін, Тиф.* 1885, стр. 35), говоря:

amad dromde iyo cna somxuri saqarTvelosa Sina da esodenTa naTesavTagan iwyes enisa qarTulisa Tqmad.

До сихъ поръ въ Грузіи былъ (въ употребленіи) *армянскій языкъ*, но отъ (смѣшенія) столькихъ племенъ стали говорить по-грузински.

Какъ видитъ читатель, *Грузинскія лѣтописи* два раза удостовѣряютъ то, что такъ непринужденно отрицаетъ Акакій. Трудно себѣ представить что-либо болѣе прискорбное.

Акакій обнаруживаетъ неосвѣдомленность въ приѣмахъ филологической работы, когда предлагаетъ (стр. 66) намъ взять въ руки "лексиконъ Ивана Чирчимели, грузинскаго писателя X вѣка", чтобъ убѣдиться въ томъ, что не армянскій-де языкъ въ древности вліялъ на грузинскій, а, наоборотъ, грузинскій на армянскій. Очевидно, Акакію неизвѣстно, что рѣшенія такихъ вопросовъ не вычитываются изъ словарей, что подобные филологическіе вопросы разрабатываются не по словарямъ, а на основаніи непосредственнаго изученія самихъ памятниковъ письменности или современныхъ живыхъ говоровъ. Кстати, дѣйствительное вліяніе грузинъ на армянъ, о которомъ вскользь упоминали мы еще въ прошлой статьѣ, относится какъ разъ ко времени послѣ десятаго вѣка, именно къ XII-XIII вѣкамъ.

Акакій, повидимому, не понимаетъ насъ, разъ онъ старается (стр. 66) ослабить – и, добавимъ кстати, неудачно – авторитетъ лексикографа Д. Чубинова въ вопросѣ о

заимствованіяхъ въ грузинскомъ языкѣ из армянскаго; на Чубинова и Сулхана Орбеліани мы ссылались исключительно для того, чтобы показать, что было время, когда образованные грузины не боялись признать вліянія армянскаго языка на грузинскій. Что же касается самаго факта этого безспорнаго вліянія, то нужные для рѣшенія вопроса матеріалы достаточно доступны намъ лично, чтобы не прибѣгать къ чужимъ авторитетамъ.

Равнымъ образомъ не понимаетъ Акакій (стр. 59-60), или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, значенія нашей ссылки на г. Жорданія. Мы ссылались на гг. Жорданія и Бакрадзе (историка Бакрадзе Акакій замолчалъ) не для того, чтобы доказать и безъ того очевидную правдивость высказаннаго нами мнѣнія о посланіи католикоса Авраама или мнимой статьѣ Двинскаго собора, а чтобы показать Акакію, что и среди грузинъ есть люди, притомъ въ данномъ вопросѣ безспорно болѣе компетентные, чѣмъ онъ, которые инкриминируемое посланіе армянскаго католикоса считаютъ съ давнихъ поръ лишеннымъ практическаго значенія.

Выходка Акакія по этому случаю противъ г. Жорданія хотя и не касается нашей постановки вопроса, но все же должна быть оцѣнена, такъ какъ она также характеризуетъ пріемы Акакія и достоинство его остротъ, Акакій однимъ взмахомъ вера провозглашаетъ неосовѣстнымъ мнѣніе г. Жорданія, предполагающаго, что мнимая статья Двинскаго собора о прекращеніи всякаго общенія армянъ съ грузинами не получала жизненнаго значенія: г. Жорданія въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на молчаніе грузина Арсенія касательно этой статьи, и это приводитъ Акакія въ веселое настроеніе. Онъ сравниваетъ г. Жорданія съ тѣмъ "страннымъ ученымъ" будущихъ вѣковъ, который, ссылаясь на отсутствіе астрономическихъ наблюденій въ трудахъ г.

Жорданіа и Марра, вздумалъ бы доказывать, что въ концѣ XIX вѣка не существовало небесныхъ свѣтилъ. Отсюда ясно, что Акакій въ Арсеніи, на котораго опирается г. Жорданіа въ мнѣніи о мнимой статьѣ Двинскаго собора, ысматриваетъ такое же касательство къ спорному вопросу, какое у г. Жорданіа и Марра къ астрономіи, и тутъ-то острота Акакіи является дѣланною, такъ какъ Арсеній, грузинскій католикъ, духовный писатель X вѣка, есть лицо безспорно свѣдущее, и онъ составилъ исторію армяно-грузинскихъ церковныхъ раздоровъ (Ф. Жорданіа, *Матеріалы и пр.* 1893, I, стр. 313 и сл.), и вотъ, когда этотъ-то Арсеній умалчиваетъ о мнимой статьѣ Двинскаго собора, то статья, по всей вѣроятности, дѣйствительно не была извѣстна ему, и, слѣдовательно, въ его уже время она не имѣла жизненнаго значенія.

А к а к і й, не понимая различія между чисто лингвистическимъ интересомъ сравнительнаго изученія двухъ языковъ и между задачами культурно-историческаго изслѣдованія, естественно находитъ противорѣчіе (стр. 67-68) въ нашихъ сужденіяхъ о французскомъ ориенталистѣ Gatteyrias'ѣ. Прежде всего Акакій излагаетъ дѣло такъ, какъ будто не мы цитировали то самое мѣсто, которое онъ мнитъ обратить въ орудіе противъ насъ. Это къ характеристикѣ приемовъ поэта. Затѣмъ А к а к і й удивляется, какимъ это образомъ мы высмѣиваемъ его ссылку на Gatteyrias'a, которою онъ, в противовѣсть несомнѣнному культурному вліянію.

А к а к і й, очевидно, малосвѣдущъ въ исторіи роднаго языка, когда рѣшается утверждать (стр. 66), что въ X вѣкѣ грузинскій языкъ еще былъ чистъ отъ армянскаго вліянія. Къ этой порѣ дѣйствительно, какъ мы уже указывали въ прошлой статьѣ, вліяніе армянскаго языка *ослабѣваетъ*,

благодаря трудамъ афонской школы, и въ образованномъ грузинскомъ обществѣ возникаетъ реакція противъ всего армянскаго, но однако отрицаемое голосовано Акакіемъ вліяніе армянъ на грузинъ не только остается въ видѣ богатаго пережитка изъ прошлой эпохи, но продолжаетъ еще расти. Въ подтвержденіе послѣдней мысли достаточно указать на то, что грузинскій писатель X вѣка Дачи въ письмѣ къ епископу Антонію, состоящемъ изъ 11 строкъ (Такайшвили, *Три историческія хроники, Тифлисъ*, 1890, стр. XIII. Жорданіа, *Хроники* и пр. Тифлисъ, 1893, I, стр. 101, послѣднее изданіе съ лучшими чтеніями), употребляетъ семь такихъ рѣдкихъ въ грузинскихъ памятникахъ армянскихъ словъ, какъ: 1) *ბიჭვები-სძღუენ*, 2) *ვერბადი -საქრთაპ*, 3) *არფი-სრქი*, 4) *პიტაკი-სქისა*, 5) *ვადი-სქი*, 6) *ვაკასი-სქი* и 7) *დროადი-სქი*.

А к а к і й, будучи, конечно, еще менѣе компетентнымъ въ исторіи переводовъ библейскихъ книгъ, беретъ нась поучать, между прочимъ, по вопросу о томъ, съ какихъ языковъ переводили грузины св. Писаніе на грузинскій языкъ (стр. 57-58). Намъ, которые уже со студенческой скамьи выясняемъ постепенно этотъ сложный вопросъ путемъ сравнительнаго изученія подлинниковъ, греческаго, еврейскаго, сирійскаго, армянскаго и грузинскаго, которые сличеніемъ армянскихъ переводовъ съ сирійскими оригиналами и выслѣживаніемъ сирійскаго вліянія въ исправленныхъ армянскихъ текстахъ св. Писанія собираемъ матеріалъ для характеризованія цѣлой подражательной эпохи въ исторіи армянской литературы, такъ намъ Акакій бросаетъ въ лицо упрекъ въ томъ, будто мы хотимъ замолчать значеніе сирійской культуры и готовы выдать самихъ сирійцевъ за армянъ! Вотъ до чего можетъ довести человека увѣренность, что можно судить обо всемъ, не справившись ни о чемъ!

Мы, конечно, не будемъ здѣсь дебатировать малоразработанный вопросъ о древнемъ переводѣ армянской *Библіи* съ сирійскаго, сохранившемся лишь въ исправленномъ видѣ* и о древне-грузинскомъ переводѣ съ армянскаго, также подвергшемся неоднократному исправленію. Будетъ вполне достаточно, если скажемъ, что не только отрицаніе факта перевода св. Писанія впервые съ армянскаго на грузинскій, но и стараніе нѣкоторыхъ затемнить фантастическими "гипотезами" очевидное вліяніе армянской *Библіи* на грузинскую основано исключительно на неосвѣдомленности тѣхъ, которые высказывали подобныя, какъ убѣждаютъ насъ факты, голословныя мнѣнія". Однако не только въ неподсудной поэту области, гдѣ еще можно для него найти оправданіе въ недостаткѣ знанія, но и тамъ, гдѣ дѣло совершенно ясно и не подлежитъ ничьему сомнѣнію, Акакій,

* Проф. Халатъянцъ въ настоящее время готовитъ изданіе недавно открытаго въ Эчмиадзинѣ текста *"Паралипомена"*, въ которомъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, имѣемъ, если не самый древній переводъ съ сирійскаго, то ближе къ нему стоящую версію.

** Въ мелкихъ нашихъ замѣткахъ мы, уже печатали и печатаемъ матеріалы по вопросу. Въ вышедшей недавно работѣ Conybeare'a *The Growth of the Peschitta version of the New testament* (*The American Journal of Theology*, October 1897, Vol. I, Numb. 4), посвященной специально новозавѣтнымъ книгамъ, проводится вполне правильная мысль, что даже въ грузинскомъ четвероевангеліи мы имѣемъ не самостоятельный переводъ съ греческаго текста, какъ до сихъ поръ думали нѣкоторые, а древній переводъ, исправленный впослѣдствіи по греческому подлиннику. Conybeare довольствуется выясненіемъ зависимости армянскаго и грузинскаго переводовъ не отъ греческаго, а отъ одного и того же списка сирійскаго текста, но онъ не обсуждаетъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ армянскаго и грузинскаго текстовъ, который, прибавимъ мы отъ себя, собранными нами матеріалами безповоротнo рѣшается въ пользу зависимости грузинскаго текста отъ армянскаго.

славный пѣвецъ идеальной древне-грузинской жизни, обнаруживаетъ поразительное незнакомство съ действительной древне-грузинской литературой. Акакій съ самымъ невозмутимымъ видомъ дѣлаетъ намъ вызовъ (стр. 58), чтобы мы указали что-либо изъ грузинскихъ переводовъ съ армянскаго, кромѣ одной, единой книги "Риторики Мхитара!". Мы можемъ назвать десятки переводовъ съ армянскаго на грузинскій, но удовольствуемся нѣсколькими. Во главѣ назовемъ переводъ *Толкованія псалмовъ* Эпифанія Кипрскаго съ любопытнымъ письмомъ отъ переводчика X-го вѣка. Письмо (Жорданія, *Хрон. и пр.*, 1893, стр. 99-101) любопытно въ томъ отношеніи, что оно свидѣтельствуетъ о противоармянскомъ настроеніи, начинавшемъ утверждаться въ грузинскомъ духовенствѣ, что автору однако не помѣшало перевести интересовавшій его памятникъ съ армянскаго. Переводъ этотъ, въ пергаментной рукописи X-го вѣка, хранится въ Тифлисѣ, въ библиотеч. общ. распр. Грамотности среди грузинъ. Дадимъ далѣе простой, повторяемъ, далеко не полный перечень переводовъ съ армянскаго на грузинскій языкъ: 2) *Проповѣди* Григорія Татевскаго, 3) *Категорія Аристотеля*, переводъ съ армянскаго на груз. католикаса Антонія, 4) *Категорія* съ толкованіемъ Давида Непобѣдимаго, переводъ Досифея, 5) *Исторія Арменіи*, 6) *Дѣтство Христа*, 7) *Судебникъ* Мхитара Гоша, 8) *Лѣчебники* и т. п. Въ заключеніе укажемъ на то, что лексикографомъ Сулханомъ Орбелиани составленъ *Краткій конкордансъ къ Библии*, отчасти по армянскому источнику, судя по слѣдующей записи церковнымъ письмомъ въ самой рукописи, въ настоящее время имѣющейся въ нашихъ рукахъ: "Конкордансъ къ ветхому и новому завѣту, переведенный съ сокращеніемъ съ армянскаго и латинскаго Саввою Одбеліани" и т. д.

Наконецъ, Акакій, съ цѣлью поколебать наши лингвистическія положенія, выкладываетъ перлы незнанія, одинъ блестяще другого. Такъ, напр., армянское “мангал” и грузинское “мангали” – *серпъ*, слова одинаково общесемитическаго происхожденія (евр. “маггал”, сир. “магла”, араб. “минджал”) Акакій производитъ (стр. 66) отъ грузинскаго “мка” – *жаты*. Или, напр., грузинское слово “банаки” – *лагерь* Акакій считаетъ (стр. 66) уменьшительною формою грузинскаго слова “біна” – *обиталище*, не разумѣя, что “банаки” – заимствованное изъ армянскаго арійское слово, а “біна” – это арабское слово “бина”, употребляющееся и въ турецкомъ и означающее зданіе, отсюда въ вульгарномъ армянскомъ, а также въ грузинскомъ – *кровь, домъ, квартира*.

Или, напр., Акакій внушаетъ (стр. 67), что слова заимствуются изъ языка въ языкъ будто исключительно такія, какихъ нѣтъ въ языкѣ заимствующаго, между тѣмъ какъ интенсивность культурнаго воздѣйствія одного народа на другой въ томъ и проявляется, что подпавшая вліянію народность заимствуетъ даже такія слова, безъ которыхъ она легко могла бы обойтись при независимости своего умственнаго развитія; но плѣненному чужимъ литературнымъ или инымъ вліяніемъ уму родныя слова кажутся не вполне выразительными и игнорируются, а съ теченіемъ времени и забываются вовсе. Акакій высказываетъ мысль (стр. 67), что грузины заимствовали изъ армянскаго такіа –*fi donc!* слова, какъ: *სკუპოი-скупой*, *მაჭანკალი-сводникъ*, *აჯაზი-разбойникъ*, *სახტოი-лютой*, для каковыхъ будто бы не было въ грузинскомъ лексиконѣ собственныхъ словъ. Не будемъ настаивать на томъ, что Акакій, не зная армянскаго языка, *სკუპოი-скупой*, и *მაჭანკალი-сводникъ*, рекомен-

дуюмъ армянскими, хотя первое слово не имѣтъ никакого соотвѣтствія въ армянскомъ*), а второе князь, повидому, со словъ Чубинова, какъ разъ въ этомъ случаѣ ошибающагося, отождествляетъ съ [шбшцш], означающимъ на армянскомъ похаря и не стоящимъ ни въ какой связи съ грузинскимъ maWankali-сводникъ.

Кромѣ того, отвернемся на минуту отъ дѣйствительности и согласимся съ романтическимъ взглядомъ А к а к і я, на грузинъ, какъ на идиллическую народность, дѣвственная кротость которой не только не производила на свѣтъ.

ՎՐԱՑԻ ՊՈՒՏ ԱԿԱԿԻՆ ՀԱՅԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

C'est la profonde ignorance,
qui inspire le ton dogmatique.

(Միայն խորին տգիտությունն է
ներշնչում խոսելու ինքնահավատ
վարդապետական եղանակ):

La Bruyère, Les caractères etc. V.

«Ակակիի ժողովածուի» հունվարի գրքում մի հոդված է տպագրված «Արմենիա, Հայաստան և Սոմխեթի անունների պատմական հետազոտություն» վերնագրով: Այդ վերնագրին նայելով՝ հոդվածը պիտի լիներ պատմական, աշխարհագրության և ցեղագրության մի ուսումնասիրություն՝ հանդերձ բառագիտական ստուգաբանությամբ. սակայն, իսկապես, դա մի խայտաբղետ ժողովածու է, փափուկ խոսելով, տարօրինակ գրախոսությանց (критическ): «Ակակիի ժողովածուն» կամ ինչպես նա անվանվում է վրացերեն՝ «Ակակիս կրեբուլի»-ն, որ հրատարակվում է անցյալ տարվա աշնանից, շատ համակրելի և բավական բովանդակություն ունեցող հրատարակություն է, բայց այդ միայն բավական չէ, իհարկե, թեթևամիտ հոդվածի վրա ուշ դարձնելու համար: Մի՞թե քիչ անհեթեթ գրվածներ են երևում Անդրկովկասի անցյալի և մասնավորապես, հայերի վերաբերմամբ տեղական և մայրաքաղաքի հանդեսների և լրագրերի մեջ. երբեմն իսկ շատ լուրջ և համենայն դեպս ազդեցիկ պարբերական հրատարակության մեջ: Վերջին տարիներս մեր աչքի առաջ երևացին միմյանց հետևից ամբողջ շարք լրագրական և օրագրական նկատողություններ հայոց գրականության, պատմության և ազգության վերաբերմամբ, և այդ նկատողությունները հետաքրքրական են

միայն այն կողմից, որ առողջ դատողության և Հայաստանի պատմության մասին տարրական գիտության կատարյալ բացակայությունն առաջադրվում էր գիտության վերջին խոսք... Մենք չունեինք և չունենք իսկ ո՛չ տրամադրություն և ո՛չ ժամանակ պրպտելու հայագիտության դեմ եղած այդ բարբարոսական արշավանքներն այն անձանց կողմից, որոնք կատարելապես անմասն են մեր գիտության: Սակայն եթե մենք վճռեցինք զբաղվել Ակակիի հողվածով, դրա միակ պատճառն այն է, որ մենք առանձին համակրանք ենք տաժում դեպի վրաց այդ շնորհալի պոետը և ոչ միայն նրա պոեզիայի սքանչելիքի ուճի, արտակարգ ոյուրության, լեզվի հարստության և պոետի այդ լեզվին վարպետաբար տիրապետելու համար – պոետի այդ հատկությունները ներկա խնդրին չեն վերաբերում - այլ, մանավանդ, նրա գրական ուղղության անկեղծության, շիտակության և անկախության պատճառով: Վրաց ժամանակակից գրականության մեջ Ակակին, անշուշտ, «աներկյուղ և նախատինքից վեր ասպետ է, ուստի և այդ իսկ պատճառով, ցավալի է, որ մենք նրա շրթունքներից ենք լսում շատ ու շատ անարդար դատողություններ հայերի վերաբերմամբ: Մենք, հարկավ, այստեղ ամենևին մտադիր չենք պաշտպանել հայերին Ակակիի հավակնության դեմ, որին հայերն, ամենայն հավանականությամբ, կվերաբերվեն կատարյալ անտարբերությամբ: Նույնպես չենք մտածում ախոյան դուրս գալ նրանց դեմ, որոնք փոխադարձ թշնամություն են սերմանում հայերի և վրացիների մեջ, կարծելով, թե այդ երկու ազգերի փոխադարձ ատելության վրա կարելի է հիմնել Կովկասի բարօրությունը: Մեր համոզմունքն այն է, որ կույր թշնամությունը և առհասարակ թշնամությունը ոչինչ չի կառուցանում և առհասարակ ոչ մի բարի հետևանք չի արտադրում, իսկ ով այդ չի տեսնում այսօր, կտեսնի վաղը: Բացի դրանից, մենք ոչինչ չէինք ասիլ, եթե Ակակին դատապարտեր այն հայերին, որոնք իր տեսության շրջագծի մեջ են ամփոփվում. գուցե Կովկասում և մանավանդ

Թիֆլիսում հայերի և վրացիների հարաբերություններն այնպիսի կերպարանք են ստացել, որ վրացին տեղիք չունի հային փառաքելու, իսկ հայը տեղիք չունի վրացուն սիրելու: Դա բարեխիղճ հարաբերությանց խնդիր է, իսկ այդ հարաբերությանց հաստատելը կախված է նույնիսկ իրենց՝ հարևանների հասկացողությունից և բարի ցանկությունից: Բայց Ակակին իր դատողությունները պատճառաբանում է հայոց պատմությունից, հայոց գրականությունց և առհասարակ հայկական կյանքից վերցրած փաստերով, և ահա այդ փաստերը, որոնք Ակակիի՝ հայերի մասին կազմած գաղափարի հիմքն են կազմում – ոչ մի կրիտիկայի չեն դիմանում և պիտի գնահատվեն ըստ արժանվոյն. ինչ վերաբերում է Ակակիի բուն կարծիքին, մենք ամենևին ձգտում չունենք համոզել ումևիցե նրա սեփական անհեթեթությունը հասկանալու, որովհետև շրջապատող կյանքն յուրաքանչյուր քայլում մեզ ուսուցանում է, որ մարդիկ շատ անգամ հավանում են այս կամ այն կարծիքը, ոչ թե այն պատճառով, որ կարծիքը հիմնավոր է, այլ այն պատճառով, որ հանուն կողմնակի հանգամանքների, նրանք ցանկանում են մի հայտնի կարծիքի հետևել անպատճառ և երբեմն իսկ հակառակ առողջ դատողության:

Ակակին մասամբ հիմնվում է հայերի անցյալի վերաբերյալ մի պատմական ստուգության վրա, որ պատկանում է «երիտասարդ վրացի գիտնականի» գրչին, բայց մենք կարծում ենք, որ ինքը՝ հարգելի պոետը ևս այդ ստուգության վրա նայում է իբրև տհաս խելքի արտադրության վրա և նրան առանձին նշանակություն չի տալիս: Ստուգությունը քաղվածական բնավորություն ունի և մերկացնում է հեղինակի վայրիվերո ծանոթությունը մի քանի արևելագետների գրվածների հետ և անտեղյակությունը հայագիտության. ստուգությունը գրված է ոչ առանց կոմասիրության, որ հատուկ է այնպիսի «համարձակ գիտնականներին», որոնք չեն ծանրաբեռնված գիտություններով:

«Երիտասարդ գիտնականի» ստուգության մեջ միայն ինքնուրույն է այն կարծիքը, թե «այժմյան հայերը չունեն ոչ մի ազգային անուն և չեն ունեցել ոչ մի ազգային պատմություն՝ մինչև հայոց եկեղեցու օրթոդոքս եկեղեցուց բաժանվելը», իսկ հայ պատմաբանների հաղորդածները հայկական հնագույն ժամանակների մասին միայն հեքիաթներ են (Երես 49): Սակայն այդ կարծիքի մեջ ևս ոչինչ նորություն չկա. արդ՝ ինչպես անենք, որ մեղմ լինենք խոսած – միամիտ հայացքը, այս կամ այն չափով դուրս է պրծել այն պատահական հեղինակների մեծամասնության գրչի տակից, որոնք ձեռնամուխ են եղել գրելու Հայաստանի մասին: Եթե խոսքը միայն այն մասին լիներ, թե հին հայկական պատմագրության մեջ հայոց պատմության սկզբնական դարագլուխը ներկայացրած է առասպելախառն (իսկ, ասացեք խնդրեմ, այդ ո՞ր հին ազգերի պատմության սկիզբը չէ շաղախված առասպելական փաստերով), եթե մեզ ցանկանային ներշնչել, թե հայոց պատմագիրների փաստերից, ինչպես և ամեն պատմագիրների փաստերից, չի կարելի օգտվել առանց ստուգության, իհարկե, մենք ոչինչ չէինք ունենա հակաճառելու: Մենք միայն գուցե նկատեինք, թե «վրացի երիտասարդ գիտնականը» և նրա հարգելի համախոհն ուշացել են: Հայկական աղբյուրների դեմ բացասական կրիտիկան ընդհանրապես հսկայական քայլեր է արել շնորհիվ, մասամբ, եվրոպացի գիտնականների երկերի (հայտնի պատմագիր Gutshmid-ի, պրոֆ. Baumgartner-ի, պրոֆ. Carrière-ի և այլոց) և մեծ մասամբ հայ գիտնականների (պրոֆ. Պատկանյանի, գիտնական հայր Տաշյանի, պատմագիր Գարագաշյանի, Էջմիածնի միաբան գիտնական Խ. Գալուստ սարկավազի, պրոֆ. Խալաթյանի և այլոց), և բացասական ուղղությամբ այդ ոգևորությունը, որ աճում էր *crescendo*, այժմ ավելի կարոտ է մեղմացման ոգուն, քան քաջալերության: Սակայն բոլոր այդ գիտնականները, չխոսելով այլ ուղղության մասնագետների մասին, խիստ քննադատության ենթարկելով հայկական աղբյուրների

փաստերը, ներկայացնում են ո՛չ թե ուրացողներ հայկական ազգային պատմության, այլ, ընդհակառակը, օժանդակում են, որ նա հիմնվի ավելի գիտական փաստերի վրա: Իհարկե, շատ ցավալի է, որ այսպիսի տարրական ճշմարտություն չի յուրացրել վրաց ինտելիգենտ շրջանը, բայց խոստովանում ենք, որ այդ երևույթի մեջ զվարճալի տարրեր կան. որովհետև հայոց ազգային պատմության, հետևաբար և հայկական քաղաքակրթության ուրացումը, եթե ոչ ավելի, գեթ կիսով չափ ուրացումն է վրաց քաղաքակրթության:

Ամենահին ժամանակ և ընդհուպ մինչև X դարը Քրիստոսի ծննդից հետո, վրաց գրականությունը գտնվել է հայ գրականության զգալի ազդեցության տակ. բավական է ասել, որ վրաց լեզվով Աստվածաշնչի առաջին գրքերի թարգմանությունները կատարվել են հայերեն լեզվից, և այդ ապացուցում են ոչ թե հայերը, այլ այն գիտնականները, որոնք բոլորովին անտարբեր են հայ-վրացական հակաձառություններին: Վրաց եկեղեցական գիրը, որի տվողը գուցե հայ Մեսրոպը չէ (այժմյան հայագիտությունը չի ցանկանում պնդել այդ, ինչպես կարծում է Ակակին, երես 56), բայց, անկասկած, կազմված է ըստ օրինակի հայկական այբուբենի, և ըստ էության՝ հայ պատմագիրների հաղորդածն ամենևին չի հակասում ճշմարտությանը: Եթե Վրաստանի քրիստոնեական քաղաքակրթության այնպիսի հիմնական գործոններն, ինչպիսիք են եկեղեցական գիրը և սուրբ գիրը, վրացիք ստացել են հայերից, կարելի է գաղափար կազմել, թե որքան մեծ էր հայկական հին լուսավորության ազդեցությունը հին վրացիների վրա և այն էլ ճիշտ այն ժամանակ, երբ հայկական եկեղեցին ընդհանրական եկեղեցու հետ նույն կյանքով էր ապրում: Մի՞թե զվարճալի չէ սրանից հետո տեսնել, թե ինչպես վրացին ինքնագոհությամբ հաղորդում է, թե հայերը մինչև օրթոդոքսությունից բաժանվելը չեն ունեցել իրենց ազգային քաղաքակրթական կյանքը: Ապաքեն, եթե հայերն ազգային քաղաքակրթություն չունեին մինչև վե-

րոհիշյալ ժամանակը, ուրեմն վրացիք, որ այդ ժամանակամիջոցում հայերից էին ստանում լուսավորությունը, բոլորովին ոչինչ չունեին: Բայց մենք, իհարկե, այդպես չենք մտածում*: Ակակին հայերի՝ դեպի վրացիները գիտակցաբար տածած թշնամության ապացույցներից մեկը համարում է (երես 38) «Ղվինի ժողովի վճիռը 596 թվականին», որով հայերին արգելվում էր որևէ հարաբերություն ունենալ վրացիների հետ, բացի առևտրից:

Կարելի է ցույց տալ դեպք, երբ վրաց եկեղեցու վեհապետները նույնպիսի և դեռ ավելի մեծ մոլեռանդությամբ են վերաբերվել հայերին, իբրև այլադավանների, այլև սրբապղծությամբ են վերաբերվել դեպի քրիստոնեության սրբությունը: Կարծեմ բավական կլինե՞ր հիշել այն զգվելի տեսարանը, որ նկարագրված է վրաց տարեգրության մեջ այն վեճի առթիվ, թե ո՞ր կրոնն է ավելի լավ – հայո՞ցը, թե՞ վրացը: Մենք ամաչում ենք այստեղ առաջ բերել վրացի պատմագրի այդ հաղորդած դեպքը (տե՛ս վրացերեն բնագիր, հրատարակություն գիտությանց ճեմարանի, մաս I, երես 314-315, այլև, ֆրանսերեն թարգմ. Brosset, I, երես 452-454): Բայց մեզ զբաղեցնում է այն, թե ինչպես Ակակիի նման մի ծայրահեղ-աշխարհական գրողը, ապացուցելու համար, որ իբր թե, դեպի վրացիները թշնամի լինելը հայոց ազգի սրբազան օրենքն է, մատնացույց է անում այն եկեղեցական արգելման վրա, որ հետևանք է հոգևոր դասակարգի և այն էլ նրա մի մասի մոլեռանդության կրքերի արբշռության. բացի դրանից, Ակակիի առաջ բերած արգելման խմբագրությունը պատկանում է ոչ թե Ղվինի ժողովին, ինչ-

* Խոսելով հայկական և վրաց քաղաքակրթությանց մասին, ինքնըստինքյան հասկանալի է, որ մենք դեռ ոչինչ չենք խոսում նրանց բացարձակ նշանակության մասին: Գիտության համար քաղաքակրթական երևույթների արժեքը նրանց կշռի և չափի մեջ չէ, այլ այն շահի մեջ, որ բացատրում է նրանց կյանքի շարժման առաջադիմության ընթացքը: (Ծան. հեղ.):

պես կարծում է պոետը, այլ Աբրահամ Կաթողիկոսի շրջաբերականին (տես Մովսես Ուտիացի, Մոսկվայում հրատարակված, 1860, երես 215, Ուխտանես, էջմիածին, հրատարակված 1871, երես 130-136)*:

Ոչ ոք, իհարկե, չի ուրանում, որ հայոց եկեղեցին, հավատալով իր վարդապետության անսխալականությանը, եռանդագին պաշտպանում էր իր զավակներին այն վարդապետություններից, որոնք նրան մոլորություն էին թվում, և պաշտպանելով իր անկախ գոյությունը, ժողովների վճիռներով մրցում էր յուր հեղինակությունն ուրացողների դեմ, բայց այդ երևույթն ընդհանուր է եկեղեցիների փոխադարձ հարաբերության մեջ, մինչև անգամ այն ժամանակ, երբ եկեղեցիներին ոչ մի վտանգ չի սպառնում: Հազիվ թե ապացույցի կարոտ լինե՞ր և այն, թե «Ղվինի ժողովի» սահ-

* Ակակին առանձին ուշադրություն է դարձնում այն հանգամանքի վրա, որ երբ հայերին արգելվում էր որևէ հարաբերություն ունենալ վրացիների հետ, մինևույն ժամանակ թույլ էր տրվում առևտուր անել, ինչպես հրեաների հետ. բայց եթե այդ կետն առանձնապես հուզում է Ակակիին, ուրեմն թող նա իմանա, որ նայելով Հովհաննես Կաթողիկոսի պատմության (Մոսկ. տպագր. 1853, երես 42) հայոց եկեղեցու հայրերը Ղվինի ժողովում արգելեցին հայերին նաև առևտրական սակարկություններ անելը վրացիների հետ: Բայց ի՞նչ է ցույց տալիս այդ ամենը. այն, որ մինչ այդ ժամանակ միասին եղած հայ-վրացական եկեղեցու հոգևոր ղեկավարները բաժանվել էին երկու բանակների, որոնց հարաբերությունները չափազանց լարված էին, և երկու կողմերը ևս միատեսակ օժանդակում էին այդ լարման սաստկանալուն, նախանձախնդիր լինելով հավատի մաքրության: Այո, դրանից ավելի ոչինչ: Այն ժամանակ Հայաստանում կյանքն այնպես միակողմանի - եկեղեցական չէր, որ նրա հարաբերությունները դեպի դրացիները որոշվեին եկեղեցական նշանակություն ունեցող այդպիսի բացառիկ հոգվածներով: Իսկ հետո այդ հոգվածներն անչափ հիմնովին մոռացվեցին, որ հարկ է լինում քրքրել, փնտրել նրանց տարեգրությանց մեջ, իբրև հնագիտական նյութ:

(Ծան. հեղ.):

մանած արգելմունքը ըստական գրգռման արդյունք էր և երբեք կենսական նշանակություն չի ստացել: Խնդրի վրա այսպիսի կանոնավոր կարծիք և այն էլ պատճառաբանված կարծիք կա նույնիսկ վրաց գրականության մեջ (Թ. Ժորդանիա, Ժամանակագրություններ և այլն, վրաց լեզվով, Թիֆլիս, 1893, էրես 313): Գուցե Ակակին դեռ ժամանակ չի ունեցել պ. Ժորդանիայի աշխատությունը կարդալու, բայց պետք է ենթադրել, որ նա կարդացել է Դ. Զ. Բաքրաձեի բրոշյուրը «պրոֆեսոր Պատկանյանը և վրաց պատմության աղբյուրները» (վրացերեն, Թիֆլիս, 1884, էրես 6.), և ինչպես երևում է, վերցրած է նրա առաջ բերած «Դվինի ժողովի» որոշումը, և հետևաբար Ակակին գիտե, որ վրացի հանգուցյալ պատմաբանը ևս այդ փաստաթղթին ընդհանուր հայկական բնութագիր չի տալիս, որովհետև դրա այդպիսի նշանակության դեմ են անվիճելի փաստերը (էրես 6 և 7):

Հետագայում մենք կեստ առ կեստ կդիտենք մեր քննած հոդվածի կետերը, որոնք հակաճառության են հանդիպում մեր կողմից, և յուրաքանչյուր անգամ նախապես առաջ կբերենք Ակակիի խոսքերը:

1. «Եթե հայոց պատմությանը նայենք, վրաց ինքնուրույնությունը ոչ մի ժամանակամիջոցում արժանի չէ հիշատակի» (էրես 36):

Տասներեք տարի է, որ մենք կարդում ենք հայերեն, ահա արդեն ինը տարի է, որ ուսումնասիրում ենք հայ հեղինակներին, իբրև մասնագետ, բայց և ոչ մի հայ պատմագրի, ոչ մի հայ հեղինակի գրվածում չենք պատահել և ոչ մի տեղ, ուր վրաց ինքնուրույնությունը ենթարկվեր այդպիսի ծայրահեղ կասկածի կամ ծաղրի: Ընդհակառակը, եթե հայ հեղինակները չլինեին, վրաց անցյալի մեծ մասը հավիտյան կմնար ծածկված անթափանցելի խավարով: Վրաց թագավորների արժանավորությանց, վրաց իշխանների սխրագործությանց մասին խոսում են ոչ միայն հայ պատմագիրներն, այլև խոսվում է հայ ձեռագրերի հավելվածների և ծա-

նորությունների մեջ^{*}։ Սա գիտության մեջ արդեն վաղուց ընդունված փաստ է, և եթե դա ժամանակակից վրաց հասարակության մեջ չի գնահատված ըստ արժանվույն, դրա հանցանքը ոչ թե հայկական նյութերի անպետքությունն է վրաց պատմության համար, այլ վրաց անժանոթությունը հին հայկական գրականության և մասամբ դեպի ամեն մի հայկականը եղած այն թշնամական տրամադրությունը, որ հիմնված է նույնիսկ այդ անգիտության վրա։ Եթե մի բան էլ գիտեն ժամանակակից վրացիները հայկական աղբյուրների մասին, վրաց պատմության վերաբերյալ, դրանք էլ բացառապես երկու-երեք մասնագետներ են և գիտեն միայն

* Ընթերցողներին գուցե հայտնի չի, որ Եվրոպայում դեպի վրաց պատմական հիշատակարանները բուն գիտական շահագրգռություն ծագելը և մինչև այժմ իր նմանը չունեցած բազմաշխատ վրացագետ M. Brosset-ի երևան գալը տեղի ունեցավ մասամբ հայկական աղբյուրների շնորհիվ, որոնք նյութ են բովանդակում վրաց պատմության վերաբերմամբ։ Մենք այդ խնդրի առթիվ առաջ կբերենք մի կտոր՝ արդեն վերը նշված վրացի Դ. Ձ. Բաքրաձեի վրացերեն բրոշյուրից (երես 1-2) և պ. Բաքրաձեի կարծիքը, ներկա դեպքում, առանձին կրթական նշանակություն կունենա վրացիների համար. - «Երբ 1822 թվականին Փարիզում հիմնվեց Ասիական ընկերությունը, նրա անդամներից մեկը՝ մեծանուն Ս. Մարտենը, համոզեց հիշյալ ընկերությանը, թե Վրաստանն այնքան էլ աղքատ չէ պատմական հիշատակներով, ինչպես կարծում են, և թե այդ հիշատակարանների հրատարակությունը լույս կսփռի Արևելքի անցյալ կյանքի վրա։ Ս. Մարտենը այդ միտքը հիմնում էր եվրոպական գիտության մեջ եղած հատուկ նետ տեղեկությունների և, **մանավանդ, հայկական** հիշատակարանների տեղեկությունների վրա, իսկ հայկական հիշատակարանները նա ուսումնասիրել էր ամենայն կատարելությամբ։ Ս. Մարտենի առաջարկությամբ Ասիական ընկերության անդամներից հինգ հոգի եռանդազին ձեռնամուխ եղան Վրաստանի պատմության ուսումնասիրությանը, բայց, դժբախտաբար, նրանցից մեծ մասը շուտով մեռավ, ողջ մնաց միայն Մարի Բրոսսեն, որ իր գործունեությունը մեր (վրաց) պատմագրության վերաբերյալ 1837 թվին Փարիզից փոխադրեց Պետերբուրգ»։ (Ծան. հեղ.):

երկրորդ ձեռքից - այն է հանգուցյալ ակադեմիկոս Բրոսսեի գրածներից:

Իհարկե, չի կարելի սպասել, որ հայոց տարեգրությունները վրաց տեսակետով լինեն գրված. նրանց մեջ ոչ ամենն այնպես է պատմվում, ինչպես վրաց տարեգրությանց մեջ: Հայ պատմագիրները միատեսակ անաչառությամբ պատմում են վրաց թե՛ փառավոր և թե՛ ոչ փառավոր գործերի մասին. բայց հենց իսկ դրա մեջ է հայ աղբյուրների արժանավորությունը, իսկ եթե երբեմն հայկական տեսակետը - որ կատարելապես տեղին է հայկական գրականության հիշատակարանների մեջ - թանձրացնում է տեղ-տեղ գույները, գուցե ճիշտ չի լուսաբանում փաստերը, ապաքեն դրա համար կան հայտնի լեզվաբանական կարգապահություններ - պատմական կրիտիկան, բնագրերի քննադատությունը և այլն, որոնք ըստ արժանվույն գնահատում են աղբյուրները, իսկ հայկական գրական հիշատակարանները քննադատությունից չեն վախենում, միայն թե այդ կրիտիկան, այդ քննադատությունը լինի բուն գիտական:

2) Եթե հավատանք հայոց պատմությանը, դուրս է գալիս, որ լեզուն էլ մեզ հայերն են պարզել (երես 36): Հայ պատմագիրների գրվածներիի մեջ մենք ոչ մի այդպիսի բան չենք գտնում: Գուցե հայերը վրացիներին լեզու են պարզել, ասելով պետք է հասկանալ այն, որ մի «տարեգրողի» հաղորդածին նայելով՝ վրացիք սկզբում խոսում էին հայոց լեզվով: Բայց այդ տեղեկությունն էլ միայն վրաց տարեգրությանց մեջ կա գրված (վրացերեն բնագիր, հրատ. Գիտ. ձեմարանի, հատ I, երես 25 և 26, նույնը = ֆրանսերեն թարգմ. Brosset, հատ. I, երես 31 և 32). և եթե հայ գրականության մեջ այդպիսի մի տեղեկության հանդիպեք, այդ տեղեկությունն էլ թարգմանված է վրացերեն հիշատակարանից (Վրաց պատմություն, հայերեն թարգմ. Վենետիկ, 1884, երես 17 և 18, նույնը = ֆրանսերեն թարգմ. Brosset, Additions et Eclaircissement, 1851, երես 6):

3) «Մի՞թե երեկ չէ՞ր, - ասում է Ակակին,-որ նրանց (հայերի) գիտնական – Պատկանյանն ապացուցում էր, թե վրացիք պատմություն չեն ունեցել, թե վրացիք այդ պատմությունը շարադրել են միայն XVIII դարում, Վախթանգի օրով և այն էլ հայկական հեքիաթի հիման վրա» (երես 16):

Եթե Ակակին ցանկանար ասել, որ Պետերբուրգի համալսարանի հանգուցյալ պրոֆեսորը, ռուս գիտնական, ծագումով հայ Պատկանյանն առաջին անգամ լուրջ գիտական կրիտիկայի ենթարկեց Վրաց տարեգրությունները, ցույց տվեց այդ հիշատակագրի մեջ ահագին անախրոնիզմներ, բացատրեց մի շարք փաստերի անգործությունը, որոնք հիմնված են, անկասկած, վիպական եղանակի վրա, որ իրեն լավ ծանոթ է հայ պատմագիրներից, մասամբ ենթադրությունների վրա և մասամբ օտար հերոսների սխրագործությունները «վրացիացնելու» վրա և ակներև կերպով ապացուցեց, որ Վրաց տարեգրությունները, այն ձևով, ինչ ձևով գոյություն ունեին իր օրերում, հայտնի են միայն եվրոպական գիտությանը և, համենայն դեպս, արտադրություն են XVIII դարի, և թե բացառապես հայկական թարգմանությամբ եղած ավելի հին խմբագրությունը հազիվ թե XI դարից ավելի հին լինի, կրկնում ենք - եթե Ակակին ի նկատի ունենար մատնացույց անել հանգուցյալ հայագետի այս ծառայությունները, այն ժամանակ մեզ այլևս խոսելու տեղիք չէր տա: Նկատելով այստեղ, որ վրաց պատմության նախնական ժամանակամիջոցի առասպելական բնավորություն ունենալու միտքը հարևանի կերպով Պատկանյանից առաջ արտահայտել է վրացի Բաքրաձեն*, մենք միայն կավելաց-

* Ահա վրաց հանգուցյալ պատմագրի իսկական խոսքերը. «Վրաստանի նախնական ժամանակներին վերաբերող աղբյուրները շատ աղքատիկ են և եղածներն էլ առասպելական բովանդակություն ունեն» (Բաքրաձե, Обь источниках грузинской истории, Кавказск. Календарь, 1858 թ., Թիֆլիս, 1857, երես 405): Ավելի վերջին աշխատությանց մեջ ևս Բաքրաձեն ամենևին չի հերքում

մեխնք, թե որպես հանգուցյալ պրոֆեսորի աշակերտ, հպարտությամբ ընդունում ենք, որ նա կատարել է այդ ծառայությունը գիտության առաջ, և բացի դրանից, առանձնապես հետաքրքրվելով գիտական վրացագիտությամբ⁶⁶, մենք դեպի նրա հիշատակն առանձին երախտագիտություն ենք տածում այդ հողվածի համար, որովհետև այդ հողվածը կենդանացրեց միտքը վրաց գիտական գրականության մեջ, խթան եղավ վրաց պատմության աղբյուրների լրջորեն մշակելուն և, ի միջի այլոց, նպաստեց, որ լույս աշխարհ գան վրաց ամենահին խմբագրությամբ տարեգրությունները, որոնք էապես, հիանալի կերպով հաստատում են Բ. Պ. Պատկանյանի հիմնական մտքերը⁶⁷:

այդ փաստը, այլ վերագրում է անբարեհաջող հանգամանքներին: Ի դեպ, կարելի է նկատել, որ իր գիտական երկերի մեջ այդ կոչմամբ գիտնականը զարմանալի ուղղամտությամբ էր վերաբերվում հայերի՝ վրաց վրա ազդելու խնդրին. մինչև անգամ Բ. Պատկանյանի հողվածի դեմ գրած նրա շատ հետաքրքրական ցուցմունքներով լի հակաճառությանց մեջ – թեև նրանք ըստ էության չեն ներկայանում իբր պատասխան նրա արժեք ունեցող մասերի – տիրապետում է խելացի վերաբերություն դեպի խնդիրը, թեև այդ ինքնապաշտպանողական բնավորություն կրող հակաճառության մեջ երբեմն խանգարվում էր գիտնականի հանդարտ տոնը, և տեղ-տեղ լսվում էր ազգային-հայրենասիրական զգացման վրդովմունքի ձայնը:

⁶⁶ Դուրս է գալիս, որ դեռ ազգային-հայրենասիրական վրացագիտություն ևս կա, առանձին «գիտական» վիճելու եղանակներով:

⁶⁷ Բ. Պ. Պատկանյանի աշխատության մի մասի համար մեր ասածից հարկ չկա ամենևին հետևություն անել, թե այդ աշխատությունն ըստ ամենայնի անսխալական է: Պատկանյանը, վրացագիտության մեջ մասնագետ չլինելով, չէր կարող խուսափել մի քանի շեղումներից մանրամասնությունների մեջ: Բացի դրանից, այժմ նրա մի քանի ձևերը կարող էին հնացած համարվել, բայց այդ էլ արդեն ոչ մի կապ չունի այն վրացատյացության հետ, որ նրա շլնքին են փաթաթում: (Ծան. հեղ.):

Բայց Ակակին իր ընթերցողներին բուրրովին մի այլ բան է ներշնչում. նրա ասելով, Պատկանյանը «հայ գիտնական» է և իբրև հայ դիտմամբ դոժում էր, անվանարկում վրաց անցյալը: Սակայն այդ այդպես չէ: Մենք արդարամիտ կլինենք և կխոստովանենք, որ արժանավոր մեծ համբավ վայելող գիտնականի հիշատակին արտահայտված այդ աննշանների քսությունը Ակակին չի պատկանում. այդ քսությունը վաղուց է պատռում վրաց ինտելիգենտ շրջանի մի մասի մեջ և ճարպկությամբ թաքնվում է մի քանի վրացիների զասի - գիտական աշխատությանց մեջ, բայց մենք իրավունք ունենք սպասելու, որ վրաց քանքարավոր պոետը, որ այնքան հաստատաքայլ և անկախորեն գնում է իր ճանապարհով, կգարշի քսությունը կրկնելուց, առանց նրան ստուգելու, ավելի քիչ կարող էինք սպասել, որ իր ազգի այնպիսի անկեղծ մարգարեն, ինչպիսին է Ակակին, գործին անգիտությունից ծնած այդպիսի լուրերը կդնի իբրև հիմք իր դատողության մի ամբողջ ազգի մասին, թեև փոքր ազգի:

Բարերար նշանակությունն այն գիտական կրիտիկայի, որին ենթարկեց Պատկանյանը **Վրաց տարեգրությունները**, իհարկե, վաղ թե ուշ ավելի լայն կհասկացվի նաև վրաց շրջանում: Սակայն կարող են կարծել, թե վրացագիտության համար բարերար այդ գիտական կրիտիկայի մեջ Պատկանյանի բացասական վերաբերմունքը դեպի **Վրաց տարեգրությունները** բացատրվում է նրա, իբրև հայի ատելությանմբ դեպի ամենն, ինչ-որ վրացական է, թե նա դրանով ցանկանում է ստորացնել վրացիներին կրթված հասարակության աչքում, թե նույն Պատկանյանը, հայկական հիշատակները կրիտիկայի ենթարկելիս, խուսափել է բացասական վերաբերմունքից: Բայց հենց բանն էլ այդ է, որ, չնայելով հայ լինելուն, գիտնական Պատկանյանը միօրինակ անխնա էր պատմական հիշատակարանները կրիտիկայի ենթարկելիս, պատկանեին այդ հիշատակարանները վրացիներին թե հայերին - այդ միևնույնն էր նրա համար: Բավական է ասել, որ Մովսես Խորենացուն, այդ հայկական

գրականության պարծանքին գնահատելիս «հայ գիտնական» Պատկանյանն ավելի անխնա է անում իր բացասական եզրակացությունները, քան Վրաց տարեգրությունները գնահատելիս:

4) «Մի՞թե նրանց (հայերի) դրդմամբ չէր, որ Գրենը հրապարակավ արտահայտեց, թե թագուհի Թամարը գահ բարձրացավ հայերի և օսերի ինտրիգներով. իսկ վրացիներն այն ժամանակ՝ XII դարում, ներկայացնում էին մի խելագուրկ ամբոխ և ոչ մի նշանակություն չունեին» (Երես 36):

Մեզ շատ անգամ պատահել է տեսնել, որ վրաց գրականության մեջ միմյանց կողքի են դնում պ. Գրենին և Զ. Պ. Պատկանյանին: Մեր գիտության մեջ Գրենի ունեցած նշանակության մասին մենք կարող ենք լռել: Այս թուպեին հարցը նրանում է, թե ինչ ճանապարհով է Ակակին խելամիտ եղել, որ պ. Գրենը, արտահայտելով իր վերոհիշյալ միտքը Թամարի թագավորելու մասին, գործում էր հայերի դրդմամբ: Ի՞նչ մի գովական բան կարող էին գտնել հայերը նրա մեջ, որ ցույց տան, թե իրենց նախնիքը վրաց արքունիքում ինտրիգաններ էին: Եթե այն իսկ ենթադրենք, որ դա գովական է որևէ մեկի համար, այնուամենայնիվ, պ. Գրենի արտահայտած մտքի մեջ չկա այնպիսի մի բան, որ ցույց տա, թե այդտեղ հայերը մի բացառիկ դեր են խաղացել: Ակակիի խոսքերից դատելով, պ. Գրենը Թամարի թագավորելը բացատրում էր հայերի և օսերի ինտրիգներով. և եթե այդ հիման վրա մեղադրենք իբրև դրդողների, ուրեմն այդ մեղադրանքը պիտի վերաբերի նաև օսերին, և այդ դեպքում կնշանակի, որ պ. Գրենը Ակակին հետաքրքրող կարծիքն արտահայտել է օսերի և հայերի դրդմամբ!! Մենք չենք իմանում, թե ինչպիսի՞ «օսական ներշնչումներ» կարող էին այդտեղ գործել, բայց Գրենի վերաբերմամբ «հայերի դրդման» մասին կարելի է խոսել միայն կատարելապես անծանոթ լինելով հայ գրականության, ուր եթե պատահում եք որևէ տեղեկության Գրենի գիտական աշխատությանց մասին («Արծազանք», 1893, № 148), այդ տեղեկությունն ամենևին չի վկա-

յում, թե հայերը հետաքրքրվել են Գրենի կարծիքով, հայերի պատմական նշանակության մասին, ուր որ էլ լինի, թեկուզ նույնիսկ Վրաստանում:

Եվ վերջապես, մի՞թե Ակակին չի հասկանում, որ երբ ամենքից պահանջում է բացառապես իր դավանած հայացքներն ընդունել հայերի անցյալի վերաբերյալ և չընդունողներին սպառնում է անվանարկություններով, նա նույնիսկ դրանով, առանց այն ևս քիչ լուսավորված ժողովրդի մեջ՝ գրգռում է հալածանք մտքի ազատության դեմ: Կամ չլինի՞ թե Ակակին վտանգ է զգում, թե իր շուրջը տիրում է չափազանց շատ մտքի ազատություն և փոխադարձ համբերատարություն:

5) «Մի՞թե հայոց լրագրերը և հանդեսները չեն, որ ապացուցում են իբրև թե վրաց լեզուն այնքան աղքատ է, որ այդ լեզվով չի կարելի բարդ մտքեր արտահայտել, և իբրև թե վրացիք նույնիսկ բառերը վերցրել են հայոց լեզվից, մինչդեռ բոլորովին ուրիշ բան են ասում եվրոպական գիտնականները (?) և նրանց թվում նույնիսկ նրանց (հայերի) աչքում հեղինակություն համարված պ. Գատերիասը, որի կարծիքով հայոց լեզուն չի կարելի իսկ ուսումնասիրել առանց վրաց լեզվի օգնության» (երես 36):

Հարկավ՝ «Հայոց լրագրերը և հանդեսները» տված են ավելի մեծ էֆեկտ գործելու համար. հայոց լրագրերում և հանդեսներում, ինչպես և ամբողջ աշխարհի մամուլի մեջ գրվում են և՛ խելացի, և՛ անտեղի հոդվածներ. առաջիններն առհասարակ պատկանում են լուրջ հեղինակներին, իսկ երկրորդները՝ թեթևամիտներին, բայց մենք երբեք չենք հանդիպել հայ մամուլի էջերում այն մտքով հարձակումներ վրաց լեզվի դեմ, իբր թե մարդավարի կերպով չի կարելի միտք արտահայտել վրաց լեզվով: Ընդհակառակը, դատելով այն ամենից, ինչ որ մենք առիթ ենք ունեցել կարդալ հայ գրականության մեջ վրաց լեզվի և վրացիների վերաբերյալ, մենք դրականապես կարող ենք պնդել, որ ոչ մի հայ լուրջ հեղինակ իրեն թույլ չի տա վրացիների մասին գրել այնքան

վայրենի բաներ, որքան արտահայտված է հայերի մասին վրաց առաջնակարգ հեղինակ Ակակիի հոդվածի մեջ:

Հարկ չկար հայ լրագիրներին և ամսագիրներին ապացուցել, որ վրացիք հայոց լեզվից բառեր են վերցրել, դա մի փաստ է արդեն, որի գյուտի պատիվը հայերին չի պատկանում. թե վրաց լեզվի մեջ հայկական բառեր կան, այդ դեռ ընդունել և ցույց են տվել այնպիսի վրացիք, ինչպիսիք են XVIII դարի հեղինակ Սաբա-Սուլխան Օրբելիանին և XIX դարի բառագիր Դ. Ի. Չուբինովը: Կասկած չկա, որ հայոց լեզվի ազդեցությունը վրաց լեզվի վրա ավելի ուժեղ է եղել, և այդ ուժեղության չափն առայժմ դեռ բոլորովին չի որոշված, և վրացիք պիտի շատ շնորհակալ լինեին հայոց լրագրերից և հանդեսներից, եթե միայն նրանք հիշյալ երևույթը լուսաբանեին ավելի ընդարձակորեն, ինչպես ներշնչում է Ակակին, բայց, դժբախտաբար, այդպիսի բան դեռ չի եղել: Ոչինչ չկա անարգական, եթե վրաց լեզվի մեջ մտնեն շատ օտար և, ի թիվս նոցա, հայկական բառեր: Ուրիշինը յուրացնել, մշակել և յուրը դարձնել, այդ միայն ցույց է տալիս լեզվի կենսունակությունը: Վրաց լեզուն նույնպես որոշ ազդեցություն է արել հայոց լեզվի վրա, և հայերը, որչափ մենք նրանց ճանաչում ենք, շատ երախտապարտ կլինեին, եթե մի որևէ վրացի բացատրեր այդ ազդեցության չափը: Իրենք, հայերն ամենևին չեն աշխատում թաքցնել այդ փաստը. Վենետիկի Մխիթարյանները մեծ հաճությո՜վ ցույց են տալիս իրենց հիմնավոր բառարանի մեջ վրացական ծագում ունեցող բառերը, իհարկե, եթե միայն այդ բառերը հայտնի են նրանց:

Վերջապես, եվրոպական ոչ մի գիտնական և ոչ իսկ ֆրանսիական հանգուցյալ արևելագետ Gatteyrias-ը, որ չգիտեմ ինչու Ակակիի հոդվածի մեջ հայկական հեղինակություն է անվանված, այդպիսի մի հանդուգն միտք չեն արտահայտել, իբրև թե առանց վրաց լեզվի անկարելի է ուսումնասիրել հայոց լեզուն: Հայագետների մեծ մասը երբեք չի իմացել և այժմ իսկ չգիտե վրաց լեզուն: Մյուս կողմից՝

վրաց լեզվի գիտությունը Gatteyrias-ին օգնեց առաջադիմություն գործել հայ լեզվում, որ նա գիտեր բավական վայրիվերո, ինչպես այդ երևում է նրա թարգմանություններից: Խնդիրը, իհարկե, հայոց լեզուն յուրացնելու մեջ չէ, այլ նրա լեզվագիտական նշանակության մեջ. այդ պատճառով էլ Gatteyrias-ը ուշադրություն էր դարձնում վրաց լեզվի վրա, բայց թե ինչ հարաբերություն էր նկատում նա հայերեն և վրացերեն լեզուների մեջ, դա մի գաղտնիք է, որ նա իր հետ տարավ գերեզման: Շտապում ենք ավելացնել, որ մենք անձնապես, մեր լեզվագիտական աշխատանքների մեջ նույնպես հասել ենք այն մտքին, թե վրաց լեզուն առաջնակարգ նշանակություն ունի հայ լեզվի պատմությունը պարզաբանելու համար: Բայց դա զուտ գիտական խնդիր է, և հայերն արդեն վարժվել են այդպիսի հարցերը զանազանել ազգային հարցերից, և նրանց համար, ըստ էության, միևնույն է, թե ինչ վճիռ կստանա այդ հարցը, միայն թե նա համաձայն լինի գիտության և ճշմարտության:

6) Իբրև ապացույց (յուրյանց անարդար ոտնձգության) նրանք (հայերը) մատնացույց են անում վրաց տաճարները և վանքերը, որոնց վրայից քերել են վրաց լեզվով արձանագրությունները և փոխարեն «Ղավիթների» և «Բագրատների» «փորագրել են «Արշակներ» և «Մարշակներ» (երես 37):

Եթե Ակակին մի ավելորդ անգամ ևս ցանկանար հիշեցնել արդեն լրագիրների սյունակներից անցած քիչ հավա-

* L'Arménie et les Arméniens par I. A. Gatteyrias, Paris, 1883, երես 14: Ի դեպ Gatteyrias-ի այդ աշխատությունն, ըստ էության, իբրև մի նորություն չընդունվեց իսկ իր ժամանակին. բայց ով որ կատարելապես հասկացողություն չունի Հայաստանի անցյալի մասին, այդպիսիներին կարելի է առաջարկել այդ գիրքն այժմ ևս, նախազգուշացնելով, որ հեղինակը միայն Ղյուլորիեի եռանդագին աշակերտն է և 109 փոքրադիր երեսների վրա ծանոթացնում է հայոց սոսկական ավանդական պատմության հետ ab ovo, մինչև Կիլիկիո թագավորության անկումն:

նական լուրը, թե մի որևէ հայ բարբարոսաբար է վարվել վրաց արծանագրության հետ, դրա դեմ մենք հակաճառելու ոչինչ չէինք ունենալ: Իհարկե, յուրաքանչյուր մարդ անկեղծորեն կցավակցեր, որ մեկն ու մեկը տգիտությամբ փչացրել է վրացերեն արծանագրությունը, եթե միայն, կրկնում ենք, այդ լուրը մտացածին չէ. իսկ հայերը կրկնակի կվշտանան, եթե այդ սրիկան իրենց ցեղակիցն է եղել: Սակայն վերոնշյալ բոլոր տողերի թույնը նրա մեջն է, որ Ակակին առանձնակի և ստուգության կարոտ միակ փաստն ընդհանրացնում է և բոլոր հայերին ներկայացնում է իբրև բարբարոսներ, որոնք գիտակցաբար քերում են վրացերեն արծանագրությունները և կեղծիքներ են կատարում: Բայց այդ տեղեկությունն ակնհայտ կերպով հակասում է իրականության: Չէ՞ որ, երբ մեղադրում են հայերին իբրև այդպիսի անարգ գործ կատարողների, ի նկատի չունեն հայ հասարակ ժողովուրդը, որին և դատապարտելը ամենամեծ անարդարությունը կլիներ – հայ հասարակ ժողովուրդը երբ քարի վրա արծանագրություն է նկատում, այդ քարին վերաբերվում է ջերմեռանդությամբ՝ իբրև սրբություն, ինչ լեզվով էլ լինի այդ արծանագրությունը: Մենք անձնապես շատ անգամ վկա ենք եղել այդ տեսակ վերաբերության: Իսկ հայկական ինտելիգենցիայի մեջ, որ հասարակության աղն է և նրա ղեկավարը, դեպի օտարի և իր հնությունները եղած հարգանքը նրա ամենահամակրելի հատկություններից մեկն է, նույնիսկ այն ազատամիտ մասի մեջ, որ շարունակ պառակտումն է պահանջում անցյալից և որ, ըստ երևույթին, ամենից ավելի քիչ պիտի հետաքրքրվի հնագիտական խնդիրներով: Եվ մի՞թե կարելի է ուրիշ վերաբերություն սպասել, երբ հայկական կրթված հասարակության մեջ լեզվագիտությունն արդեն հարյուրավոր ներկայացուցիչներ ունի, մեծամասնությունը եռանդագին լսել են թե՛ ռուս և թե՛ մանավանդ գերմանացի պատմաբաններին, ցեղագետներին, լեզվագետներին և այլն, և այլն: Բայց գերմանական լեզվագիտական գիտությունից անկախ, հայերը վաղուց

արդեն հարգանք են ցուցաբերել դեպի արծանագրությունները և ոչ միայն դեպի իրենցը, այլև դեպի օտարներին: Հայ վարդապետները խնամքով ժողովում էին վրաց արծանագրությունները և մինչև անգամ տպագրում և ավելի կանուխ, երբ դեռ վրացիները լուրջ ուշադրություն չէին դարձրել իրենց արծանագրությանց վրա: Վրաց արծանագրություններին հայերի կողմից այդպիսի սիրով վերաբերվելու մասին վրացիք կարող էին տեղեկանալ գոնե Գիտությանց Ճեմարանի հրատարակություններից, օրինակ՝ *Inscriptions géorgiens etc. recueillies par le Père Nersés Sargislian* et expliquées par M. Brosset, St Pétersbourg, 1864*: Այդպիսի վերաբերություն նկատել ենք մենք անձամբ: Ռուսական Հայաստանում կատարած մեր հնագիտական ճանապարհորդությանց միջոցին մենք տեսել ենք վրաց արծանագրություններ բացառապես հայաբնակ տեղերում և մեկն, ի միջի այլոց, Գոշ գյուղում, այսինքն՝ գրեթե էջմիածնի թևի տակ և թե՛ տեղական, և թե՛ մեզ ուղեկցող հայերի մեջ մենք նկատում ենք ոչ թե ցատում՝ վրաց Հայաստանում ժամանակավորապես տիրապետության հիշատակների դեմ, այլ կատարելապես խելացի հետաքրքրություն: Ալեքսանդրապոլի գավառում, բաց դաշտի մեջ գտնվեց քարե խաչի մի բեկոր վրացերեն հետաքրքրական արծանագրությամբ, որ հետաքրքրական էր իսկ իր գտնված տեղով, և այդ քարը խնամքով վերցնողը և գիտության համար փրկողը մի հայ էր: Այդ մենք տեսանք մեր աչքերով: Բայց բավական է: Այստեղ հո չենք գրում վրաց արծանագրությանց հայերի մատուցած ծառայությունը: Միայն պետք էր ցույց տալ, թե հայկական գիտական շրջանում, ազգային գիտակցության զարգացման աստիճանի հայտարար այդ շրջանում, ինչպես և հայ ինտելիգենցիայի մեջ տիրապետում է ոչ միայն համբերատարություն, այլև սիրալիր ուշադրություն դեպի

* Ճանապարհորդել է Հայաստանում 1843-53 թվականներին: (Ծան. հեղ.):

վրաց ազդեցությունը հին հայկական կյանքի վրա: Ի միջի
այլոց, ոչ թե վրացի, այլ հայ գիտնական հ. Հ. Տաշյանը ըստ
կարյաց լուսաբանել է այն կարևոր դերը, որ խաղացել է հա-
յոց գրականության մեջ միջին դարերում ահագին նշանա-
կություն ունեցած հույն պատմագիր Պրոկոլեսի մի փիլիսո-
փայական երկի վրացերեն բնագիրը:

Ասվածը բավական է:

14 հունվարի 1898 թ. Ս. Պետերբուրգ:

ՆԻԿ. ՄԱՌ

ՀԱՅ-ՎՐԱՑԱԿԱՆ
ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՄԱՍԻՆ ԱՆՑՅԱԼՈՒՄ

Թարգմանություն ծանոթություններով
Ա. ԱՐԱՍԽԱՆՅԱՆՑԻ

ՀԱՅ-ՎՐԱՑԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՆ ԱՆՑՅԱԼՈՒՄ ՊՐՈՖ. ՆԻԿ. ՄԱՌԻ ԼՈՒՍԱԲԱՆՈՒԹՅԱՄԲ

Հայ-վրացական հարաբերությունների մասին գրական բանակռվի նորագույն շրջանի պատմության մեջ իբր կուլմինացիոն կետ պիտի նկատվի վրացի բանաստեղծ Ակակի Ծերեթելու հոդվածը, որ նա հրատարակեց յուր խմբագրած և յուր անունով «Ակակիի ժողովածու» («Ակակիս կրթուլի») կոչված ամսօրյա հրատարակության սույն տարվա հունվարի տետրում: Հոդվածի վերնագիրն է՝ «Արմենիա, Հայաստան և Սոմխեթի»: (Վերջինս Հայաստանի վրացական անունն է): Ակակի Ծերեթելին յուր հոդվածի մեջ հենվում է մասամբ մի պատմական համառոտ տեսության վրա հայերի անցյալի մասին, որ գրել է մի, ինչպես Ակակին է ասում՝ «երիտասարդ վրացի գիտնական»: «Այդ տեսությունը մի կոմպիլացիա է, որի մեջ նրա կազմողը ցույց է տալիս քիչ ու միչ ծանոթություն մի քանի արևելագետների աշխատությունների հետ, և կատարյալ անտեղյակություն հայագիտության մեջ, և գրված է - ասում է հեգնորեն պրոֆ. Մառը - մի կռվարար ձևով, որը հատուկ է «համարձակ գիտնականներին», որոնք գիտություններով չեն ծանրաբեռնված:

Ս. Պետերբուրգի համալսարանի արևելագիտության պրոֆեսոր Ն. Մառը, յուր իսկ ասելով, դրված նույնիսկ «համակրությունից դեպի վրաց տաղանդավոր բանաստեղծը» «և մանավանդ նրա անկեղծության, ուղղամտության և գրական ուղղության մեջ ունեցած անկախության համար», բարվոք դատեց նրա անարդար դատողությունները հայերի մասին հերքել: Այդ յուր առաջին հոդվածը, «Վրաց բանաստեղծ Ակակին Հայերի մասին» խորագրով, պր. Մառը տպեց Թիֆլիսում հրատարակվող «Նովոյե օբզորենիյե» («Նոր Տեսություն») ռուսաց օրաթերթում (5 և 6 փետրվարի

համարում): Պր. Մառի այդ ընդդիմախոսությանը պատասխանեց Ակակի Ծերեթելին յուր «Ժողովածուի» մեջ, որին ապա հաջորդեց պրոֆեսոր Մառի մի բազմաբովանդակ պատասխանը այս վերտառությամբ «Փոխանակ պատասխանի հրապարակախոս բանաստեղծին», որ և այժմ լիակատար թարգմանությամբ առաջարկում ենք հայ ընթերցողներին: (Ռուսերենը տպվեց նույն «Նովոյե օբզորենիյե» թերթի 31 մարտի և 2 ապրիլի համարներում):

Թեև այդ հոդվածում կրկնվում են առաջին ընդդիմախոսության մեջ շոշափված կետերը, բայց և այնպես լիակատարության համար ավելորդ չենք համարում այստեղ դնել պր. Մառի առաջին ընդդիմախոսության բոլոր կարևոր տողերն ամենայն հավատարմությամբ:

Պր. Ն. Մառի առաջին ընդդիմախոսությունը (Քաղվածաբար)

Ակակին (այս անունով պետք է հասկանալ Ակակի Ծերեթելի), կրկնելով մի «երիտասարդ վրացի գիտնականի» (որի անունը չի տրված) խոսքերը, պնդում է եղել թե՝

«Այժմյան հայերը չունենին ոչ մի ազգային անուն և չեն ունեցել ոչ մի ազգային պատմություն՝ մինչև Հայոց Եկեղեցու բաժանվելը օրթոդոքս եկեղեցուց», և հեզնում էր, որ «հայ պատմությունների հաղորդածները հայկական հնագույն ժամանակների մասին հեքիաթներ են միայն»:

Մառը պատասխանում է այս վերջին կետի նկատմամբ, թե ոչ միայն եվրոպացիք (Գուտշմիդ, Բաումգարտներ, Կարիեր և այլք), այլև նշանավոր չափով իրենք հայերը (Ք. Պատկանյան, Տաշյան, Գարագաշյան, հ. Գալուստ Տեր-Մկրտչյանց, Խալաթյանց և ուրիշներ) խիստ քննադատության են ենթարկել հայոց պատմությունները, բայց ոչ թե հերքելու համար հայոց պատմությունը, այլ սրան ավելի գիտական հիմքերի վրա դնելու համար: Դրա հետ միասին Մառը հայտնում էր, թե՝

«Ամենահին ժամանակներում, և այսպես մինչև X դարը Քր. հետո, վրաց գրականությունը զանձվում էր հայոց գրականության զգալի ազդեցության ներքո: Բավական է ասել, որ սուրբ գրքերի առաջին վրացերեն թարգմանությունները կատարվեցին հայերեն լեզվից, և այդ ապացուցում են ոչ թե հայերը, այլ այնպիսի գիտնականներ, որոնք կատարելապես անտարբեր են հայ-վրացական հակաճառություններին: Վրաց եկեղեցական գիրը եթե տված էլ չլինի հայ Մեսրոպը (ժամանակակից հայագիտությունը չի ուզում պնդել

այդ, ինչպես կարծում է Ակակին), բայց նա, անկասկած, կազմվեց հայոց այբբենարանի օրինակի համեմատ, և, ըստ էության, հայոց պատմագիրների հաղորդածը իրականությանը բնավ չի հակասում: Եթե քրիստոնեական կուլտուրայի այնքան հիմնական գործոնները Վրաստանում, որպես եկեղեցական գիրն է և սուրբ Գիրքը, վրացիք հայերից ստացան, ուրեմն կարելի է երևակայել, թե ինչ էր հայոց լուսավորության ազդեցությունը հին վրացիների վրա, և այն էլ մի այնպիսի ժամանակ, երբ հայոց եկեղեցին ապրում էր տիեզերականի հետ միևնույն կյանքով»:

Ակակին պնդում էր, թե

«Հայերի դեպի վրացիք գիտակցաբար տածած ատելության ապացույցներից մեկը Ղվինի ժողովի 596 թ. վճիռն է, որն արգելում է հայերին հաղորդակցվել վրացիների հետ որևէ կերպ, ի բացառած առևտուրը»:

Մառը դրան պատասխանում էր, թե ավելի խիստ ֆանատիկոսական վերաբերմունքի դեպքեր են եղել վրացոց կողմից դեպի հայերը, և իբր օրինակ, Մառը հիշեցնում էր Վրաց տարեգրություններից այն դեպքը, երբ վրաց հոգևորականությունը քստմնելի կերպով (չան միջոցով!) քննել տվեց, թե ո՞րն է ավելի չավ կրոնը՝ հայոցը, թե՞ վրացը: Իսկ ինչ վերաբերում է ակնարկված վճիռն, որը Ակակին հայոց «սրբազան օրենք» է հայտարարում, Մառը հայտնում էր, թե այդպիսի վճիռ Ղվինի ժողովում չի կայացած, այլ դա հայոց Աբրահամ կաթողիկոսի մի շրջաբերական էր VI դարում:

Ակակին պնդում էր

«Եթե հայոց պատմությանը նայենք, վրաց ինքնուրույնությունը ոչ մի ժամանակամիջոցում հիշատակելու արժանի չէ»:

Մառը դրան պատասխանում էր, որ ինքը «ոչ մի հայ պատմագրի, ոչ մի հայ գրողի մոտ չի հանդիպել այնպիսի

տողերի, ուր վրացոց ինքնուրույնությունն այդ աստիճան կասկածի ենթարկված և ծաղրված լիներ: Ընդհակառակը, եթե չլինեին հայ հեղինակները, վրացոց անցյալի նշանավոր մասը հավիտյան ծածկված կլիներ անթափանցելի խավարով»:

Մառը պատասխանում էր, թե հայ պատմագիրներն այդպիսի բան չեն ասել, և որ գուցե Ակակին ակնարկում է ժամանակագիրների այն հաղորդածը, թե վրացիք մի ժամանակ հայերեն էին խոսում: Բայց այդ տեղեկությունը կա միմիայն Վրաց տարեգրությունների մեջ, իսկ հայերից, ով այդպիսի բան ասել է, այդ էլ միայն մի հիշատակարանում, որ թարգմանված է վրացերենից:

Ակակին ապա հարձակվում էր պրոֆ. Պատկանյանի վրա.

«Դեռ երեկ չէ՞ր, որ նոցա (հայերի) գիտնական Պատկանովն ապացուցում էր, թե վրացիք պատմություն չունեին, թե այդ հեղինակեցին նրանք միայն XVIII դարում, Վախթանգի ժամանակ, և այն էլ հայոց հեքիաթի հիման վրա»:

Մառը պատասխանել էր այդ կետին պրոֆ. Պատկանյանի վաստակները վրացագիտության մասին թվելով այսպես՝

«Պետերբուրգի համալսարանի հանգուցյալ պրոֆեսորը, ռուսաց գիտնական, ծագումով հայ Պատկանովը, առաջին անգամ խիստ գիտնական կրիտիկայի ենթարկեց Վրաց տարեգրությունները, ցույց տվեց այդ հիշատակարանի մեջ խոշոր անաքոնիզմներ, պարզեց մի շարք ֆակտերի անգործությունը, որոնք հիմնված են, անկասկած, վիպանվանական (էպոնիմ) եղանակի վրա, որ իրեն լավ ծանոթ էր հայ պատմագիրներից, մասամբ, որպես պետք է ենթադրել, օտարի հերոսների սխրագործությունները «վրացիացնելու» վրա, ու ակներև կերպով ապացուցել, որ Վրաց տարեգրությունները այն ձևով, ինչպես միայն նրա օրերում հայտ-

նի էին եվրոպական գիտությանը, համեմայն դեպս արտադրություն են XVIII դարի, և որ ավելի հին խմբագրությունը՝ առաջմ ծանոթ միմիայն հայկական թարգմանությամբ, հազիվ թե XI դարից ավելի հին լինի»:

Ապա Մառը, վկայելով, որ այս միտքը, թե վրաց պատմության սկզբնական ժամանակների աղբյուրներն առասպելական բնավորություն են կրել, դեռ Պատկանյանից էլ առաջ հարևանցիորեն հայտնել է վրացի Բաքրաձե, շարունակում էր այսպես.

«որպես աշակերտ հանգուցյալ պրոֆեսորի» (Պատկանյանի), «պարծանքով խոստովանում ենք նրա ծառայությունը գիտության առջև. և, բացի այդ, անձնապես հետաքրքրվելով գիտական վրացագիտությամբ, մենք առանձնապես երախտագետ ենք դեպի նրա հիշատակը. մտքի այն կենդանությունը, որ նույն այդ հողվածով առաջ բերվեց վրաց գիտական գրականության մեջ, զարկ տվեց, որ խնդիրը վրաց պատմության աղբյուրների մասին լրջորեն մշակվի և նպաստեց, ի միջի այլոց, որ վրաց տարեգրություններն իրենց ամենահին խմբագրությամբ լույս աշխարհի տեսնեն, որոնք և փառավորապես հաստատում են Բ. Պ. Պատկանովի հիմնական մտքերը»:

Ակակին գրում էր՝

«Հապա նրանց (հայերի) դրդմամբ չէ՞ր, որ Գրենը հրապարակապես հայտնեց, թե Թամար թագուհին հայերի և օսերի ինտրիգների շնորհիվ գահ բարձրացվեց, իսկ վրացիք այդ ժամանակ, XII դարում, ներկայացնում էին մի փոքրիկ անբան ամբոխ, զուրկ նշանակությունից»?

Մառը մինչ այդ հայտնում էր, որ բնավ չի կարելի Գրենի անունը Պատկանյանի անվան հետ մի շարքում դնել. Գրենը կարևորություն չի ներկայացնում արևելագիտության մեջ, և որ նա չէր կարող հայերի, որպես և ոչ օսերի

դրոճամբ այդպես գրած լինել, և ոչ էլ հայերն են հետաքրքրվում Գրենի կարծիքներով:

Ակակին գրում էր՝

«Հայոց լրագրերն ու ամսագրերը չե՞ն, որ ապացուցում են, իբր թե վրաց լեզուն այնքան աղքատ է, որ նրանով չի կարելի բարդ մտքեր հայտնել. որ իբր թե նույնիսկ բառերը վրացիք հայերենից են վերցրել, մինչդեռ բոլորովին այլ բան են ասում եվրոպական գիտնականները (?) և նրանց թվում հենց նրանց (հայերի) համար հեղինակ պր. Գատտեյրիասը, որի կարծիքով հայոց լեզուն չի էլ կարելի ուսումնասիրել, եթե ոչ վրացերենի օգնությամբ»:

Մառը պատասխանեց, որ հայկական մամուլի մեջ, որպես ամեն տեղ, գրվում են և հիմնավոր, և՛ անտեղի հոդվածներ, առաջինները լուրջ գրողների և հրապարակախոսների, երկրորդները՝ թեթևամիտ հեղինակների ձեռքով, բայց թե վրացերենով մարդավարի կերպով արտահայտվել անկարելի լինի - այդպիսի բան նա չի կարդացել հայոց թերթերում. և ապա ավելացնում էր Մառը -

«Մենք դրականապես կարող ենք պնդել, որ ոչ մի լուրջ հայ գրող իրեն չի թույլ տա վրացիների մասին այնքան վայրենի բաներ գրել, որքան այդ տված է հայերի մասին Ակակիի՝ վրաց, անկասկած, առաջին մեծության գրողի հոդվածում»:

Ինչ վերաբերում է այն բանին, որ վրացիք հայերենից բառեր են փոխառել, - ասում է Մառը, այդ միանգամայն ճիշտ է, և այդ ընդունել են ու ցույց են տվել այնպիսի վրացիք, որպիսիք են XVIII դարի վրացի գրող Սաբա-Սուլիսան Օրբելյանին և XIX դարի լեքսիկոգրաֆ վրացի Դ. Ի. Չուբինովը: Մառը նաև անկասկած է գտնում, որ հայոց լեզուն ավելի մեծ ազդեցություն է արել վրացերենի վրա, քան այդ ցայծմ պարզված է: Մառը ավելացնում էր, որ վրաց լեզուն

ևս մի հայտնի չափով ազդեցություն արել է հայերենի վրա, և Վենետիկյան Մխիթարյաններն իրենց (Հայկազյան) մեծ բառարանում հաճությամբ նշանակում են վրացական ծագում ունեցող իրենց հայտնի բառերը:

Ֆրանսիացի արևելագետ Գատտեյրիասին պր. Մառը պատասխանում էր, թե «նա բնավ այդքան համարձակ միտք չի հայտնել, թե իբր հայերենը չի էլ կարելի ուսումնասիրել առանց վրացերենի: Հայկաբանների մեծագույն մասը չգիտեր և ոչ էլ այժմ գիտե վրացերենը, և ոչ էլ վրացերեն գիտենալը շատ նպաստեց Գատտեյրիասի հայերենագիտությանը, որ նա, եթե դատելու լինենք նրա թարգմանություններով, բավականին միջակ գիտեր: Գատտեյրիասը յուր ուշքը դարձրել էր ոչ թե հայերենը յուրացնելու, այլ նրա լեզվաբանական կազմությունն ուսումնասիրելու վրա, որի համար և նա ուշք էր դարձրել վրաց լեզվի վրա. բայց թե ինչ կապ էր գտել նա հայոց և վրաց լեզուների մեջ, դա մի գաղտնիք է, որ նա յուր հետ գերեզման տարավ»: (Մառի ստորև թարգմանաբար տված հոդվածում այդ մասին ավելի որոշակի խոսք է լինելու): Պր. Մառը հայտնում էր նաև, թե ինքը ևս հասել է այն եզրակացության, թե «վրացերենը առաջնակարգ նշանակություն ունի հայոց լեզվի պատմությունը բազմակողմանիորեն ուսումնասիրելու համար: Հայերի համար,- ավելացնում էր պր. Մառը,- դա զուտ գիտական խնդիր է, որ նրանք չեն խառնում ազգայնական խնդիրների հետ»:

Ակակին ի վերջո գրում էր

«Որպես ապացույց (իրենց անարդար հավակնությունների) նրանք (հայերը) մատնանիչ են լինում վրացական տաճարների և վանքերի վրա, որոնց վրայից քերել են վրացական արձանագրությունները և փոխանակ «Դավիթների» և

«Բագրատների» փորագրել են «Արշակներ» և «Մարշակներ»:

Մառը մինչ այդ նկատել էր, թե դա ընդհանրացումն է մի բացառիկ դեպքի, որը այն էլ դեռ ստուգության կարոտ է և քիչ հավանական. «Հայ ժողովուրդն ինքը ակնածությամբ է վերաբերվում դեպի ամեն մի գրություն քարերի վրա, ինչ լեզվով որ նա լինի». իսկ «հայկական ինտելիգենցիայի մեջ, որ հասարակության աղն է ու նրա ղեկավարը, դեպի օտարի և թե իրենց հնությունները տածած հարգանքը կազմում է նրա անդամների ամենահամակրելի գծերից մեկը»:

Ապա պր. Մառն ավելացնում էր

«Հայկական կրթված հասարակության մեջ ֆիլոլոգիան ունի արդեն հարյուրավոր ներկայացուցիչներ, որոնք լսել են թե՛ ռուսաց և թե՛ մանավանդ գերմանական պատմաբանների, հնագետների, ազգագրագետների, լեզվաբանների և այլն», և որ նրանք «անկախ գերմանական լեզվաբանական գիտությունից, վաղուց արդեն հարգանք են ցույց տված դեպի արձանագրությունները, և ոչ միայն դեպի իրենցը, այլև դեպի օտարներին: Հայոց գիտնական վարդապետները խնամքով ժողովում էին վրաց արձանագրությունները և մինչև անգամ տպագրում, և դեռ ավելի էլ վաղ, քան իրենք վրացիները սկսեցին լուրջ ուշադրություն դարձնել վրացական արձանագրությունների վրա»:

Իբր օրինակ «հայոց այդ հաճույական վերաբերմունքի դեպի վրացական արձանագրությունները», պր. Մառն առաջ էր բերել հայր Ներսես Սարգսյանի «Վրաց արձանագրությունները և այլն», որ Բրոսեի բացատրություններով հրատարակեց Գիտությանց Կայսերական Ակադեմիան 1864 թ., Ս. Պետերբուրգում: Պր. Մառը հայերի այդ վերաբերմունքի համար առաջ է բերում նաև յուր անձնական փորձերից մի դեպք:

Ինչպես արդեն ասացինք, պր. Նիկ. Մառի այդ ընդդիմախոսությանը պատասխանեց Ակակի Ծերեթելին յուր «Ժողովածու»-ի փետրվարի (VII) համարում, որին հաջորդեց պրոֆ. Մառի մի երկրորդ հոդվածը, ուր նա նույն խնդիրներն ավելի ևս որոշ քննության առարկա է շինում: Դրանով մեր ընթերցողները կժանոթանան նաև Ակակի Ծերեթելու առարկությունների հետ, որոնք, պետք է կարծել, կամ շատ տարածված են և կամ գոնե հավատ են գրավում վրաց նույնիսկ ինտելիգենտ համարվող հասարակության մեջ:

Նիկ. Մառի երկրորդ ընդդիմախոսությունը (Ամբողջությամբ)

*Ինձ համար դժվար է կարդալ արյունոտ էջերը,
Որոնք ցեղական գոտություններից են խոսում,
Որպես դժվար է տեսնել մռայլ դեմքերը
Ընտանիքի, ուր հնուց խռովություն է տիրում:
Ա. Պլեչչենա, «Լրագրեր կարդալուց հետո»*

Մենք ներողություն ենք խնդրում ընթերցողներից, որ երկրորդ անգամ քննարկում ենք մի խնդիր, որը մեր նախընթաց հոդվածում (Նովոյե Օբոգրենիյե №№ 4841-4842) կարծում էինք, թե սպառեցինք. այդ մենք անում ենք Ակակիի նոր սխալ պնդումների առիթով, (տե՛ս «Ակակիս Կրեբուլի» վրաց ամսագիրը, 1898, № VII, էջ 55-69), սխալներ, որոնց մի մասն ականա են, մասամբ, սակայն, անկասկած, գիտակցական են: Ինչպես անցյալ անգամ, այժմ էլ մենք կխոսենք ըստ էության, բնավ չդիպչելով ոչ (ներկա) հայ-վրացական հարաբերություններին, ոչ էլ մեր լսելիքին խորթ այն խոսելու տոնին, որ թույլ է տվել իրեն իշխանը յուր ընդդիմախոսության մեջ^{*}:

* «Կավկազ» լրագրում (1898, №№ 60 և 61) Ակակիի տպած յուր վրացերեն հոդվածի (ռուսերեն) փոխադրությունը տարբերվում է տոնի սաստկությամբ, որն անցնում է ամեն սահման: Մենք կարող էինք սպասել, եթե ոչ կատարելապես կոռեկտ, գեթ վայելուչ տոն դատողությունների մեջ թե՛ գործի և թե՛ անձերի մասին: Մեր վկայաբերությունների համար մենք աչքի առաջ ունենք իշխան Ա. Ծերթելու վրացերեն բնագիրը: Ծան. հեղ.:

Մենք լավ հասկանում ենք, որ դժվար է գիտական շահերի շրջանից դուրս կանգնած մարդկանց համար սեղմվել այն սահմանների մեջ, որ պահանջում է գիտական տեսակետը, և ինքն իրեն չմոռանալ: Ղա մանավանդ բնական է մի այնպիսի շրջանում, որի ամենալավ մարդիկ եսասեր դրդումներ են վերագրում այն աշխատավորներին, որոնք անցյալի մասին մեծ ջանքով գիտական ճշմարտություն են որոնում, ամեն տեսակ զրկանքներ կրելով:

Ո՛չ գիտական հոգս և ո՛չ գիտական աշխատանք ճանաչելով՝ Կողքիսի երգիչը՝ չի հրաժարվում, սակայն այնպիսի խնդիրներ քննել, որոնցից ամեն մեկն առանձին վերցրած պահանջում է երկարատև պատրաստություն և բազմաթիվ տեղեկություններ ու գիտելիքներ նրան վճռելու համար: Մենք, իհարկե, մտադիր չենք լրագրի էջերում հերքել որևիցե մեկն այն բազմաթիվ պատմական-գրականական խնդիրներից, որ շոշափում է Ակակին: Նախ, մենք մեզ բավականաչափ տեղյակ չենք համարում բոլոր խնդիրներում, իսկ երկրորդ մասնագիտական նկատողությունների համար պահանջվում է մասնագիտական պատրաստությունով ընթերցող հասարակություն:

Ակակին հանդիմանում է մեզ, որ մենք բավականաչափ ուշք չենք դարձրել նրա կարծիքի վրա Ղավիթ Կյուրոպաղատի մասին (Կրեբուլի, էջ 56), իբրև թե բավական չէր, որ մենք առհասարակ նրա հողվածի վրա ուշք ենք դարձրել և կարծես մենք պարտավոր ենք դոգմայորեն որոշ կարծիք հայտնել ամեն մի պատմական և գրական խնդրի մասին, նույնիսկ այնպիսի խնդիր, որը կատարելապես ձեռնհաս անձի կողմից բազմակողմանի գիտական քննության չի ենթարկված: Եթե Հայաստանի և Վրաստանի անցյալի մեջ

* Իշխան Ակակի ծերեթելի: Ծան. Սուրճի խմբ.:

ամեն բան այնքան պարզ լիներ, ինչպես այդ նկարագրում է իշխան Ակակին, եթե ոչ միայն մի բարդ խնդիր, ինչպիսին է Դավիթ Կյուրոպաղատի պես պատմական տեսակետից համեմատապես խոշոր անձի նշանակությունը, այլև եթե կատարելապես մի պարզ հարց «Վարքի Սրբոյն Գէորգ Զօրավարի»՝ հայերենից վրացերեն թարգմանության մասին կարելի լիներ վճռել առանց լայն արևելագիտական կրթության, առանց մասնագիտական տեղեկությունների, առանց բազմակողմանի հմտության բազմալեզու սկզբնական աղբյուրների նկատմամբ և առանց նախնական սև աշխատանքի, ապա, ինչ խոսք, որ վրացական ազգային-հայրենասիրություն անող գիտնականները վաղուց ճանաչված կլինեին իբրև գիտության մղիչներ արևելագիտության մեջ, և նրանց պարագլուխ պատվով կարող էր կանգնել Ակակին!

Իսկ առայժմ մենք հաճությամբ զոհում ենք մի քանի ժամ, որ երկրորդ անգամ ակներև կերպով ցույց տանք, որ Ակակին հանձն է առել դատելու մի այնպիսի գործի մասին, որի վրա նա ոչ մի հասկացողություն չունի: Եթե Ակակին քններ իսկապես «ներկա օրերի և ոչ անցյալ դարերի» խնդիրները, ինչպես այդ պնդում է նա յուր գրվածքի մի տեղում (Կրեբուլի, էջ 60), ապա, կրկնում ենք նորից, մենք ձայն չէինք հանի: Բայց նա մտնում է մեր գիտական ասպարեզը, կամենալով յուր ժամանակակից, ազգային-ազգասիրական և առօրյա կյանքի հայացքները – լինեն նրանք գուցեև ճիշտ, այդ քննելը դուրս է մեր գիտական շահերից – հիմք ծառայեցնել վճռելու համար անցյալի

* Զորավար հայերեն նշանակում է «воевода», ինչպես նվանվում է Ս. Գևորգը հայոց սրբերի վարքագրությունների մեջ. այդ հայոց բառը վերցրել է վրացի թարգմանիչն, իհարկե, հայոց բնագրից: Ծան. հեղ.:

խնդիրները, բայց այդպիսի մի վարկեցողություն ոչ մի կերպ չի կարելի արդարացնել:

Ակակին, օրինակ, հավատացնում է, որ անցյալում վրացիք ոչ մի վատություն չէին անում հայերին (Կրեբուլի, էջ 61): Որ վրացիք անցյալում շատ հաճախ լավ հարաբերությունների մեջ էին հայերի հետ, դա ոչ միայն նոր բան չէ, այլև ապացուցում է ամենից առաջ այն կուլտուրական հաղորդակցությամբ, որի վրա մենք շեշտում էինք, և որը այնքան մոլեռանդորեն ժխտում է Ակակին: Իսկ թե վրացիք անցյալում իբր թե ոչ մի վատություն չեն արել հայերին, այդ մասին Ակակին բնավ պետքական չէ իբր դատավոր, նախ որովհետև իշխանի հասկացողությունը «վատի» մասին, երբ խոսքը վրաց հարաբերությունների մասին է դեպի հայերը, մեզ թվում է ոչ-ճիշտ. և երկրորդ, և այդ մեզ համար մանավանդ կարևոր է, իշխանը դրա մասին դատելու նախապատրաստությունը չունի:

Ավելին, Ակակին միակողմանի է, երբ պնդում է, թե անցյալում վրացիք քանիցս պատերազմել են հայոց կրոնի և ազգության համար, և որ իրենց տաճարներն ու սրբավայրերը զիջել են հայերի (Կրեբուլի, էջ 61-62): Եթե դրանով Ակակին ուզում է ասել, թե հնում հայերն արյուն չեն թափել վրացիների համար և նրանց տաճարներ չեն նվիրել, ապա նա կատարելապես սխալվում է: Մենք տաճարներ ենք ճանաչում, օրինակ՝ Ս. Գևորգ եկեղեցին Անիում, որ մի հայ էր կանգնեցրել, ինչպես այդ վկայում է ժամանակակից արձանագրությունը, որ քանդակված է քարե պատի վրա, և որը զիջվել է վրացիներին, որոնք նրա սվաղը օժտել են արձանագրություններով:

Պե՞տք է արդյոք ապացուցել, որ եթե վրաց թագավորությունը դիմացավ մինչև դարիս սկիզբը, դրա համար վրացիք նշանակալից թվով հայերին են պարտական, ո-

րոնք կրում էին քրիստոնեության ընդհանուր թշնամիների առաջին ամենամեծ հարվածները, ծառայելով այդպիսով իբր պատմեշ Կրաստանի համար այդ երկրի բաց և վտանգավոր կողմից: Երբ հայերը վերջնականապես ընկան և գերիացան պարսիկների ու տաճիկների ձեռքում, ապա ճակատագրական ժամը հասավ նաև հարևան երկրի համար. վրացի ցեղերը մեկը մյուսի հետևից սկսեցին մահմեդականություն ընդունել, և սկսվեց վրաց թագավորության երկարատև հոգեվարքը, որ բարեհաջող վերջացավ Կրաստանի միացումով Ռուսիային^{*}:

Բայց ինչ հարկ կա այս ամենի մասին խոսել այն մարդկանց հետ, որոնց կուրությունն այնտեղ է հասնում, որ մեր անկեղծ ցանկությունը՝ ցրել այն մթությունը, որ տգիտությունը սփռում է Կրաստանի անցյալի վրա՝ շտապում են բացատրել այնպիսի շարժառիթներով, որոնք, առնվազն ասենք մեզ անհասկանալի են, և մասնավորապես մեր անբարյացակամությամբ դեպի վրացիք:

Կրաց բանաստեղծը, ակներև է, որ չի հասկանում, թե գիտնականը կդադարեր գիտնական լինել այն թուպեից, երբ նա կվճռեր ծածկել գիտական ճշմարտությունն այն պատճառով, որ դա վնասակար կլիներ յուր ցեղակիցներին^{**}:

* Կրաստանի թուլանալու և վերջնական անկման անհրաժեշտության ու պատճառների մասին տես «Մուրճ» 1895, № 11, Ա. Արասխանյանց, «Կրաստանի անցյալը» հոդվածի վերջին էջերը: Պրոֆ. Մառի այստեղ հայտնած միտքը կա նաև հոդվածում, ավելի լայն ըմբռնումով: Ծան. «Մուրճ»-ի խմբ.:

** Դա երևի ակնարկ է այն հանգամանքի վրա, որ ինքը, պրոֆ. Մառը, թեև անգլիական նախահորից է, բայց և, որքան գիտենք, կիսավրացի է մայրական կողմից ու վրաստանցի է: Ծան. «Մուրճ»-ի խմբ.:

բացի այն, որ, եթե վնաս հասներ, դա չէր բխի ճշմարտությունից, այլ միայն ճշմարտությունն արհամարհելուց:

Եվ, վերջապես, մեր այդ ո՞ր խոսքերն են վկայել մեր անբարյացակամությունը դեպի վրացիք?! Մի՞թե միայն այն ժամանակ մենք կոասվեինք վրացիների բարյացականների շարքը, եթե ծածկեինք այս դառը ճշմարտությունը, որ վրացիք իրենց անցյալը չգիտեն, և կամ, որ ավելի վատն է՝ նրանք այդ գիտեն միակողմանի կեղծ-ազգասիրական լուսաբանությամբ, և որ նրանց հարկավոր է, այդ բանի վրա լուրջ ուշք դարձնելով, հաղորդակից լինել գիտական շարժմանը արևելագիտության մեջ:

Ի՞նչ վատ բան կա նրանում, որ, ինչպես ապացուցել ենք և ապացուցում ենք, վրացիք հնում ենթարկվում էին հարևանների կուլտուրական ազդեցության և ոչ միայն հույների, այլև հայերի, ասորեստանցիների, արաբների և պարսիկների կողմից, իրենց կարողության չափ աշխատում էին փոխառնել նրանցից լավ, լուսավոր, ազնվացնող տարրերը: Մի՞թե ավելի լավ կլիներ, եթե մեկը պարզեր, որ անցյալում վրացիք ապացուցեցին իրենց անմատչելիությունն իրենց շրջապատող բազմատեսակ կուլտուրաներին, և որ եթե նրանք որևէ բան փոխ էին առնում իրենց հարևաններից, այդ էլ միայն Ակակիի պես դատելով (էջ 66-67), միայն բացասական գծերն էին՝, որոնք որպես պետք է կարծել՝ նրանց ցեղին ավելի մատչելի էին? Կամ գուցե մենք չպետք է ապացուցեինք, որ հին-վրացական աշխարհիկ գրականության լավագույն հիշատակարանները պարսկերենից են թարգմանված? Ուրեմն մենք պետք է հավատացնեինք, թե վեպը Վիսի և Ռամինի մասին մի թարգման-

* Այդ առթիվ տես ներքև, ուր խոսքը հայերենից փոխառված բառերի մասին է: Ծան. հեղ.:

ուրթուն չէ՞ պարսկերենից, թեև համեմատությունը պարսկերենի հետ մեզ համոզեց այդ բանում: Ուրեմն՝ մենք պետք է ապացուցեինք, թե XII դարի վրացական վեպը՝ Ամիրան-դարեջանիանի, թարգմանություն չէ՞ պարսկերենից, թեև նրա հիմքում դրված է պարսկական ազգային տենդենցիա, և այլն: (Տե՛ս Նիկ. Մառ, Պարսից ազգային տենդենցիան վրաց «Ամիրան-դարեջանիանի» վեպի մեջ. "Журналъ Министертства Народн. Просвѣщенія", 1895 թ. հունիս: Համեմատել նաև մեր մի այլ քննադատական նկատողությունը նույն ամսագրում, նույն թվականի):

Ուրեմն նաև ապագայում, պետք է կարծել, պետք չէ՞, որ մենք հանգամանորեն պարզենք (եթե միայն ովևիցե մեզնից առաջ այդ չանի, որ նույնպես կարելի է), թե հայտնի պոեմն՝

* Ի դեպ. Ակակին աշխատում է թուլացնել մեր այն խոսքի նշանակությունը, թե Պատկանովն ուներ խիստ գիտական վերաբերմունք, ոչ պակաս, քան դեպի վրացականը, նաև դեպի յուր հայրենի հայկական հիշատակարանները. Ակակին այդ անում է այս նկատողությունով, թե Պատկանովը ձեռք զարկեց խորենացուն բացասական կողմից քննադատելու իբր թե եվրոպացի գիտնականների կարծիքներից դրդված: Դիցուք այդ այդպես է, թե հայերը հասունացել են արդեն մինչև այն աստիճան, որ ոչ միայն սառնասրտությամբ լսում են գիտնականների կարծիքը, որոնք քանդում են իրենց ավանդական հայացքները հիմ հայկական գրականության լավագույն հիշատակարանների մասին, այլև իրենք գիտության շահերի համար աշխատում են հակաավանդական ոգով. մինչդեռ վրացիք ոչ միայն չեն ուզում լսել գիտապես պատճառաբանված կարծիքները նույնիսկ մի այնպիսի շահագրգիռ հարցի մասին, որպիսին է պարսիկների կուլտուրական ազդեցությունը վրացիների վրա, այլև աշխատում են ամեն կերպ մթազնել, օրինակ, մի այնպիսի անվիճելի իրողություն, որպիսին է Վիսի և Ռամինի մասին վեպի թարգմանությունը պարսկերենից վրացերեն. (տե՛ս մեր հոդվածը «Պարսկական գրականության վրացոց վրա արած ազդեցության խնդրի վերաբերյալ» Журналъ Министертства Народнаго Просвѣщенія, 1897, մարտի տետր): Ծան. հեղ.:

«Ընձենավորը», յուր պարսկերեն բնագիրն ունի, և որ Շոթա Ռուսթավելին ստեղծեց յուր «Ընձենավորը» պարսկական պոեմի վրացերեն արձակ թարգմանությունից. չպե՞տք է մենք այդ պարզենք արդյոք, թեև հիշատակարանի ուսումնասիրությունը մեր մեջ գիտական համոզմունք է կազմել տալիս, թե դա ակներև թարգմանություն է պարսկերենից¹: Մենք չպետք է ապացուցեինք, որ «Վարք Պետրոս Իվերացու», վրաց թագաժառանգի, V դարի պաղեստինյան հայտնի գործչի, թարգմանված է վրացերեն ասորերենից, թեև թե՛ արտաքին, և թե՛ ներքին նշանները խոսում են հոգուտ այդ իրողության: (Տե՛ս Նիկ. Մառ, «Житие Петра Ивера», հրատ. կայսերական ուղղափառ պաղեստինյան ընկ., Ս. Պետերբուրգ, 1896 թ., հատ. VI, տետր երկրորդ, էջ XXI և հաջորդները): Նույն պատճառով էլ մենք, ըստ մեր կարյաց, չպիտի պարզեինք վրաց Բարադամ և Հովասափ բարոյախոսական վեպի ասորական ծագումը (տե՛ս Նիկ. Մառ, «Հայ-վրացական նյութեր Բարադամ և Հովասափ բարոյախոսական վեպի պատմության համար (Зануски воєст. ома. умн. арх. оба. Ս. Պետերբուրգ, հատ. XI, էջ 56 և հաջորդներ):

¹ Մի տեսակ չարախնդությամբ քանիցս հիշատակել են, թե մեր հետախուզությունները Բրիտանական Թանգարանում պարսկական պոեմի մասին, որը յուր վերնագրով կարող էր երևալ իբր «Ընձենավորի» բնագիրը, ցանկացած հետևանք չտվեց մեր պնդածի մտքով. կարծես թե Բրիտանական Թանգարանի ձեռագրի մեջ մենք որոնած լինեինք ապացույցներ «Ընձենավորի» պարսկական ծագումի, մինչդեռ մենք որոնում էինք հաստատություն այն ապացույցների, որոնք բխում էին նույնիսկ Շոթա Ռուսթավելու պոեմի ուսումնասիրությունից, ապացույցներ, որոնք միանգամայն բավական են ամեն մեկին, որը ծանոթ է գրական հիշատակարանների համեմատական ուսումնասիրության մեթոդի հետ: Քանիցս նաև պնդել են, թե իբր «ակներև» կերպով անհիմն են մեր կարծիքները «Ընձենավորի» մասին, չնայած որ մեր այդ կարծիքները դեռևս չենք տպագրել¹ Ծան. հեղ.:

Այդ դեռ քիչ է, բանից պարզվում է, որ մենք ուրիշներին պիտի հավատացնեինք, թե վրաց գրականությունն ազդել է հայոց գրականության վրա, և ոչ հայկականը՝ վրացերենի վրա, չնայած որ հայ-վրացական գրական հարաբերությունների պատմության մեջ, ինչպես այդ երևում է մեր անձնապես պարզած իրողություններից, հայերի ազդեցությունը վրացիների վրա եղել է թե՛ ավելի ուժեղ և թե՛ ավելի արդյունավետ! Չէ՞ որ խնդիրը հայերի ազդեցության մասին վրացիների վրա միայն մի, թեև էական, մասն է այն ամբողջ գիտական սինթեզի, որին մենք հասել ենք կամ հասնում ենք քրտնաջան աշխատանքների շնորհիվ! Եվ հետաքրքրական է, թե հանուն ո՞ր իդեալների են առաջարկում մեզ ետ կանգնել մեր ամենագույտ գիտական համոզմունքից, և հայտարարել այն, որի անկայունության մասին ֆակտերը համոզել են մեզ! Մենք ի լույս ենք հրավիրում Ակակիին և նրանով առաջնորդվող ընթերցողներին, և շատ ափսոս, եթե ովևիցե վախենում է այդ լույսից, բայց գոնե թող զուր տեղը մեզ քարշ չտան դեպի ...միջնադարյան գիտական մտածողության խավարը: Թող զուր տեղը չաշխատեն մեզ շեղել մեր գիտական դիրքից, ներկայացնելով մեզ իբր պաշտպան հայկական ինչ-որ շահերի: Եթե մեր կարյաց չափ բողոքը գիտական ճշմարտության աղավաղման դեմ միմիայն հայերի օգտին դուրս եկավ, դա մեր մեղքը չէ: Մեզ մնում է ափսոսալ միայն նրանց, որոնց շահերը գիտական շահերին հակառակ եղան:

Այժմ գանք գնահատելու Ակակիի պատասխանը.

Ակակին ոչ մի էական առարկություն չարավ մեր հողվածի կետերին, թե՛ վերաբերյալ այն բանի, որ մտացածին է հանրահայկական «սրբազան օրենքը», որն իբր թե պատվիրում է հայերին թշնամություն վրացիների հետ, և թե՛ վերաբերյալ այն բանի, որ հայկական աղբյուրները Վրաստա-

նի պատմության համար բավականաչափ չեն գնահատված, և թե՛ վերաբերյալ պր. Գրեմին, որն իբր թե Թամար թագուհու մասին դատողություն է տվել հայերի թելադրությամբ, և կեղծված արծանագրությունների մասին, որ իբր թե հայերը դնում են վրաց տաճարների վրա, և թե՛ վերջապես վերաբերյալ պրոֆեսոր Պատկանովի նշանակության Վրաց տարեգրությունների քննադատության համար:

Ակակին յուր առարկությունների մեջ այդ կետերի նկատմամբ ոչ մի նոր ֆակտ առաջ չբերեց, որը նշանակություն ունենար, և որն արժանի կարպով նկատի առնված չլիներ մեր անցյալ հոգվածի մեջ. նա առաջ չբերեց նաև ոչ մի նոր աղբյուր:

Ակակին իրեն նեղություն չտվեց կարդալու պրոֆ. Պատկանովի գրչին պատկանող քննությունը Վրաց տարեգրությունների, և կամ, եթե նա այդ նեղությունը կրեց, ապա ցույց տվեց յուր անպատրաստ լինելը նրան գնահատելու համար, որ նույնպես կարելի է այն հանգամանքների պատճառով, որ բացատրված են ներքև: Ակակիի առարկությունների մեջ հիշյալ հինգ կետերի դեմ նորությունը միայն մեր մտքերի նուրբ քաշքշուկներն են և գործին չնվիրվածի համար դժվարըմբռնելի աղավաղումները, որ նա անում է մեր ապացույցների նկատմամբ: Հեղինակի փոքր-ինչ զվարճասեր տրամադրությունը տեսնելով, մենք հակամետ ենք այդ ընդունելու իբր կատակ, որպես «կատակ» է համարում նա վրաց ժամանակագրի այն ընդարձակ պատմությունը թե ինչպես վրաց և հայոց հավատները փորձի ենթարկվեցին շան միջոցով: Պետք է իմանալ, որ դա ոչ թե մի թռուցիկ նկատողություն է, ինչպես Ակակին է հասկացնել տալիս, այլ մի ամբողջ դրամա է, որը սիրով պատմում է վրացի ժամանակագիրը պատմության ձևով, տեղ-տեղ դիալոգներով: (Տե՛ս Грузинскія легенды, հրատ. Ս. Պետերբուրգի

գիտությունների ակադեմիայի, հատ. I, էջ 312-317 և ֆրանսիական թարգմանությունը, էջ 450-455): Լավագույն կրոնի փորձելը շների միջոցով միմիայն ծայրագույն մոմենտ է այն դրամայի, որ սարքեց վրացի կաթողիկոս Հովհաննեսը: Դրաման խաղացվում է հանդիսավոր ժողովում, հզոր թագուհի Թամարայի ներկայությամբ, որը սակայն անգոր էր կռվելու վրացի կաթողիկոսի ֆանատիկոսության դեմ: Որոշում են շների առաջը զցել ոչ թե հասարակ նշխար, այլ **Գառն Աստծո** (Վրաց տարեգրություն, էջ 315 և 316, ֆրանսիական թարգմանության էջ 453 և 454), և ում Գառնան կուտի շունը՝ այդ կրոնը պետք է ճանաչվի հաղթված: Հայերը խնդրում են, որ իրենց հանգիստ թողնեն, բայց անողոք կաթողիկոսը յուր ասածի վրա պինդ կանգնեց: Վերջ ի վերջո

* **Ակակիին** դուր չի գալիս, որ հանգուցյալ Պատկանովին՝ Ս.Պետրբուրգի պրոֆեսորին, ռուսաց և ոչ հայոց գիտնական ենք անվանում, և այդ առիթով անարժան կասկածներ է թույլ տալիս իրեն, թե՛ մեր հասցեին և թե՛ հանգուցյալ վաստակավոր արևելագետի հասցեին, որը յուր ամբողջ կյանքում օժանդակել է Ռուսիայում հայագիտությունը գիտական հիմքի վրա դնելուն, և արևելագետների մեջ մեծ համբավ ուներ որպես ռուսաց գիտնական: Առանց քննելու, մի փոքր մեղմ ասած այն հնարովի բաները, որ բարդում են պրոֆ. Պատկանովի գիտական համբավի վրա, կանգ առնենք վրաց բանաստեղծին անհանգստացնող մի մանրուքի վրա. Ակակին ըստ երևույթին չի հասկանում կամ չհասկացող է ձևանում, որ թեև Պատկանովը հայ էր, մինչև անգամ գիտնական հայ, բայց հայոց գիտնական նրան չի կարելի անվանել, որպես այդ անում է **Ակակին**. որովհետև Պատկանովն անցել էր **ռուսական դպրոց** և ներկայացուցիչ էր ռուսաց արևելագիտության: Ուղղագրելով **Ակակիի** ակնարկը, մենք կամեցանք միայն ցույց տալ դարձվածի անճշտությունը, որը գուցե ակամա էր, գուցե և կամովին: Ակակին երևակայում էր, թե դրանով երկու բանի միանգամից էր խփում – հայկական ազգայնության և մեր հանգուցյալ ուսուցչի «հայկական» գիտնականության: (Ծան. հեղ.):

փորձը կատարվում է, իհարկե, հոգուտ վրացիների, և «անարդարության մեջ բռնված» հայերը, շատ հայեր, հարկադրվում են հրաժարվել իրենց հավատից:

Այս տեսարանը, որը, ըստ Ակակիի «բնավ զգվելի չէ», զվարճաբան բանաստեղծի կարծիքով մի լեգենդ է, կատակի համար մտցրած Վրաց տարեգրության մեջ:

Երբ կարծեցյալ վճիռը Ղվինի ժողովի - այդ սխալը Ակակին պետք է ընդուներ - դուրս եկավ ոչ թե Ղվինի ժողովի վճիռ, այլ հայոց կաթողիկոսի մի կոնդակ VI դարից, որ ավանդել է մեզ X դարի հայոց մի պատմագիր, այդպիսի մի «իրողություն»: Ակակին հայտարարում է իբր «հանրահայկական սրբազան օրենք» հայոց ատելության ընդդեմ վրացիների. բայց երբ վրաց կաթողիկոսը XII դարում վրդովեցուցիչ եղանակով հիշոցներով վիրավորում է հայերի կրոնական զգացմունքները, և այդ մասին դրամատիզմով լիքը պատմություն են տալիս Վրաց տարեգրությունները, ապա դա կատակ է, լեգենդ է! Երբ ռուսաց գիտնական Պատկանովը քննադատաբար կասկածի ենթարկեց Վրաց տարեգրությունների տեղեկությունները նախնական պատմության մասին, դա, Ակակիի կարծիքով, մի հանցանք էր, որ արել է մի հայ՝ շնորհիվ հայկական ատելության դեպի վրացիք, իսկ երբ վրացի Ակակի նույն «անսխալական» Վրաց տարեգրությունների հաղորդածը ժամանակակից անցքերի մասին կատակաբանություն ու լեգենդ է անվանում, այդ, որպես պետք է կարծել, ճշմարտություն պաշտպանելու համար կատարված մեծ սխրագործություն է! Ակակին, սակայն, մոռանում է, որ թեկուզ նա լեգենդ էլ չի լինի, հիշյալ պատմությունն այնուամենայնիվ, վրացական լեգենդ է, և որպես այդպիսին՝ նա վկայություն է տալիս, թե ո՞րպես ֆանատիկոսաբար էին տրամադրված վրացի շրջանները, որոնց մեջ

ծագել է այդ լեգենդը, որի կարելիությունը Ակակին աշխատում է ուրանալ:

Հետո, Ակակին, պարզ է որ, չգիտե կամ իրեն չգիտենալու է տալիս, որ վրացիք, որպես ուղղափառ ժողովուրդ, իրենց հարաբերությունների մեջ դեպի հայերը ղեկավարվում էին տիեզերական ժողովների վճիռներով, և որ նրանք, վրացիք, հարկ չունեին ժողովներով կանոններ սահմանել ընդդեմ հերետիկոսների, որպիսիք հայերն էին ճանաչված վրացոց մեջ: Հայերի, որպես հերետիկոսների հետ, զանազան տիեզերական ժողովների բազմաթիվ վճիռների զորությամբ, հենց օրինակ ժողովային վճիռների 58-րդ հոդվածի համաձայն, ըստ Եվֆիմոս Աֆոնացու վարկածի վրացիք չէին կարող ամուսնական կապերի մեջ մտնել, և այլն:

Մենք ներկայումս ցանկություն չունենք ավելի մանրամասնորեն քննել յուր շատ կողմերով փափուկ խնդիրը վրաց հոգևորականության անհամբերատարության մասին դեպի հայերը, այդ «յոթնանգամ անիծյալ հայերը», ինչպես հեղինակաբար ասվում է Վրաց տարեգրությունների մեջ (մասն I, հրատ. գիտությունների կադեմիայի, վրացական բնագիր, էջ 312, իսկ ֆրանսիական թարգմանության էջ 450): Բայց մի՞թե կարելի է դրանից դուրս բերել հանրավրացական «սրբազան օրենք» հայերի դեմ? Մենք այդ կարծիքին չենք, չնայած, որ կան ակնհայտ դեպքեր ֆանատիկոսական վերաբերմունքի հատ-հատ վրացիների կողմից դեպի ամեն ինչ, որ հայկական է, ինչպես այդ, օրինակ, երևում է Ակակիի վերջին հոդվածներում: Բայց մենք զանց ենք առնում այդ և նման առարկությունները. նրանք անկայուն են և ներելի: Իսկ մեր դեմ ելած այլ առարկությունների մասին քիչ է ասելը, թե անկայուն ու սնանկ են: Եվ Ակակիի փաստաբանության բնավորությունը մենք ավելի լավ ենք

համարում դոկումենտային եղանակով պարկել, թողնելով այլոց նրա գնահատությունը:

Ակակին կամ ծանոթ չէ Սուլխան Օրբելիանու բառարանին, և կամ զարմանալի սխալ է անում (տե՛ս Կրեբուլի, էջ 66), թե Օրբելիանին իբր թե չէր ընդունում, որ վրացերեն լեզուն հայոց բառեր փոխառած լինի: Որպեսզի մեր ասածը հաստատենք, բավական է հիշյալ բառարանում որոնել բառերս՝ արակի, արջասպի, ասպարզի, բագինի, բանջարի, պարի և տասնյակ այլ բառեր, որոնց վրացի լեքսիկոգրաֆը բոլորովին ճիշտ կերպով հայերենից փոխառած է ընդունում, այսպիսի խոսքերով՝ դա հայերեն բառ է, կամ՝ այդպես է կոչվում հայոց լեզվում:

Ակակին կամ չի կարդացել Վրաց տարեգրությունները և կամ զարմանալի սխալ է գործում, երբ պնդում է (տե՛ս Կրեբուլի, էջ 63), թե վրացական բնագրում իբր թե գրված է՝ «վրացիք միշտ վրացերեն էին խոսում», և իբր թե «վրացերեն» բառը հայերեն դարձնողը հայ թարգմանիչն է եղել: Ահա վրացերեն բնագիրը մեր ռուսերեն թարգմանությամբ՝ «Մինչ այժմ քարթլոյանների (այսինքն՝ վրացիների լեզուն հայերենն էր, որով և խոսում էին, բայց երբ վերը նշված անթիվ, օտար ցեղերը հավաքվեցին Վրաստանում, այն ժամանակ վրացիք թողին հայերեն լեզուն, և բոլոր այդ ցեղերից (ցեղերի լեզուների խառնուրդից) կազմվեց վրաց լեզուն»:

Այդպես է տպված և այդպես է հասկացել այդ տեղը հանգուցյալ ակադեմիկոս Բրոսսեն (Hist. de la Géorgie, I, վրացերեն բնագիր, էջ 25, ֆրանս. թարգմ. էջ 31):

* Վրացերենը և ռուսերեն թարգմանությունը մենք բաց ենք թողնում, դնելով նրա տեղը հայերեն բառացի թարգմանությունը: Ծան. «Մուրճ»-ի խմբ.:

Հանգամանորեն լինելու համար ավելացնենք, որ վրացերեն մի քանի ձեռագրերում «հայոց»-ի փոխարեն գրված է «վրաց», բայց այդ սրբագրության անտեղի լինելն ակնհայտ է, որովհետև այդպիսով կստանալինք այս նախադասությունը. «մինչև այժմ քաթլուսյանների (այսինքն՝ վրացիների) լեզուն վրացերենն էր», և այն ժամանակ մտադրություն չէինք ունենա վերջում ասել, թե վրացերենը կազմվեց հետո: Անկախ դրանից, հայոց լեզվի մասին չէ՞ որ նորից ասում է, թե «վրացիք թողին հայոց լեզուն», որով առաջ խոսում էին, և այդ խոսքը պահպանված է բոլոր վրացական ձեռագրերում: Վերջապես, այդ հասկացել էր նաև արքայազն Վախուշտը՝ վրացի արքայազնը (Վրաց պատմություն, Թիֆլիս, 1885, էջ 35), ասելով, թե «Մինչ այժմ Վրաստանում (գործածության մեջ) էր հայոց լեզուն, բայց այդքան ցեղերից (ցեղերի խառնուրդից) սկսեցին խոսել վրացերեն»:

Ինչպես տեսնում է ընթերցողը, Վրաց տարեգրությունները երկու անգամ հաստատում են այն, ինչ այնքան համարձակությամբ ժխտում է Ակակին: Դժվար է երևակայել մի ավելի ցավալի բան[•]:

[•] Մի թերթում, որը նախատեսված է մեծ հասարակության և ոչ մասնագետների համար, մեզ թվում է, որ պրոֆ. Մառը, առաջ բերելով Վրաց տարեգրությունների միջից այդ, անշուշտ, ամեն սովորական ընթերցողին զարմանալի թվացող կտորը, պետք է, ինչպես մենք կարծում ենք, նաև մի փոքր կանգ առներ և բացատրեր, թե արևելագետներն ինչ մեկնություն են տալիս այդ տողերին, կամ, ավելի ճիշտ, վրաց տարեգրությունների մեջ ո՞ր ժամանակի համար է ասված, թե նոր ցեղեր եկան Վրաստան և նրանց խառնուրդից գոյացավ վրացերենը, իսկ մինչև այդ, իբր թե, վրացիք խոսում էին հայերեն: Մենք առայժմ տրամադիր ենք կարծելու, որ խոսքը շատ հին ժամանակների մասին է, երբ իրենք՝ հայերը, թերևս կազմակերպած չէին այն լեզուն, որ հետագայում նրանց գրական լեզվի հիմքը դարձավ: (Ծան. «Մուրճ»-ի խմբ.):

Ակակին ցույց է տալիս, որ կատարելապես անտեղյակ է լեզվագիտական աշխատության եղանակներին, երբ նա առաջարկում է մեզ (Կրեբուլի, էջ 66), որ մեր ձեռքը վերցնենք «X դարի վրացի հեղինակ Իվան Չիրչիմելիի բառարանը», որպեսզի համոզվենք, թե հնում իբր թե հայերենը չի ազդել վրացերենի վրա, այլ, ընդհակառակը, վրացերենն է ազդել հայերենի վրա: Պարզ է, որ Ակակին հայտնի չէ, որ այդպիսի խնդիրների լուծումը բառարաններում չեն որոնում, որ բառարաններով չեն մշակվում այդ տեսակ լեզվագիտական խնդիրները, այլ գրական հիշատակարանների և կամ ժամանակակից բարբառների հիման վրա: Ի դեպ, վրացիների իսկական ազդեցությունը հայերի վրա, որի մասին թուուցիկ կերպով հիշեցինք մեր անցյալ հոդվածում, վերաբերում է X դարից հետո ընկած ժամանակին, այն է XII-XIII դարերին:

Ակակին, ըստ երևույթին, չի հասկանում մեզ, երբ նա աշխատում է (Կրեբուլի, էջ 66) թուլացնել - ավելացնենք՝ որ անհաջող կերպով - լեքսիկոգրաֆ Դ. Չուբինովի հեղինակությունը հայերենից վրացերեն փոխառած բառերի նկատմամբ: Չուբինովի և Սուլխան Օրբելիանու վրա մենք հենվում էինք միմիայն այն պատճառով, որ ցույց տանք, թե կար ժամանակ, երբ լուսավորված վրացիք չէին վախենում ընդունել հայերենի ազդեցությունը վրացերենի վրա: Իսկ ինչ վերաբերում է այդ անվիճելի իրողությանը՝ այդ խնդիրը վճռելու համար անհրաժեշտ նյութերը մեզ անձնապես այնքան մատչելի են, որ հարկ չունենք այլոց հեղինակություններին դիմելու:

Ակակին չի հասկանում (Կրեբուլի, էջ 50-60) կամ էլ ձևացնում է, թե չի հասկանում մեր վկայությունները պր. Ժորդանիայից: Մենք հենվեցինք պր-մեր Ժորդանիայի և Բաքրաձեի վրա (պատմաբան Բաքրաձեի մասին Ակակին

լռեց) ոչ թե ապացուցելու համար մեր կարծիքի առանց այն էլ ակներև ճշտությունը Աբրահամ կաթողիկոսի կամ Դվինի ժողովի կարծեցյալ վճռի մասին, այլ ցույց տալու համար Ակակիին, որ նաև վրացիների մեջ կան մարդիկ, և այն էլ ներկա խնդրում, անկասկած, ավելի ձեռնհաս, քան նա, որոնք հայոց կաթողիկոսի հիշյալ կոնդակը յուր գործնական նշանակությունը վաղուց կորցրած են համարում^{*}:

Ակակիի անտեղի նկատողությունը պր. Ժորդանիայի դեմ թեև չի վերաբերում մեր շոշափած խնդրին, բայցևայնպես պետք է յուր արժեքով գնահատվի, որովհետև դա նույնպես բնորոշում է Ակակիի եղանակները և նրա սրախոսությունների արժանավորությունը: Ակակին գրչի մի հարվածով անհիմն է հայտարարում պր. Ժորդանիայի կարծիքը, թե Դվինի ժողովի կարծեցյալ վճիռը հայերի և վրացիների մեջ ամեն հաղորդակցություն կտրելու մասին գործնական նշանակություն չստացավ, պր. Ժորդանիան յուր կարծիքը հաստատելու համար հենվում է վրաց կաթողիկոս Արսենի լուռության վրա այդ կետի նկատմամբ. և այդ բանը Ակակիին զվարճացնում է: Նա համեմատում է պր. Ժորդանիային գալիք դարերի այն զարմանալի գիտնականի հետ, որը «պր. Ժորդանիայի և Մառի աշխատությունների մեջ աստեղագիտական դիտողություններ չգտնելով, կսկսեր ապացուցել, թե XIX դարի վերջում՝ երկնային լուսատուներ չկային»: Ակակիի սրախոսությունը շինովի է, որովհետև Արսենը վրացի կաթողիկոսը, X դարի հոգևոր մատենագիրը, անկասկած, տեղյակ անձն է, և նա կազմեց հայ-վրացական եկեղեցական գիտությունների պատմությունը (տե՛ս Ֆ. Ժորդանիա, *Материалы* և այլն, 1893,

* Իսկ մենք վկայում ենք, որ ներկայիս հայ ընթերցող հասարակությունը Աբրահամ կաթողիկոսի այդ կոնդակի մասին առաջին անգամ տեղեկություն կունենա հենց Ակակիի մոլեգնոտ «մերկացումների» շնորհիվ: (Ծան. «Սուրճ»-ի խմբ.):

էջ 313 և հաջորդները), և ահա, երբ այդ Արսենը լռում է Ղվինի ժողովի կարծեցյալ վճռի մասին, ուրեմն այդ վճիռն իսկապէս նրան անհայտ էր, և ուրեմն նրա ժամանակ այդ «վճիռը» գործնական նշանակություն չուներ:

Ակակին, չկարողանալով երկու լեզուների համեմատական ուսումնասիրության զուտ լեզվագիտական նշանակությունը զանազանել կուլտուրական-պատմական հետազոտության խնդիրներից՝ բնական է, որ հակասություն է գտնում (տես Կրեբուլի, էջ 67-68), մեր դատողությունների մեջ ֆրանսիացի արևելագետ Գատտեյրիասի (Gatteyrias) մասին: Նախ և առաջ Ակակին բանը այնպես է դուրս բերում, կարծես թե մե՛նք չենք առաջ բերել հենց նույն այն տողերը, որ նա կարծում է, թե կարող է մեր դեմ իբրև զենք ծառայեցնել: Բայց այդպես են պոետի եղանակները: Հետո, Ակակին զարմանում է, թե այդ ինչպե՞ս ենք մենք ծաղրում Ակակիի հենվելը Գատտեյրիասի վրա, քանի որ մենք ինքներս նրանից դեռ ավելի ուժեղ ենք պնդում, թե վրացերենը մեծ նշանակություն ունի հայերենի ուսումնասիրության համար: Ըստ Ակակիի, մեր կողմից այդտեղ կազուիստիկա է թույլ տրված: Մինչդեռ խնդիրը շատ պարզ է: Գատտեյրիասը ընդունելով, որ վրացերենը նշանակություն ունի հայերենի քերականության համար, այն էր ցույց տալիս, որ ֆրանսիական գիտնականն այդտեղ ցեղակցություն էր նկատում: Միմիայն կատարյալ պրոֆանը կարող էր պնդել, որ երբ լեզվագետը հայտարարում է, թե մի լեզու քերականական կողմից մի ուրիշ լեզվի համար նշանակություն ունի, ուրեմն իբր թե իսկույն պետք է եզրակացնել, թե մի լեզու կուլտուրապես ազդել է մյուս լեզվի վրա, սանսկրիտ լեզուն ահագին դեր է կատարում, օրինակ, սլավոնական լեզուների քերականական կազմի մեջ, բայց վերին աստիճանի վայրենի բան կլիներ այդ իրողության վրա հիմնել հնդկացիների

պատմական-կուլտուրական ազդեցությունը սլավոնների վրա! Գիտությունը, որպես հայտնի է, ճանաչել է հայոց լեզուն որպես արիական, և իրավամբ: Մեր լեզվագիտական աշխատությունների մեջ մենք ավելի հեռուն գնացինք և համոզվեցինք, որ հայոց լեզվի մեջ կա մի խավ, որը ցեղակից է վրացերենին, և այդ խավը, որը բնավ եկամուտ չէ և բնավ վրացերենից չի վերցված, տարրալուծելու համար վրացերենն իրոք հիմնական նշանակություն ունի: Վրաց և հայոց լեզուների այդ գենետիկական կապը ցույց է տալիս ոչ թե վրացիների կուլտուրական ազդեցությունը հայերի վրա, և, ընդհակառակը, այլ այն, որ հանձին թե՛ հայերի և թե՛ վրացիների՝ մենք տեսնում ենք հետևորդներ երկու եղբայրական ազգերի, որոնք հետո բաժանվեցին այլևայլ ազգագրական և լեզվաբանական, մասամբ նաև կուլտուրական ներգործությունների շնորհիվ: Այնպես որ, վրացերենի նշանակությունը հայերենի ուսումնասիրության համար բնավ չափտի համեմատել այն ազդեցության հետ, որ ունեցել է հայոց լեզուն վրաց գրականության վրա, և որը երևում է մի շարք հայոց բառերից հին-վրացական գրականության հիշատակարանների մեջ և, դրա շնորհիվ, նաև վրաց խոսակցական լեզվի մեջ. ազդեցություն, որը ցույց է տալիս, թե վրացիք մի ժամանակ կախում են ունեցել հայոց քրիստոնեական քաղաքակրթությունից: Հետևապես, Ակակին մոլորվում է, երբ, աշխատելով ցույց տալ վրացերենի բառարանական գերազանցությունը հայերենից, վկայակոչում էր Գատտեյրիասին, որը հետաքրքրվում էր վրաց լեզվի մորֆոլոգիայով:

Բայց այդ դեռ քիչ է: Ինչպես հայտնի է, Գատտեյրիասն ապացուցում էր այն միտքը, թե վրաց լեզուն իբր թե ահագին շահեկանություն է ներկայացնում, որպես ոչ կատարյալ կցողական (ազգլուտինատիվ)-լեզվաբանական տիպարի մի նմուշ, իբր թե վրացերենի ուսումնասիրությունը ցույց է

տալիս ինչ-որ առանձին սկզբնական ֆակտեր, որոնք կարևոր են ընդհանուր լեզվագիտության մեջ՝ պարզելու համար այն կապը, որ կա մարդկային լեզվի և անասունների ծայնական ընդունակությունների մեջ՝

Վրացի բանաստեղծը դրանից հետո էլ պիտի զարմանա, թե ինչու մենք անտեղի համարեցինք նրա վկայաբերությունը Գատտեյրիասից, երբ նա աշխատում էր ապացուցել վրաց լեզվի կատարելությունը և հարստությունը?

Ակակին, պարզ է որ, քիչ է տեղյակ յուր մայրենի լեզվի պատմությանը, երբ վստահաբար հաստատում է (տե՛ս Կրեբուլի, էջ 66), թե դեռևս X դարում վրաց լեզուն հայկական ազդեցությունից զերծ էր: Այդ ժամանակները, արդարև, ինչպես ասացինք առաջին հոդվածում, հայոց լեզվի ազդեցությունը թուլանում է, շնորհիվ Աֆոնյան դպրոցի աշխատությունների, և վրաց լուսավորյալ հասարակության մեջ ծագում է ընդդիմություն ամեն բանին, որ հայկական է, բայց, այնուամենայնիվ, հայոց ազդեցությունը վրացերենի վրա, որ առանց ապացույցի ժխտում է Ակակին, ոչ միայն մնում է իբր հարուստ ժառանգություն նախկին դարից, այլ դեռ շարունակում է աճել: Իբրև ապացույց բավական է հիշել այն, որ X դարի վրացի գրող Ղաչի, մի նամակում առ եպիսկոպոս Անտոն, բաղկացած 11 տողից¹, գործ է ածում վրաց հիշատակարաններում այնքան հազվագյուտ հայկական բառեր, ինչպես ճոճըջո -

¹ **Gatteyrias**, Etudes linguistiques sur les langues de la famille géorgienne. Revue de Linguistique, հատոր XV, 1882, էջ 371-372. «Ainsi se renoue par l'étude du langage la chaîne ininterrompue qui rattache l'homme aux autres animaux, և այլն (էջ 372):

Такашвили, Три историческія хроніки, Тифлусь, 1890, էջ 3 XIII. - **Жордания**, Хроніки և այլն, Тифлусь, 1893, I, էջ 101: Վերջին հրատարակությունը լավագույն ընթերցումներով:

նշդեհ, յօշոհեմ եպերանք, արջո - արփի, օրօհո - պիտակ, ջոօ - վեհ, յոյոհ - վակաս, droati - դրովատ:

Ակակին, անշուշտ, ավելի քիչ տեղյակ լինելով Աստվածաշնչի գրքերի թարգմանությանց պատմությանը, հանձն է առնում մեզ սովորեցնել, ի միջի այլոց, այն խնդրի մասին, թե վրացիք ինչ լեզուներից են վրացերեն թարգմանել սուրբ Գիրքը (Կրեթուլի, էջ 58-58): Մեզ, որ մենք դեռ ուսանողական նստարանից աստիճանաբար ուսումնասիրում ենք այդ բարդ խնդիրը, համեմատական կերպով ուսումնասիրելով ձեռագրերը՝ հունականը, հրեականը, ասորականը, հայկականն ու վրացականը, մենք, որ համեմատելով հայկական թարգմանությունները ասորական բնագրերի հետ, հետամուտ ենք գտնելու ասորական ազդեցությունը հայոց սրբագրած սուրբ Գրքի մեջ և նյութեր ենք ժողովում բնորոշելու համար հայոց գրականության պատմության նմանողական դարը, մեզ այժմ Ակակին հանդիմանություն է շարտում երեսներին, իբր թե մենք կամենում ենք լռության տալ ասորական կուլտուրայի ազդեցությունը և որ իբր մենք պատրաստ ենք սիրիացիներին հայեր ցույց տալ: Ահա թե ուր կարող է հասցնել մի մարդու վստահությունը, թե կարելի է դատել ամեն բանի մասին, ոչ մի բանից տեղյակ չլինելով!

Մենք, իհարկե, այստեղ չենք քննելու քիչ մշակված հարցը հայոց Աստվածաշնչի ասորականից թարգմանած լինելու մասին, որ պահպանված է միայն սրբագրած ձևով*, և հայերենից արած հին վրացական թարգմանության մասին, որ նույնպես քանիցս ենթարկվել է սրբագրության: Բոլորովին բավական

* Պրոֆեսոր Խալաթյանցը պատրաստում է էջմիածնում նորերս գտած «Մնացորդաց գրքերի» ձեռագիրը, որը, դատելով մի քանի նշաններից, ներկայացնում է եթե ոչ ասորերենից, ամենաափի թարգմանությունը, գեթ նրան ամենամոտ վերսիան: (Շան. հեղ.):

կլինի, եթե ասենք, որ զուր ջանք է, երբ ոչ միայն ժխտում են վրաց Աստվածաշնչի թարգմանած լինելը հայերենից, այլև, երբ աշխատում են ֆանտաստիկական «հիպոթեզներով» մթնացնել այս իրողությունը, որ հայոց Աստվածաշունչն ակնհայտ կերպով ազդել է վրաց թարգմանության վրա^{*}:

Բայց ոչ միայն բանաստեղծին չվերաբերող խնդիրներում, ուր դեռ կարելի է արդարացնել նրա անտեղյակությունը, այլև այնտեղ, ուր խնդիրը բոլորովին պարզ է և ենթակա չէ որևէ կասկածի, Ակակին՝ պատվական երգիչը իդեալական հին վրացական կյանքի, ցույց է տալիս զարմանալի անտեղյակություն հին-վրացական իսկական գրականության: Ակակին անխռով դեմքով մեզ դուրս է կանչում, (Կրեթովի, էջ 58), որ ցույց տանք հայերենից կատարած թարգմանություններից գեթ մի բան, բացառությամբ՝ Մխիթարի հռետորությունը:

Մենք կարող ենք ցույց տալ հայերենից վրացերեն կատարած տասնյակ թարգմանություններ, բայց բավականաճանաչում ենք մի քանիսով: Ամենից առաջ հիշենք Սաղմոսների

* Մեր մանրուքների մեջ մենք արդեն տպագրել ենք և տպագրում ենք նյութեր խնդրի մասին: Կոնիբիդի վաղուց լույս տեսած աշխատության մեջ *The Growth of the Peschittâ version of the New testament* (*The Amerikan Journal of Theology*, October 1867, հատ. I, № 4), նվիրած հատկապես նոր կտակարանական գրքերին, շատ ճիշտ միտք է արծարծվում, թե նույնիսկ վրացական չորս ավետարանների գրքերը ոչ թե ինքնուրույն թարգմանություն են հունարենից, ինչպես ոմանք կարծում էին ցայժմ, այլ մի հին թարգմանություն, որը սրբագրվել է հետո հունական բնագրի համեմատ: Կոնիբերը բավականաճանաչում է պարզելով, որ հայոց և վրաց թարգմանությունները կատարվում են միևնույն ասորական տեքստի ցուցակից, որը, ավելացնենք մեր կողմից, մեր հավաքած նյութերի հիման վրա վճռվում է հոգուտ այն բանի, որ վրացական տեքստը կախում ունի հայերեն բնագրից: (Ծան. հեղ.):

մեկնություններ Եպիփան Կիպրացու, X դարի թարգմանչի հետաքրքրական նամակով: Նամակը (տե՛ս Ժորդանիա, Քրոնիկներ, 1893, էջ 99-101) հետաքրքրական է նրանով, որ նա վկայում է այն հակահայկական տրամադրությունը, որ սկսում էր հաստատվել վրաց հոգևորականության մեջ, մի բան, որ չի խանգարել վրացուն հայերենից թարգմանել իրեն հետաքրքրող հիշատակարանը: Այդ թարգմանությունը մագաղաթյա ձեռագրով պահպանվում է Թիֆլիսում, Կրաց մեջ գրագիտություն տարածող ընկերության գրադարանում: 2) Գրիգոր Տաթևացու Քարոզները. 3) Արիստոտելի Ստորոգությունը, թարգմանություն հայերենից վրաց Կաթողիկոս Անտոնիոսի. 4) Ստորոգություն մեկնությամբ Դավիթ Անհաղթի, թարգմանություն Դոսիֆեոսի. 5) Պատմություն Հայոց. 6) Մանկություն Քրիստոսի. 7) Դատաստանագիրք Մխիթար Գոշի. 8) Բժշկարաններ և այլն: Ի վերջո, ասենք, որ լեքսիկոգրաֆ Սուլխան Օրբելիանին կազմել է Համառոտ համաբարբառք Աստվածաշնչի, մասամբ հայկական աղբյուրից, եթե դատելու լինեինք մեզ մոտ գտնվող ձեռագրի հետևյալ գրությունից, որ արված է եկեղեցական գրերով. «Համաբարբառք Հին և Նոր կտակարանի, համառոտությամբ թարգմանեց հայերենից և լատիներենից Սավվա Օրբելիանի» և այլն:

Ակակին, վերջապես, մեր լեզվագիտական հայացքները տատանելու համար, անտեղեկության մարգարիտներ է ի ցույց դնում, մեկը մյուսից լավ: Այսպես, օրինակ, հայերեն «մանգաղ» և վրացերեն «մանգալի», որոնք երկուսն էլ հանրասեմական ծագումից են (եբրայերեն մագգալ, ասորերեն մագլա, արաբերեն մինջալ), Ակակին դուրս է բերում վրացերեն «մկա» - հնձել բառից: Կամ, օրինակ, վրացերեն «բանակի» - բանակ Ակակին համարում է նվազեցրած ձևը վրաց «բինա» (բնակարան) բառի, չհասկանալով, որ «բանակի»

հայերենից վերցրած բառ է, իսկ «բինա» - արաբերեն «բինա» բառն է, որ տաճկերենում էլ գործ էածվում և նշանակում է շինություն, որից և գռեհիկ հայերենում և նույնպես վրացերենում նշանակում է տանիք, տուն, բնակարան¹:

Կամ, օրինակ, Ակակին հայտնում է (Կրեբուլի, էջ 67), թե մի լեզվից մի այլ լեզվի մեջ ընդունած բառերը իբր թե բացառապես այնպիսիներ են, որոնք փոխառնող լեզվի մեջ չկան: Մինչդեռ մի ազգի մի այլ ազգի վրա արած կուլտուրական ազդեցության ուժգնությունը հենց նրանով էլ արտահայտվում է, որ ազդեցության ենթարկված ազգությունը փոխ է առնում նույնիսկ այնպիսի բառեր, առանց որոնց նա հեշտությամբ կարող էր կառավարվել, եթե յուր մտավոր զարգացումն անկախ լիներ, բայց ուրիշի գրական և այլ ազդեցություններով գերված խելքի համար մայրենի բառերը թվում են ոչ բոլորովին արտահայտիչ ու արհամարհվում են և ժամանակի ընթացքում բոլորովին մոռացվում են:

Ակակին այս միտքն է հայտնում (Կրեբուլի, էջ 67), թե վրացիք փոխ են առել հայերենից այսպիսի – *fi done!* - բառեր, ինչպե՛ս Ժյճճի Վ(ձունձի) ժլատ, *მაჯანკლი* (մաճանկալի) կավատ, *ავაზაკი* (ավազակի) ավազակ, *ხახტიკი* (սաստիկի) կատաղի, որոնց համար իբր թե վրացերենում չկային սեփական բառեր: Կանգ չենք առնում այն բանի վրա, որ Ակակին, չիմանալով հայոց լեզուն, առաջին երկու բառերը հայերեն է ընդունում, թեև առաջինի նման հայերենում բառ չկա, և ընդհակառակը, արմատական վրացերեն բառ է, որն ունի բարբառներում մի այլ ձև *ლუნჭი* (ղունձի), իսկ երկրորդ բա-

¹ Հոդվածի հեղինակ պրոֆ. Մառին դիտել ենք տալիս, որ նաև բնակել, բնակարան, բնիկ, բուն հայերեն գրական բառերը նույն «բինա» խոսքի իմաստն են պարփակում իրենց մեջ: (Ծան. «Մուրճ»-ի խմբ.):

ռը, իշխանը, ըստ երևույթին Չուբանովի վրա հիմնվելով, որը հենց այդտեղ սխալվում է, նույնացնում է մաճակալ՝ բառի հետ, որը հայերենում վարդիկ նշանակությունն ունի և բնավ կապ չունի վրաց *მაჭანკალი* (մաճանկալի) բառի հետ:

Բացի դրանից, կտրվելով իրականությունից, համաձայնենք Ակակիի ռոմանտիկական հայացքի հետ վրացիների՝ իբր մի իդեալական ազգի մասին, որի կուսական հեղությունը ոչ միայն աշխարհի չի բերել ոչ մի ավագակ, ոչ մի կատարի անհատ, այլ որը նույնիսկ երբեք չի եղել մթագնած ավագակության ու արյունարբության հասկացողության ստվերովն անգամ: Ճշմարիտ է արդյոք, թե վրացիք հայերից վերցրած լինեն բառեր միայն այնքան ստոր հասկացությունների համար, որպես ավագակություն, արյունարբություն և այլն? Անշուշտ, այո, եթե լսելու լինենք Ակակիին. բայց դա խորին մոլորություն է, որովհետև հենց Սուրբ Գրքի և Տարեգրությունների տեքստերի մեջ մենք գտնում ենք հայերեն ծագումից այնպիսի բառեր, ինչպես *მუშაკი* մշակ, *სპიტაკი* սպիտակ, *მადრი*, *ჭამი* ժամանակ, *ժամ*, *ქალაქი* քաղաք, *ოზგანი* վախճան, *ამპარტავანი* ամբարտավան, *ჰამბორი* համբույր, *სენაკი* սենյակ, *խიცი*, *ზატიკი* զատիկ, *կაღ*, *կარգ* (որից և վրացերեն *განკარგულება* կարգադրություն, *კარგვა* - կարգի բերել), *ծես*, *մատյան*, *ყათიქ*, *ճշմարիտ* և *հարյուրավոր* այլ բառեր: Հապա եթե մի հայ, յուրացնելով Ակակիի «լեզվաբանական հայացքները» սկսեր ապացուցել, թե վրացիք փոխ են առել հայերից վերոհիշյալ բառերը, թե նրանք վայրենի բարբարոսներ էին, որ հասկացողություն չունեին ո՛չ մշակության, ո՛չ քաղաքային կյանքի, ո՛չ կարգ ու կանոնի, ո՛չ պատմության, ո՛չ պատ-

* Գործածականն է մաճկալ = գութանի մաճը բռնող: (Ծան. խմբ.):

վի, ո՛չ ճշմարտության մասին, և որ եթե վրացիք ունեին «սիմարթե» և «սինամդվիլե» բառերը, բայց դրանք նշանակում էին՝ առաջինը՝ վրացական ճշմարտություն, իսկ երկրորդը՝ իմերեթական ճշմարտություն, տարբեր՝ հանրամարդկային ճշմարտությունից, որի համար Աստվածաշնչի լուսավոր թարգմանիչները հարկադրված էին կազմել ზეშაბიძგება (ճշմարիտեբա) (օրինակ՝ Ղուկ. I, 13), որ կազմված է հայոց «ճշմարիտ» բառից: Հայը այդ դեպքում կարող էր, ի միջի այլոց, հենվել Ակակիի վրա, որպես «վրացական-իմերեթական ճշմարտության» նախանձախնդրի վրա:

Համենայն դեպս, յուր եղանակներով, որոնք ներկա հոդվածում բավականաչափ մերկացան, վրաց բանաստեղծը նույնպես ճշմարտությանն էր ձգտում, բայց յուրատեսակ ճշմարտության, որը ոչ մի ընդհանուր բան չունի այն ճշմարտության հետ, որը մենք մեր պարտքը համարեցինք հայտնել կովկասյան լուսավորյալ հասարակության առջև, նկատելով նրա մի շրջանում վերին աստիճանի տխուր երևույթի նշաններ – նշաններ ազգային անհամբերատարության՝ դեպի նույնիսկ անցյալ կյանքի ճշմարտությունը:

Ի վերջո ցանկալի կլիներ, որ Ակակին հավատարիմ մնար յուր խոսքին (Կրեթուլի, էջ 69) և այլևս մեզ հետ խոսքի չբռնվեր, որովհետև մենք չենք կարող ախորժով խոսել այն մարդու հետ, որը խեղաթյուրում է ուրիշի մտքերը և ապացույցները, աղավաղում է փաստերը, չունի բավականաչափ տեղեկություններ՝ հասկանալու համար գիտական արգումենտների նշանակությունը, և, ի լրումն ամենայնի, թույլ է տալիս իրեն, խնդրից դուրս գալով՝ ինսինուացիաներ անել խոսակցի հասցեին:

15 մարտ 1898 թ. Ս. Պետերբուրգ

Ծանոթագրություններ

Աբրահամ /Հայր հավատացյալների/ Սուրբ Գրքի ամենանշանավոր անձանցից: Եղել է հին հրեական աստվածություն, հետագայում համարվել է հրեաների և արաբների նախահայրը: Նա պաշտամունք է ոչ միայն հրեաների կամ արաբների, այլև բոլոր քրիստոնյաների և մահմեդականների համար: Ըստ Աստվածաշնչի՝ սերում է Նոյի ավագ որդուց՝ Մեֆից:

Աբրահամ կաթողիկոս /?-669/ Երուսաղեմի հայոց հոգևոր առաջնորդ, ապա պատրիարք:

Անտոն Եպիսկոպոս /աշխարհիկ անուն-ազգանունը՝ Թեյմուրազ Բագրատիոնի. 1720-1788/- վրացի եկեղեցական, պետական գործիչ, Վրաստանի կաթողիկոս, գրող, գիտնական:

Բաբելոն էռնեստ /1854-19.. / - ֆրանսիացի հնագետ, դրամագետ, Լը Նորմանի աշակերտը և նրա աշխատությունների հրատարակիչը:

Բաումգարտեն Գերման /1825- ?/ ուսանել է Յենայի, Լայպցիգի, Բոննի և Գյոտինգենի համալսարաններում: Ստրասբուրգի համալսարանի գրականության պատմության ամբիոնի պրոֆեսոր:

Բաումգարտներ –

Բաքրաձե Դիմիտրի /1826-1890/ Վրացի պատմաբան, հնագետ, ազգագրագետ: Պետերբուրգի Գիտությունների ակադեմիայի թղթակից անդամ: Համառուսաստանյան հնագիտական համագումարի /Թիֆլիս, 1881/ կազմակերպիչներից: Գրել է ուսումնասիրություններ Վրաստանի պատմության և հնագիտության վերաբերյալ:

Բրոսսն Մարի /1802-1880/ ֆրանսիացի արևելագետ /հայագետ, վրացագետ/, պատմագետ, աղբյուրագետ:

Պետերբուրգի Գիտությունների ակադեմիայի ակադեմիկոս: Դասավանդել է Հայաստանի և Վրաստանի պատմություն: Ճանապարհորդել է Հայաստանում, հավաքել և հրատարակել է վիմագիր և վավերագիր նյութեր: Եվրոպայում հիմք է դրել հայ-վրացական բանասիրությանը: Ֆրանսերեն թարգմանել և ընդարձակ ծանոթագրություններով հրատարակել է Թովմա Արծրունու, Մխիթար Այրիվանեցու, Առաքել Դավրիժեցու, Զաքարիա Սարկավազի, Աբրահամ Կրետացու և հայ այլ պատմագիրների երկերը:

Բունով – ռուս բառարանագիր:

Գատտերիաս-Ֆրանսիացի արևելագետ:

Գարագաշյան Անտոն /Մատաթիա/ Գրիգորի /1818-1903/ - Հայ փիլիսոփա, տրամաբան, լեզվաբան, լուսավորիչ: Հայ քննական պատմագրության հիմնադիր /«Նկարագիր ուսմանց...», «Քննական պատմություն Հայոց»/, հեղինակել է աշխարհագրության, քերականության դասագրքեր, կազմել է ընթերցարաններ:

Գրեն Ջոն Ռիչարդ /1837-1883/ - անգլիացի պատմաբան: «Անգլիայի համառոտ պատմություն» /1874/ հանրաճանաչ գրքի հեղինակը:

Գուտշմիդ Ալֆրեդ /1831-1887/-Գերմանացի արևելագետ, հայագետ: Հայագիտական աշխատանքներն ունեն պատմաբանասիրական բնույթ և հիմնականում նվիրված են Մովսես Խորենացու և Ագաթանգեղոսի երկերի աղբյուրագիտական ուսումնասիրությունների քննությանը:

Դավիթ /III/ Կյուրապաղատ /...- 1000/ - Տայքի և Կղարջքի Բագրատունի իշխան: Համագործակցել է հայոց և վրաց թագավորների հետ: Դավիթ III Կյուրապաղատի պատվերով արաբերենից հայերեն է թարգմանվել «Պղնձե քաղաքի պատմությունը»: Հատել է սեփական դրամ:

Դյուլորիե Էդուարդ /1807-1881/, Ֆրանսիացի հայագետ։ Գործունեությունը հիմնականում վերաբերում է հայ մատենագիրների երկերի, Վենետիկի և Վիեննայի մատենադարանների հայկական ձեռագրերի ուսումնասիրությանը և թարգմանությանը։ Քննել և հրատարակել է Մատթեոս Ուռհայեցու, Սամվել Անեցու, Ներսես Շնորհալու, Գրիգոր Տղայի, Ներսես Լամբրոնացու, Վարդան Արևելցու և հայ շատ այլ պատմիչների երկերում խաչակրաց առաջին արշավանքի մասին եղած տեղեկությունները, ինչպես նաև Քերովբե Պատկանյանի «Հետազոտություն հայոց լեզվի կազմության մասին» աշխատությունը։ Ուսումնասիրել է Կիլիկիայի հայկական պետության քաղաքական, տնտեսական, վարչական, կրոնական կացութաձևերը, հայ ժողովրդական հնագույն երգերը, ժողովրդական ավանդությունները։ Լույս է ընծայել «Հետազոտություններ հայկական տոմարական և պատմական ժամանակագրության», երկը և հայագիտական տարաբնույթ այլ աշխատություններ։

Թամար թագուհի /մոտ 12-րդ դարի 60-ական թթ.-1213/ - Վրաստանի թագուհի։ Թամարի օրոք Վրաստանը հասավ իր ռազմատնտեսական հզորության և հոգևոր ու նյութական զարգացման գագաթնակետին։ Նրա գահակալության ժամանակ Զաքարյան Հայաստանում ևս ծավալվեցին շինարարական աշխատանքներ, զարգացան մշակույթն ու գիտությունը։

Ժորդանիա Թեվդորե /1854-1916/ վրացի պատմաբան, բանասեր, մանկավարժ։

Լանգլուա Վիկտոր /1829-1869/ - ֆրանսիացի արևելագետ, հայագետ, պատմաբան։ Սորբոնի համալսարանի պրոֆեսոր։ Հայագիտական ուսումնասիրությունները վերաբերում են Հայաստանի և Կիլիկյան Հայաստանի պատմությանը, գրականությանը, դրամագիտությանը, մշակույթին։ Թարգմանել

և հրատարակել է հայ պատմիչների՝ Փավստոս Բուզանդի, Մովսես Խորենացու, Եղիշեի, Կորյունի և այլոց երկերը:

Լը Նորման Ֆրանսուա /1837-1883/- ֆրանսիացի անելագետ: Սորբոնի համալսարանի պրոֆեսոր: Նրա առավել հայտնի աշխատություններից են՝ «*Les premieres civilisations*» /1874/, «*Manuel d'histoire ancienne de l'Orient*» /1881/ մենագրությունները:

Խալաթյանց Գրիգոր/1898-1912/ - հայագետ, պատմաբան-բանասեր, մանկավարժ, մշակութային գործիչ, Պետերբուրգի կայսերական ակադեմիայի դոկտոր, հայագիտական տարբեր առարկաներ է դասավանդել Մոսկվայի Լազարյան ճեմարանում: Աշխատությունները հիմնականում վերաբերում են հայ ժողովրդի պատմության, մատենագրության, բանասիրության և ազգագրության խնդիրներին:

Խվդլտոն Դանիել /1819-1911/- ռուս արևելագետ: Պետերբուրգի համալսարանի պրոֆեսոր, դասավանդել է հրեերեն և Աստվածաշնչի պատմություն: Թիֆլիսը համարել է Հայաստան, հայկական, նույն միտքը արտահայտել է Թիֆլիսում հրավիրված հնագետների V համագումարի հյուրերի պատվին տրված խնջույքում: Ակակի Ծերեթելին իր խոսքում ուղղել է նրան:

Ծերեթելի Ակակի /1840-1915/- վրացի բանաստեղծ, արձակագիր, դրամատուրգ, հասարակական գործիչ: Հիմնադրել և 1897-1900 թթ. հրատարակել է «Ակակիս կրեբուլի» /«Ակակիի ժողովածու»/ հանդեսը, որտեղ և 1898թ. տպագրել է «Պատմական քննություն...» և «Պատասխան պրոֆ. Մառին» հոդվածները:

Կուտուլ /Կատուլլոս Գայոս Վալերիոս /մ.թ.ա. մոտ. 57-54/- հռոմեացի բանաստեղծ: Պահպանվել է Կատուլլոսի շուրջ 120 ստեղծագործություն:

Սան-Մարտեն Անտուան Ժան /1791-1832/- ֆրանսիացի արևելագետ, հայագետ: Եղել է Ֆրանսիական ակադեմիայի Արևելքի բաժանմունքի տնօրեն: Ուսումնասիրել է հայոց լեզուն:

Նկոդայոս Մառ /1864-1934/- արևելագետ, կովկասագետ, լեզվաբան: Ռուսաստանի, ապա և ԽՍՀՄ ԳԱ ակադեմիկոս: Հեղինակ է հայ-վրացական գրական-պատմամշակութային բազմաթիվ աշխատությունների, հիմնադիրը՝ հայ-վրացական բանասիրության գիտական դիսցիպլինի և “Тексты и разыскания армяно-грузинской филологии” մատենաշարի /հրատարակվել է 1900-1913թթ../: Գիտության այս ճյուղը նա ինքն է անվանել հայ-վրացական բանասիրություն՝ այս խոսքի լիարժեք իմաստով: Նա խոր և բազմակողմանիորեն ուսումնասիրել է աշխարհի տարբեր երկրներում սփռված հայկական ձեռագրերը, ուրարտական սեպագրերը, Հայաստանի պատմական վայրերը, հնագիտական հուշարձանները, Հայաստանի պատմությունը, հայ հին գրական լեզուն, հայ հին և միջնադարյան գրականությունը, հայ մշակույթը, հայ ժողովրդի նիստ ու կացը, վարվելակերպը և այլն:

Մեսրոպ /Մեսրոպ Մաշտոց. 362- 440/- հայկական գրի ստեղծող, հայկական /հայագիր/ դպրոցի, հայ թարգմանական և ինքնուրույն գրականության հիմնադիր, մշակութային-հասարակական գործիչ, լուսավորիչ, Հայաստանի եկեղեցու վարդապետ, հայ եկեղեցու սուրբ:

Չուրիևով /Չուրիևաշվիլ/ Դավիթ /1814-1891/ - վրացի լեզվաբան, բառարանագիր, գրականագետ, Պետերբուրգի համալսարանի պրոֆեսոր, Ռուսաստանի աշխարհագրական և Մոսկվայի կայսերական հնագիտական ընկերությունների անդամ: Հրատարակել է վրացերեն-ֆրանսերեն-ռուսերեն, ռուսերեն-վրացերեն և այլ բառարաններ:

Քերտվբե Պատկանյան /Պատկանով/ /1833-1889/- արևելագետ, աղբյուրագետ, բանասեր, պատմաբան, հայագիտության պետերբուրգյան դպրոցի հիմնադիր, Պետերբուրգի համալսարանի պրոֆեսոր, Ռուսաստանի ԳԱ թղթակից անդամ: Ուսումնասիրել, ռուսերեն թարգմանել և հրատարակել է հայ հին և միջնադարյան պատմագիրների բազմաթիվ երկեր: Զբաղվել է հայոց լեզվի, հայ բարբառների, միջնադարյան հայ պատմական գրականության հարցերով, Հայաստանում հայտնաբերված սեպածն արձանագրությունների վերծանմամբ ու մեկնաբանմամբ, սեպագրերում պահպանված մի շարք տեղանունների ու ցեղանունների պարզաբանումով: Բազմիցս ընտրվել է Միջազգային զանազան գիտական ընկերությունների անդամ:

Տաշյան /Թաշճյան/ Հակոբոս Մելքոնի /1866-1933/ բանասեր, լեզվաբան, հայագետ, Մխիթարյան միաբանության անդամ, քահանա: Աշխատությունները նվիրված են Հայաստանի պատմական աշխարհագրությանը, հայ քաղաքակրթությանը, պատմությանը, հայոց լեզվի, առհասարակ հայագիտության բազմաթիվ հարցերի լուսաբանմանը, ինչպես նաև Հայոց մեծ եղեռնի, հայ ժողովրդի տարագրության խնդիրներին: Գեղարվեստական և գիտական թարգմանություններ է կատարել անգլերենից, գերմաներենից, ֆրանսերենից:

Տնր-Մկրտչյան Գաղուստ /1860-1918/ - հայագետ, պատմաբան, բնագրագետ-աղբյուրագետ, թարգմանիչ, խմբագիր: Հայագիտական հետազոտությունների շրջանակը ներառում է՝ ազգագրություն, բանահյուսություն, ուրարտագիտություն, հայ հին մատենագրություն, վիմագրություն, հնագրություն, պատմական աշխարհագրություն, Հայաստանի ճշգրիտ գիտությունների պատմություն և տնտեսություն, վարքագրություն և վկայաբանություն, բնագրագիտություն և աղբյուրագիտություն և այլն, և այլն:

Պուրփիուս Տաղիս /մոտ. 56-117/ - հռոմեացի պատմաբան։ Հիմնական աշխատությունները նվիրված են Հռոմին և հռոմեական կայսրությանը, կրոնին, հասարակական կառուցվածքին։ Ամենանշանակալից իրադարձությունների վերաբերյալ պարունակում են կարևորագույն տեղեկություններ։

Ռաուլինսոն Հենրի /1810-1895/ անգլիացի հայագետ։ Պեղումներ է կատարել Նինվեի և Բաբելոնի տարածքներում, որտեղ հայտնաբերել է հնագույն գրության բազմաթիվ նմուշներ։

Ռուսթամլի Շոթա /12-13-րդ դդ./ – վրացի բանաստեղծ, «Ընձենավորը» պոեմի հեղինակը։

Սան-Մարտեն Ժան /1791-1832 /- ֆրանսիացի արևելագետ։

Վախտանգ 6-րդ /1668-1738/ - վրացի բանաստեղծ, մշակութային գործիչ, Կախեթի մարզպան /1709-1714/, ապա՝ արքա /1716-1724/։

Ուխտանես Եպիսկոպոս /մոտ 935-1000/ պատմագիր մատենագիր, աստվածաբան, եկեղեցական, հասարակական գործիչ։ Հեղինակ է «Պատմութիւն Հայոց» աշխատության, որի երկրորդ բաժինը՝ «Պատմութիւն բաժանման Վրաց ի Հայոց» նվիրված է 6-րդ դարի վերջին և 7-րդ դարի սկզբին հայկական, վրացական և աղվանական եկեղեցիների փոխհարաբերությունների և հատկապես Վրաց եկեղեցու՝ Հայոց եկեղեցուց բաժանման պատմությանը։

Օպերտ Յուլիուս /1825-1904/ - ֆրանսիացի արևելագետ։ Ուսումնասիրել և վերծանել է սեպագիր արձանագրություններ։

Օրբելիանի Սուլխան-Սաֆա /1668-1721/ - վրացի բառարանագիր, առակագիր, դիվանագետ, պետական-հասարակական գործիչ։

Х. А. Вермишевъ.

МАТЕРІАЛЫ
для исторіи грузино-армянскихъ
отношеній.

Отвѣтъ на книжку кн. И. Г. Чавчавадзе:
Армянскіе ученые и „вопіющіе камни“.

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
„Пушкинская Скоропечатня“, Лештуковъ, 4.
1904.

ВВЕДЕНИЕ

Грузинскій поетъ, публицистъ и общественный дѣятель кн. И. Г. Чавчавадзе написалъ цѣлую книгу объ армянскихъ ученыхъ, подъ заглавіемъ: “Армянскіе ученые и вопіющіе камни”. Сочиненіе это появлялось по частямъ фельетонами въ грузинской газетѣ “Иверія”, а затѣмъ издано въ русскомъ переводѣ г. Алексѣевымъ-Месхіевымъ.

Въ этой книгѣ собрано все то, что можетъ служить доказательствомъ преслѣдованія армянскими учеными одной разъ навсегда опредѣленной цѣли – унизить грузинъ и ихъ исторію въ глазахъ всего цивилизованнаго міра и за счетъ этого униженія возвысить армянъ и армянскую исторію въ мнѣніи того же міра, при чемъ для достиженія этой цѣли “армянскіе ученые” (философы, книжники, либералы, грамотеи—по перечисленію кн. Чавчавадзе) не брезгаютъ никакими средствами, включая сюда завѣдомую ложь, надувательство, фальсификацію, поддѣлку, воровство и присваиваніе чужого (т. е. грузинскаго), введеніе и другихъ не армянскихъ писателей въ обманъ и заблужденіе. (Болѣе подробное перечисленіе всего, что приписывается армянскимъ ученымъ*, будетъ преведено въ послѣдующемъ изложеніи). Чтобы выяснить, насколько основательны эти обвиненія, мы сличили тексты сочиненій авторовъ, обвиняемыхъ княземъ Чавчавадзе, съ тѣмъ, что князь имъ приписываетъ. Результаты этого сличенія предлагаемъ на судъ читателей.

* Въ послѣдующемъ изложеніи мы для краткости будемъ обозначать названіемъ “армянскіе ученые” всю ту группу философовъ, грамотеевъ, книжниковъ, либераловъ и пр., которые занимаются, по свѣдѣтельству кн. Чавчавадзе, этимъ предосудительнымъ дѣломъ.

Въ самомъ же началѣ своей брошюры кн. Чавчавадзе заявляетъ, что “продѣлки армянскихъ ученыхъ, грамотеевъ и ихъ клеветовъ—уже старая пѣсня... вотъ уже цѣлыхъ 60 лѣтъ, какъ одни и тѣ же громы и молніи мечутся, однѣ и тѣ же тенденціи затрогиваютъ нашу самоличность и съ каждымъ днемъ съ большею и большею дерзостью, смѣлостью, нахальствомъ, сдираютъ съ насъ шкуру и грозятъ намъ потопомъ. Въ продолженіи всего этого довольно долгаго періода времени дѣйствуетъ все одинъ и тотъ же завѣтъ,—систематичеаки, неуклонно, твердо, хитро и съ удивительною настойчивостью протянута одна и та же нить, нельзя сказать, чтобы особенно искусно, но съ большимъ лукавствомъ, съ большимъ лицепріемъ” (стр. 12).

Кто же такіе всѣ эти недостойные армянскіе ученые и грамотеи, столь дерзко и нахально “сдирающіе шкуру” съ грузинъ?

Оказывается, однако, по признанію самого кн. Чавчавадзе, что этотъ шестидесятилѣтній періодъ травли грузинъ “начинается русскимъ писателемъ же писателемъ заканчивается” (12). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы находимъ слдующій перечень этихъ “армянскихъ ученыхъ и ихъ клеветовъ”: проф. О. И. Сенковскій, проф. Эминъ, А. Д. Эрицевъ, Худабашевъ, проф. Марръ, корреспондентъ французской газеты “Temps”, Кутулъ, архимандритъ Месропъ Сумбатянцъ, проф. Паткановъ, В. Гольмстремъ, Эзовъ и генр. Кишмишевъ, всего одинцать человѣкъ - на протяженіи 60 лѣтъ. Если исключить изъ этого списка не а р м я н с к и хъ у ч е н ы хъ и писателей, надо думать, считаемихъ кн. Чавчавадзе “клеветами” армянъ, т. е. проф. Сенковского, В. Гольмстрема, и проф. Марра, то собственно армянскихъ ученыхъ, грамотеевъ, книжниковъ останется всего 7 человѣкъ, а именно, какъ было указано

выше: проф. Эминъ, А. Д. Эрицевъ, проф. Паткановъ, Худабашевъ, Г. А. Эзовъ, архимандритъ Месропъ и генр. Кишмишевъ. Такимъ образомъ, всего на всего 7 человекъ дѣйстви-тельно „армянскихъ ученыхъ“ могутъ быть, по справедливости, привлечены къ отвѣтственности въ качествѣ „подсудимыхъ“ по жалобѣ кн. Чавчавадзе за оскорбленіе грузинской націи. Остальные, какъ совсѣмъ не армянскіе ученые, хотя могли бы быть и вовсе исключены изъ „обвинительнаго акта“—но разъ для полноты картины преслѣдованія грузинъ „армянскими учеными“ кн. Чавчавадзе включилъ и этихъ русскихъ ученыхъ и корреспондента французской газеты въ число „обвиняемыхъ“, то и намъ волей-неволей пришлось заняться выясненіемъ и ихъ роли въ осуществленіи этого „строгаго задуманнаго и хитро и настойчиво проводимаго завѣта, — „содрать шкуру“ съ грузинъ, о которомъ говоритъ кн. Чавчавадзе.

Свой обвинительный актъ кн. Чавчавадзе начинаетъ съ проф. Сенковского. Начнемъ и мы съ него.

1. Взглядъ Сенковскаго на Историческую Грузію.

“Русскій писатель Сенковскій, пишетъ кн. Чавчавадзе, извѣстный подъ псевдонимомъ барона Бромбеуса, еще въ 1838 г. писалъ: “до Вахтанга VI грузины не имѣли лѣтописи, сами грузины даже не существовали до XII ст. послѣ Р. Хр., подъ именемъ иверовъ извѣстны были разныя горскія племена; вся страна за р. Курою, гдѣ въ настоящее время Тифлисъ и большая часть Грузін испоконъ вѣка принадлежала армянамъ и здѣсь обитали армяне, мидяне, массагеты, или турки, и нѣсколько колѣнъ албанцевъ” “Кому приписать составленіе такой ложной исторіи и географіи”, восклицаетъ по этому поводу кн. Чавчавадзе. “Нѣтъ сомнѣнія, что она писана Сенковскимъ”, продолжаетъ онъ далѣе, “но неужели можно сомнѣваться, что Сенковскій не б ы л ь к ѣ м ѣ-т о в ѣ д е н ѣ в ѣ з а б л у ж д е н і е и что онъ, какъ эхо, повторялъ слышанное? Вѣдь ясно, что подобной лжи онъ нигдѣ не могъ вычитатьъ, такъ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ лѣтописей, въ которыхъ можно было бы найти указаніе въ этомъ смыслѣ, и лжи этой даже въ преданіяхъ онъ не нашелъ бы. Кому нужно было распространить по міру вѣсть, что грузины до XII в. даже не существовали, что въ Грузіи не было грузинъ и что здѣсь обитали армяне и другія народности, или что большая часть Грузіи, вмѣстѣ съ Тифлисомъ, испоконъ вѣка принадлежала армянамъ. Ложь, и притомъ такая нежданно- негаданная, безъ задней мысли и безъ разсчета не появляется” (13).

Чтобы понять, почему именно этотъ взглядъ кажется кн. Чавчавадзе столь обиднымъ, надо привести еще небольшую

выдержку, изъ которой видно, какое своеобразное толкованіе кн. Чавчавадзе даетъ этимъ мыслямъ Сенковскаго. Изъ этой выдержки читатель легко усмотритъ, что князь Чавчавадзе уже приписываетъ Сенковскому не только приведенныя выше слова, но также и то, будто даже во время присоединенія Грузіи къ Россіи нынѣшняя Грузія была не Грузіей, а Арменіей.

„Неужели никто не помнить“, говоритъ кн. Чавчавадзе, “какая страна присоединилась къ Россіи—Грузія или Арменія, или чьей резиденціею и столицею былъ Тифлисъ? Неужели до слуха его (Сенковскаго) не дошло, чью страну и отъ кого приняла Россія подъ свое покровительство? Если это такъ, то же и что заставило состряпать такую непостижимую исторію и географію? Ясно, что тутъ дѣйствовали не любовь и страсть къ научному изслѣдованію, ибо тутъ явная ложь, и любящій науку не поддается страсти ко лжи” и т. д. въ томъ же патетическомъ духѣ.

Уже одно сопоставленіе этихъ послѣднихъ строкъ съ цитатою изъ статьи Сенковскаго могло бы убѣдить всякаго, что кн. Чавчавадзе приписываетъ Сенковскому то, чего онъ не писалъ. Сенковскій говоритъ о періодѣ до XII столѣтія, кн. Чавчавадзе приписываетъ ему, будто онъ говоритъ, что и въ XVIII столѣтіи, т. е. спустя шестьсотъ лѣтъ, нынѣшняя Грузія была Арменіей. Но въ пылу своего гнѣва кн. Чавчавадзе не замѣчаетъ этой ошибки и восклицаетъ: „неужели Сенковскій не зналъ, какая страна была присоединена къ Россіи - Грузія или Арменія“? Очевидно, Сенковскій этого не могъ не знать и не могъ говорить всю ту нелѣпость, которую выдумываетъ кн. Чавчавадзе и навязываетъ ему.

Чтобы окончательно устранить всякія сомнѣнія на этотъ счетъ, мы обратимся къ самой статьѣ Сенковского: "Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузіи", напечатанной въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 1838 годъ. Тщательная провѣрка текста этой статьи еще болѣе убѣдила насъ, что Сенковский и не думалъ доказывать, будто присоединенная къ Россіи область была не Грузія, а Армения. Вся его статья разбираетъ одинъ единственный и при томъ чисто историческій вопросъ: когда грузины пришли въ Тифлисъ и нынѣшнюю Грузію, до XII столѣтія или только съ XII столѣтія? Вопроса о томъ, что было въ этой странѣ послѣ XII столѣтія, т. е. въ теченіе послѣдующихъ 600-700 лѣтъ онъ совершенно не касается, слѣдовательно не касается онъ всей исторіи Грузинскаго Царства съ XII столѣтія вплоть до присоединенія его къ Россіи и не только не отрицаетъ образованія этого Царства въ предѣлахъ нынѣшней Грузіи, но самъ утверждаетъ, что грузины въ XII столѣтіи заняли эту страну, бывшую до того Арменией, хотя и подвластной другимъ государствамъ.

Вотъ что буквально говоритъ Сенковский въ упомянутой статьѣ: „Мнѣ кажется, грузиновъ не было въ Грузіи до двѣнадцатаго столѣтія и буду чрезвычайно благодаренъ, если ученый академикъ (М. Броссе) захочетъ разсѣять мои на этотъ счетъ сомнѣнія, которыя и изложу откровенно. Относительно грузинской исторіи иѣтъ никакого стыда не только сомнѣваться, но даже и ошибиться. Кромѣ Г. Броссе, никто въ Европѣ не изучалъ ея въ грузинскихъ источникахъ; я знаю ихъ, какъ всѣ знаютъ, только по тѣмъ отрывкамъ, которые были напечатаны, по выпискамъ, какія могъ я достать, и по дурнымъ русскимъ или персидскимъ переводамъ извѣстныхъ мѣстъ, которыя меня

болѣ всего занимали. Слѣдственно, я долженъ напередъ просить у ученаго академика прощенія, если по невѣжеству своему или моихъ наставниковъ, скажу что нибудь ужасное противъ величія грузинскихъ лѣтописей. Ему (Броссе) одному принадлежать великое право просвѣтить и прекрасное преимущество миловать ошибки несвѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ“.

Изъ этой небольшой выдержки ясно видно, съ какою осторожностью высказываетъ Сенковский свои „сомнѣнія“ касательно прошлаго Грузіи. Ему кажется...онъ заранѣе просить прощенія, если по невѣжеству своему скажетъ что нибудь ужасное. Мало того, онъ и не касается того, гдѣ была Грузія послѣ XII столѣтія. Его интересуеть лишь вопросъ, были ли грузины въ нынѣшней Грузіи до XII столѣтія?

Полагаю, что изъ этихъ словъ никто не усмотритъ, будто Сенковский называетъ присоединенную къ Россіи область не Грузіей, а Арменіей. Если же онъ высказываетъ предположеніе, что этою „спорною“ территоріей, до завоеванія ея грузинами въ XII в., владѣли армяне и эта территорія была извѣстна у древнихъ историковъ, какъ Арменія, то и въ этомъ, врядъ ли, можно усмотрѣть что либо оскорбительное, потому же самому, почему ни одинъ благоразумный армянинъ не сочтетъ оскорбительнымъ для своей исторіи фактъ, устанавливаемый нѣкоторыми ассиріологами, что нынѣшняя Арменія была страной древняго народа- урартійцевъ.

Обиднымъ могутъ показаться эти слова Сенковского только въ томъ случаѣ, если бѣ оказалось, что онъ сознательно ложно и безъ всякихъ основаній отвергаетъ существованіе Грузіи въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ до XII столѣтія. Въ дѣйствительности же этого совсѣмъ не было. Сенковский высказывая свои „сомнѣнія“, что древняя Иберія была въ

предѣлахъ Кутаисской губерніи, Осетіи и южнаго Дагестана до Дербента, а что въ предѣлахъ нынѣшней Грузіи, т. е. части Карталиніи и Сомхетіи, была Арменія, ссылается на Страбона, Плинія, Плутарха, Діонисія, Птолемея, Тацита и позднѣйшихъ классическихъ писателей и, наконецъ, на арабскаго Якута. Такимъ образомъ, вотъ гдѣ, оказывается, вычиталь Сенковскій свои „сомнѣнія“ и притомъ не у армянскихъ, а у древнихъ греческихъ, римскихъ и арабскихъ историковъ, которыхъ, конечно, даже кн. Чавчавадзе не заподозрить въ желаніи умалить историческое значеніе грузинъ въ интересахъ возвеличенія армянъ.

Думаю, каждый безпристрастный читатель долженъ согласиться, что всѣ это обвиненія Сенковского во лжи и въ стряпаніи непостижимой исторіи, какъ совершенно неосновательныя, должны быть съ него сняты.

Не могу не замѣтить, что память Сенковского давно нуждается въ реабилитаціи, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны. Среди грузинскихъ писателей и историковъ ему особенно не посчастливилось. Еще до кн. Чавчавадзе, А. Цагарели и Д. Бакрадзе также были огорчены этими „сомнѣніями“ Сенковского и хотя къ нему эти ученые отнеслись гораздо спокойнѣе и терпимѣе, но и они не задали себѣ труда познакомить своихъ читателей съ истиннымъ характеромъ и основаніями этихъ „сомнѣній“ Сенковского. Отъ этого на Сенковского среди грузинъ, въ особенности послѣ статей кн. Чавчавадзе объ „Армянскихъ ученыхъ“, долженъ былъ установиться крайне враждебный взглядъ, при чемъ ему приписывается тенденціозное искаженіе исторіи Грузіи въ угоду грузинофобству армянъ. И это говорится объ ученомъ опіенталистѣ, префессорѣ С.-Петербургскаго университета, полякѣ по рожденію, ученикѣ не какого нибудь армянскаго

ученаго, а извѣстнѣйшихъ польскихъ-историка Лелеваля и лингвиста Гродека; о человѣкѣ, которому при всѣхъ его недостаткахъ, какъ журналиста и критика, никто не могъ отказать въ обширныхъ познаніяхъ, въ особенности въ области востоковѣдѣнія, и о которомъ самъ М. Brosset отзывается, какъ о журналистѣ „distingué dont le nom, justement célèbre en Russia, est destiné à occuper un rang éminent parmi les orientalistes”). Ни одинъ изъ его нынѣшнихъ хулителей не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что Сенковский писалъ въ то время, когда грузинская исторіографія только лишь дѣлала первые шаги, когда грузинскія лѣтописи еще не были изданы академикомъ Броссе, когда, слѣдовательно, былъ полный просторъ для всякихъ догадокъ, предположеній и сомнѣній.

Къ чести Броссе и Д. Бакрадзе слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не позволилъ себѣ по адресу Сенковского какой либо злобной выходки во вкусѣ кн. Чавчавадзе. Броссе подвергъ тщательному критическому анализу содержаніе статьи Сенковского и, держась исключительни научной почвы, объективными доводами разсѣивалъ всѣ сомнѣнія Сенковского. Д. Бакрадзе, въ свою очередь, приведя взгляды Жана и Вивьена де Сень-Мартенъ и Дюбуа де Монпере относительно значенія грузинскихъ лѣтописей, взглядъ, не согласный съ мнѣніемъ Сенковского, замѣчаетъ:

„Взглядъ этихъ ученыхъ долженъ былъ казаться предположеніемъ, болѣе или менѣе сомнительнымъ, такъ какъ при нихъ много матеріаловъ, на которыхъ можно было основать истинную оцѣнку грузинскихъ хроникъ, лежало еще подъ спудомъ. Положительный взглядъ на этотъ предметъ могъ

* См. “Revue des antigutés georgiennes”, M. Brosset, Bulletin scient. N3 (t. V, 1839. Спб.)

установиться именно не ранѣ ихъ опубликованія, чѣмъ мы обязаны академику Броссе. Въ настоящее время мы имѣемъ значительный запасъ данныхъ и они, разъясняя исторію грузинскихъ хроникъ, и опредѣляя ихъ дѣйствительный характеръ, вполнѣ устраняютъ взглядъ, въ родѣ того, который былъ высказанъ Сенковскимъ*.

Строки эти написаны были въ 1873 году, т. е. спустя почти 40 лѣтъ послѣ Сенковского. Г. Бакрадзе, очевидно, были вполнѣ понятны ошибки Сенковского, писавшаго до изданія академикомъ Броссе „Грузинскихъ лѣтописей“.

Если и въ настоящее время многое изъ первыхъ временъ исторіи Грузин неясно и темно, то что сказать о концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія? Вѣдь и Сенковскій не выдавалъ свой взглядъ за нѣчто вполнѣ установленное и непререкаемое. Вѣдь и онъ самъ указываетъ въ началѣ своей статьи на скудость измѣншихся въ его распоряженіи матеріаловъ, затѣмъ, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ статьи онъ самъ заявляетъ, что никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ „открытія истины“, онъ не преслѣдуетъ, и что онъ первый отнесется съ уваженіемъ и „встрѣтитъ съ почестію“ всякія опроверженія высказанныхъ имъ сомнѣній, если ихъ неосновательность будетъ ему доказана „памятниками или, по крайней мѣрѣ, правильнымъ, ученымъ разборомъ источниковъ Вахтанга и Вахуштія“. Какъ ученый ориенталистъ, онъ не могъ не сознавать, какой вредъ можетъ причинить „исторической истинѣ“ принятіе на вѣру всякихъ кавказскихъ сказаній и насколько полезны въ такихъ случаяхъ всякія противорѣчія этимъ сказаніямъ, которыя „показываютъ необходимость тщательнаго разбора и устраненія всего, что позволяетъ смотрѣть на

* Бакрадзе Д. „Археологическое путешествіе“, стр. IX.

предметъ съ другой точки зрѣнія“. Несмотря на всѣ эти оговорки, несмотря на точнѣйшія ссылки на классическихъ писателей въ доказательство высказываемыхъ мнѣній, Сенковскій подвергся со стороны кн. Чавчавадзе обвиненію въ сочиненіи лживой исторіи и ославленъ на весь міръ, какъ услужливый „клеветръ“ армянъ, повторявшій, какъ эхо, слышанное, способный обратить научный историческій анализъ въ слѣпое орудіе чьихъ то происковъ противъ грузинъ. Если некрасиво клеветать на живыхъ, то еще хуже клеветать на мертвыхъ. Вотъ почему вся окраска, которую придаетъ кн. Чавчавадзе статьѣ Сенковского и включеніе его въ разрядъ „армянскихъ ученыхъ фальсификаторовъ“, сознательно преслѣдующихъ одинъ завѣтъ — „содрать шкуру съ грузинъ“ путемъ воровства и лжи, — является крайне вопіющею несправедливостью. Намъ совершенно не интересуется вопросъ, насколько взгляды Сенковского оправдались послѣдующими историческими изысканіями. Какъ было указано выше, въ то время, когда писалъ Сенковскій, ошибки въ этомъ отношеніи должны были быть неизбѣжны и естественны и это сознавалъ и самъ Сенковскій. Для нашихъ цѣлей важно лишь выяснить, какова могла быть скрытая тенденція Сенковского и что могло водить его перомъ, — любовь ли къ истинѣ или нѣчто низменное и постыдное. Чтобы судить объ этомъ, мы приводимъ ниже рядъ пространныхъ выдержекъ изъ Сенковского, по которымъ читатель самъ сможетъ составить самостоятельное свое мнѣніе относительно совершенной чистоты Сенковского въ такихъ анти-научныхъ тенденціяхъ, въ которыхъ его обвиняетъ кн. Чавчавадзе.

Прежде всего, Сенковскій замѣчаетъ, что „грузины выдаютъ себя за народъ очень древній и ученый, академикъ (Броссе), кажется, хочетъ ихъ утвердить еще болѣе въ этомъ

честолюбивомъ мнѣніи: за народъ, который въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ онъ теперь обитаетъ, господствовалъ еще до Р. Х., начинается свою исторію почти со временъ Александра Великаго, просвѣтился христіанскимъ ученіемъ еще при Константинѣ Великомъ, былъ уже могущественъ и даже не чуждъ образованности въ пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ и съ тѣхъ поръ до начала нынѣшняго вѣка представляетъ намъ непримѣрный рядъ своихъ дѣяній, подвиговъ, несчастій, побѣдъ, царей. Мы имѣемъ передъ собой списокъ грузинскихъ государей отъ Фарнабаза до Георгія XIII, т. е. отъ 268 до Р. Х. по 1800 г. послѣ Р. Х., списокъ, въ которомъ находится ни болѣе ни менѣе 98 послѣдовательныхъ царствованій. Одна только китайская исторія въ состояніи представить нѣчто подобное. Этотъ необыкновенный феноменъ историческій всякаго заставитъ подумать, что литература грузинская должна обладать рядомъ лѣтописей, въ которыхъ имена и дѣянія 98 государей записываемы были людьми всѣхъ вѣковъ. Ничего не бывало отъ Александра Македонскаго до Петра Великаго, они преспокойно жили безъ лѣтописей и только въ прошломъ столѣтіи одинъ изъ ихъ царей, Вахтангъ VI, составилъ для нихъ родъ многорѣчивой хроники, которую довелъ отъ Ноя до начала IV вѣка, а сынъ его, Вахуштъ, сократилъ ее, повторяя впрочемъ, въ точности повѣсть отца, и дополнилъ послѣдующими царствованіями. Отецъ не указываетъ ни на какіе источники и долгое время не выставляетъ чиселъ годовъ; сынъ ссылается на какіе то лѣтописи и документы, которые вмѣстѣ съ нимъ и исчезли, и вездѣ выставляетъ годы. Въ обыкновенномъ порядкѣ суда критическаго одного этого уже уваженія было бы достаточно, чтобы безъ околѣностей вдругъ отвергнуть обѣ эти лѣтописи, какъ не заслуживающія ни малѣйшаго довѣрія,

тѣмъ болѣе, что онѣ наполнены странными баснями, которыя могли бы сдѣлать честь изобрѣтательности любого мифолога. Между тѣмъ, эти сказанія принимаются многими за исторію, и мы недавно съ удивленіемъ слышали, между похвалами, произнесенными въ честь грузинской литературы, положительное увѣреніе, что Вахуштъ есть Карамзинъ своего народа“ (стр. 154).

Всѣ эти замѣчанія Сенковскій дѣлаетъ, однако, вскользь и мимоходомъ, ибо его занималъ главнымъ образомъ вопросъ: „были ль грузины въ Грузіи прежде XII столѣтія“. „Для рѣшенія этого вопроса, говоритъ онъ, необходимо коснуться чрезвычайно запутаннаго вопроса о томъ, гдѣ была Иберія, кто были иберы и какое право имѣютъ грузины присваивать своему народу и племени царствованія разныхъ владѣтелей иберскихъ, о которыхъ упоминаетъ исторія. Само собою разумѣется, что для принятія такого канона царей, какой мы находимъ въ двухъ грузинскихъ лѣтописяхъ, надобно, прежде всего, допустить, что грузины, которыхъ п о л и т и ч е с к о е и м я , к а к ъ к а ж е т с я , не должно бы быть старѣе XI вѣка, существовали прежде подъ другимъ названіемъ, именно подъ названіемъ иберовъ. Сами оне въ этомъ не сомнѣваются, и многіе европейскіе критики согласны съ ихъ мнѣніемъ. Конечно, если они иберы и если притомъ Иберія была нѣнѣшняя Грузія, т. е. Карталинія, Сомхетія и Кахетія, то они съ древнихъ временъ находились въ Грузіи. Мнѣ совѣстно противорѣчить мнѣнію Г. Эйхвальда, но мнѣ кажется, что довольно старинное предположеніе, которое защищаетъ и ученый виленскій профессоръ, будто древняя Иберія есть нынѣшняя Грузія, происходитъ единственно отъ того, что прежнія географы и критики не имѣли передъ глазами вѣрной карты Кавказскаго Края и принуждены были дѣлать

свои заключенія почти наугадъ. Внимательное чтеніе текстовъ Страбона, Плинія, Діонисія, Птолемея, Плутарха, Тацита и позднѣйшихъ писателей классической древности, всегда приводило меня къ тому убѣжденію, что Иберія собственно была нынѣшняя Имеретія, Радча, Осетія и значительная часть Лезгистана, часто до самаго Дербента; что самая большая ширина Иберіи заключалась между Владикавказомъ и Мцхетомъ, „гдѣ Арагва сливается съ Курою“; что народа иберовъ собственно никогда не существовало и имя ихъ было только общее названіе извѣстнаго числа разноплеменныхъ поколѣній горцевъ, въ родѣ названій: Скиѣы, Сарматы, Албаны, Аланы, Германы и пр., и, наконецъ, что вся эта страна аз Куромъ, гдѣ нынѣ Тифлисъ и самая значительная часть Грузін, всегда принадлежала Арменіи и населена была армянами, медами, массагетами или турками, и нѣсколькими изъ тѣхъ поколѣній, которымъ древніе давали другое общее названіе—албановъ. Одно только это распредѣленіе Края и приводитъ въ удовлетворительное согласіе всѣ противорѣчія древнихъ географовъ. Всѣ они очень плохо знали Кавказскій Край, и слѣдовать за подробностями, которыя эти писатели сообщаютъ по слухамъ, нѣтъ никакой возможности. Но въ нихъ надобно взять главныя черты разсказа: эти черты однѣ могутъ быть вѣрны, и онѣ дѣйствительно приводятъ все въ порядокъ”. (155-156) .

“Одна изъ этихъ главныхъ чертъ сѣверная граница Великой Арменіи на Курѣ и южная граница Иберіи у сліянія Арагвы съ Куромъ. Плиній положительно говоритъ, что Великая Арменія въ ширину переходитъ за Араксъ и простирается до Кура (VI, 4). Птоломей ведетъ сѣверную границу Арменіи вдоль по Куру (V, 13). Страбонъ, если не называетъ Кура, о теченіи котораго онъ не имѣлъ яснаго понятія, за то

границею Арменіи полагаетъ хребетъ, который, начинаяс у Безабдала, идетъ черезъ Сомхетію, огибаеъ Тифлисъ и тянется далѣе по Кахетской области, а это все равно, какъ бы онъ показаль границу вдоль Кура. Наконецъ, что значать эти слова у Страбона: "горный проходъ (ведущій въ Иберію) изъ Арменіи, лежитъ у Кура и Арагвы, которыя, прежде чѣмъ сліются, имѣють два укрѣпленные города, разстояніемъ другъ отъ друга на 6 стадій? Одинъ изъ этихъ городовъ, Harmozika, на Курѣ былъ армянскій и слѣдственно лежалъ по близости, если не на мѣстѣ нынѣшняго Тифлиса; другой, Seumaga (Seusamora), на Арагвѣ, близъ Мцхета, принадлежалъ уже къ Иберіи. Не ясно ли, что страна, гдѣ нынче Тифлисъ, была Армения и во времена Страбона, какъ и при Плиніи и Птоломѣ. Послѣ этого, четыре горные прохода, ведущіе въ Иберію, которые затрудняютъ Эйхвальда до того, что онъ принуждены "угадывать" ихъ положеніе, - какъ будто главные ущелья въ горахъ могутъ перемѣнять мѣста свои, - эти четыре прохода рѣшаются сами собою безъ помощи догадокъ. Иберія есть горная полоса Кавказскаго Края, отовсюду (kyklô) окруженная горами, какъ говоритъ Страбонъ, которая тянется отъ Имеретіи и Радчи включительно, черезъ Осетію, до западнаго Лезгистана включительно и, слѣдственно, западный проходъ въ нее, со стороны Колхиды, будетъ дорога изъ Мингреліи въ Кутаисъ, сѣверный изъ Сарматіи, - военно-грузинская дорога у Владикавказа, восточный - знаменитая дербендская тѣснина, южный, изъ Арменіи - опять военно-грузинская дорога около Мцхета, къ сѣверу отъ Тифлиса эти проходы такъ знамениты, что Страбонъ не могъ бы не говорить объ нихъ: и онъ рѣшительно на нихъ указываетъ. Теперь совершенно понятны слова Тацита: *Iberi, locorum potentes, caspra (lege, Caucasia) via raptim Sarmatam in*

Armeniam, effundunt: “Иберы, владѣющіе горными мѣстами черезъ Кавказскій проходъ вдругъ Сармату выливаютъ на Арменію” ; замѣтимъ только, что если бы иберы занимали нынѣшнюю Грузію, они бы “выливали Сармату” на себя самихъ, а не на Арменію. Теперь совершенно понятно такое, отчего всѣ древніе географы утверждали, что Фазисъ, нынѣшній Ріонъ, который имъ такъ хорошо былъ извѣстенъ, течетъ отъ границъ Арменіи. Г. Эйхвальдъ прекрасно доказалъ, что они за главную рѣку принимали притокъ Ріона, Квирилу; но это еще не удовлетворяетъ текстамъ: Квирила тогда только будетъ течь отъ границъ Арменіи, когда предѣломъ Арменіи, согласно Страбону, Плинію, Птоломею, назначимъ течение Кура.

“Я не стану преслѣдовать далѣе совпаденія множества другихъ подробностей съ этимъ положеніемъ Иберіи: тѣ, которые захотятъ безъ предубѣжденія и безъ предвзятой системы сравнить древніе тексты, относящіеся къ Кавказскому Краю, сами, я надѣюсь, увидятъ совершенное согласіе ихъ съ такимъ распредѣленіемъ страны и легкость, съ какою по немъ объясняются трудности, приводившія въ отчаяніе комментаторовъ. Мнѣ очень легко было бы показать, какъ естественно подходитъ все, что древніе говорятъ объ Албаніи, къ тому же мѣстоположенію Иберіи, которое мы для нея отыскиали, но я долженъ предоставить это времени и обратиться къ вопросу о мнимомъ “народѣ Иберовъ”.

“Тогда называли народы по странамъ: племена, жившія въ Скиѣи, какъ бы они разнородны ни были, всѣ получали общее имя скиѣовъ, жившія въ Сарматіи назывались сарматами, въ Даніи- даками, въ Германіи- германами, хотя нѣтъ сомнѣнія, что между этими германами были народы славянскіе и даже финскіе. Эта система обобщенія примѣнена была

и ко многочисленнымъ кавказскимъ народамъ; за исключеніемъ немногихъ, болѣе извѣстныхъ поколѣній, прочія раздѣлены были на иберовъ и албановъ, не по роду своему, но по странамъ, Иберіи и Албаніи, въ которыхъ они укрывались. Албаны занимали полосу прибрежную вдоль Каспійскаго моря; а первые, т. е. Иберы, помѣщаемы были въ поперечной нагорной полосѣ Кавказскаго перешейка, которая, простираясь отъ границъ Колхиды, или Мингреліи, до Лазгистана, составляла почти прямой уголъ съ албанскою полосою; вся же страна, заключенная въ этомъ углу, именно нынѣшняя Грузія, принадлежала къ Арменіи, а за поперечною, иберскою полосою, страна Сарматія. Что жъ, слѣдственно, такое были Иберы, если не то же самое, что мы теперь называемъ г о р ц а м и.

Они не могли составлять “народа”. Впрочемъ, Плиніи и Птоломей поименно называютъ различные народы, жившіе въ Иберіи и Албаніи, и которымъ они въ то же время даютъ общія названія Иберовъ и Албановъ... Говорятъ, что слово иберъ, или какъ иные произносятъ иверъ, происходитъ отъ армянскаго языка, на которомъ иврець должно означать горець. Если этимологія эта справедлива, то мы съ армянами одного образа мыслей: я то же говорю, что Иберцы были просто “горцы”. Но я не думаю, чтобы слѣдовало произносить иверъ. Страбонъ, когда хочетъ выразить звукъ в, пишетъ ouі. Римляне также никогда не писали Iverus, а всегда Iberus и я вижу въ нынѣшнемъ названіи одной кавказской страны, И м е р э т і и, положительный слѣдъ сохранившагося донинѣ древняго географическаго названія Иберія. Отбросьте обыкновенное грузинское окончаніе именъ провинціи, эти: останется и м е р ъ. Вовсе не нужно толковать оріенталистамъ, какимъ образомъ б превратилось въ м и изъ и б е р ъ, Iberia,

вышло и м е р ъ, Имеретія; такія превращенія б въ м очень обыкновенны и въ кавказскихъ языкахъ. Точно также сохранилось до нашего времени древнее названіе другой кавказской области, лежащей рядомъ съ Имеретіей: Suani или Soani-древнихъ географовъ и теперь называются Суанети. И цѣлые десятки подобныхъ примѣровъ можно было бы привести въ доказательство того, какъ неизгладимы на Кавказѣ названія разныхъ урочищъ. По крайней мѣрѣ, я не сомнѣваюсь, что Iberia и Имеретія одно и то же слово. Это сближеніе клонится здѣсь къ тому, чтобы еще показать, что древняя Иберія, собственно говорят, и была одна только нынѣшняя Имеретія. И въ самомъ дѣлѣ по согласному свидѣтельству всѣхъ географовъ, она начиналась у границъ Колхиды(Мингреліи) и съ юга опиралась на Москійскія горы, которыя отдѣляютъ ее отъ Ахалцыха. Одну эту Иберію и знали древніе, на остальную часть полосы, простирающуюся далѣе на востокъ поперекъ перешейка до Лезгистана, и составляющую какъ бы продолженіе Имеретіи, они только распространяли имя Иберіи, по принятому тогда обыкновенію. При чтеніи древнихъ текстовъ должно непрерывно обращать вниманіе на то, когда они подъ именемъ Иберіи разумѣютъ одну только Имеретію, и когда дѣлаютъ изъ нея общее названіе для всей полосы нагорной стороны, идущей поперекъ прешейка, потому что отъ этого Иберія ихъ становится то короче, то длиннѣе. Мнѣ кажется, что отсюда проистекаетъ и вся сбивчивость ихъ показаній, которыя, однако жъ, дѣлаются ясными, когда помнишь, что Иберіей попеременно называютъ они то одну собственную, соседнюю съ Колхидой, Иберію или Имеретію, то опять Имеретію, Радчу, Осетію и часть Лезгистана. Такъ, Страбонъ говоритъ однажды, что въ Иберіи есть только одинъ дрянный городишко, а потомъ онъ же, и Плиній, и Птоломей

въ "Жизни Помпея" (V,II) утверждаютъ, что иберы живутъ между Мосхійскими горами и Чернымъ моремъ, причисляя Гурію къ Имеретіи и дѣлая изъ Иберіи черноморскую провинцію, что рѣшительно никто изъ географовъ не дѣлаетъ. Опираясь на авторитетъ географовъ, Плутарха можно было бы упрекнуть въ невѣжествѣ, а между тѣмъ и онъ правъ, и они правы: стоитъ только хорошо понять ихъ рассказы, ихъ систему- и противорѣчія исчезнуть. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что равнины нынѣшней Мингрегіи и Имеретіи принадлежали тогда къ Колхидѣ, а горы той и другой области составляли Иберію, которой западные, такъ же какъ и южные предѣлы начинались изъ горъ. Какой народъ жилъ въ древней Имеретіи, или Иберіи. какіе "горцы" тамъ обитали, объ этомъ я не берусь говорить, и считаю даже подобный вопросъ неразрѣшимымъ, если вспомнимъ, сколько перемѣщеній массъ совершилось на Кавказѣ, сколько племень погибло и сколько языковъ погасло. Эти мелкія, воинственныя владѣнія непрерывно то сотовляли сильныя царства подъ начальствомъ храбрыхъ предводителей, то распадались на мелкія гнѣзда разбойничьи. Все тамъ пережглось въ пожарахъ вѣчной войны, растаяло въ крови и не разъ переливалось въ новыя формы. Римляне, по свидѣтельству Плинія, употребляли въ Діоскуріи сто тридцать человекъ различныхъ толмачей для объясненія съ жителями Кавказа: теперь и двадцати языковъ не насчитаешь во всѣхъ этихъ горахъ. Но я готовъ даже допустить, что въ Имеретіи жили какіе нибудь картвелы, со- племенники и одноязычники нынѣшнихъ грузиновъ. Это нисколько не перемѣняетъ существа вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ роду возникали по временамъ завоеватели, которые основывали на мгновеніе сильныя владѣнія. Такъ наприимѣръ въ VI и VII ст. царство лазовъ было довольно значительно и

имена царей Губаза и Хоріана, покрылось нѣкоторою славой. Одна княгиня владѣла всѣмъ Черноморскимъ побережьемъ отъ Колхиды по Трапезунтъ. Но какую же это имѣть связь съ грузинами, которые тогда еще и не существовали, какъ народъ? Одноплеменность никому не даетъ права на присвоеніе себѣ исторіи другого народа. Въ противномъ случаѣ, пруссаки могли бы сказать, что ихъ государство славится въ исторіи со временъ Юлія Цезаря, потому что германцы были уже въ то время исторически извѣстны, или присвоить своему народу лѣтописи Австріи. Древнее существованіе племени картвели отнюдь не доказывать древности народа грузиновъ. Дѣло въ томъ, что въ Грузіи тогда ихъ не было; что это было еще Арменія, населенная армянами, отчасти массагетами, или турками, проникнувшими туда черезъ Мавераннегръ и Адербаеджанъ, а, можетъ быть, еще другими народами, только не грузинами, или иберами, съ которыми они не имѣютъ ничего исторически общаго. Мы скоро увидимъ, что когда въ седьмомъ вѣкѣ аравитяне взяли столицу Арменіи, Тифлисъ тотчасъ, безъ войны, покорился побѣдителямъ, какъ армянская провинція, и если бы тамъ жилъ другой народъ, имѣющій своего независимаго царя, у него было бы войско и онъ защищался, но этого не случилось. Потомъ еще изъ статистическихъ данныхъ о народонаселеніи Грузіи мы должны будемъ тоже заключить, что до покоренія Грузіи аравитянами главное населеніе ея по необходимости было армянское, а не картвельское или грузинское, которое

гораздо позже нагрянуло сюда изъ Абхазіи. Нужно ли еще къ свидѣтельствамъ классиковъ прибавить показанія аравитянъ въ подтвержденіе того, что нынѣшняя Грузія была частью Арменіи? Въ грамотѣ Хабиба, полководца османовъ, данной жителямъ Тифлисской области, которая, какъ мы сейчасъ упомянули, сама покорилась мусульманамъ, по взятіи столицы Арменіи, сказано, что эта область лежитъ около рѣки Гюрзана, т. е. Кура, и границъ Меджлиса или Серира, древней Албаніи, которой западнымъ предѣломъ служила, какъ извѣстно, рѣка Алазань. Съ того времени аравитяне обыкновенно называли этотъ край Курскою областью, Гюрзанъ или Джюрзанъ, именемъ, очевидно, произведеннымъ отъ стариннаго прозванія рѣки Кура, - Кюрось, Гюрось, у Птолемея Кюррось, а Плутарха-Кюрнось (Κυρος, Κυρθος, Κυρνος), которая, вѣроятно, въ VII вѣкѣ на мѣстѣ у туземцевъ слыла Гурзаномъ или Гургяномъ... Якутъ, повторяя слова древнѣйшихъ арабскихъ географовъ, въ статьѣ „Джюрзанъ“ говоритъ: „Джюрзанъ—область въ Арменіи; главный городъ ея) Тифлисъ“. И опять въ статьѣ „Тифлисъ“ онъ говоритъ по ихъ же авторитету: „Тифлисъ – городъ въ первой Арменіи; иные причисляютъ его къ Аррану“. Эта столица области Гюрзанъ(Курской), не въ дальнемъ разстояніи отъ Дербенда, городъ древній, нетлѣнный, который лежитъ подъ 72° долготы и 42° широты. Но онъ рѣшительно ошибается, „предполагая“, -это его выраженіе, будто слово Джюрзанъ, названіе рѣки и страны, можетъ быть, исковерканное аравитянами Гюрджъ, собирательное имени народа. Джурзанъ было названіе области и рѣки, а не народа, и оно впослѣдствіи по водвореніи грузиновъ въ Джюрзанъ было до того забыто, что черезъ ошибочное провописаніе превратилось у восточныхъ писателей, и даже у кавказскихъ мусульманъ, въ Хазе-

ранъ, чего бы, конечно, не могло случиться, если бы Джорзанъ и Гюрджъ значали бы одно и тоже. „Такимъ образомъ, отъ Страбона до арабскихъ предшественниковъ Якута мы постоянно находимъ Арменію въ нынѣшней Грузіи, гдѣ на равнинахъ, орошаемыхъ Куромъ, какъ выражается Страбонъ, „и люди жили по обычаю армянскому и мидійскому“.

„Что касается до древностей народа грузинскаго, то во I-хъ, пока мы не увидимъ несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ памятниковъ, доказывающихъ противное, мое оріенталистское убѣжденіе никакъ не позволяетъ мнѣ думать, чтобы онъ былъ старѣе половины одиннадцатаго вѣка. Этотъ народъ называется грузинцами, Гюрджи, что значитъ георгіане, или—говоря чисто по-русски—юрьевцы. По вѣскому обыкновенію Востока, и въ особенности странъ прикаспійскихъ и кавказскихъ, онъ не могъ назваться или быть названъ этимъ именемъ иначе, какъ по имени своего полководца, котораго звали Гюрджъ, Георгіемъ или Юріемъ. Грузины утверждаютъ, что они нареклись гюрджинами, георгіанами, или юрьевцами, отъ Святого Георгія, который просвѣтился около 300 года вѣрою Христовой. Вѣрить этому можетъ только закавказская критика. Если бы они приняли имя георгіанъ по случаю проповѣди Святого Георгія, то византійцы первые поспѣшили бы чествовать ихъ этимъ именемъ, а между тѣмъ оно и до XII столѣтія было неизвѣстно византійцамъ, которые, однако-жъ, имѣли почти непрерывныя сношенія съ кавказскими народами, военныя, научныя и дипломатическія, и называли уже классическую область Фазиса не Колхидою, а попросту Мингреліей. Первый ихъ князь Георгій явился въ Абхазию между 1014 и 1027гг., по ихъ же собственной исторіи, которая и здѣсь, какъ почти во всѣхъ другихъ случаяхъ, ошибается въ числѣ годов, въ чемъ и г. Броссе отдаетъ ей должную справед-

ливость. Этотъ Георгій, котораго, къ счастью, мы знаемъ черезъ византійцевъ, княжилъ между 1030 и 1050 гг. нашей эры. Онъ первый осмѣлился воевать съ римлянами и, слѣдовательно, былъ уже силенъ, славенъ и честолюбивъ, потому что до того времени слабыя княжества абхазскія находились подъ покровительствомъ то римлянъ, то персовъ. Гюрджъ или Георгій, князь абасговъ (абхазовъ) воевалъ долго и удачно, оставилъ независимо абхазское княжество и онъ-то, конечно, своими подвигами укрѣпилъ на Кавказѣ за поколѣніемъ, себѣ подвластнымъ, имя гурджи, георгіанъ или грузинъ. Оно укрѣпилось и стало еще болѣе общимъ и извѣстнымъ при Георгіи II, его внукъ и отцѣ Давидъ, который покорилъ Имеретію, Тифлисъ и всю нынѣшнюю Грузію. Но еще и этотъ знаменитый Давидъ, по признанію самихъ же историковъ грузинскихъ, началъ царствовать въ Абхазіи. Первые сношенія русскихъ съ грузинами, которыя г. Броссе такъ прекрасно изложилъ намъ, имѣли мѣсто около этой эпохи тоже въ Абхазіи. Здѣсь то возникъ и образовался изъ постепенно покоряемыхъ племенъ нынѣшній народъ грузиновъ или юрьевцевъ, и онъ ни политически, ни исторически не можетъ быть скарве своего основателя и родоначальника, того, кто аставилъ свое имя и еще въ 1047г. воевалъ съ византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Для всякаго оріенталиста это ясно, какъ солнце. Ясно также, что въ странахъ, гдѣ поколѣнія принимали имена предводителей, успѣвшихъ соединить ихъ подъ свои знамена, и гдѣ имя Георгій было столь обыкновеннымъ, неоднократно могли являться народы юрьевцевъ, гурджи. Самъ ли онъ такъ себя называлъ, или сосѣди давали имъ это имя, —это все равно для нашего предмета; дѣло въ томъ, что между тѣмъ какъ положительно извѣстно, что нынѣшніе грузины вышли изъ

Абхазіи и что первый ихъ Георгій не старѣе XI вѣка, въ другой области, которая находилась не въ Абхазіи и не въ нынѣшней Грузіи, существовалъ кокой то мелкій народъ юрьевцевъ. Масуди, если не ошибаюсь, первый объ немъ упоминать подъ именемъ джорзіе, юрьевцы, и помѣщаетъ ихъ подлѣ Абхазіи. Якутъ говоритъ, что эти юрьевцы со времени покоренія Джорзана аравитянами до царствованія Халифа Мутевеккиля, платили дань владѣтелямъ Тифлиса, но онъ тутъ же прибавляетъ, что тѣ юрьевцы, гюрджа, которые въ XII вѣкѣ завоевали и Тифлисъ и Джорзанъ, жили прежде въ Абхазіи. Это, очевидно, два различные народа юрьевцевъ, и, несмотря на все желаніе, никакъ не могу въ умѣ своемъ логически связать ихъ между собою. Кажется, что эти первые, древнѣйшіе юрьевцы, джорзіе, о которыхъ упоменать Масуди и Якутъ говоритъ, что они съ VII столѣтія были данниками мусульманъ, жили въ нынѣшней Имеретіи. Но отчего они не извѣстны византійцамъ подъ именемъ георгіанъ? Какимъ образомъ это христіанское названіе могло въ V или VI столѣтіи ускользнуть отъ вниманія набожныхъ христіанъ Цареграда.

„Сдѣлаемъ здѣсь одно общее замѣчаніе о способѣ, какимъ грузинскіе лѣтописцы прошедшаго вѣка составили древнюю исторію для своего народа. Они, повидимому, нахватили преданій и царей со всего Кавказа, не справляясь, къ какому народу и вѣку принадлежали лица и событія, которыя вносили они въ свои писанія: разноплеменные владѣтели иберскіе, армянскіе, перскіе, лазскіе, албанскіе, турецкіе, о которыхъ нашли они упоменанія въ лѣтописяхъ византійцевъ, армянъ, персовъ, герои народныхъ переданій Кавказа, богатыри нянюшкиныхъ сказокъ, — все это пошло впрокъ и такимъ образомъ составила прекрасная, непре-

рывная цѣпь царей и царствованій отъ временъ Александра Великаго до IX и X столѣтій. Съ того времени до покоренія Тифлиса повѣствованія ихъ представляютъ мѣстами тѣнь истины, нѣчто похожее на историческій разсказъ, потому что здѣсь попадаются уже факты, заимствованные изъ случайныхъ свидѣтельствъ мусульманской литературы, хоть, по обыкновенію, и изуродованные перепутаніемъ вещей, совершенно разнородныхъ, и вдобавокъ приправленные вымысломъ самихъ лѣтописцевъ. Основаніемъ этой части ихъ разсказовъ служить, по моему мнѣнію, смѣшеніе трехъ различныхъ элементовъ, а именно перваго народа юрьевцевъ, джурзіе, обитавшаго внѣ Абхазіи, втораго народа юрьевцевъ, гюрджи, вышедшаго въ XII вѣкѣ изъ Абхазіи, и наконецъ страны Джурзанъ, или Курской области, составлявшей часть Арменіи; все это принято за одно, по созвучію названій и, какъ мнѣ кажется, смѣшано съ Грузіей и грузинами, которыхъ исторія, нѣсколько достовѣрная, не можетъ начинаться раньше Георгія I или точнѣе Давида III, покорителя Тифлиса и нынѣшней Грузіи, въ первой половинѣ XII вѣка.

„Якутъ, писатель точный и старательный, которому обязаны мы сохраненіемъ разныхъ памятниковъ, драгоцѣнныхъ для исторіи и этнографіи среднихъ вѣковъ, довольно подробно описываетъ это событіе въ своемъ географическомъ словарѣ. Я полагаю, что этотъ отрывокъ, который мнѣ пріятно издать здѣсь впервые на одномъ изъ европейскихъ языковъ, есть пока единственный достовѣрный документъ исторіи грузиновъ въ XII и XIII столѣтіяхъ: не думаю, чтобы они могли показать въ своей литературѣ что нибудь достойное большаго довѣрія“. Вотъ что пишетъ Якутъ:

„Мусульмане покорили Тифлисъ въ царствованіе Халифа Османа, сына Аффанова, двинулся Хабибъ ибнъ Сельма въ Арменію покорилъ большую часть городовъ ея. Когда занялъ онъ середину края, прибылъ посолъ изъ Джурзана. Хабибъ тогда собирался идти воевать эту область. Посолъ просилъ мира и опасной грамоты отъ Хабиба. Хабибъ—ибнъ Сельма написалъ письмо (къ жителямъ) и вмѣстѣ съ нимъ вручилъ ему опасную грамоту. Вотъ ея копія: „Во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго. Се бысть грамота отъ Хабиба, сына Сельмова, людямъ тифлисскимъ, отъ границъ области Золотого Престола, отъ Джурзана-Рѣки. Пожаловали есмы безопасность душамъ ихъ и церквамъ ихъ, и монастырямъ ихъ, и вѣрѣ ихъ, съ условіемъ быть покорными да платить подушное, со всякой семьи по динарію. А вашему брату не соединять нѣсколькихъ семей въ одну ради умаленія подушнаго, а намъ тоже не раздѣлять одной семьи на нѣсколько ради умноженія... А если пребудете вѣрными и молитву станете творить по —нашему, такъ вы братья намъ во всемъ; не то вамъ платить подушное. А буде мусульманамъ понадобится помощь отъ васъ, заслужить имъ имѣете людьми и имуществомъ... Свидѣтельствуемъ Богомъ и его ангелами; да и одного Бода достаточно въ свидѣтели“. Съ тѣхъ поръ Тифлисъ постоянно находился во владѣніи мусульманъ и жители приняли мусульманскую вѣру. Наконецъ, въ 515 году гиджры (1121 Р.) вышло изъ ближнихъ къ Тифлису горъ

* Въ подлинномъ эти горы поименованы, но я не могу разобрать ихъ имени въ моемъ спискѣ С. Въ полномъ собраніи сочин. Сенковского издателемъ сдѣлано здѣсь примѣчаніе: „изъ академической рукописи арабскаго географическаго словаря Якута горы эти названы (А)бхазъ, т. Е. Абхазскими“ (т. VI стр. 193. Собр. Соч. Сенковского).

поколѣніе христіанскаго вѣроисповѣданія, по имени грузины (гурджъ), въ великомъ множествѣ и стало дѣлать набѣги на ближайшія къ себѣ земли мусульманскія. Правители въ нихъ были тогда поставлены отъ царей сельджукскихъ, но они были слабы и каждый хотѣлъ быть независимымъ владѣтелемъ, а тутъ еще случилась въ томъ же году война между Махмудомъ и Месъ-удомъ, внукомъ Меликшаха, и мѣстные правители, занятые кознями, начали переходить отъ одной стороны къ другой и никто не думалъ о защитѣ горныхъ проходовъ. Грузины напали на правителей Арменіи (нынѣшней Грузіи) и принудили ихъ къ сраженіямъ, которыхъ конецъ былъ тотъ, что грузины явились побѣдителями, а мусульмане были разбиты. Тогда грузины пришли подъ Тифлисъ и осадили его съ намѣреніемъ принудить къ сдачѣ. Во время осады убили они у мусульманъ множество народу; наконецъ, взяли городъ и утвердились въ немъ. Они поступили съ жителями милостиво и только обратили ихъ въ своихъ инувѣрныхъ подданныхъ. Съ того времени не переставали грузины усиливаться и дѣлать болѣе и болѣе далекіе набѣги на мусульманъ, вторгаясь то въ Арранъ (Бердаа), то въ Азербайджанъ и проникая даже до Хелата, а мѣстные правители, преданные пьянству и дѣламъ непозволительнымъ, и не думали давать имъ отпора. Наконецъ, выступилъ противъ грузиновъ Джелаль-эддинъ, сынъ Харезмъ-шаховъ въ 623 году гиджры (1226 по Р. Х.), взявъ Тифлисъ и перебилъ почти всѣхъ грузиновъ. Съ остальными онъ еще имѣлъ нѣсколько сраженій и побѣдилъ ихъ во всѣхъ случаяхъ. Потомъ постановилъ онъ въ Тифлисъ своего генераль-губернатора (вали) и возвратился во свояси. Этотъ губернаторъ сталъ очень худо обращаться съ жителями города; Те вызвали къ себѣ остальныхъ грузиновъ,

которые были еще не побиты, а сдали имъ городъ, а харезмцы бѣгомъ ушли изъ него къ своему царю. Однако-же, грузины побоялись, что Харезмъ-шахъ возвратится и что они съ нимъ не справятся, такимъ образомъ они сожгли городъ въ 624 г. (1227) году и ушли въ горы. Это—послѣднее извѣстіе, какое я объ нихъ имѣю“.

„Читая это описаніе просвѣщеннаго современника“, говоритъ далѣе Сенковский, который съ любовью изучалъ географію, этнографію и политическія дѣла своего времени, нельзя почти на каждомъ словѣ не придти къ тому же заключенію, къ какому приводились мы уже другими данными, а именно, что грузины—пришельцы въ нынѣшней Грузіи, что ихъ тамъ не было до взятія Тифлиса Давидомъ III и что спустя цѣлое столѣтіе по водвореніи ихъ въ этомъ краѣ, они были еще тамъ не многочисленны. Грузинскія сказанія, по которымъ Тифлисъ взятъ было ими около 1121г., согласны на этотъ разъ съ показаніями иностранныхъ писателей; но походъ Джелалъ-эддина въ Грузію, который воспослѣдовалъ въ правленіе царицы Русуданы, описанъ въ нихъ невѣрно: они относятъ его къ 1228 году и говорятъ, что Тифлисъ находился пять лѣтъ въ рукахъ турковъ, между тѣмъ какъ современникъ Якутъ помѣщаетъ это событіе въ 1226 г. и рассказываетъ обстоятельно, что харезмцы ушли изъ Тифлиса сами въ слѣдующемъ же году. О сожженіи города самими грузинами лѣтописцы ихъ вовсе умалчиваютъ. Какое послѣ этого можно имѣть довѣріе къ грузинскими Карамзинымъ? Весьма сомнительно, чтобы Вахтангъ или Вахуштъ пользовались какими нибудь подлинными лѣтописями или документами, иначе столь примѣчательныя событія не были бы описаны у нихъ такъ сбивчиво. Гораздо вѣроятнѣе, что они почерпели свѣдѣнія

свои въ бѣглыхъ намекахъ мусульманскихъ писателей на разныя дѣла Грузіи и дополняли эти слабыя данныя съ помощью своего воображенія. Но не надо даже углубляться въ тринадцатое столѣтіе, чтобы найти подобныя и еще большіе промахи въ знаменитыхъ грузинскихъ историкахъ. Г. Броссе издалъ недавно, въ переводѣ съ подлиннаго документа, кровный договоръ имеретинскаго царя Александра съ Дадіаномъ Маміемъ въ 1432 г. за скрѣпою великаго грѣшника Фалаванди Фалавандишвили, и оказалось, что въ грузинскихъ лѣтописяхъ этого Дадіана уморили и схоронили за 18 лѣтъ до подписанія имъ договора и что въ 1432 г. уже давно и благополучно царствуетъ сынъ его, Липарить. Ученый академикъ присовокупляетъ: „нельзя не сказать, что число этого важнаго документа представляетъ большое затрудненіе. Въмѣсто того, чтобы теряться въ догадкахъ, лучше, конечно, оставить вопросъ нерѣшеннымъ, пока счастливый случай не обнаружитъ истины“. Что тутъ и теряться въ догадкахъ ! Ясно и очевидно, что лѣтописи, которыя такъ жестоко противорѣчатъ „важнымъ документамъ“, составленнымъ по законной формѣ, за скрѣпою великаго грѣшника, че заслуживаютъ никакого довѣрія критики.

„Нѣсколько словъ о пропорціи племенъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи Грузіи могутъ также быть полезны для приведенія въ ясность вопроса, были ли тамъ грузины до взятія Тифлиса Давидомъ. Въ 1832 году во всей Грузіи считалось:

Грузинъ 101. 000 д. муж. пола.

Армянъ 56. 300 „ „ „

Татаръ 41.200 „ „ „

Осетинцевъ . . . 15. 440 „ „ „

Пшавовъ . . . 2.040 „ „ „

Тушей 2.400 „ „ „

(Хеврусовъ) Хевсуровъ 1.510 д. муж. пола.

Грековъ 1.810 „ „ „

Нѣмцевъ 1.040 „ „ „

Евреевъ 500 „ „ „

224.

200 д. муж. пола.

„Слѣдовательно, грузины и теперъ еще, послѣ семи столѣтій пребыванія въ краѣ, далеко не составляютъ половины туземнаго народонаселенія, хотя, какъ извѣстно, господствующее племя всегда умножается въ теченіе времени отъ постепеннаго перенятія его обычаевъ и языка подвластными. И теперъ еще, противъ 101. 000 грузиновъ мы видимъ тамъ 56.300 армянъ и 41.200 татаръ и 15. 440 осетинцевъ. Что значить 101.000 душъ мужского пола? Это едва 20, 000 людей, способныхъ носить оружіе. Конечно, не менѣ этого числа воиновъ пришлось осаждать Тифлисъ въ 1121 году. Можно рѣшительно сказать, что еще въ наше время настоящее основаніе народонаселенія Грузіи, по числу, составляютъ армяне и турки, тѣмъ болѣе они были туземцами для грузинъ въ 12 в. Если допустимъ, что со времени покоренія число армянъ и мусульманъ уменьшилось до половины, -особенно число мусульманъ подъ владычествомъ христіанскаго народа, -то нельзя будетъ не убѣдиться ариѳметическою очевидностью, что до 1121 г. грузиновъ и не могло быть въ Грузіи.

„Вотъ въ чемъ заключаются мои сомнѣнія относительно исторіи грузиновъ“ и вотъ главныя причины этихъ сомнѣній. Излагая ихъ, я не

имѣю другой цѣли, какъ способствовать къ открытію истины побужденіемъ знатоковъ и любителей грузинской исторіи къ собранію доказательствъ, памятниковъ, документовъ для опроверженія этихъ сомнѣній, если они неосновательны, - я первый получу изъ этого пользу и встрѣчу истину съ почестью, хотя бы она была противна нынѣшнему моему убѣжденію. Если будетъ доказано памятниками или, по крайней мѣрѣ, правильнымъ, ученымъ разборомъ источниковъ Вахтанга и Вахуштія, что грузины всегда обладали Курскимъ краемъ, я отъ всей души уступаю имъ Грузію и заранѣе поздравляю ихъ съ глубокою древностію. Но кавказскія сказанія донынѣ принимаются въ наукѣ, какъ мнѣ кажется, съ благосклонностію, нѣсколько предосудительною для выгодъ исторической критики и истины. Противорѣчіе можетъ быть здѣсь полезно. По крайней мѣрѣ, оно покажетъ необходимость тщательно разобрать и устранить сперва все, что позволяетъ смотрѣть на предметъ съ другой точки зрѣнія". (Стр. 156-178).

Такова та „лживая“ исторія, которую состряпалъ Сенковскій въ качествѣ армянскаго „клеветы“ Мы видѣли, что свои „сомнѣнія“ Сенковскій высказываетъ, хотя быть можетъ нѣсколько и въ вульгарной формѣ, но не голословно и не произвольно, а на основаніи опредѣленныхъ данныхъ, сообщаемыхъ источниками, которые представляли ему достовѣрными. Спрашивается теперь, какимъ образомъ возможно было усмотрѣть въ статьѣ Сенковскаго выраженіе особой усвоенной армянами „программы дѣйствій“ всюду уничтожать грузинъ во славу армянскаго имени? Въ чемъ же видно это вліяніе армянъ на Сенковскаго? Да и были ли въ то время въ Россіи армянскіе ученые, вліянію которыхъ

могъ бы подчиниться такой писатель, какъ Сенковскій, который въ своей безпощадной и, пожалуй, слишкомъ развязаной критикѣ не церемонился даже съ наиболѣе славными именами русской литературы и ниспровергалъ самые общепризнанные авторитеты? Для всѣхъ безпристрастныхъ читателей должно быть ясно, что если Сенковскій заблуждался, то заблуждался искренно и при томъ на своей страхъ и рискъ и, конечно, менѣе всего могъ бы быть чѣмъ бы то ни было послушнымъ орудіемъ.

Оканчивая эти строки въ оправданіе Сенковского, нельзя не выразить крайняго удивленія, зачѣмъ это намъ, армянамъ, приходится оправдываться въ томъ, что русскій писатель и профессоръ восточныхъ языковъ гдѣ то позволилъ себѣ недобрительно отозваться о грузинской исторіи? На какомъ основаніи за вину Сенковского должны отвѣтствовать армянскіе ученые? Самая мысль о подобной ихъ отвѣтственности за ошибки русскаго ученаго, за то, что гдѣ то и кто то написаль непріятное для грузинъ кажется намъ въ самой своей основѣ одною сплошною вопіющею несправедливостію. Но что подѣлаешь: таковы права добраго сосѣдства и дружбы! Хотя что это за дружба и доброе сосѣдство, если каждый разъ, когда грузина затрагиваютъ, кн. Чавчавадзе бьетъ въ набатъ и подымаетъ на весь міръ шумъ и гвалтъ о томъ, что эта новая непріятность исходитъ отъ армянъ, отъ ихъ намѣченной программы дѣйствій и ни отъ больше?! Вотъ и въ данномъ случаѣ кн. Чавчавадзе вполне убѣжденно восклицаетъ: „Ясно, что ни грузинъ, ни русскій не подвели бы такъ Сенковского. Какой расчетъ для русскаго распускать слухи, что страна, принятая отъ грузинъ, принадлежала не грузинамъ, а армянамъ“. Подите и толкуйте съ человѣкомъ, у котораго такой своеобразный критерій для оцѣнки внутрен-

нихъ побужденій писателя! „Какой разсчетъ“! —, восклицаетъ кн. Чавчавадзе. Но развѣ исторія и историческія пишутся по разчету, а безъ всякаго разчета, т. е. безъ соображенія о практическихъ выгодахъ, а ради лишь искренняго стремленія къ истинѣ—нельзя брать въ руки перо? Естественно, что публицисту съ подобными убѣжденіями трудно понять, какъ это можно писать искренно и правдиво, безъ всякихъ соображеній о томъ, выгодно это или нѣтъ для своего народа. Вотъ почему кн. Чавчавадзе всюду мерещится армянская интрига, армянская завѣтная цѣль унижать грузинъ и сдирать съ нихъ шкуру. Людей съ такими взглядами, конечно, трудно убѣдить, что правдуистину можно поставить выше практическихъ интересовъ минуты. Великъ и неблагодаренъ былъ бы подобный трудъ, уподобляясь толченію воды въ ступѣ, но долгъ „добраго сосѣдства“ заставляетъ насъ идти дальше по намѣченному пути...

Чтобы покончить съ вопросомъ о Сенковскомъ, какъ „родоначальникъ“, по выраженію А. Цагарели, враждебной критики грузинской исторіи, замѣчу еще, что въ примѣчаніи къ цитованной статьѣ Сенковского издатель полного собранія его сочиненій указываетъ, что „статья эта написана Сенковскимъ для возбужденія нетронутаго дотолѣ вопроса и достигла своей цѣли“. Броссе отвѣчалъ на эти сомнѣнія статьей, напечатанной въ V томѣ „Bulletin Scientifique“ С.-Петербургской академіи наукъ и съ тѣхъ поръ издалъ сборникъ грузинскихъ лѣтописей („Histoire de la Georgie“), критическая разработка которыхъ можетъ пролить свѣтъ на исторію Грузіи“

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Статья Сенковского по своему характеру и содержанію настолько далека отъ всякой анти-грузинской тенденціозности, что я позволю

себѣ высказать увѣренность, что ея не читаль самъ кн. Чавчавадзе въ подлинникѣ и свои обвиненія основаль на дурно понятой выдержкѣ изъ этой статьи. Основываю свое убѣжденіе на томъ, во- первыхъ, что чтеніе самой статьи въ подлинникѣ не можетъ внушить никому ни малѣйшихъ подозрѣній въ какомъ бы то ни было противугрузинскомъ злоумышленіи. Повторяю, въ этомъ меня убѣждаетъ удивительное совпаденіе выдержки изъ Сенковского у кн. Чавчавадзе съ такой же выдержкой, приведенной Д. Бакрадзе въ предисловіи къ своему сочиненію „Археологическія Путешествія“, съ одной лишь разницей, что кн. Чавчавадзе приводитъ эти слова въ кавычкахъ, какъ бы цѣлую заимствованную у Сенковского фразу, а Бакрадзе эти слова приводитъ безъ кавычекъ, какъ изложеніе лишь взгляда Сенковского, при чемъ оба автора не приводятъ указанія на страницу, откуда взяты эти слова, а ссылаются на стр. 151—178, т. е. на всю статью. Такое совпаденіе столь любопытно, что не лишнимъ считаю сопоставить здѣсь параллельно эти выдержки, чтобы читатель могъ убѣдиться въ ихъ тождественности.

По кн. Чавчавадзе (стр. 12).

Русскій писатель Сенковский, извѣстный подъ псевдонимомъ барона Бромбеуса, еще въ 1838 году писалъ: „До Вахтанга VI грузины не имѣли лѣтописи, самы грузины даже не существовал и до XII ст. послѣ Р. Х. Подъ именемъ иверовъ извѣстны были разныя горскія племена; вся страна за р. Курюю, гдѣ въ настоящее время Тифлисъ и большая часть Грузіи, испоконъ вѣка принадлежала армянамъ и здѣсь обитали армяне, мидяне, массоеты, или турки, и нѣсколько колѣнъ албанцевъ“. („Библіотека для чтенія“ 1838 г. Стр. 151-

178. Письма „Нѣкоторые сомнѣнія касательно исторіи Грузин“).

По Д. Бакрадзе (стр. VIII-IX) .

Если извѣстный русскій писатель Сенковскій могъ съ рѣшительностью заявить, что у грузинъ не было лѣтописи до Вахтанга VI, чтѣо самихъ грузинъ не существовало до XII в., что подъ словомъ иберы извѣстны было разноплеменные поколѣнія горцевъ, что вся сторона за р. Курю, гдѣ лежитъ нынѣ самая значительная часть Грузин, всегда принадлежала Арменіи и была населена армянами, мидами, массогетами и турками и нѣкоторыми поколѣніями изъ албанцевъ.

(Сенковскій. „Нѣкоторые сомнѣнія касательно исторіи грузинъ“, „Библіотека для чтенія“ за 1838 г., стр. 151-178).

Надо ли доказывать полное тождество этихъ двухъ выдержекъ?

Кн. Чавчавадзе интересовалъ вопросъ, гдѣ могъ Сенковскій вычитать эту „ложь“, эту удивительную свою стряпню? Сенковскій даетъ въ своей статьѣ точный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Къ сожалѣнію, самъ кн. Чавчавадзе оставляетъ невыясненнымъ, откуда онъ вычиталъ эти строки, приписываемыя Сенковскому, и сдѣлавъ прямое позаимствованіе у Д. Бакрадзе, не счелъ даже нужнымъ сослаться на источникъ этого позаимствованія. Черта—весьма любопытная для литературныхъ пріемовъ кн. Чавчавадзе, уличающаго армянскихъ ученыхъ въ воровскомъ присваиваніи чужого. Приведу еще одинъ примѣръ подобнаго же „уваженія“, оказываемаго кн. Чавчавадзе сочиненіямъ другихъ авторовъ.

У кн. Чавчавадзе (на стр. 21-23).

Извѣстные ученые Жанъ Сень-Мартенъ, Вивіенъ до-Сень-Мартенъ, Дюбуа де-Монпере^{*} ясно и отчестливо доверяютъ, что грузинскія историческія сказанія заслуживаютъ вниманія, какъ источникъ не только для исторіи Кавказа, но и Азіи. Про этомъ Дюбуа упоминаетъ о грузинахъ, какъ о древнѣйшей націи, которая съ незапамятныхъ временъ была стражей Закавказья и имѣла сношенія со всѣми извѣстными народностями.

У Д. Бакрадзе (на стр. XV).

Извѣстный ученому міру Жанъ Сень-Мартенъ, Дюбуаде-Монпере, Вивіенъ де-Сень-Мартенъ^{*} считаютъ памятники грузинской письменности серьезными источниками не только по отношенію къ Кавказу, но и по отношенію къ исторіи Азіи“ ...» Жизнь древне-грузинской націи, по выраженію Дюбуа, стергшей съ незапамятныхъ временъ Кавказскій перешеекъ и имѣвшей прямое соприкосновеніе со всѣми извѣстными народами и т. д.“.

Кровное родство этихъ двухъ выдержекъ слишкомъ очевидно, чтобы сомнѣваться въ зависимости князя Чавчавадзе отъ цитатъ Д. Бакрадзе, особливо, если принять въ соображеніе тождество приводимыхъ въ построчномъ примѣчаніи ссылокъ на страницы цитуемыхъ сочиненій. Но кн. Чавчавадзе, вѣрный и здѣсь своей миссіи обличать армянскихъ ученыхъ въ воровскомъ присваиваніи чужого, конечно, не обмолвился ни словомъ объ источникахъ своихъ позаимствованій.

^{*} У обоихъ одна и та же ссылка: St. Martin, — „Mem. sur l'Arm.“ II, p. 190. W.S. Mart. „Recherches sur les populat. De Caucase“, p. 78-79. Dubois de Montp. „Voyage autour de caucase“, 62-63.

Мы выше видѣли, каковъ былъ „родоначальникъ армянскихъ ученыхъ“, враждебныйъ грузинскому народу. Познакомимся теперь съ дѣтищами этого родоначальника. Такими ближайшими отпрысками Сенковского по части „сдиранія шкуры“ съ грузинъ являются ученые.

2. Эминъ, Худабашевъ и Эрицевъ.

„Извѣстно всѣмъ, говоритъ кн. Чавчавадзе, что Чорохскій бассейнъ съ давнихъ временъ составлялъ часть верхней Карталини, что впоследствии составляло Самцхэ-Саатабого. Армянскіе же писатели Эминъ, Худабашевъ, Эрицевъ оспариваютъ у насъ именно эти мѣста, утверждая, что верховья Куры и весь Чорохскій бассейнъ входили въ составъ Великой Арменіи“. (Стр.15). Это невѣрное утвержденіе армянскіе ученые дѣлаютъ только, чтобы „убѣдить міръ, будто за ними историческое право занять эти мѣста“. (Стр. 16). Но при этомъ кн. Чавчавадзе оговаривается, что онъ „не затѣмъ завелъ объ этомъ рѣчь, чтобы считать свое мнѣніе по этому предмету неоспоримымъ“, а что онъ хотѣлъ лишь указать, „какъ ловко и хитро армянскіе книжники ведутъ линію, чтобы проводить свое. Въ такихъ случаяхъ они ничѣмъ не брезгаютъ, приписывая все себѣ и скрывая чужое“. (Стр. 16) .

Такимъ образомъ свое мнѣніе по этому вопросу и самъ кн. Чавчавадзе не считаетъ „безопаснымъ“ ; слѣдовательно, по этому предмету позволительно быть и иного, чѣмъ кн. Чавчавадзе, мнѣнія, а между тѣмъ это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ ему обвинять Эмина, Эрицева и Худабашева въ желаніи присвоить армянамъ не принадлежащее имъ историческое право

на бассейны Чороха и верхняго теченія Куры. Казалось бы, для такихъ категорическихъ обвиненій основой могли бы служить лишь вполне достовѣрные и безспорные факты исторіи. Но для кн. Чавчавадзе справедливость не имѣетъ обязательной силы, когда рѣчь касается армянскихъ ученыхъ, и онъ спѣшитъ обвинять ихъ во лжи и фальсификаціи, даже и на основаніи сомнительныхъ и спорныхъ фактовъ.

Познакомимся, однако, поближе съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ говорятъ эти авторы въ тѣхъ сочиненіяхъ, на которыя указываетъ кн. Чавчавадзе.

У г. Эмина въ его переводѣ исторіи Моисея Хоренскаго, на стр. 340—344 (изд. 1858 г.) приведенъ переводъ географическаго описанія Арменіи Страбона. Въ этомъ переводѣ находимъ слѣдующее мѣсто: „Арменія орошается многими рѣками. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ можно отнести сперва Фазисъ и Ликось, которые впадаютъ въ Понтійское море (Эратосѣенъ, вмѣсто Ликоса, упоминаетъ о Вермодонѣ, но онъ ошибается); затѣмъ, я упомяну о Курѣ и Араксѣ которыя впадаютъ въ Каспійское море; наконецъ, Евфратъ и Тигръ, впадающіе въ Ераѳрейское море“ Такъ пишетъ Страбонъ, относя мѣстность, гдѣ протекаетъ Фазисъ, къ Арменіи. Что же по этому поводу говоритъ Эминъ? Онъ дѣлаетъ къ этому описанію слѣдующую поправку:

„Подъ Фазисомъ обыкновенно разумѣютъ Ріонъ, что несправедливо, ибо эта послѣдняя рѣка беретъ свое начало въ горахъ Кавказскихъ, находящихся къ сѣверу отъ Иверіи, проходитъ черезъ Имеретію и впадаетъ въ Черное море; между тѣмъ, какъ Фазисъ беретъ начало въ Арменіи, какъ то видно изъ словъ Страбона. Онъ ясно говоритъ, что Фазисъ, выходя изъ Арменіи, проходитъ черезъ Колхиду и впадаетъ въ Черное

море'. Къ тому же Плиній говорить, что Фазисъ вытекаетъ изъ Мосхическихъ горъ (кн. VI, 4), а мы знаемъ, что эти послѣднія находились выше Колхиды, т. е. въ Арменіи. Если же возьмемъ въ соображеніе теченіе Фазиса, на которое указываютъ намъ тѣ же древніе писатели, то увидимъ, что рѣка эта протекала мимо Колхиды недалеко отъ Трапезунда и Лазовъ; а около Трапезундскаго пашалыка проходитъ не Ріонъ, а Чорохъ или Цорохъ армянскихъ писателей. Слѣдовательно, подъ Фазисомъ разумѣть должно именно Чорохъ. Далѣе у Ксенофонта мы видимъ (Анабазъ, кн. IV, ч. 6), что греческія войска дошли до рѣки Фазиса, гдѣ она, по словамъ его, имѣетъ въ ширину сто футовъ (стало быть, при самомъ верховьѣ ея) и прошли впередъ еще десять фарсанговъ, то встрѣтили Халибовъ, Таоковъ и Фассіановъ. Этимъ Ксенофонтъ хотѣлъ сказать, что Халибы и Таоки жили около Фазиса, т. е. Чороха. А Халибы, Таоки и Фассіаны ничто иное, какъ области армянскія-Хахтикъ, Тайкъ и Басіанъ, жители которыхъ встрѣтили греческія войска. Наконецъ, древніе утверждали, что близъ Фазиса находится золото; по армянскимъ же писателямъ, около Чороха были золотые рудники. Все это достаточно доказываетъ, что подъ Фазисомъ древнихъ разумѣть должно не Ріонъ нынѣшній, а рѣку Чорохъ или Цорохъ армянскихъ писателей. (См. также „Армян. древн. Инчичіана“, ч. I. стр. 142-148).

Слѣдовательно, Эминъ не присваиваетъ бассейна Чороха и верхняго теченія Куры, а лишь приводитъ выдержку изъ Страбона и говоритъ, что, очевидно, у Страбона рѣчь шла не о Ріонѣ, а о Чорохѣ. Вѣдь оставъ Эминъ эти строки Страбона безъ приведенныхъ разъясненій, пришлось бы и Имеретію

* См. его Геогр., кн. XI.

отнести къ Арменіи; такимъ образомъ своими разъясненіями Эминъ лишь значительно сократилъ предѣлы Арменіи, а не расширилъ ихъ путемъ захвата чужихъ владѣній.

Обращаясь засимъ къ сочиненію А. Худабашева „Обозрѣніе Арменіи“, мы находимъ по интересующему насъ вопросу лишь слѣдующее:

Въ сочиненіи этомъ имѣется глава, называемая „Древнее географическое раздѣленіе Арменіи“ По объясненію автора въ предисловіи къ этому сочиненію, географическое описаніе Арменіи заимствовано изъ „L'univers pittoresque“ и есть переводъ сочиненія члена Восточной Академіи въ Парижѣ Е. Боре, подъ заглавіемъ „L'Armenie“ Сочиненіе это имѣетъ то достоинство, что авторъ его, не вдаваясь въ мелкія частности, останавливается на предметахъ болѣе важныхъ и изображаетъ ихъ съ тѣхъ только сторонъ, которыя наиболѣе могутъ интересовать большинство читателей“. „Однакожь, не ограничиваясь простымъ переводомъ, говоритъ далѣе авторъ, я сличалъ текстъ этого сочиненія съ подлинными источниками, которые служили для него руководствомъ, дѣлая при этомъ нужныя исправленія въ текстѣ и въ особенности въ правописаніи армянскихъ именъ и мѣстныхъ названій, которыя часто весьма въ искаженномъ видѣ встрѣчаются у этого писателя, и вносятъ такія дополненія, которыя были необходимы примѣнительно къ настоящему положенію этой страны, такъ какъ состояніе ея уже значительно измѣнилось послѣ того, какъ ее описывалъ почтенный авторъ означеннаго сочиненія“.

Въ текстѣ географической части (стр. 18) сказано: „Къ сѣверу отъ Эрзерума и къ западу отъ Байбута протекаетъ рѣка Чорохъ. Она течетъ въ глубокихъ и крутыхъ ложбинахъ древней области Дайкъ, служитъ границею между Трапезономъ и Грузіею и впадаетъ въ Черное море, между городами

Гунія и Батумомъ.(Boré, p. 9). Кура или Киръ имѣтъ истокъ своей въ той же области Дайкъ. Она вытекаетъ изъ горы Бархаръ, потомъ, пойдя черезъ самыя сѣверныя области Арменіи, втекаетъ въ Грузію, продолжаетъ теченіе въ Гори и у Тифлиса, главнаго города Грузіи, поворачиваетъ къ юго-западу, опять течетъ въ Арменіи, гдѣ принимаетъ въ себя рѣку Араксъ.... Между главными рѣчками, въ нее впадающими, считаются Іора, Арагва, Алазанъ, не считая многихъ ручьевъ, вытекающихъ изъ Ширвана и изъ Грузіи“ . (Стр. 18) .

Вся вина Худабашева сводится лишь къ тому, что имъ приводитъ принятое древними армянскими писателями подраздѣленіе Арменіи на 15 провинцій, въ числѣ коихъ оказывается и провинція Дайкъ, т. е. бассейнъ р. Чорохъ. Ужель одно простое повтореніе перечня древнеармянскихъ провинцій можетъ служить основаніемъ къ подозрѣнію челоуѣка въ умышленномъ присваиваніи чужого ради вазвеличенія исторической славы своего народа?!...

Наконецъ, что касается Эрицева, то и его вина оказывается лишь въ томъ, что и онъ приводитъ географическое подраздѣленіе древней Арменіи по Моисею Хоренскому, по которому верхнее теченіе Куры находилось въ предѣлахъ Арменіи. По отношенію къ Орицеву кн. Чавчавадзе дѣлаетъ ссылку на стр. 2 №1 „Кавказской Старины“ 1872 г. Въ этомъ журналѣ на указанной страницѣ приведено описаніе монастыря Ахтала. Описаніе этой никѣмъ не подписано. Журналъ этотъ издавался подъ редакціей Эрцева. Въ началѣ этой статьи приведено указаніе, что мѣстность, гдѣ находится названный монастырь, „по географическому сѣленію Арменіи (V в.) относится къ провинціи Дцорапоръ, области Г у г а р к ъ “ Въ подстрочномъ примѣчаніи приводится ссылка на Моисея Хо-

ренскаго въ изданіи Михитаристовъ'. Далѣе говорится: „Извѣстно, что сѣверныя провинціи названной области каждый разъ при ослобленіи Армянскаго Царства и усиленіи Грузинскаго, отходили къ послѣднему и были извѣстны подъ общимъ названіемъ Сомхетіи. Долго продолжалась борьба между сказанными царствами изъ за этихъ земель, пока, наконецъ, въ концѣ X в. одинъ изъ династіи армянскихъ Багратидовъ — Гургень изъ Киврике, будучи назначенъ намѣстникомъ сѣверо-восточной части области Гугаркъ, положилъ здѣсь основаніе маленькому царству „Гутаро-Агано-Лорійскихъ-Киврикидовъ“. Это царство пало окончательно въ 1122 г., когда грузинскій царь Давидъ Возобновитель, вытѣснивъ наслѣдниковъ упомянутаго престола въ Персію, присоединилъ эту часть Арменіи къ Грузіи“.

Такимъ образомъ и Эрицевъ рѣшительно ничего самъ не присваивалъ и не отнималъ у грузинъ, а его вина, такъ же какъ Худабашева, заключалась лишь въ томъ, что онъ по отношенію къ „спорнымъ“ областямъ приводитъ въ своей статьѣ историческія указанія армянскаго историка V вѣка.

Такимъ образомъ, если „армянскіе книжники“ и провинились передъ грузинской исторіей, то этой винѣ ихъ по

* Гугаркъ, 13-я область Великой Арменіи, есть сѣверная пограничная съ Иберіей страна. Область дѣлилась на 9 провинцій: 1) Ддораторъ (ущелье р. Дбедъ); 2) Тцобаноръ (нынѣ имѣніе кн. Меликовыхъ отъ селенія Шулаверъ до с. Садахлу; 3) Кохбапаръ (лѣвый берегъ р. Акстафы — насть Казахскаго у.); 4) Таширъ (къ 42) (вся Лорійская степь); 5) Трехъ (южная половина Тріалетіи); 6) Кангаркъ (гор. Локи и Болнійское ущелье съ Башкичетомъ); 7) Ардаханъ (окрестности нынѣшняго Ардагана) 8) Джавахкъ (Джавахетія); 9) Кгарджикъ (Кларджетія) (см. геогр. Моис. Хорен. Венеція, 1848 г., на арм. яз.).

меньшей мѣрѣ 1400 лѣтъ! Думаю, что даже кн. Чавчавадзе не поставилъ бы въ счетъ армянскимъ ученымъ такого долга, если-бъ зналъ о подобной его сѣдой древности. Поэтому невольно приходится думать, что кн. Чавчавадзе допустилъ подобную оплошность, какъ обвиненіе современныхъ армянскихъ ученыхъ въ „искаженіяхъ“ исторіи, оказавшихся принадлежащими Моисею Хоренскому, — только по полнѣйшему незнакомству своему съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ писали Эминъ, Эрицевъ и Худабашевъ.

Впрочемъ, быть можетъ, этихъ авторовъ можно винить въ томъ, что они приводятъ факты, давно и безповоротно опровергнутые критической исторіографіей? Быть можетъ, они хотятъ выдать за историческую истину то, что давно всѣми признано фантастической басней, подобной греческой міеологіи? Чтобы отвѣтить и на этотъ вопросъ, посмотримъ, чѣмъ опровергаетъ самъ кн. Чавчавадзе факты, приводимые разбираемыми авторами. Вотъ что буквально говоритъ кн. Чавчавадзе по этому поводу:

„Извѣстно всѣмъ, что Чорохскій бассейнъ съ давняго времени составлялъ часть Верхней Карталиніи..... оспариваемыя ими (армянскими учеными) мѣста за долго до Рождества Христова по настоящее время сохранили грузинскія названія, напр. въ Чорохскомъ бассейнѣ — Кларджети, Лиганисъ Хеви и т. д.“ (Стр. 15). Но чѣмъ же это доказывается и изъ чего видно, что нынѣ существующія названія существовали и до Рождества Христова? На всѣ эти вопросы князь Чавчавадзе отвѣчаетъ такъ: „Въ этихъ мѣстахъ грузины, начиная съ VII и VIII ст., до XIV в. строили храмы, монастыри, существующіе и понынѣ“. Изъ этого видно прежде всего, что кн. Чавчавадзе ссылается не на письменные памятники исторіи, а на храмы и монастыри и притомъ

относящіеся къ VII и VIII столѣтіямъ послѣ Рождества Христова. Засимъ, какимъ образомъ эти памятники VII и VIII столѣтій послѣ Рождества Христова могутъ служить доказательствомъ, что здѣсь жили грузины задолго до Рождества Христова, какъ это утверждаетъ кн. Чавчавадзе ? Далѣе, какимъ же образомъ этими храмами и монастырями, воздвигнутыми спустя 200-300 летъ послѣ того, какъ писалъ Хоренскій, можно опровергать свидѣтельство этого писателя V вѣка ? Очевидно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ полнѣйшимъ смѣшеніемъ различныхъ событій, относящихся къ совершенно различнымъ историческимъ эпохамъ. Армянскій историкъ говоритъ о временахъ до V вѣка включительно и не могъ касаться позднѣйшихъ эпохъ. Худабашевъ и Эрицевъ говорятъ о провинціяхъ древней Арменіи по Маисею Хоренскому, слѣдовательно они имѣютъ въ виду эту древнѣйшую эпоху армянской исторіи, относящуюся къ V и болѣе раннимъ періодамъ, относительно которыхъ свидѣтельствъ памятниковъ VII и VIII вѣковъ совершенно не могутъ быть приняты въ соображеніе. Вотъ если бы армянскіе ученые утверждали, что и въ VIII и IX столѣтіяхъ армяне господствовали въ предѣлахъ бассейна Чороха, то ихъ указанія могли бы быть опровергнуты такими памятниками. А такъ какъ другихъ доказательствъ искаженія исторіи Моисеемъ Хоренскимъ кн. Чавчавадзе не приводитъ*, то посему позволительно думать, что утвержденіе

* Въ подтвержденіе своихъ словъ кн. Чавчавадзе ссылается на армениста Сень-Мартена, который-де говоритъ, что „хребетъ горъ, служившій водораздѣломъ Чороха, Куры, Евфрата и Аракса, былъ постоянной границей Грузіи и Арменіи“. (Стр. 16). Но кн. Чавчавадзе не указываетъ, въ какомъ именно сочиненіи и на какой страницѣ Сень-Мартенъ говорилъ это, а затѣмъ трудно допустить, чтобы

о томъ, что „всѣмъ извѣстно“, какъ грузины жили въ этихъ спорныхъ областяхъ задолго до Рождества Христова, — придется пока признать голословнымъ и извѣстнымъ только самому кн. Чавчавадзе и въ критически разобранной историографіи совершенно никому неизвѣдомымъ.

Въ заключеніе нельзя не указать, что даже самъ отецъ грузинской историографіи М. Brosset, пламенная любовь ко всему грузинскому всѣмъ извѣстна, и тотъ говоритъ, что „провинціи Ахалцихская, Самхетская и Албанская были поочередно заняты двумя народами: армянами, которые называли и называютъ ихъ Тайкъ, Гугаркъ и Агванъ, и грузинами, которые называютъ еще Тао или Месхети, Сомхети и Кахети; они ни въ какомъ видѣ не входятъ въ вопросъ о древнемъ существованіи иберійцевъ“.

Неужели и послѣ такого авторитетнаго мнѣнія можно будетъ утверждать еще, что армяне незаконно „селятся тамъ, гдѣ никогда не жили и присваиваютъ себѣ историческое достояніе грузинъ“.

Спѣшу оговориться, что, говоря о древнѣйшемъ расселеніи грузинъ, я имѣлъ въ виду совершенно опредѣленные нынѣ существующія этнографически группы картвельскаго племе-

Сень Мартенъ могъ указывать какую либо постоянную и неизмѣнную для всѣхъ временъ и эпохъ границу Грузіи и Арменіи. Очевидно, такой постоянной границы не могло быть между государствами, подвергавшимся всяческому историческому пертурбациямъ, при которыхъ предѣлы господства армянъ и грузинъ должны были мѣняться. Во всякомъ случаѣ, было бы въ высшей степени желательно выяснить, къ какой именно эпохѣ относится приведенное указаніе Сень-Мартена.

* Revue des antiquités georgiennes, M. Brosset, Bullet. Scientif 3.(т. V. 13, 1839. Спб).

ни: грузинъ, имеретинъ, гурійцевъ, мингрельцевъ, свановъ и др., а не древнѣйшія племена, подобныя уаргійцамъ, родство которыхъ съ грузинами нынѣ только едва устанавливается въ наукѣ. О древнѣйшемъ разселеніи уаргійцевъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а пока лишь ограничимся этимъ замчаніемъ, полагая, что и кн. Чавчавадзе, говоря о господствѣ грузинъ въ Чорокскомъ бассейнѣ, также не имѣлъ въ виду уаргійцевъ.

**3. Артавинскій храмъ. Снимки клинообразныхъ
надписей, сдѣланные о. Месропомъ Сумбатьянцемъ.
Захватъ армянами территоріи уаргійцевъ.**

Слѣдую порядку изложенія кн. Чавчавадзе, мы должны теперь рассмотреть обвиненія армянъ въ „уничтоженіи грузинскихъ историческихъ памятниковъ“ Армянскіе ученые, говоритъ кн. Чавчавадзе, не довольствуясь этими (уже разобранными выше) подтасовками, стараются гдѣ могутъ „уничтожить фактъ: или стереть, или выскоблить историческую надпись, или же переименовать ее въ свою пользу“ (Стр. 17). Опасаясь, что „камни, многочисленныя постройки, монастыри, храмы будутъ доказывать, что съ самыхъ древнихъ временъ на этихъ мѣстахъ обитали грузины“, то чтобы „зажать ротъ этимъ правдивымъ свидѣтелямъ грузинъ“, армяне „взяли и гдѣ только смогли и сумѣли уничтожили всякій слѣдъ“. Кн. Чавчавадзе утверждаетъ, что имѣется „не мало примѣровъ, что армяне силились стирать и уничтожать слѣды грузинскаго происхожденія на грузинскихъ храмахъ и монастыряхъ, скоблить или стирать съ камней грузинскія надписи, выни-

мать самые камни изъ построекъ и вставлятъ взамѣнъ ихъ другіе съ армянскими надписями, о чемъ даже писалось и въ русскихъ, и въ грузинскихъ газетахъ“ и что ниже онъ приводитъ примѣры того, что стирать, опорочивать или передѣлывать документы — ихъ (армянъ) ремесло“. (Стр.17-18). „Нынѣ времена такіа, меланхолически продолжаетъ далѣе авторъ, когда для достиженія своей цѣли ни передъ какими средствами не останавливаются, —будетъ ли это достигнуто путемъ обмана, фальсификаціи, подлоговъ —безразлично“. Посмотримъ, однако, чѣмъ кн. Чавчавадзе подкрѣпляетъ свои столь тяжкія обвиненія армянскихъ ученыхъ и познакоимся ближе, какіе это „многочисленные примѣры“ стиранія грузинскихъ надписей и уничтоженія слѣдовъ грузинскаго происхожденія различныхъ памятниковъ приводитъ кн. Чавчавадзе. Прочитавъ всю брошюру, мы нашли всего на всего три такихъ примѣра, могущихъ имѣть отношеніе, хотя и то самое отдаленное, къ затронутому вопросу.

Первый примѣръ, рассказанный кн. Чавчавадзе со словъ Д. Бакрадзе, заключается въ слѣдующемъ.

„Въ Артвинѣ существуетъ весьма старая церковь. Тамошніе армяне возымѣли желаніе наготовѣ присвоить себѣ этотъ храмъ. Но мѣстные греки начали оспаривать его у нихъ на томъ основаніи, что такъ какъ онъ съ давнихъ временъ принадлежалъ грузинамъ, то, слѣдовательно, мы, молъ, какъ православные, имѣемъ преимущество передъ вами. Въ немъ былъ вдѣланъ камень съ грузинскою надписью, а такъ какъ эта надпись служила доказательствомъ принадлежности храма грузинамъ, то армяне изволили благоразумно „припрятать этотъ камень. Такимъ образомъ, вырвавъ эту церковь изъ рукъ православныхъ, армяне присвоили ее себѣ “. (Стр. 18).

Но при этомъ кн. Чавчавадзе оговаривается, что „подобная продѣлка не можетъ придти въ голову простолюдину“ и что у него имѣются основанія приписывать эту и подобную продѣлку только определенной группѣ армянъ, а именно грамотеямъ и ученымъ, но отнюдь не цѣлому народу.

Этотъ примѣръ, по словамъ кн. Чавчавадзе, приводится въ „Археологическомъ Путешествіи“ Д. Бакрадзе. Дѣйствительно, въ этомъ сочиненіи почтеннаго грузинскаго археолога, на стр. 41, имѣются слѣдующія строки:

„Изъ артвинскихъ церквей, въ которыхъ богослуженіе совершается открыто и свободно, четыре новыя построены за 20 лѣтъ, принадлежатъ католикамъ, а одна большая, имѣвшая камень съ грузинскою надписью, обращена въ армянскую, послѣ спора армянъ съ трапезондскими греками, изъ которыхъ первые, припрятавъ камень съ надписью, присваивали себѣ церковь, греки же доказывали, что она, какъ грузинская, должна остаться въ распоряженіи ихъ единовѣрцевъ“ „Въ Бартѣ есть нѣсколько другихъ церквей и одна изъ нихъ нынѣ служить мечетью“.

Строки эти относятся къ 1873 г., написаны до присоединенія Артвинскаго округа къ Россіи, когда, слѣдовательно, въ этомъ городѣ господствовали турки. И вотъ въ это время владычества мусульманъ, когда христіанскіе храмы обращались въ мечети, армяне, оказывается, пользовались древнею церковью, имѣвшею, по словамъ артвинскихъ грековъ, одну единственную надпись. Претендентами на эту же церковь явились не потомки грузинъ, давно въ этомъ краѣ принявшіе магометанство, а трапезондскіе греки, которые ухватились за эту грузинскую надпись, какъ за доказательство принадлежности церкви христіанамъ православнаго исповѣданія. Д. Бакрадзе сообщаетъ лишь голый остовъ, наличность бывшаго

спора изъ за церкви между греками и армянами, спора, разрѣшаемаго, повидимому, въ пользу армянъ. Но Д. Бакрадзе не приводитъ рѣшительно никакихъ доказательствъ справедливости такихъ притязаній грековъ, очевидно, съ ихъ, грековъ, словъ передавая обвиненіе греками армянамъ въ утайкѣ грузинской надписи. Вѣдь надо думать, что греки свои претензіи сообщали не только г. Бакрадзе, но также до него и мѣстнымъ властямъ. Почему же по этому факту, въ разрисовкѣ кн. Чавчавадзе получившему такое ядовитое значеніе, Д. Бакрадзе не привелъ никакихъ данныхъ, кромѣ голаго заявленія грековъ! Вѣдь должны же были быть по этому дѣлу данныя у турецкихъ властей? А что до турецкихъ властей долженъ былъ дойти этотъ споръ, явствуется изъ того, что, по словамъ грековъ армяне, припрятали надпись. Если бы власти къ этому вопросу относились равнодушно, то, очевидно, не было надобности въ 1873 г. Прятать грузинскую надпись. Наконецъ, почему не было выяснено, что говорятъ армяне по поводу этой греческой претензіи? Всего этого Д. Бакрадзе не счелъ нужнымъ коснуться и безъ всякихъ колебаній пустилъ въ обращеніе никѣмъ не провѣренное, ничѣмъ не доказанное обвиненіе. Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы г. Бакрадзе придавалъ этому факту какое либо серьезное значеніе. Это скорѣе фактъ, записанный наскоро въ записную книжку и въ сыромъ же видѣ попавшій въ печать, просто какъ матеріалъ, подобно тому какъ тутъ же черезъ нѣсколько строкъ приводится сообщеніе о томъ, что въ окрѣпѣ много встрѣчается „зобатыхъ“.

Хотя и приведеннаго достаточно, чтобы убѣдиться, насколько осторожно слѣдовало бы пользоваться матеріаломъ, собраннымъ г. Бакрадзе, но для еще большаго убѣжденія въ этомъ, посмотримъ, что говоритъ въ этомъ отношеніи гру-

зинскій профессоръ Цагарели. Говоря о сборникѣ г. Бакрадзе („Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства“, Тифлисъ, 1875, стр. 31), г. Цагарели замѣчаетъ, что „вообще этимъ сборникомъ г. Бакрадзе слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью“. „Архитектурные стили въ немъ перемѣшаны, свѣдѣнія о памятникахъ сообщаются не хронологически, источниками авторъ пользуется безъ разбора и не всѣми доступными, встрѣчаются въ немъ пропуски, недосмотры и невѣрности. Такъ, напримѣръ, Бакрадзе, не видѣвши въ глаза древнѣйшаго фресковаго изображенія царицы Тамары, сохранившагося въ Бетанійскомъ храмѣ (около Тифлиса), даетъ описаніе невѣрное этого изображенія. А именно онъ пишетъ (стр. 20-21) „древняя живопись ея (Бет. церкви) еще сохраняетъ свои краски. Вправо отъ входа въ церковь на стѣнѣ особенно бросается въ глаза портретъ царицы Тамары во весь ростъ и въ царскомъ облаченіи, подносящей Божьей Матери модель церкви. Это тотъ самый портретъ, который скопированъ кн. Гагаринымъ и по приказанію бывшаго намѣстника Кавказа кн. Воронцова отлитографированъ въ Лондонѣ. Совершенно такой же портретъ я видѣлъ въ Вардзійскомъ монастырѣ“. Въ Вардзій, дѣйствительно, имѣется такой портретъ, по въ Бетаніи, какъ и на снимкѣ кн. Гагарина, Тамара изображена иначе.... Я посѣтилъ Бетанію лѣтомъ 1877 года. Въ ноябрьской книжкѣ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ я помѣстилъ статью, озаглавленную: „Изъ поѣздки въ Закавказскій край лѣтомъ 1877г.“. Изъ описанія, помѣщеннаго въ этой статьѣ видно, „что Тамара никакой модели церкви не подноситъ Божьей Матери, а руки ея прямо обращены на возлѣ стоящаго мужчину (мужа) и что ея изображеніе находится не вправо отъ входа въ церковь, а влѣво или почти противъ входа, который имѣется

только съ южной и съ западной стороны, а съ сѣверной стороны, на которой находится это фрескове изображеніе Тамары, нѣтъ никакого входа въ церковь и никакихъ дверей. По странной случайности, на другой же день послѣ моего возвращенія изъ Бетаніи въ Тифлисъ, я встрѣтилъ на улицѣ г. бакрадзе вмѣстѣ съ другимъ археологомъ Д. П. Пурцеладзе и замѣтилъ ему, что его описаніе портрета Тамары не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Онъ нѣсколько смутился, но ничѣмъ не объяснилъ, отчего у него произошла такая ошибка“. (А. А. Цагарели „Свѣд. о памятн. груз. пис.“ т. I, вып. 3, стр. V и VI (примѣч.).

Этотъ отзывъ г. Цагарели мною приводится не для умаленія заслугъ почетнаго грузинскаго археолога и историка г. Бакрадзе, а исключительно для доказательства необходимости относиться съ большою осторожностью къ фактамъ, достовѣрность коихъ не провѣрена и не подтверждена тщательною историческою критикою.

Въ данномъ случаѣ этого факта еще болѣе умаляется тѣмъ, что наличность въ церкви грузинской надписи неизвѣстнаго содержанія не есть еще достаточное доказательство принадлежности церкви грузинамъ; мало ли о чемъ могла гласить такая надпись, разъ въ предѣлахъ Грузинскаго Царства многіе армяне могли говорить и писать по-грузински. Затѣмъ, если допустить даже, что въ прежнія времена этотъ Артинскій храмъ былъ грузинскимъ, то на этомъ основаніи всетаки нельзя обвинять армянъ въ незаконномъ присвоеніи этого храма, потому что остается невыясненнымъ, сколько столѣтій тому назадъ грузины оставили свой храмъ, когда армяне заняли его, въ какомъ видѣ былъ храмъ во время его занятія армянами, какихъ трудовъ и жертвъ стоила его реставрація и въ какую груду однѣхъ развалинъ обратился бы древній гру-

зинскій храмъ, если бы его не поддерживали армяне реставраціей.

Намъ представляется всего больше вѣроятнымъ, что армяне, переселившись въ Артвинъ, или жившіе издавна въ этомъ городѣ, послѣ принятія грузинами мусульманства, или послѣ ихъ ухода изъ Артина, найдя здѣсь оставленный на произволъ судьбы древній грузинскій храмъ затѣмъ въ теченіе ста-двухсотъ лѣтъ поддерживали этотъ храмъ постояннымъ попеченіемъ и что въ то время, когда изъ народной памяти совершенно изгладилось всякое воспоминаніе о томъ, кто были первоначальные строители храма, являются греки и, придравшись къ сохранившейся въ храмѣ грузинской надписи, - *ad maiorem Dei gloriam* - предложили армянамъ очистить для нихъ храмъ, сохраненный и содержанный десяткомъ чередовавшихся поколѣній армянъ. Очевидно, на подобную претензію армяне должны были отвѣтить грекамъ, что вѣдь и они молятся въ этомъ храмѣ тому же Богу, а не оскверняютъ святого мѣста; что съ тѣхъ поръ какъ они себя помнятъ, церковь эта принадлежала имъ и никогда ни отъ кого, ни отъ самыхъ древнихъ стариковъ они не слыхали, чтобы эта церковь была чужая“.

* Что въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, это видно изъ того, что даже такой храмъ, какъ ненія нынѣшняго Ахалцихскаго уѣзда къ Россіи, служилъ мѣстнымъ жителямъ (мусульманамъ) конюшней для загона скота, въ какомъ вудѣ монастырь этотъ и заставила въ 1886 году графиня Уварова, которая и приказала тогда очистить монастырь, поручивъ надзоръ надъ нимъ одному мѣстному татарину. („Кавказъ“, 1904 г. II, сообщеніе г. Такайшвили). По этому факту легко судить, какова была судьба древнихъ грузинскихъ христіанскихъ храмовъ въ предѣлахъ Турціи.

Споръ въ этомъ направленіи, какъ легко себѣ представить, могъ продолжаться весьма долгое время и, конечно, безъ всякаго результата, такъ какъ для турецкаго правительства совершенно безразлично, какого исповѣданія христіане владѣютъ тѣмъ или инымъ ненужнымъ имъ храмомъ. Для нихъ всѣ христіане равны, какъ „невѣрные“. Полагаемъ, что подобныя претензіи трапезундскихъ грековъ дальше споровъ и личныхъ пререканій не могли бы пойти и, надо думать, что нынѣ въ Артвинѣ никогда этотъ вопросъ и не беспокоить. Фактъ этотъ былъ сообщенъ греками археологу Бакрадзе и въ видѣ курьеза былъ занесенъ имъ въ его путевой дневникъ, безъ всякихъ комментаріевъ относительно систематическаго уничтоженія грузинскихъ памятниковъ исторіи армянскими учеными. Если бы г. Бакрадзе былъ одного „умоначертанія“ съ кн. Чавчавадзе, то, конечно, онъ объ этомъ высказался бы довольно опредѣленно. Между тѣмъ, говоря о гибели многихъ грузинскихъ историческихъ памятниковъ, г. Бакрадзе приписывалъ эту гибель и с к л ю ч и т е л ь н о всесокрушающему времени и невѣжеству населенія и приводитъ много примѣровъ такого невѣжества самаго грузинскаго населенія, не понимающаго цѣны этихъ памятниковъ.

Наконецъ, позволительно задать вопросъ, чѣмъ же доказывается, что такая грузинская надпись существовала въ Артвинской церкви? Развѣ для утвержденія этого факта достаточно заявленія одной и притомъ заинтересованной стороны? Думаетъ, что для обвиненія армянъ въ уничтоженіи грузинскихъ надписей слѣдовало хотя бы провѣрить какимъ либо путемъ то, что сообщено было артвинскими греками археологу г. Бакрадѣ. Въ высокой степени невѣроятно, чтобы въ древнемъ храмѣ имѣлась бы одна единственная надпись, которую легко было бы уничтожить тѣмъ или инымъ путемъ.

Насколько извѣстно, стѣны древнихъ храмовъ бываютъ обычно исперены всякаго рода надписями, описанія которыхъ наполняютъ цѣлыя монографіи и книги. Не можетъ быть, чтобы въ Артвинскомъ храмѣ не сохранилось другихъ надписей, кромѣ той, которая, по словамъ грековъ, была уничтожена армянами. Не г. Бакрадзе, повидимому, вполне добродушно отнесшійся къ этому факту, ни даже кн. Чавчавадзе, построившій на немъ огромное зданіе тяжкихъ обвиненій, не задали себѣ труда провѣрить эту жалобу грековъ и изслѣдовать вопросъ на мѣстѣ.

Любопытно при этомъ отмѣтить, что обвиняя, огульно армянъ въ подобныхъ предосудительныхъ дѣйствіяхъ, самъ же кн. Чавчавадзе приводитъ вслѣдъ за этимъ одинъ общеизвѣстный фактъ, который совершенно инымъ образомъ характеризуетъ армянскихъ ученыхъ, по отношенію именно къ „спорному“ Чорохскому бассейну. Фактъ этотъ заключается въ томъ, что многіе историческіе памятники того же Чорохскаго бассейна обязаны своимъ сохраненіемъ никому иному, какъ армянскому монаху Саргсяну, который и описалъ ихъ подробно и, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ кто либо, заботился объ интересахъ исторической правды и о выясненіи прошлаго Чорохскаго бассейна. Эта заслуга армянскаго монаха Саргсяна передъ грузинской исторіей столь важная, что ее признаетъ самъ кн. Чавчавадзе, (ст. 28) казалось могла бы убѣдить всякаго, насколько армянскіе ученые чужды близорукаго патріотизма и заботливо охраняютъ историческую правду отъ намѣреннаго искаженія. Но ни этой заслуги, ни многихъ другихъ аналогичныхъ фактовъ, оказывается, недостаточно, чтобы успокоить свирѣпый гнѣвъ грузинскаго поэта. Нѣтъ, восклицаетъ кн. Чавчавадзе съ жаромъ, армяне похитили нарочно камень съ грузинскою

надписью, чтобы отнять у грузинъ весь Чорохский бассейнъ, чтобы селиться тамъ, гдѣ никогда не жили, чтобы приписать себѣ историческія заслуги грузинъ! И это говорится послѣ того, какъ армянинъ Саргсянъ больше всѣхъ потрудился надъ сохраненіемъ грузинскихъ надписей того же самаго Чорохскаго бассейна. Всѣ цѣнныя работы этого армянина по грузинской археологіи не разсѣяли нелѣпой легенды, пущенной въ обращеніе артвинскими греками. Сотни собранныхъ и сбереженныхъ армяниномъ надписей не перевѣсили одного камня, якобы, пропавшаго изъ Артвинской церкви. Кн. Чавчавадзе даже упускаетъ изъ виду, что какое бы объясненіе ни давать этому факту-пропажи одной надписи изъ Артвинской церкви, -и въ историческомъ отношеніи онъ ровно ничего не можетъ доказывать. Сохранилась бы эта надпись въ Артвинской церкви, перешла бы эта церковь въ руки благочестивыхъ трапезундскихъ грековъ или нѣтъ, -для выясненія вопроса о томъ, былъ ли Чорохскій бассейнъ когда либо одною изъ провинцій древней Арменіи - все это совершенно безразлично, потому что, по словамъ самого же кн. Чавчавадзе, весь Чорохскій бассейнъ полонъ множествомъ подобныхъ грузинскихъ памятниковъ, которыхъ не только нѣтъ никакой возможности уничтожить, но которые собраны и описаны трудами самихъ армянъ.

Поэтому для армянскихъ ученыхъ не могло быть, какъ выражается кн. Чавчавадзе, „разчета“ утаивать грузинское прошлое Артвинской церкви, а, слѣдовательно, фактъ этотъ долженъ быть исключенъ изъ числа доказательствъ систематической фальсификаціи исторіи армянскими учеными.

Второй примѣръ изъ рассматриваемой категоріи фактовъ заключается въ слѣдующемъ:

„Въ началѣ 60-хъ годовъ, рассказываетъ кн. Чавчавадзе со словъ г. Никольскаго*, о. Месропъ, тогда еще простой монахъ, вычитавъ изъ сочиненій мхитаристовъ, что тамъ, гдѣ въ настоящее время обитаютъ армяне, существуютъ клинообразныя надписи... сталъ ихъ искать и открылъ шесть или восемь надписей; снявшихъ ихъ, онъ послалъ ихъ черезъ профессора Патканова ученымъ... Мордтману, Сэйсу и Мюллеру. (Стр. 109, 110)“. Въ числѣ надписей, найденныхъ г. Месропомъ, по словамъ г. Никольскаго, есть одна, подъ № XV, найденная вблизи мѣстности, называемой „Захалу“. Снимокъ съ этой надписи былъ помѣщенъ въ газетѣ „Араратъ“ (стр. 53, 1883 г.), издававшейся въ Эчмиадзинѣ. По поводу этой надписи г. Никольскій пишетъ, что „снимокъ съ нея (съ захалусской надписи), помѣщенной въ „Араратъ“, представляетъ текстъ въ такомъ изуродованномъ видѣ, что знаки даже почти не напоминаютъ знаковъ ванскаго письма. Можно догадываться, что снимавшій надпись намѣреннo хотѣлъ придать знакамъ сходство по формѣ со знаками персидскихъ надписей Ахаменовъ, воображая, что онѣ одинаковаго или родственнаго происхожденія“. („Древн. Восточн.“ Т. I стр. 380), (стр. 111).

Этотъ фактъ искаженія клинообразной надписи, приписываемый Никольскимъ желанію придать имъ сходство по формѣ со знаками персидскихъ надписей Ахаменидовъ, вызванному „воображеніемъ“, что онѣ одинаковаго или родственнаго происхожденія, слѣдовательно, фактъ, свидѣтельствующій о невѣжествѣ снимавшаго надпись, - быть можетъ, вовсе и не о. Месропа, - въ разсматриваемомъ отношеніи, - въ глазахъ кн. Чавчавадзе получаетъ совѣсмѣльное, особое,

* Сдѣлана ссылка на статью г. Никольскаго въ т. I „Древности Восточныя“, изд. Им. Москов. Архел. Общества. 1893г.

чрезвычайное значеніе, какъ примѣръ производимой армянами фальсификаціи исторіи. Указывая, что для истиннаго ученаго имѣть важное значеніе, что ванскія (клинообразныя) надписи относятся къ до-ахаменидской эпохѣ, а армяне лишь во время Ахаменидовъ появились въ Арменіи, до того же ихъ тамъ не было,- кн. Чавчавадзе полагаетъ, что такое искаженіе одной надписи подъ № XV, найденной о. Месропомъ, можетъ служить доказательствомъ, что надписи относятся не къ эпохѣ ассирійской, а къ эпохѣ Ахаменидовъ. Если-бы эти надписи относились къ ассирійской эпохѣ, т. е. къ тому времени, когда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти надписи найдены, не было помину объ армянскихъ, они не такъ легко могли-бы присвоить ихъ— не могли-бы утверждать, что въ нихъ повѣствуется ихъ исторія. А если-бы онѣ оказались принадлежащими къ эпохѣ Ахаменидовъ, тогда они легко могли-бы соткать изъ фальсификаціи паутину для присвоенія чужого имени и исторіи и никто не могъ-бы возражать имъ: „Васъ еще не было, когда появились эти надписи“.

Какъ мы, этотъ фактъ намѣреннаго искаженія армянскою исторіи приводится со словъ археолога г. Никольскаго. Собственно говоря, на немъ и должна была-бы лежать нравственная обязанность дать своимъ словамъ то освѣщеніе, которое они могли имѣть, чтобы этимъ снять съ архіепископа Месропа незаслуженный имъ упрекъ. Но надо думать, брошюра кн. Чавчавадзе до г. Никольскаго не скоро дойдетъ. Посему для выясненія истеннаго взгляда г. Никольскаго на характеръ археологическихъ работъ о. Месропа намъ придется привести изъ его статьи „Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи“ болѣе пространныя выдержки.

Вотъ что въ дѣйствительности пишетъ г. Никольскій объ о. Месропѣ и вообще объ участіи армянъ въ собираніи клинообразныхъ надписей, „Такъ называемыя ванскія клинообразныя надписи находятся главнымъ образомъ въ городѣ Ванѣ и его окрестностяхъ. Онѣ были сняты въ первый разъ въ 1827 году Э. Шульцемъ... Послѣдующія поѣздки Леярда (1850), Нерсеса Саркесіана (1864), Рассама (1877) значительно пополнили и исправили матеріалъ, собранный Шульцемъ, но до сего времени свѣдѣнія и снимки Шульца составляютъ главнѣйшій источникъ для научнаго изслѣдованія ванскихъ надписей“

Просимъ прежде всего замѣтить имя Нерсеса Саркесіана, армянскаго ученаго, который на ряду съ другими учеными содѣйствовалъ значительному пополненію матеріаловъ по ванскимъ надписямъ. Никольскій не говоритъ объ искаженіи ими этихъ надписей. Слѣдовательно, вотъ еще одинъ примѣръ исполнѣ и безспорно добросовѣстнаго отношенія къ этимъ надписямъ. Далѣе Никольскій продолжаетъ:

„Въ предѣлахъ Россіи честь открытія большей части этихъ надписей безспорно принадлежитъ армяногригоріанскому архіепископу Месропу Сумбатянцу, въ настоящее время начальнику Шемахинской епархіи. Въ началѣ шестидесятъ годовъ, еще будучи вардапетомъ, или простымъ монахомъ, Месропъ прочелъ въ трудахъ нѣкоторыхъ мекитаристовъ, что на территоріи, занимаемой въ нынѣшнее время армянами, находятся клинообразныя надписи, и задался мыслию собрать эти надписи въ русской Арменіи, полагая, что онѣ имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи Арменіи въ ея древнѣйшій періодъ. Его труды увѣнчались успѣхомъ; если не все надписи найдены имъ самимъ, то все-таки—большая часть; но все безъ исключенія имъ обследованы, скопированы и за небольшими исключеніями изданы.

Органомъ для изданія надписей онъ сначала избралъ издававшийся въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ г. Мсеріанцемъ журналъ на армянскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Русскій Вѣстникъ“, а затѣмъ мѣстный издающійся въ Эчмиадзинѣ армянскій журналъ „Араратъ“. Снимки его были крайне неудачны, но они доходили до свѣдѣнія западныхъ ученыхъ, спеціально занимавшихся ванскими надписями, какъ-то: Мордтманъ, Сэйса, Мюллеръ, тщательно изслѣдовались, при чемъ посредствующимъ звеномъ въ дѣлѣ передачи этихъ надписей западнымъ ученымъ и ознакомленія съ ними западнаго ученаго міра служилъ покойный профессоръ К. П. Паткановъ, также вѣрившій въ армянское происхождение этихъ надписей. Только въ сравнительно недавнее время о. Месропъ прибѣгъ къ фотографическому способу сниманія надписей, открывъ для сего свою фотографію; къ сожалѣнію, этимъ способомъ онъ воспользовался въ крайне ограниченной степени, но эти снимки составляютъ самый лучшій матеріалъ, какой мы имѣемъ по ванскимъ надписямъ. У насъ въ Россіи извѣстно было объ этихъ надписяхъ и о дѣятельности въ дѣлѣ ихъ открытія Месропа изъ краткой статьи Патканова: „О клинообразныхъ надписяхъ“. Изобранный въ нынѣшнемъ (1892 г.) членомъ Московскаго Археологическаго Общества, архіепископъ Месропъ прислалъ Обществу снимки со всѣхъ найденныхъ имъ надписей и краткія свѣдѣнія объ ихъ открытіяхъ. Этотъ матеріалъ даетъ возможность въ большей точности и полнотѣ представить отчетъ объ открытияхъ у насъ надписяхъ и доставляетъ намъ поводъ подвергнуть какъ текстъ этихъ надписей, такъ равно и выработанныя наукою относительно ихъ соображенія новой ревизіи, тѣмъ болѣе, что

среди надписей, присланных Месропомъ, имѣются такія, которыя не были еще нигдѣ изданы“ . (378, 379). Вотъ какую въ общемъ лестную аттестацію даетъ Никольскій трудамъ армянскаго монаха Месропа. Конечно, общее вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу не исключаетъ крупныхъ промаховъ и ошибокъ, въ особенности въ началѣ дѣла, когда отличительный характеръ ванскихъ надписей еще не былъ выясненъ и могъ-бы быть поэтому неизвѣстенъ и монаху Месропу. Такіе промахи и недостатки оказались и въ снимкахъ о. Месропа и г. Никольскій, описывая подробно всѣ эти надписи, указываетъ на всѣ эти недостатки. Изъ описаній, сдѣланныхъ г. Никольскимъ, видно, что огромное большинство снимковъ оказалось достаточно удовлетворительными и только нѣсколько были сняты плохо, по неумѣлости тѣхъ, кто дѣлалъ снимки, либо потому, что снимавшій не очищалъ клинописей отъ покрывавшаго ихъ мха и только по отношенію къ одной, захалусской надписи, было высказано предположеніе о намѣренномъ искаженіи снимка, объясняемомъ г. Никольскимъ тѣмъ, что снимавшій надпись ошибочно принималъ эти ванскія клинообразныя надписи за другія клинообразныя надписи, относящіяся къ періоду персидскихъ Ахеменидовъ. Разница между ахеменидскими и ванскими надписями не столь велика, чтобы подобное смѣшеніе не могло явиться результатомъ невѣжества снимавшаго надпись и должно было быть обязательно продиктовано желаніемъ исказить эти надписи, чтобы отнести ихъ къ армянской исторіи. Очевидно, и самъ о. Месропъ сознавалъ возможность грубыхъ искаженій при срисовываніи надписей, такъ какъ, чтобы устранить эти промахи, онъ въ послѣдующемъ фотографически снималъ надписи. Это-ли не достаточное доказательство совершенно научнаго безпристрастія и объективности о. Месропа ?!

Чтобы убѣдиться еще болѣе въ такихъ качествахъ о. Месропа, какъ ученаго, мы приводимъ выдержки изъ описаній Никольскаго всѣхъ надписей, собранныхъ почти исключительно о. Месропомъ и тогда само собою выяснится, какъ эти ничтожные промахи тонуть въ цѣломъ морѣ добросовѣстнаго труда. Вотъ описанія этихъ снимковъ:

I. Надпись близъ с. Ташбурунъ. Надпись эта была найдена и издана первоначально Кастнеромъ въ 1864 году. Архіеп. Месропъ Сумбатянцъ снялъ съ своей стороны эту надпись и помѣстилъ въ армянскомъ журналѣ „Араратъ“ 1870 г. и, кромѣ того, она была издана и Мартмономъ. Снимки Кастнера и Месропа оказались крайне неудачными. Въ послѣднее время архіеп. Месропъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество двѣ фотографіи, но онѣ также неудачны, въ особенности плохо вышла лѣвая сторона; надпись требуетъ предварительной очистки отъ покрывающаго ее мха для сниманія. (Стр. 419-420).

II. Тоже Близъ с. Ташбурунъ. Найдена Айрапетомъ Ма-кердяномъ въ 1886 г. Архіеп. Месропъ снялъ съ нея копію и препроводилъ проф. Патканову, а тотъ въ свою очередь ее проф. Д. Н. Müller ' у въ Вѣнѣ, который и издалъ ее. Новая копія архіеп. Месропа, присланная въ Московское Археологическое Общество, имѣетъ небольшія поправки сравнительно съ прежнею. Надпись значительно повреждена съ обоихъ боковъ, но особенно пострадалъ низъ ея, гдѣ имѣется большая пробоина. (Стр. 423).

III Тоже близъ сел. Ташбурунъ. Въ 1888 году около Ташбурунъ архіепископъ Месропъ Сумбатянцъ нашелъ клинообразную надпись, по числу 3-ю въ этомъ мѣстѣ. Для снятія послѣдней надписи арх. Месропъ послалъ своего

секретаря г. Паразнуни; копія его была препровождена въ Московское Археологическое Общество. До сего времени она не была нигдѣ опубликована. Надо отдать честь г-ну Паразнуни, его снимокъ- лучший изъ всѣхъ принадлежащихъ арх. Месропу, такъ что почти не оставляетъ желать ничего лучшаго. Надпись значительно попорчена...(425).

IV . Въ дер. Газанчи. Камень съ надписью найденъ въ 1886 году въ Сурмалинскомъ округѣ въ древнѣ Газанчи, населенной персіанами, на правомъ берегу Аракса... Снимокъ съ нея былъ напечатанъ архіеп. Месропомъ въ 1886 году въ „Арагатъ“; проф. Паткановъ перепроводилъ его проф. Мюллеру въ Вѣну, который съ своей стороны и издалъ его въ „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“.(427).

V. Ганлиджа. Надпись вырѣзана на скалѣ къ сѣверо-востоку отъ деревни Ганлиджа (Калинджа) въ 8 верстахъ отъ Александрополя (на сѣверо-западѣ). Первоначально она была найдена и снята академикомъ Кастнеромъ въ 1882 году и издана въ „Bulletin de l'academie de St. Petersbourg“ X. V. p. 428-435...

Проф. Паткановъ имѣлъ подъ руками фотографію съ этой надписи, снятую художникомъ Куркчянцомъ, и скопировалъ съ нея свой снимокъ въ статьѣ: „О клинообразныхъ надписяхъ ванской системы, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи“- („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1883 г. Прилож. III). Гдѣ находится эта фотографія-неизвѣстно. Это самая сѣверная изъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи... (428).

VI. Эларъ. Эта надпись по времени первая была найдена архіеп. Месропомъ изъ числа открытыхъ въ предѣлахъ Россіи, именно въ 1862 году, около древни Эларъ (на десятиверстной картѣ Эйляръ) на первой станціи по дорогѣ изъ Эривани въ Тифлисъ. По словамъ архіеп. Месропа, она вырѣзана на скалѣ,

которая настолко наклонилась къ землѣ что нужно подползти подъ нее для сниманія надписи. Въ первый разъ она издана была въ московскомъ армянскомъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“, въ 1863 г. № 53. У Мордтмана стр. 510, №31. Снимокъ оказался весьма неудачный; хорошій снимокъ, вѣроятно, съ фотографіи приложенъ къ статьѣ Патканова прилож. № I, Сэйсъ № XXXVI... Холмъ, на которомъ сохранилась клинопись, принадлежитъ помѣщику Агамалову. Надпись покрыта мхомъ (430).

VII. Кулиджанъ. Надпись находится на скалѣ близъ деревни Кулиджанъ, на сѣверо-западъ отъ горы Алагеза. Открыта и снята г. Арутюномъ, который сообщилъ копію съ нея архіеп. Месропу. Черезъ проф. Патканова эта копія была передана проф. Сэйсу, который помѣстилъ транскрипцію и переводъ въ „Muséon'ф“ (1884,avril), а затѣмъ въ своемъ мемуарѣ подъ № LXI. Помѣщенный нами текстъ снятъ съ собственноручной копіи архіеп. Месропа, присланной въ Московское Археологическое Общество (431).

VIII. Ордаклу. Надпись найдена на скалѣ на сѣверно-западномъ берегу Гокчайскаго озера, близъ деревни Ордаклу. Неподалеку находятся развалины древней крѣпости. О. Месропъ издалъ ее въ „Арабатъ“, 1883 г. Стр. 354-355. Проф. Паткановъ препроводилъ этотъ снимокъ проф. Сэйсу, который помѣстилъ переводъ въ „Muséon'ф“ (1884 avril) Снимокъ, какъ онъ напечатанъ въ „Арабатъ“, весьма неудовлетворителенъ. Собственноручный снимокъ архіеп. Месропа, присланный имъ въ Московское Археологическое Общество, нѣсколько точнѣе прежняго. А. С. Хахановъ доставилъ новый фотографическій снимокъ, къ сожалѣнію, хорошо вышли только послѣднія строки, верхняя же часть, содержащая болѣе важныя данныя, вышла крайне неотчетливо(433).

IX. Сардарабадъ. Надпись эта открыта лѣтомъ нынѣшняго (1892 г.) года въ мѣстечкѣ Сардарабадъ, въ верстахъ 5 отъ Блуръ (Армавира), на сѣверъ (въ 30 верстахъ) отъ Эривани, на маслобойномъ заводѣ г. Аветиса. Архіеп. Месропъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество фотографію этой надписи и сообщилъ о томъ, что въ настоящее время она находится въ Эчміадзинѣ вмѣстѣ съ другими 6 надписями. Другой фотографическій снимокъ былъ доставленъ А. С. Хахановымъ. Кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ была открыта надпись-неизвѣстно. Тотчасъ по открытіи снимокъ съ нея былъ посланъ проф. Сэйсу, который опубликовалъ переводъ надписей въ тифлисской армянской газетѣ „Мшакъ“, № 95 (22 авг. 1892 г.) Снимокъ, помѣщенный въ „Мшакѣ“, крайне неудовлетворительный. (435—436).

X и XI. Блуръ (Армавиръ). Надпись первоначально была вырѣзана на одномъ цѣльномъ камнѣ, но впослѣдствіи онъ былъ разбитъ на нѣсколько частей. Одинъ камень съ частью надписи (X) былъ найденъ въ 1869 году архіеп. Месропомъ у подножія холма Блуръ (на юго-западъ отъ Эчміадзина въ верстахъ 25), близъ сел. Топадоби, въ мѣстности, которую нынѣшніе армяне отождествляютъ съ древнею армянскою столицей Армавиромъ.

Камень... въ настоящее время находится въ Эчміадзинѣ. Надпись была издана первоначально въ „Араратѣ“, въ 1869 г., стр. 138. Проф. Паткановъ и съ этой надписи имѣлъ фотографію художника Куркчянца, съ которой онъ снялъ свой снимокъ. Другой камень (XI) былъ открытъ тутъ же по близости около Блуръ.

Снимокъ съ надписи въ 1886г. Былъ помѣщенъ архіепископомъ Месропомъ въ „Араратѣ“ и въ томъ же году проф. Паткановъ сообщилъ копію съ нея проф. Мюллеру въ Вѣнѣ,

который и издалъ ее вмѣстѣ съ другими двумя надписями (440). Въ настоящее время архіеп. Месропъ прислалъ въ Косковск. Археолог. Общество фотографію № XI. Текстъ обоихъ камней представляетъ большія трудности для пониманія по своей фрагментарности и немалому числу словъ, не встрѣчающихся въ другихъ текстахъ. Переводъ проф. Сэйса, насколько могу судить, весь основанъ на догадкахъ.(441).

XII. Блуръ (Армавиръ). Камень найденъ архіеп. Месропомъ при подошвѣ Блура къ западу. По сказаніямъ старожиловъ, онъ, будто бы, свалился съ высокой и толстой стѣны башни, находящейся на холмѣ. Надпись издана въ „Араратъ“ 1883г., стр. 242—243. Профессоръ Поткановъ сообщилъ ее Сэйсу, который издалъ транскрипцію и переводъ въ „Muséon'ъ“, II, 3 (1883) и затѣмъ въ своемъ мемуарѣ подъ № XV. Въ настоящее время архіеп. Месропъ прислалъ въ Москов. Археолог. Общество очень хорошую фотографію этой надписи (т. об. XIII). Это самая лучшая изъ всѣхъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи, она сохранилась въ цѣльности и знаки ея не пострадали.(444).

XIII и XIV. Блуръ (Армавиръ). Оба камня найдены были архіеп. Месропомъ при случайныхъ раскопкахъ на сѣверозападъ отъ Блура, близъ сел. Моллабазетъ; вмѣстѣ съ ними былъ найденъ и третій камень, но надпись на немъ нечитаема. Всѣ три надписи помѣщены были въ армянскомъ журналѣ „Араратъ“ 1881 г. Стр. 604, 606. Проф. Паткановъ напечаталъ отчетъ объ нихъ въ „Muséon'ъ“ I, 4 (1882)... Въ томъ же году проф. Паткановъ помѣстилъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ новый снимокъ по фотографіи, присланной ему архіеп. Месропомъ“ Въ настоящее время мы имѣемъ также отъ архіеп. Месропа хорошую фотографію обѣихъ надписей, на которой и основываемся въ своемъ отчетѣ .(447).

XV. Захалу, Камень съ надписью найденъ былъ въ деревнѣ Захалу на юго-восточномъ берегу Гокчайскаго озера въ 1883 году и въ томъ же году снимокъ съ надписи опубликованъ былъ архіепископомъ Месропомъ Сумбатаянцомъ въ „Араратъ“ (1883 г. Стр. 53), но снимокъ оказался настолько дуренъ, что почти ни одинъ знакъ даже не напоминаетъ характера ванскихъ письменъ. Можно догадываться, что снимавшій эту надпись намѣренно хотѣлъ представить ванскіе знаки похожими на знаки древнеперсидскихъ клинообразныхъ надписей и съ этою цѣлью ихъ искажилъ, воображая, что онѣ одинаковаго или родственнаго происхожденія.

Понятно, что ни проф. Сэйсъ и никто другой не могъ воспользоваться этимъ снимкомъ для научныхъ изслѣдованій, и опубликованіе его въ этомъ видѣ было бесполезно.

Въ настоящее время (слѣд. Въ 1893 г.) архіеп. Месропъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество новый снимокъ; онъ также весьма неудовлетворителенъ, но не изуродованъ намеренно и по немъ можно все-таки возстановить большую часть текста (449). Въ рукописи Месропа помещенъ новый и гораздо более верный, хотя крайне неудовлетворительный, снимокъ (380).

XVI. Атамханъ. Надпись открыта въ 1863 г. Архіеп. Месропомъ на юго-западномъ берегу Гокчайскаго озера, въ 20 верстахъ къ востоку отъ города Ново-Баязета, близъ деревни Атамханъ... Снимокъ первоначально былъ помѣщенъ въ московскомъ армянскомъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“, 1863, № 53, вмѣстѣ съ другими двумя надписями (Аличалу и Эларъ) былъ также воспроизведенъ Мордтманомъ въ „Zeitsch. Der

* Строки относятся къ 1893 г. Изъ этого видно, что о. Месропъ до 1893 г., слѣдовательно до стстей кн. Чавчавадзе, представилъ новый неискаженный снимокъ.

Deutsch. Morgenländischen Gesellschaft.“ № XLV, стр. 624, но снимокъ этотъ крайне неудаченъ. Общество любителей Кавказской Археологіи помѣстило довольно хорошій фотографическій снимокъ въ своихъ запискахъ 1875 г. Таб. 3. Автографическій снимокъ проф. Патканова, повидимому, основанъ на той же фотографіи... (451).

XVII. Блуръ (Армавиръ). Камень, на которомъ вырѣзана надпись, найденъ около Блуръ на землѣ Айрапета Мекиртчяна въ 1885 г. при случайныхъ раскопкахъ. По словамъ архіеп. Месропа, камень этотъ чисто отполированъ и надпись вырѣзана весьма изящно. Изданный въ „Араратъ“ 1886 г. Стр. 25 снимокъ былъ посланъ проф. Паткановымъ проф. Сэйсу, который издалъ транскрипцію и переводъ въ („Muséon“ V, 3, Juin, 1886 и въ мемуарахъ своихъ подъ № IX (452).

Надпись Аличалу (не помѣщена въ списокъ) въ 19 строкъ, одна изъ самыхъ большихъ, была открыта Месропомъ раньше другихъ, именно въ 1869 году. Она вырѣзана на скалѣ, находящейся надъ прибоемъ волнъ, и снимать ее можно было только на лодкѣ и притомъ съ нѣкотораго разстоянія. Снимокъ съ нея, помѣщенный въ 1863 г. Въ армянскомъ московскомъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ (№ 53), вышелъ крайне неудаченъ; въ немъ нельзя разобрать ни одной полной фразы. Къ сожалѣнію, до сего времени новаго и лучшаго снимка сдѣлано не было... (379).

Говоря объ армянскихъ ученыхъ, кн. Чавчавадзе замѣчаетъ, что „настаивая на своемъ, они стараются замалчивать все, что не входитъ въ ихъ расчеты, хотя-бы это была неопровержимая истина“ (Стр. 111). Пусть безпристрастный читатель сопоставитъ теперь всю обширную дѣятельность о. Месропа и данный о ней г. Никольскимъ отзывъ съ тѣмъ, что при-

писываетъ ему кн. Чавчавадзе и судить самъ, къ кому изъ нихъ-къ о. Месропу или къ самому кн. Чавчавадзе-болѣе примѣнимъ упрекъ въ замалчиваніи чужихъ заслугъ „по разчету“

Читатель могъ убѣдиться, что о. Месропъ съ своей стороны сдѣлалъ все, оказавшееся ему по силамъ, чтобы обогатить науку возможно вѣрными снимками съ клинописей, найденныхъ имъ въ предѣлахъ Россіи, и въ огромномъ большинствѣ его снимки не искажены и считаются лучшими изъ имѣющихся. Мало того, замѣчанія о намѣренномъ искаженіи снимка относятся только всего къ одной надписи изъ числа 15, которые были отысканы или списаны о. Месропомъ. При этомъ относительно именно этой злополучной надписи у г. Никольскаго нѣтъ указаній, кто списывалъ ее и допустилъ ея искаженіе. Роль-же самого о. Месропа по отношенію къ этой надписи первоначально сводилась къ опубликованію доставленнаго ему снимка, а впослѣдствіи-къ доставленію вторичнаго снимка и притомъ уже безъ всякихъ слѣдовъ намѣреннаго искаженія.

Какъ же поступилъ кн. Чавчавадзе съ такимъ труженикомъ науки? Изъ всей работы о. Месропа онъ вырываетъ всего одинъ неудачный и неизвѣстно кѣмъ и почему искаженный снимокъ, умалчивая о пятнадцати вполне добросовѣстно

* Хотя нѣкоторые изъ сдѣланныхъ о. Месропомъ снимковъ отличались недостаткомъ исполненія, но эти недостатки объясняются исключительно неудовлетворительностью самой техники полученія такихъ снимковъ, недостаточно внимательнымъ срисовываніемъ надписей, которыя притомъ предварительно не очещались отъ покрывавшаго ихъ мха. Для устраненія этихъ причинъ о. Месропъ, какъ мы видѣли, сталъ прибѣгать даже къ помощи фотографическаго аппарата.

исполненных снимкахъ, сдѣланныхъ тѣмъ же о. Месропомъ; о вполнѣ благопріятной общей характеристикѣ его дѣятельности, данной г. Никольскимъ; объ избраніи о. Месропа, - надо думать, за его ученыя заслуги, - въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и наконецъ о томъ, что самъ-же о. Месропъ, задолго до изобличеній кн. Чавчавадзе, представилъ новый снимокъ злополучной захолусской надписи безъ всякихъ слѣдовъ намѣренныхъ искаженій; умалчивая обо всемъ, - онъ ставитъ этого почтеннаго дѣятеля въ разрядъ фальсификаторовъ исторіи, способныхъ исказить и подтасовывать историческія данныя въ угоду тупому и узкому патріотизму!

На этотъ разъ мы не можемъ оправдать подобнаго извращенія истины незнакомствомъ кн. Чавчавадзе съ трудами о. Месропа. Судя по всему, со статьей г. Никольскаго, въ которой описаны труды о. Месропа, кн. Чавчавадзе былъ знакомъ въ подлинникъ и читалъ внимательно. Здѣсь уже мы имѣемъ не легкомысленнаго фельетониста, гдѣ-то что-то уловившаго на лету и принявшагося на свой ладъ трезвонить въ газетахъ разныя небылицы. Здѣсь князь Чавчавадзе выступаетъ уже въ роли знатока-специалиста литературы, мало кому доступной. Но какимъ злымъ цѣлямъ подчинены эти знанія и спеціальныя свѣдѣнія, надо думать, стоившія кн. Чавчавадзе не малыхъ трудовъ?! И вотъ вамъ результаты: снова оправдалась мудрая грузинская поговорка, что „у лжи ноги коротки“.

Заканчивая эту главу о фальсификаціи историческихъ понятниковъ, намъ остается разсмотрѣть еще одинъ курьезный примѣръ, приводимый кн. Чавчавадзе въ подтвержденіе разсматриваемаго обвиненія и притомъ въ особенно торжест-

венной обстановкѣ, окруженный знаменитыми учеными именами.

Говоря о томъ, что, и по словамъ проф. Серебрякова, армянскіе ученые присваиваютъ себѣ чужой трудъ, кн. Чавчавадзе замѣчаетъ:

„Чего было покойному Серебрякову удивляться подобному поступку армянскаго ученаго? Это порокъ не новый, а еще изстари присущій армянскимъ громотеямъ... Послушаемъ такихъ свидѣтелей, какъ Ленорманъ и Генрихъ Раулинсонъ, и увидимъ, что переименованіе и присваиваніе чужого, подчистка и подкаблываніе надписей на памятникахъ, захваты чужихъ мѣстъ и прочія подобныя добродѣтели съ давнихъ временъ были качествами армянъ и что съ давнихъ же временъ они были знакомы съ этими художествами“ .(98).

При упоминаніи такихъ крупныхъ именъ, какъ Ленорманъ и Раулинсонъ, невольно мысль настраивается на серьезный ледъ и подготавливается познакомиться съ какими-нибудь, дѣйствительно, крупными фактами, изобличающими армянъ въ этихъ гадкихъ дѣяніяхъ, вродѣ подкаблыванія и подчистки надписей на памятникахъ. Что-же оказывается, однако? Вотъ, дѣйствительно, если когда и получалась невообразимо смѣшная исторія, такъ именно теперь. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, о какихъ фактахъ говорятъ эти знаменитые ученые въ цитатахъ, приводимыхъ кн. Чавчавадзе. Вотъ эти цитаты, относящіяся къ вопросу о родствѣ урартійцевъ съ армянами.

„На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ, -говоритъ Ленорманъ, -я вынужденъ высказать тоже самое, что и Генрихъ Раулинсонъ: „языкъ урарту“ не имѣетъ никакого родства съ настоящимъ гайосскимъ языкомъ...Гайосы, выходцы изъ Фригіи, постепенно заняли возвышенныя мѣста, лежащія къ востоку отъ Фригіи, откуда они вытѣснили часть древнихъ

урартійцевъ, часть-же поглотили, и ихъ названія, вѣру, языкъ и преданія замѣнили своими“ (98):

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнiю, что оба автора, имѣли въ виду сказать этимъ, что 2 ½ тысячи лѣтъ тому назадъ арійцы-армяне, выйдя изъ Фригiи., завоевали страну Урарту и, подчинивъ себѣ и своей культурѣ народъ урартiйскiй, частью ассимилировали, частью-же вытѣснили ихъ въ другiя мѣста. Къ этому историческому факту, какъ и ко множеству подобныхъ-же фактовъ завоеванiя однимъ народомъ территорiи другого народа и его поглощенiя побѣдителями, которыми полна вся всемирная исторiя, - рѣшительно непримѣнимъ этическiй критерiй, служащiй, для оцѣнки современныхъ международныхъ отношенiй. Вѣдь иначе пришлось-бы признать, что и грузинскiй народъ каждый разъ, когда завоевывалъ какую-либо новую страну и тѣмъ или инымъ путемъ ассимилировалъ побѣжденный народъ, то совершалъ въ истотiи подлогъ, присваивалъ себѣ чужое, переименовывалъ исторiю, -словомъ былъ самъ виновенъ во всѣхъ тѣхъ предосудительныхъ дѣйствiяхъ, въ которыхъ кн. Чавчавадзе, поираясь на авторитетъ знаменитостей, обвиняетъ армянъ VI вѣка до Рождества Христова. Очевидно, съ такою оцѣнкою наиболѣе блестящихъ историческихъ перiодовъ Грузiи и самъ кн. Чавчавадзе не согласится, такъ какъ онъ въ той-же брошюрѣ съ особенною и притомъ совершенно спра-

* Ту же мысль высказываетъ и проф. Анучинъ, замѣчая, что армянамъ удалось занять страну (нынѣшнюю Арменiю) лишь послѣ долгой и упорной борьбы съ племенемъ урарту или понтiйскими халдами, - племенемъ, языкъ котораго еще не выясненъ, но есть нѣкоторыя основанiя предполагать въ нихъ прародичей картвельскаго или грузинскаго племени. („Брат. пом. арм.“, стр. 361 2-е изд., цитата на стр. 116 у кн. Чавчавадзе).

ведливою гордостью вспоминаеть, между прочимъ, заслуги царя Ираклія II, покорившаго Эриванское ханство и державшаго эго ханство въ вассальныхъ къ себѣ отношеніяхъ. Поэтому надо думать, если-бы не армяне побѣдили и поглотили урартійцевъ, а наоборотъ-урартійцы покорили-бы и ассимилировали армянъ на ихъ первоначальной родинѣ во Фриги, то такой „проступокъ“ урартійцевъ, такой ихъ „захватъ“ и „присвоеніе“ чужого, навѣрное, было-бы кн. Чавчавадзе превознесено до небесъ, какъ проявленіе могущества и мужества предковъ грузинъ-урартійцевъ. По этому пути, однако, мы не послѣдуемъ за кн. Чавчавадзе, и отнюдь не станемъ восторгаться доблестями нашихъ предковъ, которые 2.500 лѣтъ тому назадъ побѣдили урартійцевъ и въ предѣлахъ ихъ прежняго разселенія такъ совершенно поглотили этотъ народъ, что въ настоящее время въ этихъ предѣлахъ отъ этого, нѣкогда могущественнаго соперника міровой Ассирійской монархіи и слѣда не осталось. Полагаемъ, безъ дальнѣйшихъ поясненій, что этотъ историческій фактъ, имѣвшій мѣсто за 600 лѣтъ до Рождества Христова, никоимъ образомъ не можетъ служить поводомъ къ обвиненію армянъ въ присвоеніи чужого, въ подчисткѣ и подкаблываніи надписей на памятникахъ и тому подобныхъ предосудительныхъ дѣйствійхъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ замѣтить, что всѣ эти разсмотрѣнныя обвиненія является лишь повтореніемъ небылицы, пущенной въ обращеніе грузинскимъ поэтомъ кн. Акакіемъ Церетели.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ высказался по поводу этихъ обвиненій проф. Марръ.

„Если-бы Акакій, говоритъ проф. Марръ, лишній разъ хотѣлъ указатъ на маловѣроятное сообщеніе о варварскомъ

обращеніи какого-то армянина съ грузинскою надписью, прошедшее черезъ многія газеты, то противъ этого нечего было-бы возражать. Каждый искренно пожалѣетъ, конечно, что кто-то по невѣжеству погубилъ грузинскую надпись, если, повторяемъ, это не выдумка, а армянамъ вдвойнѣ будетъ досадно, если такимъ негодяемъ, дѣйствительно, оказался ихъ сородичъ. Однако, весь ядъ цитованныхъ строкъ въ томъ и состоитъ, что Акакій обобщаетъ единичный, подлежащій провѣркѣ фактъ, и всѣхъ армянъ выставляетъ варварами, сознательно выскабливающими грузинскія надписи и чинящими подлогъ. Но это—свѣдѣніе, стоящее въ явномъ противорѣчій съ дѣйствительностью. Вѣдь когда обвиняютъ вообще армянъ въ подобной гнусности, имѣютъ въ виду, конечно, не армянское простонародіе, которое къ тому-же было-бы въ высшей степени несправедливо привлекать къ дѣлу: армянское простонародіе, разъ замѣтивъ буквы на камнѣ, относится къ нимъ съ благоговѣніемъ, какъ къ святынямъ, къ какому-бы языку онѣ ни относились. Мы лично не разъ были свидѣтелями подобнаго отношенія. Въ армянской-же интеллигенціи, составляющей соль общества и руководящей имъ, уваженіе къ древностямъ, какъ къ чужимъ, такъ и къ своимъ, составляетъ одну изъ симпатичнѣйшихъ чертъ ея членовъ, даже въ той либеральной части, которая, ратуя постоянно за разрывъ съ прошлымъ, казалось-бы, менѣе всего должна была интересоваться археологическими вопросами. Да и какъ-же можно ожидать иного отношенія, когда филологія уже давно насчитываетъ въ армянскомъ образованномъ обществѣ сотни своихъ представителей, въ большинствѣ усердно прослушавшихъ какъ русскихъ, такъ, особенно, нѣмецкихъ историковъ, археологовъ, этнографовъ, лингвистовъ и т. п. ; но не зависимо отъ нѣмецкой филологической

науки, армяне давно проявили уваженіе къ надписямъ и не только своимъ, но и къ чужимъ. Грузинскія надписи армянскими учеными монахами заботливо собырались и даже печатались, и притомъ раньше, чѣмъ самими грузинами, было обращено серьезное вниманіе на грузинскія надписи. Объ этомъ любовномъ отношеніи армянъ къ грузинскимъ надписямъ грузины могли-бы знать хотя-бы по изданіямъ Императорской Академіи Наукъ, напр., *Suscription georgiens, recueillies par le Père Narsès Sargisian et expliqués par M. Brosset. St. 1. 1864.* Такое-же отношеніе приходилось наблюдать намъ лично. Во время нашихъ археологическихъ поѣздокъ въ Русскую Арменію мы выдѣли грузинскія надписи въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно армянами, между прочимъ, въ селеніи Кошъ, т. е. Почти подъ бокомъ Эчміадзина, а если замчалось что-либо въ армянахъ, мѣстныхъ и сопровождавшихъ насъ, такъ это было не озлобленіе противъ слѣдовъ временнаго грузинскаго господства въ Арменіи, а вполне разумное любопытство. Въ Александропольскомъ уѣздѣ въ открытомъ полѣ былъ найденъ кусокъ каменнаго креста съ любопытною грузинскою надписью, любопытною по самому своему мѣстонахожденію, и этотъ камень съ грузинскою надписью былъ подобранъ и заботливо спасенъ для науки армяниномъ. Мы это видѣли своими глазами“

Строки эти, принадлежащія компетентному лицу могли-бы вразумить cadaго непредубѣжденнаго читателя. Но видно есть уши, которыя совершенно глухи ко всему, что только можетъ служить въ пользу добраго имени армянъ, и болѣзненно чутки къ молѣйшему факту, способному ихъ опорочить.

4. Профессоръ Паткановъ и его критика грузинскихъ лѣтописей.

Намъ пришлось подробно остановиться на разборѣ трехъ приводимыхъ кн. Чавчавадзе примѣровъ уничтоженія армянами слѣдовъ грузинскаго происхожденія историческихъ памятниковъ. Другихъ примѣровъ во всей брошюрѣ кн. Чавчавадзе не имѣется. Мы выдѣли достоинства этихъ примѣровъ. Легко себѣ представить, каковы должны быть остальные „многіе примѣры“, о которыхъ упоминаетъ нашъ авторъ, но которыхъ онъ, надо думать, изъ благоразумія, вовсе не приводитъ. Объ этихъ примѣрахъ „даже писалось и въ русскихъ и въ грузинскихъ газетахъ“ (17), замѣчаетъ кн. Чавчавадзе. Но гдѣ и когда писалось объ этихъ многихъ примѣрахъ, нашъ авторъ также считаетъ излишнимъ распространяться, вѣроятно, полагая, что основательность приведенныхъ имъ фактовъ даетъ ему право на полное и слѣпое къ нему доверіе. Но именно полная несостоятельность этихъ описанныхъ имъ и, повидимому, считаемыхъ имъ наиболѣе тяжкими фактовъ, даетъ право сдѣлать совершенно обратное заключеніе и признать и тѣ „многіе примѣры“, которые имѣетъ въ виду кн. Чавчавадзе, но меньшей мѣрѣ, столь же неосновательными, какъ и все то, что уже было нами рассмотрѣно.

Обратимся теперь къ дальнѣйшимъ обвиненіямъ кн. Чавчавадзе.

На стр. 19-27 кн. Чавчавадзе утверждаетъ, будто покойный профессоръ Паткановъ „упразднилъ грузинскую Картлисъ-Цховреба“ (большая хроника жизни грузинъ), изорвалъ эту историческую лѣтопись, клочки бросилъ грузинамъ въ лицо, опорочилъ престижъ грузинъ, оповѣстивъ міръ, будто неучъ и

невѣжественный армянинъ, т. е. послѣдній изъ нихъ, стоялъ умственно выше грузинъ даже въ періодъ духовнаго развитія Грузин, и взвелъ на грузинъ обвиненіе въ фанатизмъ; отрицалъ древнѣйшее болѣе широкое разселеніе грузинъ и присваивалъ армянамъ тѣ провинціи, которыя всегда входили въ составъ Грузіи и чтобы все это доказать, не останавливался передъ „фальсификаціей“, безцеремонными искаженіями исторіи и другими „продѣлками“.

Далѣе, по словамъ кн. Чавчавадзе, профессоръ Паткановъ оказывается виновнымъ въ томъ, что въ своей статьѣ о грузинской хроникѣ, будто, доказываетъ, что грузинская лѣтопись состряпана, молъ, при Вахтангѣ VI и нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи „Картлисъ-Цховребы“ до него. Извѣстно-до единственное въ этомъ родѣ произведеніе, называемое „Армянская Хроника“, и если существуютъ какіе либо матеріалы для исторіи Грузіи, то развѣ только тамъ можно ихъ найти. Правда, молъ, что хроника эта переведена съ грузинскаго, но, навѣрное, подлинникъ сочиненъ или составленъ несвѣдущимъ и невѣжественнымъ армяниномъ въ XII в., когда грузины почувствовали необходимость исторіи. (Стр. 19). „Значить, по мнѣнію Патканова, восклицаетъ кн. Чавчавадзе, грузины до XII ст. были настолько невѣжественны, что не только не имѣли исторіи, но даже и не ощущали въ ней потребности, и здѣсь опять выручилъ армянинъ, да притомъ несвѣдущій и невѣжественный“. (Стр. 20). „Такъ онъ честитъ насъ, стираетъ съ лица земли насъ, грузинъ, да грузинъ какихъ временъ? XII вѣка, вѣка Тамары, вѣка расцвѣта Грузіи“ (20).

Затѣмъ кн. Чавчавадзе утверждаетъ, будто профессоръ Паткановъ „умышленно жмурить глаза и не видитъ грузинъ XII и XI вв., т. е. того народа, цвѣтущее положеніе котораго

еще въ началѣ перваго вѣка рисуеъ Страбонъ, того народа, который съ давнихъ временъ устѣялъ свою страну храмами и монастырями поразительной архитектуры, того народа, который наполнилъ какъ Грузію, такъ и Грецію, и Палестину грузинскими сокровищами и манускриптами, того народа, который перевелъ составленную на пехлевискомъ языкѣ санскритскую повѣсть „Килила и Мана“ и „Вись-Раміани“ и создалъ величайшую поэму „Вепхвись-Ткаосани“ (Барсову кожу). Кто только намѣренно не желаетъ закрывать глаза, кто сколько нибудь способенъ понимать суть прочитаннаго, развѣ осмѣлится сказать, что народъ, создавшій „Вепхвись-Ткаосани“—былъ настолько дикъ и грубъ, что лишенъ былъ способностей сознать необходимость исторіи“!.. „Какъ онъ рѣшается сказать, что ваша „Картлисъ-Цховреба“ ни къ чему негодна, когда компетентный въ этомъ извѣстные ученые Жанъ Сень-Мартенъ, Вивіенъ до-Сень-Мартенъ, Дюбуа-де-Манпере, ясно и отчетливо говорятъ, что грузинскія историческія сказанія заслуживаютъ вниманія, какъ источники не только для исторіи Кавказа, но и Азіи. Ученый армянинъ имъ не вѣрить“ ... „Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ свидѣтельства Сенковскаго, Коха, Лангула“. Не придавая значенія авторитетамъ первыхъ двухъ, кн. Чавчавадзе замѣчаетъ, что „Ланглуа-достойный уваженія ученый“. Замѣчательно же въ данномъ случаѣ, что, впрочемъ, неудивительно со стороны ученаго армянина-грамотея, слѣдующее: оказывается, что и Ланглуа того же мнѣнія о „Картлисъ-Цховреба“, какого Сень-Мартенъ и другіе. Правдолюбивый же Паткановъ сказаніе его перекроилъ на своей вкусъ, по своему желанію. По мнѣнію Ланглуа, совершенно справедливому, начало „Картлисъ-Цховреба“ сказочное, мифологическое. Эти Картлосы, Кахосы и всѣ имѣ

подобные, понятная вещь, должны быть отнесены къ области мифовъ“ .(21, 22).

„Вотъ что говорить Линглуа, а не то, чего Паткановъ жаждетъ. Со стороны покойнаго это не первый и не послѣдній примѣръ фальсификаціи. Мы еще и дальше увидимъ это, а пока скажемъ, что съ такой же безцеремонностью онъ обращается съ Стефанозомъ Орбеліани. Въ одномъ своемъ примѣчаніи этотъ армянскій профессоръ чисто-сердечно доказываетъ, что грузинская литература бѣдна старыми источниками „и что самъ Стафанозъ, будто бы, жалуется на этотъ пробѣлъ XIII в. На дѣлѣ же оказывается, что Стефанозъ жалуется на то, что грузинскіе источники вообще бѣдны, а на то, что „Картлисъ-Цховреба“ мало даетъ свѣдѣній о фамиліи Орбеліани. Напротивъ, Стефанозъ очень часто упоминаетъ о грузинскихъ источникахъ сборникахъ и царскихъ архивахъ. Такимъ образомъ, ученый армянинъ Паткановъ мнѣніе Стефаноза обобщилъ, передалъ по-своему и недостатокъ, касающійся частнаго случая, перенесъ на всѣ наши историческіе источники. У кого же есть желаніе еще болѣе убѣдиться, на какія продѣлки способенъ Паткановъ, пусть прочитаетъ соч. Д. Бакрадзе: „Профессоръ Паткановъ и грузинскіе источники“

„Д. Бакрадзе, обвиняя въ этомъ хитроумнаго профессора, приводитъ множество фактовъ: между прочимъ, онъ доказываетъ и то, что грузинскія хроники имѣли, напротивъ, влияние на историческіе источники самихъ армянъ“ „Такъ, храбрый профессоръ пошелъ войною на нашу „Картлисъ-Цховреба“, чтобы, подкопавшись подъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть ницъ и все наше прошлое и настоящее“ . (22, 23, 24).

Кн. Чавчавадзе упрекаетъ также профессора Патканова въ томъ, что онъ обвиняетъ грузинъ въ фанатизмѣ на основаніи какой то басни временъ Тамары, тогда какъ сами армяне

болѣ всего заслуживаютъ въ этомъ упрека, въ силу проклятiя ихъ грузинъ, которое изрекъ патріархъ Авраамъ на Двинскомъ соборѣ, созванномъ въ концѣ V вѣка послѣ раздѣленiя армянской и грузинской церкви, о чемъ повѣствуется у армянскаго историка Каганкатваци, переведеннаго на русскій языкъ самимъ профессоромъ Паткановымъ.(25,26).

„Будь на свѣтѣ справедливость, развѣ имѣющій въ рукахъ такое фанатическое постановленіе главы армянской жеркви дерзнулъ бы заикнуться о фанатизмѣ другихъ?! Почему онъ хранить такое достойное похвалы молчаніе о такомъ изъ ряда вонъ выходящемъ фанатизмѣ, разъ онъ заговорилъ объ этомъ предметѣ?“ (26) .

Развѣ послѣ этого не правъ Д. Бакрадзе, говоря о Паткановѣ: „Общепризнанный факты грузинской исторiи г. Паткановъ или замалчиваетъ, или если и приводитъ, то въ искаженномъ видѣ, чтобы набросить тѣнь какъ на историческіе памятники грузинъ, такъ и на права нашихъ предковъ“ .(26).

Профессоръ Паткановъ оказывается виновнымъ и въ томъ, что онъ „клянется и божится, что „мосхи и колхи“ не родственныя грузинамъ племена, доказательства же на это удивительное увѣреніе никакого не представляетъ“ (28). Между тѣмъ, признано исторической истинной, что „мушеки“ египтянъ, библейскіе „ м о с о х и “ или „мосхи“ , нынѣшніе „месхи“ , „ т и б е р ы “ Геродота, „тиберы“ и колхи“ Страбона составляли одно родственное племя съ грузинскою націею. Также извѣстно, что это грузинское племя съ давнихъ временъ занимало въ Малой Азiи все пространство, со включеніемъ р. Галиса до береговъ Чернаго моря, и всю восточную стопону этого моря, а также всѣ мѣста, лежащія между Курою и Араксомъ. Ясно, что если кому либо угодно будетъ присвоить ихъ себѣ или лишить грузинъ права собственности на нихъ, то

онъ поставленъ будетъ въ необходимость доказывать, что вышепоименованныя племена не были радственны грузинамъ. Такъ и поступилъ профессоръ н Паткановъ, бездоказательно отрицая родство „колховъ“ съ „мосхами“. (28).

„Такимъ же образомъ онъ захватываетъ и Таось-Кари, нынѣшній Чорохскій бассейнъ, несмотря на то, что иностранные лѣтописцы, напр. Константинъ Порфирогенъ (911-959г.), свидѣтельствуя, что ранѣе X в. Чорохскій бассейнъ принадлежалъ грузинскимъ Багратидамъ и что, молъ, оттуда они заняли Эрзерумъ и другія части Арменіи. Хотя бы и этого не было, весь Чорохскій бассейнъ полонъ грузинскими храмами и монастырями съ грузинскими надписями и нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ VIII и IX вв. Всѣ эти неподкупные свидѣтели описаны армянскимъ же монахомъ Саргисіаномъ, изслѣдованы Броссе и напечатаны въ академическихъ мемуарахъ“. (28). „Паткановъ идетъ еще дальше и протягиваетъ руки и къ Тчанети, по Моисею Хоренскому Джавени, т. е. къ Халдеѣ, —она, молъ, составляла часть Армянскаго Царства“ „Когда и гдѣ объ этомъ писано? —спрашиваетъ Д. Бакрадзе ...И онъ правъ. Если Моисей Хоренскій пишетъ, что, молъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назывались Халдеею, почти за двѣ тысячи лѣтъ назадъ жили армяне, такъ вѣдь въ настоящее время всякому извѣстно, что это басня“. (29).

По поводу этихъ обвиненій проф. Патканова мы должны прежде всего замѣтить, что кн. Чавчавадзе крайне затруднилъ провѣрку ихъ правильности, не приводя ссылокъ на тѣ страницы, гдѣ онъ вычиталъ приписываемыя пр. Патканову „фальсификаціи“ и „продѣлки“. Пришлось поэтому проштудировать всю статью г. Патканова по интересующему насъ вопросу.

Статья эта представляетъ послѣднюю главу труда пр. Патканова „Ванскія надписи“, помѣщенную въ № 12 „Журн.

Мин. Нар. Просв.“ за 1883 г. Глава эта носить название: „Одревней грузинской хроникѣ“. Уже само заглавіе показываетъ, что авторъ трактуетъ не о всей грузинской лѣтописи „Картлисъ Цховреба“, а лишь о совершенно опредѣленной ея части, насящей название „Древней Грузинской Хроники“. Содержаніе самой главы еще болѣе подкрѣпляетъ такое убѣжденіе.

Приведемъ теперь рядъ цитатъ изъ этой главы, которые шагъ за шагомъ будутъ опровергать всѣ взводимыя на проф. Патканова обвиненія.

Оставляя до времени въ сторонѣ о вліяніи грузинскаго языка на армянскій, и прежде всего останавливаясь на часто высказываемомъ предположеніе о болѣе широкомъ въ древности разселеніи грузинскаго племени до Вана, пр. Паткановъ прежде всего находитъ, что „въ сущности въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго. Островное положеніе грузинской расы, сдавленной со всѣхъ сторонъ, кромѣ запада, позднѣйшими имиграціями, болѣе, чѣмъ вѣроятное родство грузинъ съ дрежными мосхами, собственныя имена многихъ мѣстностей въ Арменіи и многія другія обстоятельства даютъ мнѣнію о древней распространенности грузинскаго племени на значительной части территоріи Арменіи нѣкоторую вѣроятность. Но прежде чѣмъ рѣшительно высказаться въ такомъ еще малоразработанномъ вопросѣ, по мнѣнію пр. Патканова, „слѣдовало бы изучить предметъ со всѣхъ сторонъ и вооружиться достаточнымъ количествомъ положительныхъ данныхъ“

Эта выдержка показываетъ, что пр. Паткановъ, во 1-хъ, не только не отрицаетъ родство грузинъ съ москхами, но считаетъ это родство болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ; во 2-хъ, допускаетъ нѣкоторую вѣроятность мнѣнія о древней распространенности грузинскаго племени на значительной части территоріи Арменіи, т. е. такимъ образомъ высказываетъ взглядъ, совершенно противоположный тому, который ему приписываетъ кн. Чавчавадзе.

Далѣе проф. Паткановъ продолжаетъ:

„Въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ извѣстія, поддерживающаго это предположеніе. Не мѣшаетъ справиться и въ грузинской литературѣ и поискать, не найдется ли въ ней памятниковъ, повѣствующихъ о древнихъ судьбахъ грузинъ. Въ настоящее время существуетъ у грузинъ одно произведеніе этого рода „Лѣтопись Грузіи“ Разсмотримъ ее. Все сказанное нами („Ванскія надписи“, гл. III) относительно способовъ составленія первобытной исторіи Арменіи путемъ созиданія эпонимовъ по именамъ племенъ, городовъ, рѣкъ и др. мѣстностей, еще въ большей мѣрѣ приложимо къ, такъ называемой, Древней Хроникѣ Грузіи, въ которой нѣкоторые ученые, Вивіенъ де-Сенъ Мартенъ, Броссе и др. желали видѣть дѣйствительныя древнія преданія унаслѣдованныя потомками отъ предковъ, преданныя послѣдствію письму. Но при всемъ нашемъ уваженіи къ памятникамъ народнои старины мы въ Древней Хроникѣ Грузіи видимъ не болѣе, какъ относительно новую, неудачную компиляцію, составленную неопытной рукой по извѣстному шаблону“.(200). Итакъ, и здѣсь мы видимъ, что пр. Паткановъ все время говоритъ лишь о Древней Хроникѣ Грузіи, а не „пошелъ

войною“ на „Картлисъ-Цховреба“. Затѣмъ, переходя къ историческимъ, пр. Паткановъ замѣчаетъ:

Географическое положеніе Грузіи, занимающей большую часть Сѣвернаго Закавказья отъ восточнаго побережья Чернаго моря до впаденія Алазани въ Куру, настолько извѣстно, что считаю лишнимъ о немъ распространяться. Съ незапамятныхъ временъ въ предѣлахъ этой мѣстности живетъ народъ, называющій себя нынѣ Картвели, а страну свою Картли или Сакартвело, а у сосѣдей извѣстный подъ именемъ Виркъ (к знакъ множ.). Гурджи, Грузинъ. Древніе называли страну Иверіей, а народъ—иверами“

„Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, мы изъ клинописныхъ памятниковъ не могли убѣдиться въ томъ, чтобы ассирійскіе завоеватели когда либо доходили до предѣловъ Грузіи. Правда, въ нихъ говорится о каскахъ, которыхъ иные отождествляютъ съ колхами, но вопросъ далеко еще нельзя считать рѣшеннымъ. Какъ въ послѣдствіи при Сасанидахъ, такъ, вѣроятно, и при Ахеменидахъ, Грузія, если не въ видѣ настоящей провинціи, то черезъ своихъ отдѣльныхъ правителей находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Персіи. О такомъ отношеніи колховъ, если только это племя принадлежало къ грузинской расѣ Ахеменидамъ, сказано опредѣленно у Геродота (III, 97, VII, 79), но о другихъ соплеменникахъ ихъ, жившихъ на Средней Курѣ, у него не упоминается. Историческія свѣдѣнія о Грузіи начинаются собственно со временъ похода Помпея (за 65 л. до Р. Х.). Сами грузины не сохранили никакихъ историческихъ памятниковъ о первобытныхъ временахъ своего существованія. Точно также не дошли до насъ ни одного изъ тѣхъ эпическихъ сказаній, въ которыхъ народное творчество возсоздаетъ свое прошлое на основаніи поэтической правды. Все, что сохранилось о болѣе

древнихъ эпохахъ исторіи Грузіи, дошло до насъ въ случайныхъ замѣткахъ Страбона, Плинія, Аппіана другихъ о временахъ не ранѣе I в. до Р. X., относительно же среднихъ вѣковъ-у болѣе древнихъ византійскихъ, армянскихъ и арабскихъ авторовъ. Историческій матеріалъ, заключающіеся въ грамотахъ царскихъ и монастырскихъ, не заходятъ за XI в. По Р. X. (Самыя древнія грамоты восходятъ до начала XI ст. (1024 г. См. Д. Пурцеладзе „Грузинскіе церковные гудцары“, Тифлисъ, 1881). Между тѣмъ извѣстно, что грузины, если не всѣ, то частью приняли христіанство въ IV- V в. и уже вскорѣ послѣ этого событія имѣли свою національную письменность. Чѣмъ объяснить при этихъ обстоятельствахъ полное отсутствіе народной исторіографіи о временахъ не только первобытныхъ, но и вполне историческихъ? По нашему мнѣнію, причина этого явленія заключается отчасти въ самомъ фактѣ ранняго принятія грузинами христіанства и въ незначительномъ въ то время развитіи государственной жизни по всей территоріи, населенной грузинскими племенами. Сирійскіе, греческіе и армянскіе монахи, содѣйствовавшіе распространенію христіанства въ грузинскомъ народѣ очевидно, придавали большее значеніе легендамъ и мученической жизни святыхъ, чѣмъ народнымъ сказаніямъ о языческихъ предкахъ новообращеннаго народа. Въ Арменіи рвенію Св. Григорія-Просвѣтителя приписываютъ не только стараніе обречь забвенію все совершившееся въ народѣ до его крещенія, но и окончательное истребленіе памятниковъ древнихъ вѣрованій и до-христіанской письменности армянъ. Говоря о письменности, мы имѣемъ, конечно, въ виду не Месробовскую азбуку, изобрѣтенную въ началѣ V в., а употребленіе въ письмѣ алфавитовъ персидскаго, греческаго, ассирійскаго. Первый ревнители сильно опасались,

чтобы новообращенная пастова не впала въ языческое заблужденіе. Путемъ насильственного уничтоженія всего, что могло напомнить народу, стоящему не на высокой степени культурнаго развитія, о его прошломъ, они думали покончить съ язычествомъ, и не ошиблись. Нѣчто подобное могло случиться и въ Грузіи“. (202).

И изъ этихъ выдержекъ видно, что пр. Паткановъ отрицаетъ историческую достовѣрность свѣдѣній, относящихся къ событіямъ до Р. Х., т. е. временъ совершенно первобытныхъ. Говоря же о скудости историческихъ свѣдѣній о послѣдующихъ временахъ, пр. Паткановъ о грузинской исторіи замѣчаетъ то же самое, что имъ было высказано относительно армянской исторіи. Слѣдовательно, видѣтъ въ однихъ и тѣхъ же замѣчаніяхъ пристрастіе къ армянамъ и недоброжелательство къ грузинамъ, конечно, совершенно невозможно. Равнымъ образомъ пр. Паткановъ не только не считаетъ грузинъ народомъ дикимъ, не сознающимъ необходимости исторіи, на томъ-де основаніи, что у нихъ нѣтъ исторіи, по самъ, несмотря на отсутствіе историческихъ письменныхъ памятниковъ, утверждаетъ, что грузины вскорѣ послѣ принятія ими христіанства (IV-V в.) имѣли свою національную письменность и объясняетъ отсутствіе народной исторіаграфіи для этого времени-рвеніемъ распространителей христіанства, какъ это случилось и въ Арменіи.

Гдѣ же тутъ указанія на невѣжество, дикость и грубость грузинскаго народа?

Далѣе пр. Паткановъ продолжаетъ:

„Съ другой стороны, народъ грузинскій долгое время едва ли сознавалъ общее происхожденіе разнообразныхъ грузинскихъ племенъ и, будучи политически и территориально раздѣленъ на многіе мелкіе центры, недостаточно ясно

представлялъ свое единство. При такихъ обстоятельствахъ могли существовать отдѣльныя племенные сказанія, которыя при сліянїи мелкихъ группъ въ болѣе крупныя политическія единицы теряли свое значеніе и утрачивались въ памяти народной. Къ единовластію, - и то не вся Грузія, а только большая ея часть - пришла довольно поздно. Между тѣмъ старыя племенные сказанія, не бывъ во время записаны, частью пришли въ забвеніе, частью игнорировались ревностныхъ христіанскимъ духовенствомъ. Не изъ чего было создавать народный эпосъ. Творчество народное, не найдя въ своей древности предметовъ, возвышающихъ національное сознаніе, обратилось къ другимъ темамъ“

„У всякаго народа, вмѣстѣ съ усиленіемъ его политическаго могущества, просыпается жажда узнать свое прошлое, объяснить себѣ постепенный ходъ своего историческаго развитія. Нѣчто подобное были и въ Грузіи“ ... (203).

„Читая со вниманіемъ единственную историческую грузинскую книгу, мы невольно приходимъ къ заключенію, что въ составленіи ея принималъ участіе армянинъ или чело-вѣкъ, получившій образованіе въ армянской школѣ“ ... (203). „Книга сочинена относительно поздно. Но и въ то время, если бы поискать какъ слѣдуетъ, нашлись бы дѣйствительныя народныя преданія и пѣсни, въ которыхъ сохранились отчасти воспоминанія о древностяхъ грузинскаго народа. Но для христіанскаго монаха того времени, особенно для иностранца, на слишкомъ дороги были преданія дикаго, на его взглядъ, народа, его трудно произносимыя имена, его непонятныя повѣрья, хранившія слѣды языческой старины“ (203).

„Мнѣнія ученыхъ объ историческомъ значеніи этихъ анналовъ (Картлисъ-Цховреба) различны. Одни, какъ Броссе, по-

святѣвшій труды свои на изученіе ихъ въ подлинникѣ, не смотря на массу очевидныхъ промаховъ и противорѣчій, твердо стоятъ за ихъ древность и увѣрены въ вѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Такого мнѣнія отчасти придерживался и арменистъ Сенъ Мартенъ въ своихъ мемуарахъ. Другіе, въ томъ числѣ Сенковскій, Кохъ, Ланглуа держатся противоположнаго мнѣнія, по крайней мѣрѣ, о первой ихъ части до Вахтанга I-го и не придаютъ имъ вовсе историческаго значенія. Последніе, мимоходомъ высказывая свое мнѣніе на основаніи полученнаго ими послѣ прочтенія анналь общаго впечатлѣнія, на дали, однако, себѣ труда подвергнуть строгой исторической критикѣ всю лѣтопись или извѣстный ея отдѣлъ и не постарались вникнуть въ самый процессъ ея составленія. Эту мало благодарную работу съ извѣстными ограниченіями, о которыхъ будетъ сказано ниже, приняли мы на себя въ ожиданіи того времени, когда образованные грузинисты, глубоко изучивъ памятники своей старины, примутся за это дѣло и, отдѣливъ въ своей лѣтописи вымышленное отъ историческаго, новое отъ древняго, выставятъ въ надлежащемъ свѣтѣ ея достоинства и недостатки, какъ историческаго матеріала. До сихъ поръ все написанное грузинскими авторами касательно древнѣйшихъ эпохъ исторіи Грузіи отличается не столько научнымъ, сколько патріотическимъ направленіемъ. Только г. Бакрадзе въ статьѣ „Объ источникахъ грузинской исторіи“ допускаетъ, что „источники о первыхъ временахъ исторіи Грузіи скудны, да и тѣ носятъ характеръ баснословный“, и даже, что „событія

* Опредѣленіе другихъ излагаетъ свое мнѣніе Ланглуа въ „Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie“ Peris. 1860.

древнихъ временъ были описываемы по преданію“ („Кав. Календ. “ 1858, стр. 405, 407). „Цѣль наша, между прочимъ, состоитъ и въ томъ, чтобы доказать, что первая часть исторіи Грузіи составлена не по преданію и извѣстія въ ней не носятъ баснословнаго характера, если подъ баснословіемъ понимать легенды о миѳическихъ временахъ Грузіи, а просто вымышлена однимъ лицомъ съ предвзятою цѣлью. Если бы она заключала въ себѣ дѣйствительныя преданія о древности грузинской, то историческая цѣнность ея была бы другая“.(205).

Какова же могла быть цѣль подобнаго вымысла? На этотъ вопросъ пр. Паткановъ отвѣчаетъ такъ:

„Анонимный авторъ Хроники жилъ въ XI-XII в. по Р. Х. и написалъ свою лѣтопись, частью чтобы создать грузинскую исторію, недостатокъ которой въ то время сильно чувствовался въ народѣ, но, главнымъ образомъ, съ цѣлью возвеличить царствовавшій въ Грузіи родъ Багратидовъ и придать ихъ правамъ историческую санкцію“.(225).

Какъ извѣстно, подобнымъ же династическимъ цѣлямъ обязана косвенно своимъ происхожденіемъ и армянская исторія Моисея Хоренскаго.

Изъ всего приведеннаго выше ясно видно, что проф. Паткановъ ограничиваетъ свою задачу критическимъ разборомъ лишь одной и притомъ древнѣйшей части „Картлисъ-Цховреба“, т. е. именно той части, за которою и Д. Бакрадзе, и столь чтимый княземъ Чавчавадзе—Линглуа—признаютъ лишь баснословный характеръ. Съ еще большею опредѣленностью эта ограниченія задача пр. Патканова видна изъ слѣдующихъ строкъ: „Въ настоящій статьѣ мы имѣемъ въ виду заняться только первымъ отдѣломъ этой лѣтописи, тою ея частью, въ

которой описывается первобытная история Грузии до Р. Х.“ (206).

Эта же цель явствует из того, что пр. Паткановъ предпо-сылаетъ своей критикѣ полную перепечатку въ текстъ своей статьи критикуемой исторіи, т. е. именно этой древнѣйшей части исторіи Грузии. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пр. Паткановъ не касается исторіи позднѣйшихъ періодовъ ограничиваясь по поводу этой части грузинской исторіи задачей не только не отрицательной, но скорѣе созидательной, стремясь доказать, что у грузинъ должна была быть исторія и въ болѣе ранней редакціи, чѣмъ редакція Вахтанга, хотя эта ранняя редакція и не дошла до нашего времени. И, дѣйствительно, вотъ что говоритъ пр. Паткановъ объ этомъ вопросѣ:

„Въ лѣтописи говорится, что исторія обращенія грузинъ въ христіанскую вѣру была составлена тремя современниками—евреемъ Абиатаромъ, дочерью его Сидоніей и Саломе, дочерью царя Миріана“. Въ другомъ мѣстѣ, послѣ описанія смерти св. Арчила Мученика, въ началѣ VIII в., находится слѣдующая приписка: „Исторія Грузии до Вахтанга Гургаслана была написана въ разныя времена. Отъ Вахтанга до сего времени, т. е. до начала XVIII в., она составлена Джеванширомъ Джеванширяномъ, мужемъ дочери брата св. Арчила“ „Дѣло грузинистовъ разобратхъ, сколько правды въ этихъ припискахъ. Не входя въ ближайшее ихъ разсмотрѣніе, мы полагаемъ, что эти приписки, если онѣ даже автентичны, относятся только къ христіанскимъ легендамъ, а не къ фактомъ гражданской жизни“ ...(206). „Въ краткомъ вступленіи, предпосланномъ редакціи Вахтанга, говорится: „Исторія Грузии съ теченіемъ времени подвергалась разнообразнымъ искаженіямъ со стороны переписчиковъ или была перерываема вслѣдствіе (не-

благопріятныхъ) обстоятельствъ времени. Царь Вахтангъ, сынъ Левана и племянникъ по отцу славнаго царя Георгія, созвалъ ученыхъ мужей, собралъ повсемѣстно грузинскія лѣтописи, какія только можно было отыскать въ его время, а также грамоты, находившіяся въ монастыряхъ Мцхетскомъ и Гелатскомъ, въ церквахъ и у разныхъ князей. Ихъ сравнивали между собой, исправили искаженія, сдѣлали извлеченія изъ историческихъ сочиненій армянскихъ и персидскихъ и все это привели въ слѣдующій порядокъ“. Изъ этого вступленія оказывается, что во время Вахтанга V (т. е въ началѣ XVIII в.) существовали еще древнія грузинскія лѣтописи, въ которыхъ онъ произвелъ исправленія, и что вся новая редакція, помимо чисто-грузинскихъ сочиненій и грамотъ, покоится еще и извѣстіяхъ, извлеченныхъ изъ историческихъ книгъ персидскихъ и армянскихъ. Но каковы были эти грузинскія лѣтописи, въ чемъ заключались исправленные въ нихъ искаженія переписчиковъ и изъ какихъ именно персидскихъ и армянскихъ книгъ сдѣланы извлеченія, — на всѣ эти вопросы новая редакція не даетъ никакого отвѣта. Какъ нарочно, древнія грузинскія лѣтописи, собранныя Вахтангомъ для составленія своей редакціи, ни сохранились до нашего времени. И такъ какъ Вахтангъ не исчисляетъ поименно и тѣхъ иностранныхъ сочиненій, которыми онъ пользовался, то мы лишены возможности въ новой его редакціи отдѣлить текстъ древнихъ лѣтописей отъ тѣхъ прибавокъ, которыя сдѣланы имъ въ видѣ исправленій или извлеченій изъ армянскихъ и персидскихъ книгъ. Поэтому у cadaго читателя Вахтанговыхъ Анналь можетъ невольно возникнуть (что и бывало) сомнѣніе, дѣйствительно ли когда нибудь существовала древняя грузинская лѣтопись и не

выдумалъ ли ее Вахтангъ для приданія большей авторитетности своимъ Анналамъ“.(207).

„Извѣстно, что за исключеніемъ нѣсколькихъ жизнеопасаній святыхъ, отъ древняго періода грузинской литературы не осталось другихъ памятниковъ историческаго содержанія. Между тѣмъ, трудно предположить, чтобы народъ, одинъ изъ первыхъ принявшій христіанство, исторически извѣстный около 2000 лѣтъ, владѣвшій письменностью около 12 вѣковъ, во все это время до самаго XVIII столѣтія лишень былъ какого либо письменнаго памятника о своей прошлой судьбѣ. Были въ исторіи Грузіи и блестящія эпохи внѣшняго расширенія предѣловъ и внутренняго процвѣтанія, когда вслѣдствіе объединенія подъ одну власть многихъ ея племенъ (при Багратидахъ), неминуемо должно было родиться въ коренномъ ея населеніи желаніе узнать, откуда они и какою жизнью они жили до того времени. Не вѣроятно, повторяемъ, чтобы грузины задолго до Вахтанга не имѣли своихъ историческихъ книгъ. И, дѣйствительно, этотъ вопросъ поставленъ внѣ всякаго сомнѣнія, благодаря извѣстіямъ, сообщаемымъ армянскими историками XIII вѣка“ (207).

„Историкъ Варданъ говоритъ о существованіи въ его время у грузинъ „Исторической книги“ и дѣлаетъ изъ нея извлеченія, сходныя по содержанію съ тѣмъ, что говорится въ редакціи Вахтанга“...(207). „Въ хронологической исторіи Мхитара Айриванеци, современника Вардана, приведены имена всѣхъ князей, царей и епископовъ грузинскихъ,

встрѣчающихся у Вахтанга“ ... „Какъ Варданъ, такъ и Мхитаръ, вѣроятно, пользовались уже армянскимъ переводомъ Грузинской Хроники, такъ какъ у обоихъ встрѣчается форма Арбакъ, вмѣсто Аршакъ. Наконецъ, въ самомъ концѣ XIII в. Стефанъ Орбеліани, митрополитъ Сюнійскій, еще опредѣленнѣе говоритъ о грузинской лѣтописи и приводитъ ея грузинское названіе „Картлисъ-Цховреба“... „Извлеченія, которыя онъ дѣлаетъ, почти тождественны съ тѣмъ, что передается въ началѣ Вахтанговыхъ Анналь“. (208).

Такимъ образомъ, изъ этихъ выдержекъ ясно, что пр. Паткановъ не только не отвергаетъ существованіе исторіи у грузинъ до Вахтанга, но ссылками на армянскихъ историковъ разсѣиваетъ всякія на этотъ счетъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе умѣстныя, что эта болѣе ранняя редакція исторіи не сохранилась до нашего времени въ грузинскомъ оригиналѣ.

Затѣмъ пр. Паткановъ продолжаетъ:

„Какъ Варданъ, такъ и Стефанъ, находятъ свѣдѣнія. Сообщаемыя грузинскою книгою весьма скудными, и въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылаются на Мхитара Анеци (XII в.) Стефанъ Орбеліани прибавляетъ, что не нашелъ въ „Грузинской исторіи“ разсказа о катастрофѣ, постигшей фамилію князей Орбеліанъ“ (209).

Какъ видно и изъ этихъ строкъ, указанія на то, что „свѣдѣнія, сообщаемыя грузинскою книгою весьма скудны“. — дѣлаемыя армянскими историками до XIII вѣка никоимъ образомъ не могутъ относиться къ вахтанговой редакціи грузинскихъ лѣтописей, относящейся къ XVIII ст., а лишь къ той грузинской книгѣ, которая въ оригиналѣ до насъ не дошла.

„Изъ сказаннаго мы убѣждаемся въ томъ, говоритъ далѣе пр. Паткановъ, что въ XIII в. существовала грузинская истори-

ческая книга на грузинскомъ языкѣ съ весьма скуднымъ содержаніемъ. Но мы не знаемъ еще, въ чемъ заключалось это скудное содержаніе, за исключеніемъ того, что изъ нея извлечено Варданомъ и Стефаномъ относительно грузинскихъ родоначальниковъ. Вступленіе Вахтанга говорить о грамотахъ, хранившихся въ монастыряхъ и у князей. Но такія грамоты и другіе документы могли относиться только къ позднѣйшимъ эпохамъ, а не къ доисторическому періоду, описываемому въ началѣ редакціи Картлисъ-Цховреба. Изъ того, что сообщаютъ персы о Грузинъ, весьма малая часть вошла въ редакцію Вахтанга, а изъ армянскихъ книгъ и того менѣе“. (209-210).

„Итакъ, хотя источники, по которымъ царь Вахтангъ составилъ свою редакцію, не сохранились до нашего времени, извѣстія армянскихъ писателей не даютъ однако, мѣста сомнѣнію относительно ихъ дѣйствительнаго существованія задолго до Вахтанга. Этотъ послѣдній выводъ обратился въ положительный фактъ открытымъ въ 30 годахъ настоящаго столѣтія спискомъ армянскаго перевода старинной грузинской лѣтописи“ (210). Эти списки найдены въ Венеціи у Мхитаристовъ, въ рукописяхъ архіепископа Карапета въ Тифлисѣ и, наконецъ, въ библіотекѣ Эчміадзинскаго монастыря. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Броссе, написанъ между 1279 и 1311 годами.

„Такимъ образомъ, фактъ существованія древней грузинской лѣтописи раньше XIII в. поставленъ внѣ всякаго сомнѣнія. Изъ сравненія этого стараго армянскаго перевода съ вахтанговую редакцію, несмотря на то, что послѣдняя по объему нѣсколько разъ превосходитъ первую, оказывается, что въ сущности содержаніе обѣихъ редакцій тождественно,

только многіе факты, краткое сообщенные въ армянскомъ переводѣ, въ вахтанговой редакціи переданы большимъ количествомъ словъ, не сдѣлавшись отъ этого яснѣе. Также и рѣчи, вложенныя въ уста нѣкоторыхъ лицъ, удлинены въ ней до бесконечности. Затѣмъ не прибавлено ни одной характеристической черты къ подобностямъ кратко передаваемого армянскимъ переводомъ факта. Слѣдуетъ полагать, что армянскій переводъ ближе передаетъ древній утраченный ишиѣ грузинскій оригиналъ, чѣмъ редакція Вахтанга, исправленная въ началѣ XVIII столѣтія. Но въ то же время нельзя съ увѣренностью утверждать, чтобы армянская редакція была дословнымъ переводомъ, а не сокращеннымъ излеченіемъ изъ первоначальной Грузинской Хроники“. (211).

„Вся редакція Вахтанга, по мнѣнію Патканова, должна относиться къ объему Армянской Хроники, какъ 3:1. Но это отношеніе еще болѣе уменьшится, если мы изъ обѣихъ редакцій выкинемъ самостоятельную легенду объ обращеніи грузинъ въ христіанскую вѣру“. (211).

Упомянутая пр. Паткановымъ Армянская Хроника, которую онъ считаетъ за переводъ съ грузинскаго оригинала утраченной первоначальной Грузинской Хроники, — приведена въ русскомъ переводѣ пр. Паткановымъ въ текстѣ разбираемой статьи и во французскомъ переводѣ въ приложеніи къ французскому переводу „Картлисъ Цховреба“ М. Brosset. О дѣйствительной скудости этой хроники каждый самъ можетъ составить ясное понятіе.

При такихъ условіяхъ, чтобы опровергнуть мнѣніе пр. Патканова, что Древняя первоначальная Хроника Грузинъ скудна свѣдѣніями, надо доказать, что найденная Армянская

Хроника не составляет полного перевода этой Хроники. Но для доказательства такого положенія нѣтъ данныхъ; теоретически же разсуждая, въ дошедшемъ до насъ переводѣ на армянскій языкъ сокращенію могли подвергнуться не существенныя части и не фактическій матеріалъ, а лишь безконечныя рѣчи, влагаемыя въ уста нѣкоторыхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, объ этой первоначальной Хроникѣ либо никакихъ заключеній нельзя дѣлать-пока оригиналъ не будетъ найденъ-либо надо признать правильными заключенія пр. Патканова, что Хроника эта сообщаетъ свѣдѣнія скудныя, - если только согласиться съ пр. Паткановымъ, что найденная Армянская Хроника есть переводъ утраченной Грузинской Хроники. Въ пользу этого послѣдняго мнѣнія, помимо указанныхъ выше соображеній, пр. Паткановъ приводитъ еще слѣдующіе доводы.

„Кромѣ отзывовъ армянскихъ писателей, изложенныхъ выше, Армянскую Хронику мы называемъ переводомъ, а не оригиналомъ, на томъ основаніи, что въ ней въ сильной степени сохранились слѣды грузинскаго текста 1) авторъ перевода, человѣкъ мало свѣдущій, нашелъ нужнымъ передавать армянскими словами названія такихъ мѣстностей, которыя находились въ сердцѣ Грузіи, и, слѣдовательно, должны были носить чисто грузинскія названія (вмѣсто Тке-тбалѣсное озеро, Цихедидь-большая крѣпость, Уплись- цихе-крѣпость владыки и др.) т. е. буквальнымъ переводомъ грузинскихъ названій, тогда какъ въ оригинальномъ сочиненіи мѣстныя названій были бы сохранены, какъ собственныя туземныя имена. 2) Онъ удержалъ во многихъ собственныхъ именахъ имѣющихъ отдѣльную армянскую форму, грузинскій мѣстный суффиксъ ет-напр. Хазареть, вмѣсто Хазирка, Джорджанеть-вмѣсто Врканъ; 3) въ церковномъ грузинскомъ

письмѣ буквы ш и б весьма сходны другъ съ другомъ. Переводчикъ, вѣроятно, не совсѣмъ точно знавшій эту азбуку, передаетъ черезъ букву б и такія имена, которыя, по настоящему, должны были заключать въ себѣ букву ш. Напр., онъ пишетъ Біуабъ, Арбакъ, Ардабиръ, вмѣсто Шіуашъ, Аршакъ, Ардаширъ и пр. Такихъ слѣдовъ, доказывающихъ, что армянская Хроника есть переводъ старинной грузинской лѣтописи, довольно много“. (212). Но Паткановъ полагаетъ, что Вахтангъ пользовался, главнымъ образомъ, не армянскимъ переводомъ, а старымъ грузинскимъ текстомъ. (212).

„Въ настоящее время Армянская Хроника по своей древности должна занимать мѣсто утраченнаго оригинала и мы именно ее, а не текстъ Вахтанга, кладемъ въ основаніе своего изслѣдованія, сравнивая ее постоянно съ французскимъ переводомъ Вахтанговыхъ Анналь“. (213).

Относительно даты составленія этой лѣтописи пр. Паткановъ высказываетъ слѣдующій взглядъ. Во первыхъ, онъ полагаетъ, что „лѣтопись не могла быть составлена позже XIII ст.“ (213), такъ какъ ее знали армянскіе историки XIII в.

„Доказательствъ позднѣйшаго поарабскаго происхожденія лѣтописи не много, но они есть. Въ пользу болѣе ранней эпохи составленія Хроники нѣтъ вовсе доказательствъ“. (214).

Во вторыхъ, онъ находитъ, что лѣтопись никакъ не могла быть написана ранѣе XI в., такъ какъ авторъ ихъ зналъ содержаніе „Шахъ-Наме“, (произведенія XI ст.). На этихъ основаніяхъ пр. Паткановъ дѣлаетъ заключеніе, что анонимная, нынѣ въ оригиналѣ несуществующая Грузинская Хроника могла быть сочинена только въ промежутокъ времени отъ XI

до XIII ст. и вѣроятнѣ всего—въ XII в., на началѣ котораго прерывается Армянская Хроника. (214).

Другихъ болѣ раннихъ письменныхъ памятниковъ грузинской исторіи пр. Паткановъ не находитъ и, повидимому, они не сохранились, по крайней мѣрѣ на это не имѣлось никакихъ указаній въ относящейся литературѣ въ то время, когда писалъ пр. Паткановъ. Эту мысль и выразилъ пр. Паткановъ, опираясь на объективные, поддающіеся провѣркѣ факты. Грустны ли эти факты или способны возбуждать радость съ точки зрѣнія національнаго самолюбія, -этого пр. Паткановъ не касался. Поэтому заключенія кн. Чавчавадзе относительно отсталости и малой культурности, дикости и грубости грузинъ, столь поздно сознавшихъ потребность въ своей писанной исторіи, -никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены въ вину пр. Патканову, цѣль котораго не шла далѣе выясненіе вопроса, къ какой эпохѣ можетъ относиться самая ранняя редакція грузинскихъ лѣтописей.

Подобною же объективное цѣлью задается пр. Паткановъ, разбирая вопросъ, въ какой мѣрѣ авторъ Хроники былъ подготовленъ къ выполненію своей задачи какъ лѣтописецъ. Вопросъ этотъ представлялъ интересъ не съ точки зрѣнія уязвленія національнаго самолюбія грузинъ, какъ думаетъ кн. Чавчавадзе, - что вотъ-де грузины такіе дикари, что имъ даже исторію написалъ армянинъ и при томъ невѣжественный. Вопросъ этотъ заслуживалъ вниманія для разбора и оцѣнки самой Хроники, какъ историческаго матеріала. И, дѣйствительно, называя анонима автора Хроники человекомъ мало свѣдущимъ и мало начитаннымъ, но знакомымъ, какъ видно, съ сочиненіями Хоренскаго и Агафангела, пр. Паткановъ, замѣчаетъ „что наивность и малая начитанность автора изумительны. Онъ не только не знаетъ того, что говорятъ о Грузинъ

классическіе писатели, но и того, что о болѣе позднѣйшихъ эпохахъ грузинской исторіи повѣствуется у византійскихъ и армянскихъ историковъ, говорившихъ о многихъ событіяхъ какъ современники. Онъ не сообщаетъ никакихъ народныхъ преданій, которыя несомнѣнно существовали въ его время. Напротивъ, по примѣру Хоренскаго, онъ даже избѣгаетъ ихъ, прибѣгая къ заимствованіямъ изъ книгъ (пересказъ Хоренскаго и Шахъ-Наме) и сочиняя генеологіи, ни съ чѣмъ не сообразныя. На каждомъ шагу чудовищные анахронизмы слѣдуютъ за не менѣе чудовищными противорѣчіями до такой степени, что въ первомъ отдѣлѣ Хроники едва-ли можно встрѣтить хоть одинъ фактъ, имѣющій, дѣйствительно, историческое значеніе. Отсутствіе элементарныхъ понятій объ исторіи высказывается у автора особенно въ томъ, что въ его изложеніи не принимаются въ соображеніе ни міровыя историческія событія, ни хронологія“. (215).

Затѣмъ Паткановъ приводитъ примѣры, доказывающіе справедливость его взгляда. Но этихъ примѣровъ изъ эпохи послѣ распостраненія христіанства Паткановъ касается всколъзъ, мимоходомъ, затрагивая повѣствованія о Вахтангѣ Гургъ-Асланѣ, находя эти повѣствованія крайне преувеличенными.

“Если кому либо изъ извѣстныхъ историческихъ лицъ можно приписать часть подвиговъ, совершенныхъ Вахтангомъ, то развѣ жившему нѣсколько раньше анонимнаго лѣтописца знаменитому Газневидскому султану Махмуду“. При немъ написано Шахъ-Наме, содержаніе коего было извѣстно автору лѣтописи. Послѣ Вакха и Александра Великаго, Махмудъ одинъ прославлялся въ народныхъ переданіяхъ, какъ завоеватель Индіи, вывезшій оттуда несмѣтную добычу“. (217).

Ссылаясь на Егише и Лазаря Парпеци (V в. по Р. Х.). Паткановъ утверждаетъ, что „современники видѣли въ Вахтангѣ не могущественнаго царя (каковымъ онъ и не могъ быть), а простого предводителя, князя или владѣтеля грузинскаго, который не только не былъ великимъ завоевателемъ, но самъ даже нуждался въ помощи армянскихъ инсургентовъ “. (216) .

„Такова большая часть извѣстій, сообщаемыхъ грузинскимъ хронографомъ. Только крайняя снисходительность или отсутствіе критики могли придавать этой Хроникѣ значеніе историческаго источника, говоря о первой ея части“ . Приближаясь къ нашему времени, конечно, чаще и чаще встрѣчаются факты историческаго характера; но, какъ мы уже говорили раньше, насъ въ настоящее время занимаютъ извѣстія о древнемъ, до-христіанскомъ періодѣ исторіи Грузіи. Разбирая самый текстъ, мы постараемся шагъ за шагомъ слѣдить за авторомъ и будемъ отмѣчать, гдѣ онъ черпалъ свои свѣдѣнія“... (218).

„И эта лѣтопись, исполненная вымысловъ, заимствованій и противорѣчій (мы говоримъ о первой ея части), и до сихъ поръ, несмотря на всѣ свои недостатки, пользуется огромною популярностью и авторитетомъ у грузинъ“ ... (225).

Затѣмъ пр. Паткановъ выписываетъ интересующую его первую часть (до христіанства) Хроники и, подробное разобравъ её, оканчиваетъ такъ:

„Прослѣдивъ рассказъ автора отъ времени столнотворенія до этихъ Рождества Христова и разобравъ рядъ его вымысловъ и заимствованій, мы убѣдили себя и, надѣмся, также и читателя въ томъ, что во всемъ изложеніи автора не встрѣчается почти ни одного историческаго факта, ни одного подлиннаго народнаго преданія. При этомъ мы пришли къ нѣсколькимъ положительнымъ выводамъ и высказали большее число пред-

положений. Насколько тѣ и другія основательны, покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія“ . (274).

Сравнивая эти строки Патканова съ тѣмъ, что ему приписывается, легко. мы думаемъ, придти къ убѣжденію, что, очевидно, кн. Чавчавадзе не читалъ статьи Патканова, такъ какъ Паткановъ нѣсколько разъ, дѣлая заключеніе о значеніи „Картлисъ-Цховреба“, оговаривается, что имѣетъ въ виду лишь первую древнѣйшую ее часть, обнимающую до-христіанскій періодъ Грузіи. Какимъ же образомъ ему приписывается, будто онъ всю „Картлисъ-Цховреба“ изорвалъ въ клочки и бросилъ грузинамъ въ лицо „упразднивъ Картлисъ-Цховреба“ ; что „она состряпала при Вахтангѣ VI “ , когда пр. Паткановъ самъ, изслѣдуя этотъ вопросъ, приходитъ къ заключенію о составленіи этой древнѣйшей части въ періодъ между XI и XIII вѣками. Изъ чего же видно, будто пр. Паткановъ утверждаетъ, будто бы грузины не имѣли исторіи, по своему невѣжеству; что онъ этимъ стираетъ съ лица земли грузинъ, не видитъ грузинъ XII и XI вв. и повергаетъ ницъ все прошлое и настоящее грузинъ въ фанатизмъ? На всѣ эти вопросы мы не нашли никакого отвѣта во всей статьѣ пр. Патканова, которая почти совершенно не касалась христіанскаго періода исторіи Грузин, т. е. именно той части, которая составляетъ ея славу. Мало того, пр. Паткановъ не только не желалъ подкапывается подъ наиболѣе славные моменты исторіи Грузин, но даже самъ говоритъ объ этомъ періодѣ слѣдующее:

„Подъ управленіемъ династіи Багратидовъ съ XI в. наступаетъ самая блестящая эпоха въ исторіи Грузин. Имена Давида Возобновителя, Георгія III, Тамары и др. дѣлаются извѣстны въ отдаленныхъ странахъ. Извнѣ предѣлы Грузин значительно расширяются. Внутри государства настаетъ время

высшаго благосостоянія, какое когда либо знала Грузія. Счастливыя войны съ сосѣдями и дѣятельная торговля обогащаютъ край. Члены царскаго семвѣства и знать тратятъ большія суммы на возведеніе храмовъ и другихъ общественныхъ заданій, одаряютъ монастыри, поддерживаютъ народную литературу, заводятъ школы. Цвѣтущее состояніе Грузіи продолжается до вторженія Ховарезмійцевъ и Монголовъ, въ первой трети XIII ст.“ „Багратиды царствовали до начала прошлаго столѣтія“ ... (221).

Гдѣ же и въ чемъ тутъ умаленіе историческаго прошлаго Грузіи?

Равнымъ образомъ не ради возвеличенія армянъ и униженія грузинъ пр. Паткановъ утверждалъ, что это разобранная имъ древняя часть грузинской лѣтописи составлена армяниномъ, а исключительно въ цѣляхъ исторической критики, чтобы объяснить нѣкоторые недостатки этой Древней Грузинской Хроники. И, дѣйствительно, вотъ почему пр. Паткановъ приписываетъ Хронику не грузину, а армянину: „Въ Хроникѣ возвеличенъ Гайкъ, родоначальникъ армянъ, а Картлосу, мистическому праотцу грузинъ, отведена самая скромная роль. Онъ, Картлосъ, вмѣстѣ съ братьями своими помогаетъ Гайку (въ борьбѣ его съ Небротомъ), а въ послѣдствіи основывать нѣсколько крѣпостей и замковъ. И ни одного героическаго подвига! Мы полагаемъ, что даже, вымышляя всю доисторическую генеологию, авторъ не могъ бы поступить такимъ образомъ, если бы онъ былъ природнымъ грузиномъ“. (242).

„Раздѣляя свои владѣнія, Торгомъ даетъ Гайку половину всѣхъ своихъ владѣній, а другую—семи своимъ сыновьямъ, въ томъ числѣ и Картлосу. Послѣ счастливо оконченной борьбы съ Небротомъ, всѣ братья, въ томъ числѣ и Картлосъ, приз-

нають своимъ царемъ Гайка. Такимъ образомъ, по лѣтописцу—всѣ древнѣйшія воспоминанія грузинъ говорятъ объ ихъ исконномъ подчиненіи армянамъ“. (243).

Къ тому же заключенію приводитъ пр. Патканова и то мѣсто Древней Хроники, въ которомъ упоминается, что древніе грузины говорили по-армянски. Отрицая историческую достовѣрность этого сообщенія лѣтописца, пр. Паткановъ замѣчаетъ:

„У лѣтописца, говорится, что грузинскій языкъ образовался изъ смѣси армянскаго, хазарскаго, еврейскаго, греческаго и сирійскаго языковъ, предполагая, что первоначальнымъ языкомъ грузинъ былъ все-таки армянскій. Производя восемь народовъ отъ одного праотца, авторъ долженъ былъ быть послѣдовательнымъ, заставляя всѣхъ ихъ говорить первоначально однимъ языкомъ -армянскимъ. Но при этомъ онъ не задаетъ себѣ вопроса: почему грузины, говорившіе на своемъ родномъ армянскомъ языкѣ, были грузины, а не армяне и почему имъ понадобился отдѣльный отъ армянъ родоначальникъ“. (268).

Это одна выдержка могла бы свидѣтельствовать о полномъ безпристрастіи пр. Патканова, который не могъ не видѣть въ подобныхъ утвержденіяхъ лѣтописца его невѣжества и незнакомства съ общепризнанными историческими фактами. Въдь при иномъ отношеніи къ лѣтописцу пришлось бы согласиться съ такими его утвержденіями, которыя отнюдь не содѣйствовали бы исторической славѣ грузинскаго народа. Слѣдовательно, обнаруживая невѣжественную наивность автора Древней Грузинской Хроники и высказывая догадку, что лѣтописецъ едва-ли былъ природный грузинъ, вѣроятно же всего—малограмотный армянскій монахъ, пр. Паткановъ не только ничего лестнаго для армянъ не говорилъ, но и

оградилъ прошлое грузинъ отъ обидныхъ для ихъ патриотизма заключеній. Для грузинъ эта высказанная догадка тѣмъ болѣе ничего обиднаго не можетъ представлять, что, во первыхъ, она не заключаетъ отрицанія наличности у грузинъ весьма развитой культуры и политической жизни и во 2-хъ, потому, что наряду съ такою догадкою относительно происхожденія Древней Грузинской Хроники пр. Паткановъ совершенно опредѣленно говоритъ о существованіи у грузинъ другихъ памятниковъ письменности.

Какъ мы говорили выше, отрицательныя указанія пр. Патканова относятся лишь къ одной незначительной части грузинскихъ лѣтописей. Но и въ этой части не все подвергается имъ отрицанію. Даже и въ ней онъ находитъ указанія, въ которыхъ имѣется зерно исторической правды. Вотъ что напримѣръ, говоритъ пр. Паткановъ о Фарнавазѣ:

„Если мы признали за вымыселъ все, что говоритъ авторъ о Картлосѣ, Уплосѣ и другихъ прародителяхъ грузинъ, то въ сообщеніяхъ его о Парнавазѣ, или Фарнавазѣ, хотя не заключается въ себѣ ничего число историческаго относительно вѣрности изложенныхъ фактовъ, но выступаетъ передъ нами несомнѣнно личность народнаго героя. Можно даже съ вѣроятностью предполагать, что онъ—самое древнее лицо, сохранившееся въ народной памяти, въ которой Парнавазъ, а не Картлосъ, занималъ первое мѣсто... Авторъ, поставивъ Картлоса во главѣ исторіи Грузіи, не зналъ, что съ нимъ дѣлать: онъ и его потомки были выдуманы для объясненія происхожденія названій племенъ и мѣстностей. Совершенно въ другомъ положеніи находится Парнавазъ. Въ немъ народъ олицетворялъ извѣстную ступень своего культурнаго развитія и ему приписывалъ всѣ тѣ порядки, которые засталъ онъ въ моментъ своего сознательнаго существованія. Религія, языкъ,

письменность, административное устройство страны—во всемъ видно участіе Парнаваза“. (270). „Въ Парнавазѣ мы видимъ вводителѣ религіознаго и гражданскаго благоустройства въ Грузіи. Точно также ему приписывается изобрѣтеніе грузинскихъ письменъ. Парнавазъ далъ приказаніе всей странѣ говорить по-грузински. О томъ, что Парнавазъ лицо не вымышленное, мы имѣемъ свидѣтельство одного армянскаго писателя IV в. (Фауста Византійскаго)“ . (272) .

Заканчивая свою статью, пр. Паткановъ еще разъ оговаривается, что „скромная задача его заключается не въ изслѣдованіяхъ по Исторіи Грузіи, а въ оцѣнкѣ Армянской Хроники, въ которой до эпохи, нами разсматриваемой, ничего историческаго не сохранилось.“ (273).

Остается теперь намъ разсмотрѣть обвиненіе Патканова въ „присвоеніи“ злополучнаго Чорохскаго бассейна, за которое такъ досталось отъ кн. Чавчавадзе гг. Худабашеву, Эмину и Эрицеву. Но и здѣсь оказывается, что пр. Паткановъ и кн. Чавчавадзе говорятъ о разныхъ эпохахъ, а именно пр. Паткановъ говорить слѣдующее:

„Въ первые вѣка христіанства, какъ намъ извѣстно отъ современниковъ, часть нынѣшней Грузіи, по южному берегу Куры, входила въ составъ Армянскаго Царства. Области Тайкъ и Гукаркъ (Gogaren) въ политическомъ отношеніи принадлежали Арменіи и составляли первая 14-ю, а вторая 13-ю провинціи этого государства. Но населеніе этихъ мѣстностей было, вѣроятно, и въ то время на половину грузинское. Впослѣдствіи съ образованіемъ Грузинскаго Царства, въ нихъ стали господствовать грузины и политически сами грузины считали Гугаркъ армянскою провинціею, такъ какъ называли ее Сомхетъ, т. е. Арменіей. У мѣстныхъ жителей могло сохра-

ниться воспоминаніе объ ихъ прежней зависимости отъ армянъ“ . (243).

Разсматриваемый здѣсь вопросъ нами подробно быть разобранъ въ главѣ объ Эминѣ, Худабашевѣ и Эрицевѣ и потому мы не будемъ повторять уже сказаннаго. Напомнимъ лишь, что указанія пр. Патканова согласуются со взглядомъ М. Броссе, который также писалъ, что этими провинціями попеременно владѣли грузины и армяне.

Конечно, пр. Паткановъ могъ ошибаться, но во всей его статьѣ проглядываетъ одно стремленіе разобраться въ темныхъ вопросахъ древнѣйшей исторіи Грузіи на основаніи историческихъ фактовъ и достовѣрныхъ историческихъ памятниковъ; при этомъ онъ же приглашаетъ продолжать и дополнить его попытку другихъ болѣе свѣдущихъ грузиновъ, отнюдь не претендуя на непогрѣшимость и, во всякомъ случаѣ, не преслѣдуя никакихъ тенденціозныхъ цѣлей и развѣнчивая лишь мифологическій періодъ исторіи Грузіи. Если отъ такого историческаго анализа древней лѣтописи нѣсколько меркнетъ баснословный періодъ грузинской исторіи, то въ этомъ историческая критика неповинна. Тѣмъ менѣе можетъ быть она заподозрѣна въ умышленномъ извращеніи исторіи, что еще ранѣе древней исторіи Грузіи, въ первыхъ главахъ той же своей статьи пр. Паткановъ съ еще большею безпощадностью критиковалъ и древнюю исторію армянъ Моисея Хоренскаго. Очевидно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ проф. Паткановъ исполнилъ лишь свой долгъ ученаго историка, которому должны быть совершенно чужды всякія цѣли, кромѣ одной—исканія научной истины и искренности этого его стремленія пока никто не могъ заподозрѣть.

Что указанія, приведенныя въ статьѣ пр. Патканова, не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію его въ тенденціозномъ искаженіи исторіи, видно, между прочимъ, изъ того, что даже А. Цагарели, несмотря на все его отрицательное отношеніе къ работѣ Патканова, замѣтилъ, что это „якобы“ изслѣдованіе пр. Патканова есть ничто иное, какъ сводъ отрицательныхъ мнѣній, переданныхъ дословно или въ легкой перефразировкѣ когда либо высказанных его предшественниками или современниками о грузинскомъ историческомъ сборникѣ „Картлисъ-Цховреба“, что не трудно доказать сопоставленіемъ параллельныхъ мѣстъ изъ статей этихъ авторовъ“. Не беря, однако, на себя „не трудной“ задачи фактически подтвердить свои обвиненія и предпочитая еще болѣе ...легкій“ трудъ голосовныхъ обвиненій, А. Цагарели дѣлаетъ такое важное для нашихъ цѣлей заключеніе: „такъ что въ статьѣ пр. Патканова нѣтъ ничего новаго, ни самостоятельнаго ни въ фактическомъ, ни въ теоретическомъ отношеніи“ Совершенно не касаясь вопроса объ оригинальности научныхъ заслугъ пр. Патканова въ дѣлѣ критической оцѣнки Древ. Груз. Хроники и охотно допуская, что все высказанное имъ было замѣчено ранѣе его другими авторами, во всякомъ случаѣ, думаемъ, что этотъ отзывъ А. Цагарели долженъ совершенно очистить самого пр. Патканова отъ тѣхъ обвиненій, которыя на него лично возводятся кн. Чавчавадзе, такъ какъ, по свидѣтельству А. Цагарели, буквально то же самое говорили до него другіе его предшественники или современники, въ числѣ коихъ мы не находимъ ни одного арминина.

* А. Цагарели. Свѣдѣнія о памятникахъ грузин. Письм. (т. I. вып. 3. стр. XCVI)

Считаемъ не лишнимъ и здѣсь высказать догадку, откуда самъ кн. Чавчавадзе могъ почерпнуть свои свѣдѣнія о статьѣ пр. Патканова и читалъ ли онъ эту статью въ подлинникѣ.

Слѣдующее мѣсто изъ А. Цагарели проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ интересующій насъ вопросъ. У А. Цагарели, между прочимъ, говорится, что пр. Паткановъ высказываетъ предположеніе, что авторъ Картлисъ - Цховреба, вѣрнѣе всего, — малограмотный армянскій монахъ (тамъ же стр. ХСVI,) т. е. то, что приведено у кн. Чавчавадзе. Слѣдовательно въ обоихъ, случаяхъ допущена одна и та же ошибка, такъ какъ пр. Паткановъ говоритъ не объ авторѣ всей „Картлисъ-Цховреба“, а лишь объ авторѣ Древней Грузинской Лѣтописи, какъ было видно выше. Подобное совпаденіе одного и того же ошибочнаго утвержденія факта, котораго мы не находимъ у пр. Патканова, дѣлаетъ вѣроятной догадку объ общности происхожденія этой ошибки.

Коснувшись А. Цагарели, нельзя не замѣтить, что, въ сущности главнымъ виновникомъ всѣхъ обвиненій Патканова въ тенденціозномъ отношеніи къ грузинской исторіи является, повидимому, именно А. Цагарели, а не кн. Чавчавадзе. Послѣдному, какъ неспециалисту и при томъ, быть можетъ, не имѣвшему возможности провѣрить въ подлинникѣ написанное пр. Паткановымъ, простительно основываться на словахъ ученаго профессора А. Цагарели и повторять и даже разукрашивать то, что говоритъ А. Цагарели и др. критики Патканова. Но какъ могъ самъ А. Цагарели такъ безцеремонно инсинуировать по адресу своихъ ученыхъ же коллегъ-это, признаемся, для насъ непостижимо. Въ предисловіи къ выпуску первому изданныхъ имъ „Свѣдѣній о памятникахъ грузинской письменности“, онъ не только повторяетъ басню, будто есть ученые, которые „отрицаютъ историческое значе-

ніе всей „Картлисъ-Цховреба“, но даже позволилъ себѣ утверждать, что различные рецензенты, не богатые фактическими познаніями, но очень богатые различнаго рода соображеніями, часто неимѣвшими ничего общаго съ цѣлями науки, стремясь доказать, что „мало грузинскихъ историческихъ памятниковъ“, тѣмъ самымъ хотѣли убѣдить, что „и культура въ Грузіи была слаба“ и что поэтому, „стоитъ ли изучать прошлое такого народа“ (Ст. XXXIII, XXXIV. Вотъ какія цѣли приписываются ученымъ грузинологомъ различнымъ критикамъ, въ томъ числѣ и Патканову, какъ видно изъ третьяго выпуска тѣхъ же „Свѣдѣній“, гдѣ пр. Паткановъ, вмѣстѣ съ Сенковскимъ и Шопеномъ уже прямо обвиняются ученымъ А. Цагарели въ томъ, что они „вводили въ заблужденіе учебное начальство и образованное общество относительно грузинологіи своей некомпетентной, поверхностной, придирчивой и несправедливой критикой“ .. „изъ за неудержимаго патріотическаго желанія (достойнаго лучшей цѣли) предостеречь кого слѣдуетъ отъ непроизводительныхъ расходовъ на поддержаніе такого неклассическаго предмета, какъ грузинологія“. (Стр. LXXXVIII—IX). Но чѣмъ доказываетъ А. Цагарели наличность именно такихъ внутреннихъ побужденій ученыхъ, критиковавшихъ грузинскія лѣтописи? Рѣшительно ничѣмъ. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ пр. Патканову не приведено ни одной ссыли, подтверждающей подобную догадку. А между тѣмъ эти догадки выдаются, какъ нѣчто неоспоримо вѣрное.

Вина этихъ авторовъ, оказывается, усиливается еще тѣмъ, что ихъ критика появлялась въ самые рѣшительные моменты учебныхъ реформъ, а именно: 1) Сенковский выступилъ со своей критикой какъ разъ въ первые годы, когда грузинскій языкъ и литература приобрѣли право гражданства въ научной программѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ (въ 1837-1838 г.), 2) Шопенъ издалъ книгу „Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и ея областей“ въ 1866 г., вслѣдъ за изданіемъ новаго университетскаго устава 1863 г. и 3) Паткановъ напечаталъ свою статью о Древне-Грузинской Хроникѣ въ 1883 г., наканунѣ новаго университетскаго ставау 1884 г. (т. I. вып. 3. стр. LXXXIX - XC) .

Насколько характеръ статьи Сенковского былъ совершенно чуждъ подобнымъ стремленіямъ, читатель могъ судить по обширнымъ выдержкамъ, приведеннымъ въ первой главѣ. Что же касается пр. Патканова, то если критика одной древнѣйшей части лѣтописей непременно должна была явиться только въ силу подобныхъ низменныхъ побужденій, то тогда слѣдовало бы признать, что Паткановъ въ равной мѣрѣ предостерегалъ кого то отъ непроизводительныхъ расходовъ по поддержанію арменологіи, такъ какъ, мы видѣли, одновременно съ критикой Древней Грузинской Хроники онъ подвергъ еще болѣе безпощадной критикѣ и Армянскую Исторію М. Хоренскаго. Но, очевидно, этой цѣли пр. Паткановъ не могъ преслѣдовать. Слѣдовательно, чтобы заподозрить его въ такихъ цѣляхъ по отношенію къ грузинологіи, нужны иныя доказательства, кромѣ критики грузинскихъ лѣтописей. А этихъ то другихъ доказательствъ ученый грузинологъ не приводитъ, не щадя памяти своего ученаго коллеги отъ незаслуженнаго обвиненія. Между тѣмъ, еслибъ А. Цагарели самъ безъ „неудержимаго патріотическаго рвенія“ ,

прочелъ статью Патканова, онъ вынесъ бы убѣжденіе, что его статья, дѣлая лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о всей „Картлисъ Цховреба“ подвергаетъ критикѣ только Древнюю Грузинскую Хронику и что пр. Паткановъ взялся за свою критическую оцѣнку древней лѣтописи „въ ожиданіи того времени, когда образованные грузинисты, глубоко изучивъ памятники своей стараны, примутся за это дѣло и, отдѣливъ въ своей лѣтописи вымышленное отъ историческаго, новое отъ древняго, выставятъ въ надлежащемъ свѣтѣ ея достоинства и недостатки, какъ историческаго матеріала“. Могъ ли ученый, высказавшій такое пожеланіе о развитіи критическаго грузиновѣдѣнія въ тоже время интриговать въ самый рѣшительный моментъ учебной реформы противъ непроизводительной траты денегъ на грузиновѣдѣніе-пусть судить читатель. Для насъ же несомнѣнна несомвѣстимость подобныхъ двухъ желаній, не говоря уже о всѣхъ прочихъ фактахъ и отзывахъ, свидѣтельствующихъ о научномъ безпристрастіи, которымъ проникнуты всѣ работы пр. Патканова.

Остается намъ разсмотрѣть несправедливое обвиненіе грузинъ въ фанатизмѣ, приписываемое пр. Патканову. Такого обвиненія, однако, мы въ рассматриваемой статьѣ этого автора не нашли. Нѣкоторый свѣтъ на это обвиненіе проливаетъ слѣдующее мѣсто изъ „Отповѣди“ пр. Марра грузинскому поэту Акакію, также пустившему въ обращеніе это знаменитое постановленіе Двинскаго собора, какъ образчикъ фанатизма армянъ.

„Акакій одно изъ своихъ доказательствъ сознательно питаемой вражды армянъ къ грузинамъ, говоритъ пр. Моррѣ, видитъ въ рѣшеніи Двинскаго собора, 596 г., воспрещающемъ

* Въ дѣйствительности „редакція этого запрещенія“ принадлежитъ не собору, а окружному посланію католикоса Авраама. (См. статью пр. Марра въ „Братской Помощи“, под. 2, стр. 562).

армянамъ общаться съ грузинами въ чемъ либо, кромѣ дѣлъ купли и продажи. Можно указать на случай такой же, а, пожалуй, еще болѣе фантастической нетерпимости грузинъ къ армянамъ, какъ нioвѣрцамъ, и даже кощунственнаго отношенія грузинскихъ іерарховъ къ христіанской святынѣ. Достаточно, думается, вспомнить ту отвратительную сцену, которая описывается въ грузинскихъ лѣтописяхъ по поводу спора о томъ, какая вѣра лучше-армянская или грузинская. Мы стѣсняемся передать здѣсь это сообщеніе грузинскаго лѣтописца“. (Brosset, I, стр. 452-454).

„Никто, конечно, не отрицаетъ, что армянская церковь, вѣря въ непогрѣшимость своего ученія, ревниво оберегала своихъ сыновъ отъ ученій, казавшихся ей заблужденіемъ и, отстаивая свое автокефальное существованіе, соборными постановленіями, боролась съ отрицателями ея авторитета, но это явленіе—общее во взаимныхъ отношеніяхъ церквей даже тогда, когда, церквямъ не угрожаетъ никакая опасность. Едва ли также нуждается въ доказательствѣ, что пресловутый запретъ Двинскаго собора былъ плодомъ минутнаго раздраженія и никогда не получалъ жизненнаго значенія. Такой правильный взглядъ на дѣло, притомъ мотивированный, существуетъ въ самой грузинской литературѣ (О. Жарданія, Хроники и пр. (на грузинскомъ языкѣ), Тифлисъ, 1893 г. стр. 313). Также и Д. З. Бакрадзе въ своемъ сочиненіи „Проф. Паткановъ и источники грузин исторіи“ (на груз. языкѣ), откуда Акакій, по всей видимости, взялъ сообщеніе о Двинскомъ

* Это можетъ свидѣтельствовать только лишь „о крайнемъ обостреніи отношеній между распавшимся на два ...еря духовными вождями до тѣхъ поръ единой армяно-грузинской церкви, каковому обостренію обѣ стороны одинаково содѣйствовали, ревнуя о чистотѣ вѣры и ни о чемъ болѣе“ (Тамъ же примѣч. На стр. 563).

соборѣ, также не придаетъ этому документу обще-армянскаго характера, ибо противъ такого его значенія возстають неоспоримые факты“ . (Ор. с., стр. 6-7) .

Чтобы покончить съ обвиненіями пр. Патканова, не лишнимъ считаемъ привести рядъ выдержекъ изъ книги Ланглуа, чтобы выяснитъ, насколько этотъ, по словамъ кн. Чавчавадзе, „достойный уваженія ученый“ , (см. у кн. Чавчавадзе стр. 22), въ сущности вполне сходится съ проф. Паткановымъ по самому основному вопросу, такъ взволновавшему кн. Чавчавадзе, а именно—о скудости грузинскихъ историческихъ письменныхъ памятниковъ и о недостовѣрномъ характерѣ ихъ древнѣйшей части.

5. Мнѣніе В. Ланглуа о грузинскихъ лѣтописяхъ.

Отзывъ пр. Марра о профессорѣ Паткановѣ.

Въ 1860 году Victor Langlois издалъ въ Парижѣ сочиненіе подъ названіемъ „Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie“ Въ сочиненіи этомъ, по заглавію имѣющему цѣлью нумизматическія изысканія, содержатся, между прочимъ, слѣдующія строки о грузинскихъ лѣтописяхъ:

„Исторія Грузіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ въ компиляціи, извѣстной подъ названіемъ „Большихъ лѣтописей“ въ резюмѣ царевича Вахуштія и въ различныхъ хроникахъ, недавно получившихъ освѣщеніе благодаря М. Броссе, дѣлится на двѣ части: древности и современный вѣкъ. Однако, мы думаемъ, что было бы возможно установить другое различіе и подраздѣлитъ исторію на два большихъ періода: героическій и историческій. Первымъ, заключающій

цѣлую серію, большею частью, легендарныхъ разсказовъ и который продолжается до VI в. нашей эры, т. е. до того времени, когда Грузія, стряхнувъ иго Персіи, находившейся тогда во власти Сассанидовъ, призвала на тронъ Багратидовъ и вступила въ союзъ съ греками Византіи, и второй, который начинается въ VI в. нашей эры и оканчивается присоединеніемъ Царства къ Россійской Имперіи въ 1801 году.

Что касается времени до Рождества Христова и до установленія этой религіи въ Грузіи, — лѣтописи, собственно говоря, не заключаютъ ничего иного, кромѣ легендъ и дѣйствительно ничто не указываетъ, что хроникеры, якобы разсказывающіе событія, совершившіяся до этой эпохи, пользовались документами, почерпнутыми изъ историческихъ источниковъ. Если основаніе даже думать, что то что могло бы замѣнить древнія національныя традиціи до введенія христіанства въ Закавказскихъ странахъ, было уничтожено въ моментъ обращенія грузинъ въ новую вѣру, какъ это имѣло мѣсто въ періодъ проповѣднической дѣятельности Св. Григорія Просвѣтителя. Поэтому понятно, что „Большія Лѣтописи“, въ редактированіи которыхъ принимали участіе различные хроникеры въ разное время, — содержатъ относительно первыхъ временъ Закавказскихъ странъ лишь ткань басенъ, въ которой по временамъ можно найти искаженные (*denaturée*) преданія, и которыя почти невозможно связать съ историческими событіями. Едва только начажъ изученіе этой книги, первыя главы которой были составлены значительное позднѣе введенія христіанства въ Закавказьѣ, очень скоро можно придти къ заключенію, что авторы этихъ длинныхъ хроникъ были простыми монахами, коихъ единственную науку составляли священныя книги, изъ которыхъ они дѣлали посточное позаимствованія. Послѣ этого неудивительно, что

національнія преданія, уже совершенно искаженныя къ ихъ времени, подверглись еще многочисленнымъ измѣненіямъ въ ихъ рукахъ, такъ какъ ихъ мы видимъ замѣненными исторіями и генеологіями властителей, большая часть коихъ была связана съ большимъ или меньшимъ искусствомъ съ разсказами и родославными еврейской расы. Впрочемъ, эта система свойственна только грузинскимъ лѣтописцамъ, такъ какъ мы знаемъ, что первые армянскіе историки дѣйствовали такимъ же образомъ и приходили къ тѣмъ же результатамъ. Сверхъ этого, легко понять, что для разсказа о событіяхъ эпохи почти забытой подобный способъ долженъ былъ необходимымъ образомъ придти на умъ людямъ, для которыхъ священные книги были текстомъ историческимъ и религіознымъ по преимуществу, единственнымъ преданіемъ, потому что они были дѣломъ откровенія. Оставивъ въ сторонѣ почти совершенно смутныя традиціи, которыя дошли до нихъ относительно происхожденія ихъ расы и древнѣйшей исторіи ихъ націи, лѣтописцы грузинскіе сохранили только имена лицъ, коихъ существованіе нельзя было отрицать, и которыхъ они ввели въ свои разсказы, несмотря на свое отвращеніе ко всему, что прямо не относилось къ священнымъ книгамъ. Но это смѣсъ библейскихъ преданій и искаженныхъ грузинскихъ воспоминаній произвела такую смуту въ умахъ составителей лѣтописей, и слѣдовательно и въ ихъ писаніяхъ, что въ настоящее время почти невозможно извлечь что нибудь серьезное изъ первыхъ главъ лѣтописей.

Чтобы нагляднымъ образомъ доказать, насколько вымыселъ господствуетъ на первыхъ страницахъ лѣтописи, достаточно указать на то, что ни одинъ фактъ, касающійся исторіи Грузіи и приводимый греческими и латинскими историками, не разсказывается лѣтописцами; даже болѣе того, лица,

коихъ имена намъ переданы писателями древности, въ грузинскихъ лѣтописяхъ, за рѣдкими исключеніями, не фигурируютъ вовсе, а въ этихъ исключительныхъ случаяхъ въ очень измѣненной формѣ. Однако, мы имѣемъ всѣ основанія вѣрить свидѣтельству древнихъ, которые рассказывали о событіяхъ своего времени. Такимъ образомъ, никто не станетъ подвергать сомнѣнію экспедицію Помпея въ Иберію, факты касательно царствованія Фаразмана, упоченія его брата Митридата въ Арменіи, таланты, жестокости и недостатки Радамиста, сына Фаразмана, событія замѣчательныя, коихъ отголоски должны быть обширны въ Грузіи, такъ какъ даже Римъ зналъ ихъ детали, и коихъ современные писатели упоминали въ своихъ разсказахъ. Правда, что въ эпоху, когда совершались упомянутыя нами событія, Грузія, страна почти варварская, была въ теченіе долгихъ лѣтъ подъ властью Персіи; ея существованіе было тѣснѣйшимъ образомъ связано съ существованіемъ Аршакидовъ и Сассанадовъ; религія огня была общая у двухъ народовъ и до того времени, чтобы ни говорили лѣтописцы, никакихъ признаковъ національности и политической организаціи нѣ существовало въ Грузіи. Свѣдѣнія достовѣрныя, которыя мы могли собрать относительно древнихъ временъ исторіи Закавказья, не позволяютъ отмѣтить ничего иного, кромѣ долгаго оцѣпнѣнія, причиненнаго чужестраннымъ давленіемъ; казалось, нація ждала одного изъ тѣхъ событій, которыхъ Провидѣніе во время создаетъ и которыя извлекаютъ націю изъ глубокой тьмы, окружающей ее въ теченіе столькихъ столѣтій. Это событіе было произведено христіанствомъ. Впрочемъ, мы знаемъ, что до проповѣди Евангелія въ Грузіи, эта страна была незначительна и почти неизвѣстна древнимъ. Тацитъ, который жилъ во второй половинѣ I столѣтія нашей эры, говоритъ о ней въ

такихъ выраженіяхъ: „Modicum Hiberiae regnum; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще: „Ignobilem Hiberum, mercenario milite“.

Но какъ только грузины приняли христіанство и божественный крестъ замѣнилъ священный огонь на алтаряхъ древней религіи персовъ, духъ національности сразу проявился. Вскорѣ возгорѣлась религіозная борьба между поклонниками огня—и грузины сдѣлались христіанами, борьба, театромъ коей была также и Арменія въ ту же эпоху и которая породила тѣ религіозныя войны, свидѣтелемъ коихъ быть V-ый вѣкъ въ этой части Азіи.

Итакъ, изучая внимательно исторію Грузіи того времени, которымъ мы занимаемся, мы видѣли вначалѣ одновременное присутствіе вымысла и преданія, иначе говоря-смѣсь писаній невѣжественныхъ и религіозныхъ, гдѣ господствовали христіанскія идеи. Въ отличіе отъ системы, которой слѣдовали Геродотъ и Фукидидъ для разсказа о событіяхъ совершившихся, грузинскіе лѣтописцы смѣшала легенды съ многими и національныя традиции, собранныя ими, не подверглись ни контролю, ни очищенію со стороны какой либо критики. Поэтому не приложимо ли къ составителямъ грузинскихъ лѣтописей эти слова греческаго философа, что „для него начало важно настолько, насколько оно подготавливаетъ послѣдующіе успѣхи (le commencement vaut a lui seul les progrès ulterieurs qu'il prepare).“

Стоитъ только броситъ взглядъ на содержаніе первыхъ страницъ грузинскихъ лѣтописей, которыя содержатъ курьезные образчики невѣжественной и религіозной литературы страны, какъ наталкиваешься на героическія легенды и вскорѣ хроникеръ переноситъ васъ къ первымъ вѣкамъ нашей эры, эпохѣ чисто-исторической для другихъ народовъ, которая для

Грузіи все еще частью остается баснословной. И дѣйствительно, составители избрали первые вѣка нашей эры, чтобы заставить насъ присутствовать при появленіи не родоначальника націи, но возстановителя націи, героя грузинскаго по преимуществу, необычайнаго завоевателя, который далеко раздвинулъ предѣлы страны, торжествовалъ со славой надъ всѣми своими врагами и царствовалъ могущественно надъ обширными странами, которыхъ подчинила ему его армія. И странное дѣло, это героическое лицо которое хроникеромъ называется Вахтангомъ-Гургасланомъ,-Левъ-Волкъ, жило въ вѣстол. нашей эры, слѣдовательно очень немногимъ ранѣ Юстиніана и Хозрова Нуширвана. Читая описаніе жизни и приключеній Вахтанга, тотчасъ же признаешь въ немъ одно изъ тѣхъ поэтическихъ сочиненій, обязанныхъ воображенію какого нибудь энтузіаста, которій создалъ національнаго героя, коего высокія дѣянія должны служить всуспленіемъ къ исторіи его родины. Вахтангъ,-такъ, какъ онъ обрисованъ въ лѣтописяхъ,-есть скорѣе Вакуъ индейскій, или псевдо-Александръ, полу-богъ, полу-герой, проходившій черезъ Азію, подчиняя ее своимъ законамъ, чѣмъ глава маленькаго государства, которое съ такою суровостью квалифицируетъ Тацитъ нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ. Во всякомъ случаѣ, мы не думаемъ отрицать существованіе Вахтанга, тѣмъ болѣе, что армянскій историкъ Лазаръ Парбскій, его современникъ и авторъ жизни Св. Шушаники жены Восгена, патріарха Кукарка, намъ сообщаетъ, что Вахтангъ царствовалъ (правиль) въ Мцхетѣ. Кромѣ того, мы знаемъ, что Вахтангъ, по словамъ византійскихъ историковъ, принялъ участіе въ экспедиціи Фируза въ центральную Азію и въ Индію и одна надпись въ церкви Nouzala сообщаетъ о похищеніи его сестры Ассами. Какъ бы то ни была, біографія Вахтанга, какъ она передана

лѣтописями, была страннымъ образомъ искажена и дополнена- и критика отказывается признать ея подлинность. Къ тому же это тотъ способъ, которымъ вообще начинаются большая часть лѣтописей народовъ Азіи, въ которыхъ преданія перемѣшаны съ мифами, служа, такъ сказать, введеніемъ въ положительные историческіе матеріалы. Тѣмъ не менѣе, курьезно видѣть, что въ V вѣкѣ нашей эры, грузины, такъ же какъ и арабы, были еще въ своемъ героическомъ періодѣ, и что ихъ исторія по болшей части покоилась на поэтическихъ вымыслахъ. Это явленіе, которое было замѣчено однимъ ученымъ оріенталистомъ также и у арабовъ той же эпохи, показываетъ, что въ то время какъ один народы Азіи уже далеко подвинулись въ близкомъ къ нимъ сосѣдствѣ, пребывали еще въ своемъ героическомъ періодѣ. Это очень любопытное явленіе въ міровой исторіи, что два народа, весьма удаленные другъ отъ друга, переживая такимъ образомъ свой героическій вѣкъ рядомъ съ расами, уже старыми въ исторіи и продолжающіе свою героическую жизнь въ эпоху, весьма близкую къ нашей, среди значительно подвинувшейся впередъ мысли.(Стр.3-9). Надо дойти до VI вѣка, чтобы видѣть исторію Грузіи волнѣ освобожденную отъ этихъ мифовъ, занимающею значительное мѣсто въ лѣтописяхъ Азіи. Христіанство установилось на солидныхъ основаніяхъ во всей странѣ и лѣтописцы начинаютъ записывать послѣдовательное развитіе, пріобрѣтенное христіанствомъ, благодаря покровительству царя страны (Стр. 9).

Итакъ, какъ только династія Сассанидовъ подверглась полному упадку и грузинскіе князья объявили себя независимыми и обратились къ Византіи для выбора себѣ суверена,

* Выборъ палъ на одного изъ Багратидовъ, который и былъ назначенъ куропалатомъ. Но впослѣдствіи званіе куропалатовъ не удовле-

дѣйствительно зародилась исторія Грузіи и національныя монеты начали обращаться во всей странѣ (Стр. 10).

„Древняя исторія Грузіи очень темна, событія, совершавшіяся въ этой странѣ со времени утвержденія расы Картлоса до первыхъ вѣковъ нашей эры, были настолько искажены лѣтописцами, что почти невозможно найти ея слѣды и связать между собой какую либо связью большую часть фактовъ, переданнымъ намъ лѣтописцемъ“

Изъ этой выдержки изъ сочиненія Лангула ясно видно, что взглядъ его во всемъ сходенъ съ тѣмъ, что утверждалъ послѣ него пр. Паткановъ относительно грузинскихъ лѣтописей. Въ частности по отношенію къ Вахтангу Гургаслану, нельзя не замѣтить, что взгляды пр. Патканова есть лишь простое повтореніе того, что говорилъ Лангула, авторитетъ коего признаетъ кн. Чавчавадзе. Спрашивается, въ чемъ же вина самого пр. Патканова? Очевидно, передъ исторической наукой у него нѣтъ вины, есть лишь вина передъ узкимъ и слѣпымъ патріотизмомъ. Но этой вины онъ не только не скрывалъ и не стыдился, а скорѣе могъ бы гордиться.

Вотъ что по этому поводу говорить одинъ изъ учениковъ пр. Патканова, съ благодарностью вспоминающій его уроки безпристрастнаго, строго научнаго отношенія къ исторіи. Въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета“, т. Второй, 1898 г., стр. 93 профессоръ Н. Марръ говоритъ о Паткановѣ К. П. Слѣдующее:

„Наибольшимъ мастерствомъ отличался К.П. въ оцѣнкѣ историческихъ памятниковъ и въ критикѣ ихъ источниковъ. Строго критическое отношеніе къ грузинскимъ лѣтописямъ

творило болѣе честолюбія Багратида, который провозгласилъ себя царемъ.

(Ж. М. Н. И. 1883 г. декабрь) навлекло на К. П. Упреки (Д. Бакрадзе, „Профессоръ Паткановъ и источники грузинской исторіи на груз. яз. “Тиф. 1884 г., стр. 3) въ особомъ недоброжелательствѣ къ грузинамъ; упреки исходили отъ лицъ, очевидно, незнакомыхъ съ общимъ характеромъ его научныхъ работъ. Не говоря о томъ, что существенная часть сужденій К. П., представляющихъ первый серьезный опытъ научной критики по вопросу находить оправданіе въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, устанавливающихъ фактъ позднѣйшей редакціи грузинскихъ лѣтописей, достаточно напомнить, что К. П., съ не меньшею охотою принималъ дѣятельное участіе и въ дѣлѣ пазушенія армянскихъ авторитетовъ, разъ они казались ему основанными на болѣе или менѣе легендарныхъ преданіяхъ: онъ безусловно былъ чуждъвсякихъ національныхъ предразсудковъ. Какъ просвѣщенный человѣкъ, К.П.во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ былъ нелицепріятнымъ поборникомъ научной правды. Безпристрастіе въ обсужденіи учеными вопросовъ, близко касающихся ихъ національности, рекомендовалось имъ неоднократно на лекціяхъ, свидѣтельствовавшихъ объ его искреннемъ желаніи возбуждать въ слушателяхъ интересъ къ научнымъ занятіямъ“.

Затѣмъ, тотъ же пр. Марръ въ своей „Отповѣди Акакію“, (Брат. Пом., 2 из. Ст. 561) обвинявшему пр. Патканова въ тѣхъ же „преступленіяхъ“, говоритъ слѣдующее:

„Не вчера ли это было, говорить далѣе Акакій, какъ ихъ (армянъ) ученый Паткановъ доказывалъ, что у грузинъ не было исторіи, что они ее сочинили лишь въ XVIII в., во время Вахтанга, и то на основаніи армянской сказки“. „Если бы Акакій хотѣлъ сказать, что покойный профессоръ Петербургскаго университета, русскій ученый, армянинъ по происхожденію, первый потвергъ строго научной критикѣ гру-

зинскія лѣтописи, указаль въ этомъ памятникѣ на крупные анохронизмы, выяснивъ несостоятельность ряда фактовъ, основанныхъ частью, несомнѣнно, на этонимномъ приѣмѣ, известномъ ему изъ армянскихъ историковъ, частью, предположительно, на „грузинизацію“ подвиговъ иноземныхъ героев, и доказаль съ очевидностью, что грузинскія лѣтописи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ его время, единственно известны въ европейской наукѣ, во всякомъ случаѣ, есть произведеніе XVIII в. И что болѣе древняя редакція, доступная пока исключительно въ армянскомъ переводѣ, едва ли древнѣе XI в.; если бы повторяемъ, Акакій имѣлъ въвиду указать на эти заслуги покойнаго армениста, то, конечно, и говорить бы намъ было не о чемъ. Оговорившись, что мысль о баснословномъ характерѣ источниковъ начальной эпохи грузинской исторіи была всколзь высказана еще до Патканова грузиномъ Бакрадзе*, мы бы только добавили, что, какъ ученикъ покойнаго профессора, съ гордостью признаемъ за нимъ эту заслугу передъ лицомъ науки, и кромѣ того, лично интересуясь научнымъ грузиновѣдѣніемъ, мы питаемъ къ его памяти

* Вотъ подлинныя слова покойнаго историка: „Источники о первыхъ ея (Грузіи) временахъ очень скудны, да и тѣ носятъ характеръ баснословный (Бакрадзе, „Объ источникахъ грузинской исторіи“, „Кавказ. Календарь“, 1885 г. Тифл. 1857, стр. 405). И въ позднѣйшихъ работахъ Бакрадзе вовсе не отрицаетъ этого факта, а оправдываетъ его не благопріятными обстоятельствами. Кстати, можно замѣтить, что въ своихъ научныхъ трудахъ этотъ ученый, по признанію, держался замѣчательно корректнаго тона по отношенію къ армянскому вліянію на грузинъ; даже въ его интересныхъ многими указаніями возраженіяхъ на статью К. П. Патканова, по существу, однако, не представляющихъ отвѣта на ея части, доминируетъ дѣловитое отношеніе къ вопросу, хотя въ этихъ возраженіяхъ аплогетическаго характера въ спокойный тонъ ученаго мѣстами прорывается нотка взволнованнаго національно-патріотическаго чувства.“

особую признательность за ту же статью такъ какъ оживленіе мысли, вызванное ею въ грузинской научной литературѣ, дало толчекъ серьезной разработкѣ вопроса объ источникахъ грузинской исторіи и содѣйствовало, между прочимъ, появленію на свѣтъ Божій древнѣйшей редакціи грузинскихъ лѣтописей, которая въ существенной части превосходно подтверждаетъ основныя мысли К. П. Патканова“.

„Могутъ подумать, что въ этой благотворной для грузино-вѣдовъ научной критикѣ отрицательное отношеніе Патканова къ грузинскимъ лѣтописямъ опредѣлялось ненавистью его, какъ армянина, ко всему грузинскому, желаніемъ унижить грузинъ въ глазахъ образованнаго общества; что тотъ же Патканивъ въ критикѣ армянскихъ памятниковъ избѣгалъ отрицательнаго отношеніи. Но дѣло въ томъ, что хотя и армянинъ, ученый Паткановъ былъ одинаково безпощаденъ въ критикѣ историческихъ памятниковъ, принадлежали ли они грузинамъ или армянамъ. Достаточно сказать, что въ оцѣнкѣ Хоренскаго, этой гордости армянской литературы, „армянскій ученый“ Паткановъ болѣе неумолимъ въ своихъ отрицательныхъ выводахъ, чѣмъ вѣ въ оцѣнкѣ грузинскихъ лѣтописей“

Таковъ взглядъ пр. Марра на научныя заслуги пр. Патканова. Мы полагаемъ, что всѣ эти факты въ достаточной мѣрѣ очищаютъ память покойнаго ученаго армениста, армянина пр. Патканова отъ всѣхъ обвиненій, возводимыхъ на него

* Изъ сказаннаго о значеніи работы К. П. Патканова вовсе нѣтъ надобности заключать, что она безукоризненно мелочей: не будучи специалистомъ по грузиновѣдѣнію, Паткановъ естественно не могъ не избѣгать нѣкоторыхъ промаховъ въ подробностяхъ. Въ настоящее время, кромѣ того, нѣкоторые его приемы показались бы устарѣвшими, но это уже не имѣетъ никакого отношенія къ навязываемому ему грузиновѣдству.

кн. Чавчавадзе. И такимъ образомъ кн. Чавчавадзе можетъ быть спокоенъ: грузинская „Картлисъ-Цховреба“ никѣмъ не изорвана, грузинской исторіи никто не пытался упразднить и участіе армянина въ составленіи Древней ея Хроники не умаляетъ заслугъ всѣхъ позднѣйшихъ, несомнѣнно, почтенныхъ грузинскихъ лѣтописцевъ.

6. Профессоръ Н. Я. Марръ и его отношеніе къ грузинской культурѣ и отзывъ о „Барсовой Кожи“.

Покончивъ съ критикой пр. Патканова, кн. Чавчавадзе переходитъ уже въ наступленіе и обращается къ разбору М. Хоренскаго, никакого отношенія къ грузинской исторіи и къ разбираемому имъ вопросу не имѣющему, единственно затѣмъ, чтобы обличить пр. Патканова въ присвоеніи себѣ всего того, что Ленорманъ говорилъ объ этой исторіи Хоренскаго. Эта часть брошюры кн. Чавчавадзе имѣетъ цѣлью дискредитировать вообще заслуги ученаго армениста, независимо отъ его отношеній къ грузиноуваженію, чтобы показать на что вообще способны армянскіе ученые. Входить въ разборъ этой части „сочиненія“ кн. Чавчавадзе мы не намѣреваемся, такъ какъ это не имѣетъ значенія для выясненія „грузино- армянскихъ отношеній“, составляющихъ цель настоящей книги. Хорошъ ли былъ пр. Паткановъ какъ ученый арменистъ или нѣтъ-объ этомъ пусть скажетъ свое компетентное слово ученая критика. Намъ же занимаетъ единственный вопросъ, были ли во всемъ, что писалось армянами о грузинахъ, слѣды тенденціознаго стремленія умалить заслуги грузинъ, присвоить ихъ

историческія права себѣ и прибѣгали ли эти ученые въ своихъ изысканіяхъ къ какимъ либо предосудительнымъ, недостойнымъ приемамъ.

Въ этомъ отношеніи въ порядкѣ изложенія кн. Чавчавадзе намъ придется остановиться на обвиненіяхъ такого „армянскаго“ ученаго, какъ пр. Марръ. Каждому извѣстно, что пр. Марръ не армянинъ. Вина пр. Марра предъ грузинами, однако, довольно тяжкаго свойства. Оказывается, по мнѣнію Н. Марра, если существуютъ какіе либо зачатки его культуры въ Грузіи, то чуть ли не по милости армянъ. „Вздумай грузины отрицать это, поль-культуры ихъ, грузинъ, сгинетъ.“ Въ выноскѣ дѣлается ссылка на „Братскую Помощь“ стр. 562, изд. 2-е. Въ этой книгѣ имѣется статья пр. Марра, являющаяся лишь перепечаткой его извѣстнаго фельетона „Отповѣдь грузинскому сборнику Акакія“, первоначально появившагося въ тифлисскомъ „Новомъ Обозрѣніи“. Въ статьѣ этой дѣйствительно находится подобная фраза, но по какому поводу и съ какими оговорками она высказана вотъ въ чемъ суть дѣла. Въ дѣйствительности оказывается, что пр. Марръ разбирая мнѣніе „молодого ученаго“, на котораго ссылается Акакій, что „у нынѣшнихъ армянъ нѣтъ никакого національнаго названія, у нихъ не было никакой національній исторіи до отдѣленія армянской церкви отъ православной“, а сообщенія армянскихъ историковъ лишь сказки, говоритъ слѣдующее:

„Если бы рѣчь шла о томъ только, что въ древне армянскихъ историкахъ начальная эпоха исторіи армянъ представлена легендарно (а начала какихъ древнихъ народовъ, скажите, пожалуйте, не окутаны легендарными данными), еслибъ хотѣли намъ внушить, что данными армянскихъ историковъ, какъи данными всякихъ историковъ, нельзя пользоваться безъ критической провѣрки, то, конечно, мы не имѣли

бы ничего сказать. Мы развѣ замѣтили бы, что „молодой грузинскій ученый“ и его почтенный единомышленникъ запоздали. Отрицательная критика армянскихъ источниковъ въ общемъ сдѣлала гигантскіе шаги, благодаря трудамъ ученыхъ, частью еврейцевъ (извѣстнаго историка Gutschmidt'a, проф. Baumgarten'a, проф. Carrière и др.), значительно же частью самыхъ армянъ (проф. Патканова, ученаго отца Дашяна, историка Карагашяна, ученаго монаха о. Галуста, проф. Халастьянца и др.). Это увлеченіе отрицательнымъ отношеніемъ, шедшее crescendo, въ настоящее время нуждается скорѣе въ умѣряющемъ духѣ, чѣмъ въ поощреніи. Однако, всѣ эти ученые, не говоря о специалистахъ иного направленія, подвергая строгой критикѣ данныя армянскихъ источниковъ, не являются отрицателями армянской національной исторіи, а, напротивъ, содѣйствуютъ ея утвержденію на болѣе прочныхъ научныхъ данныхъ. Конечно, жаль, если подобная элементарная истина еще не усвоена въ грузинской интеллигентной средѣ, но признаемся, что въ этомъ явленіи есть элементъ забавный, такъ какъ отрицаніе армянской національной исторіи и, слѣдовательно, армянской культуры является, если не болѣе, такъ на половину отрицаніемъ грузинской культуры“

„Говоря объ армянской и грузинской культурахъ, само собой понятно, мы не говоримъ еще ничего объ ихъ абсолютномъ значеніи. Для науки цѣна культурныхъ явленій не въ вѣсѣ и размѣрахъ ихъ, а въ интересѣ, сопряженномъ съ выясненіемъ ихъ жизненнаго процесса“. (562).

Въ самую древнюю пору и вплоть до X в. по Р. Х. Грузинская литература находилась подъ значительнымъ вліяніемъ армянской; достаточно сказать, что первые переводы библейскихъ книгъ на грузинскій языкъ были сдѣланы съ

армянскаго языка и это доказывается не армянами, а учеными, совершенно равнодушными къ армяно – грузинскимъ прекланіямъ. Грузинское церковное письмо, если и не было дано армяниномъ Месропомъ (современное армяновѣдѣніе на этомъ и не желаетъ настаивать, какъ думаетъ Акакій), то оно несомнѣнно было составлено по образцу армянскаго алфавита и по существу сообщеніе армянскихъ историковъ нисколько не противорѣчитъ дѣйствительности“.

Изъ этихъ приведенныхъ строкъ ясно видно, что пр. Марръ совершенно не касался вопроса о томъ, кто культурнѣе – грузины или армяне и притомъ мнѣніе о вліяніи армянской культуры на грузинскую высказываетъ исключительно въ опроверженіе вообще отрицательнаго отношенія къ армянской культурѣ со стороны „нѣкоего молодого ученаго“. Кромѣ таго, высказанный взглядъ является не голословнымъ, а подкрѣпленъ неоспоримыми фактами.

Далѣе кн. Чавчавадзе приписываетъ пр. Марру, будто онъ утверждаетъ, что грузинскій языкъ, какъ слабѣйшій, оставилъ на себѣ отпечатокъ вліянія армянскаго, какъ болѣе культурнаго языка. „Неужели сътакимъ кн. Чавчавадзе, что грузинскій языкъ усвоилъ себѣ много армянскихъ словъ и тѣмъ какъ бы издалека намекаетъ, что это еще одинъ доводъ въ пользу культурности армянъ“? (33). Приводя далѣе рядъ словъ, которыя, по мнѣнію пр. Марра, позаимствованы грузинами у армянъ, кн. Чавчавадзе удивляется, почему онъ не обратилъ вниманія на мнѣніе Ленормана и Э. Бурнуфа, изъ коихъ первый высказалъ слѣдующее: „Положительно установлено, что большая часть этихъ (грузинскихъ) словъ относится къ персидскому языку о вошла въ составъ грузинскаго сравнительно

* Банаки, спетаки, жами, калаки, сенаки, карги, тцеси матіанэ, пативи, тчешмарити и др.

недавно и не по необходимости, а въ силу исторических обстоятельствъ. Остальная же часть грузинскихъ словъ существуетъ съ давнихъ временъ и, достовѣрно можно сказать, носить грузинскій характеръ, какъ это намъ доказалъ великій лингвистъ Эженъ Бурнуфъ“ (34). „О древнѣйшихъ временахъ Грузинскаго Царства, продолжаетъ затѣмъ кн. Чавчавадзе, и культуры его упоминается въ ассарійскихъ клинообразныхъ надписяхъ еще въ 1300 г. До Р. Х., какъ это увидимъ ниже , объ армянахъ же и помину не было до конца II в. до Р. Х. А. Если уже зашла рѣчь о языкѣ, то развѣ не болѣе основаній предположить, что армяне позаимствовали отъ грузинъ слово для пополненія недостающихъ у нихъ?“ (34). Подтвержденіе этого же взгляда кн. Чавчавадзе видитъ въ томъ обстоятельстве, что ученый Гетеріасъ „высказался, что не могъ ясно понять внутренняго значенія армянскаго языка, пока не выучился грузинскому, такъ какъ многіе корни армянскаго языка состоятъ изъ элементовъ грузинскаго и безъ этого языка невозможно было ихъ объяснить“ (34) и что это мнѣніе Гетеріаса усиливается высказаннымъ гг. Ленорманомъ и Раулинсономъ взглядомъ, что вторженіе армянъ въ Арменію (въ концѣ VII в. до Р. Х.) поглотило много чего алародійскаго (грузинскаго), что по всѣмъ этимъ основаніямъ, по крайней мѣрѣ, г. Марръ долженъ былъ усомниться въ своихъ сужденіяхъ, а не издавать приказа, что это должна быть такъ, какъ ему угодно, и какъ онъ наставленъ въ томъ своимъ менторомъ“.(35).

Посмотримъ, однако, что говорить пр. Марръ по этому вопросу.

„Существованіе армянскихъ словъ въ грузинскомъ языкѣ, говоритъ онъ въ той же цитированной выше статьѣ, признано и указано такими грузинами, какъ писатель XVIII в. Саба

Сулханъ Орбелиани и лексикографъ XIX в. Д. І. Чубиновъ“
„Позорнаго нѣтъ ничего въ томъ, что въ грузинскій языкъ вошло много иностранныхъ словъ, въ томъ числѣ и армянскихъ. Усвоеніе чужого и переработываніе въ свое указываетъ лишь на жизнеспособность языка. Грузинскій языкъ также оказалъ извѣстное вліяніе на армянскій“

„Сами армяне нисколько не стараются скрыть этотъ фактъ: венеціанскіе мхитаристы охотно отмѣчаютъ въ своемъ капитальномъ словарѣ слова грузинскаго происхожденія, если, конечно, это имъ извѣстно“

Изъ дальнѣйшаго видно, что тѣ же слова были въ свое время приведены и Акакіемъ и, отвѣчая ему, пр. Марръ замѣчалъ, что онъ свои лингвистическія изысканія довелъ до такого предѣла, что сталъ утверждать, что грузины заимствовали у армянъ такія слова, какъ дзунци-скупой, мацанкали-сводникъ, авазаки-разбойникъ, састики-лютой, для каковыхъ, будто бы, не было въ грузинскомъ лексиконѣ собственныхъ словъ, что если грузины и заимствовали иногда слова у армянъ, то только слова предосудительнаго содержанія. Акакій внушаетъ что слова заимствуются изъ языка въ языкъ, будто, исключительно такія, какихъ нѣтъ въ языкѣ заимствующаго, между тѣмъ какъ интенсивность культурнаго воздѣйствія одного народа на другой въ томъ проявляется, что подпавшая вліянію народность заимствуетъ даже такія слова, безъ которыхъ она легко могла бы обойтись при независимости своего умственного развитія; но плѣненному чужимъ литературнымъ или инымъ вліяніемъ уму родныя слова кажутся не вполне выразительными и игнорируются, а съ теченіемъ времени и забываются вовсе. „Не будемъ настаивать, продол-

жаетъ далѣе пр. Марръ, на томъ, что Акакій, не зная армянскаго языка-скупой и сводникъ-рекомендуетъ армянскими, хотя первое слово не имѣетъ никакого соотвѣтствія въ армянскомъ, а второе-князь,-повидимому, со словъ Чубинова, какъ разъ въ этомъ ошибающагося, отождествляетъ съ мачкаль, означающимъ на армянскомъ пахарь и не стоящимъ ни въ какой связи съ грузинскимъ-сводникъ. Это, напротивъ, коренное грузинское слово, имѣющее діалектическую разновидность“. (Стр. 567).

Такимъ образомъ пр. Марръ не доказывалъ нигдѣ большой культурности армянъ сравнительно съ грузинами, не отрицать заимствованія армянами грузинскихъ словъ, а если и указывалъ на вліяніе армянской культуры на грузинскую и историческую ихъ взаимную зависимость, то говорилъ о фактахъ чисто историческаго и лингвистическаго порядка и про томъ съ строго научной точки зрѣнія, чужой всякихъ націоналистическихъ соображеній.

Но всѣ эти прегрѣшенія пр. Марра передъ грузинскимъ народомъ блѣднѣютъ передъ самымъ его тяжкимъ преступленіемъ, „нахальнымъ и непростительнымъ поступкомъ“ заключающемся въ томъ, что онъ предалъ „поруганію истинно великаго человѣка“ грузинскаго народа, „оскорбляетъ почти святая святыхъ его, которымъ онъ восторгается и которымъ онъ не налюбуется въ продолженіи почти 7-8 столѣтій; приравнялъ великаго грузинскаго поэта Шоти Руставели-гордость грузинъ къ простымъ воришкамъ, подобно армянскимъ книжникамъ, обвинивъ его въ томъ, что онъ выдалъ чужое за свое, нанесъ „смертельный ударъ грузинскому народному самолюбію“, отнялъ у нихъ опору ихъ славы и гордости, попраля, пошатнулъ фундаментъ славнаго памятника, въ который народъ вложилъ свое горе и

свою радость, свою душу, свои лучшія помышленія, чувства“.

Кому этотъ народный памятникъ (поэма „Барсова Кожа“) достоинствъ грузинъ служить бѣльмомъ на глазу, восклицаетъ возмущенно съ горечью кн. Чавчавадзе, — что г. Марръ съ такимъ самоотверженіемъ старается снять его?“ И даетъ затѣмъ ясно понять, въ угоду кому старается г. Марръ, т. е., конечно, армянамъ. (36, 37, 38).

Въ чемъ же дѣло, что вызвало такой ярый гнѣвъ кн. Чавчавадзе? Но словамъ нашего автора, „Г. Марръ и въ другомъ отношеніи дѣлаетъ попытку прогуляться на счетъ грузинъ, какъ будто онъ имѣетъ на нихъ зубъ и мститъ за что-то“ Давно онъ грозитъ: дайже мнѣ время, я изорву въ клочки вашу пресловутую поэму „Барсову Кожу“ (Вепхись—Ткаосани). Я предполагаю, что въ Англіи есть-де манускриптъ, найду его и докажу вамъ, что пресловутая эта поэма ваша или переводина, или заимствована оттуда“

И опять кн. Чавчавадзе не приводитъ указаній, гдѣ именно пр. Марръ высказываетъ столь преступные взгляды. У кн. Акакія (судя по „Отповѣди“ пр. Марра) А Цагарели и Д. Бакрадзе-этихъ вдохновителей кн. Чавчавадзе, — мы не нашли никакихъ слѣдовъ этихъ обидныхъ для грузинскаго національнаго самолюбія воззрѣній. Просмотрѣвъ все написанное пр. Марромъ, конечно, не было ни малѣйшей возможности.

* Удивительный взглядъ у кн. Чавчавадзе на задачи ученыхъ изысканій: ему кажется, что критика обязательно должна „изорвать къ клочки“ критикуемое. Такъ, Паткановъ, оказывается, „изорвалъ въ клочки“ грузинскія лѣтописи, теперь пр. Марръ тоже самое продѣлываетъ съ „Барсовой Кожей“. Всѣ эти ученые только и дѣлаютъ, что „рвутъ въ клочки“ всѣ грузинскіе литературные и историческіе памятники.

Намъ оставалось обратиться къ, самому пр. Марру и спросить его гдѣ именно онъ говорить то, что ему приписываетъ кн. Чавчавадзе. Чтобы разъяснить интересовавшій насъ вопросъ, пр. Марръ указаль намъ на двѣ свои статьи, въ которыхъ онъ касается „Барсовой Кожи“, присовокунивъ, что, убѣдившись въ томъ, что его догадка о возможности нахождения въ Англіи манускрипта, откуда, могъ бы быть заимствованъ сюжетъ поэмы Руставели не оправдалась, онъ самъ первый объ этомъ заявилъ и отказался отъ этого взгляда. Обратившись затѣмъ къ указаннымъ пр. Марромъ статьямъ, мы нашли, что въ первой статьѣ, озаглавленной „Грузинскій изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ Русуданіани“ и помѣщенной въ „Восточныхъ Замѣткахъ“ (Спб. 1895 г.). говорится, между прочимъ, объ этомъ произведеніи Руставели слѣдующее:

„Сравнительно счастливые въ политическомъ существованіи грузины, жившіе всецѣло современными интересами и безпечно глядѣвшіе на надвигавшееся мрачное будущее, не обмолвились ни однимъ словомъ о національномъ эпосѣ, о народныхъ пѣвцахъ, но въ пользу ихъ существованія свидѣтельствуешь не менѣе убѣдительно самый фактъ, единичный, но весьма крупный, это — поэма „Юноша въ барсовой кожѣ“ Шота Руставели, великаго мастера грузинскаго слова и грузинскаго стихотворнаго искусства. Но и этотъ нерукотворный памятникъ воздвигнуть лишь одной высокоразвитой формѣ народнаго эпоса; съ задатками богатоодареннаго, свободнаго поэта и традиціями народныхъ пѣвцовъ, Шота, вступивъ въ ряды писателей, не оказался въ силахъ совершенно сбросить съ себя оковы господствовавшего въ литературѣ

теченія, подпаль подъ иго литературной подражательности, и не только заимствовалъ чуждый сюжетъ, но-что важнѣе,- подчинился условности персидскихъ литературныхъ приемовъ и „поэтическихъ“ описаній, и тѣмъ лишилъ свое дѣтище истиннаго національнаго значенія“

„На грузинскомъ языкѣ мы имѣемъ рядъ переводныхъ сказочныхъ повостей, персидское происхожденіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, но персидскихъ ихъ оригиналовъ мы пока не знаемъ. Я продолжаю надѣяться, что рано или поздно въ персидской литературѣ всплыветъ и тотъ грузинскій романъ, прозаическій переводъ котораго послужилъ матеріаломъ творцу поэмы „Юноша въ барсовой кожѣ“... (Стр. 229).

„Въ свѣтской отрасли грузинской литературы замѣчается два довольно характерныхъ періода, какъ пропастью раздѣленныхъ нѣсколькими вѣками полной непроизводительности: первый, классическій, совпадаетъ почти цѣликомъ съ XII вѣкомъ, а второй длится до новейшаго времени, начавшись въ XVI столѣтіи, съ утвержденіемъ Сефевидовъ въ Персіи и распространеніемъ ихъ власти по Грузіи. Оба періода въ политической жизни грузинъ совпадаютъ съ весьма тѣснымъ вольнымъ или невольнымъ сближеніемъ съ Персіею; въ обоихъ случаяхъ персидская романтика и эпосъ являются главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ живительной влаги, разлившейся по нивѣ грузинской литературы“)... (Стр. 229-230).

„Духовная литература у грузинъ зародилась за много вѣковъ раньше, развивалась въ иныхъ условіяхъ и до возникновенія свѣтской успѣла пережить два главныхъ періода, ха-

* См. „Персидская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ „Алирандареджаніани““. (Ж. Мин. Нар. Пр. 1895 г. іюнь).

рактизуемыхъ одинъ-болѣе или менѣе тѣснымъ общеніемъ съ армянской литературой, другой, болѣе поздній и цвѣтущій-непосредственной зависимостью отъ греческой. Новѣйшія попытки отвергнуть вліяніе армянской литературы на древнѣйшую грузинскую грѣшатъ крайней тенденціозностью, идутъ въ разрѣзъ съ неоспоримыми фактами, въ родѣ присутствія массы армянскихъ словъ въ грузинскомъ текстѣ, въ родѣ случаевъ разночтеній, объясняемыхъ исключительно зависимостью отъ армянскаго текста и вообще крайне шатки, какъ мы то увидимъ въ свое время“.

Во второмъ трудѣ, озаглавленномъ „Древне грузинскіе описцы“ (XIV.) и вошедшемъ въ составъ IV тома сочиненій пр. Марра „Тексты и розысканія по армяно-грузинской филологіи“ о томъ же предметѣ имѣются слѣдующія строки:

„Разбирая вопросъ, кѣмъ могла бы быть написана ода въ честь Тамары, пр. Марръ говоритъ: „Если бы памятникъ дошелъ до насъ безъ рукописнаго преданія объ его авторѣ, то едва ли кто сталъ оспаривать его принадлежность тому безподобному художнику слова, который силою лишь чарующей музыкальности своихъ стиховъ сумѣлъ придать національный грузинскій обликъ персидской переводной повѣсти и сдѣлать ее народнымъ достояніемъ. Я имѣю въ виду Шоту Руставели, автора „Барсовой Кожи“. (51). „Стихи эти (ода въ честь -Тамары), однако, не надо смѣшивать съ романтическою поэмою, представляющею стихотворную обработку какого то переводного романа“. (54). „Если въ романтической поэмѣ желать видѣть, какъ нѣкоторые то доказываютъ, цѣликомъ восхваленіе Тамары или даже полную картину исторической Грузіи XII вѣка, то это можно лишь путемъ мистическаго толкованія, основаннаго на упорномъ

игнорированіи историко-литературныхъ фактовъ и на искусственно-возбужденномъ патріотизмѣ. Конечно, и такое мистическое толкованіе представляетъ интересъ, но лишь съ точки зрѣнія изученія той эпохи, когда оно возникло. Для реальнаго же пзученія самага памятника подобныя попытки ничего, кромѣ вреда, не приносятъ. Прежде всего лежащее въ ихъ основѣ болѣзненное и острое желаніе видѣть въ поэмѣ цѣликомъ грузинское народное національное произведение затрудняетъ изслѣдованіе не позволяетъ замѣтить въ ней и тѣ любопытныя, дѣйствительно, національныя грузинскія черты, которыя не могутъ не быть признаны отголоскомъ грузинской современной жизни, даже отраженіемъ, быть можетъ, и невольнымъ, обаятельной личности Тамары, центральной фигуры той эпохи. Затѣмъ мистическо-національныя толкованія вселяютъ въ читателя безъ всякаго основанія недоувѣріе къ словамъ самага поэта, откровенно излагающаго свое отношеніе къ избранному имъ сюжету. Шота говорить (7. 3 и 4), что онъ, переложилъ на стихи то, что раньше рассказывалось прозою: опять 5.самъ Шота говорить (16, 1-4). что онъ переложилъ на стихи повѣсть, давно приведенную съ персидскаго на грузинскій языкъ "... „Наконецъ, все тотъ же Шота говорить (1634, 1): „Для богини грузинъ, кому служить солнце (жизнь) Давида, для забавы ея я переложилъ на стихи эту повѣсть"... „Отсюда ясно, продолжаетъ пр. Марръ что если „Барсова Кожа“ имѣетъ какое-либо отношеніе къ Тамарѣ, то прежде всего постольку, поскольку поэма была составлена для ея развлечения, поскольку поэту хотѣлось заслужить вниманіе царицы чудными стихами. Это, конечно, не исключаетъ возможной наличности въ, поэмѣ въ самомъ изложеніи ея заимствованнаго романтическаго сюжета, тѣхъ или иныхъ. подробностей. тяготящихся къ окружавшей поэта средѣ ". (55, 56)

Этой выдержки достаточно вполне, чтобы показать, что пр. Марр и не думалъ, отрицать всѣхъ достоинствъ творенія Шота Руставели, котораго онъ даже величаетъ „творцомъ“, „великимъ мастеромъ грузинскаго слова“, т. е. даетъ ему эпитеты, которые обычно даютъ дѣйствительно великимъ поэтамъ и художникамъ, какъ Пушкинъ, Гоголь въ русской литературѣ, или Шекспиръ и Байронъ въ англійской литературѣ. Съ этой точки зрѣнія приписывать пр. Марру, будто онъ сопоставилъ Шота Руставели съ „пройдохами“ и „воришками“ значитъ прежде всего профанировать имя великаго грузина, гордости грузинскаго народа, такъ что, давая волю своему необузданному языку, якобы въ интересахъ преслѣдованія враговъ національной славы грузинъ, кн. Чавчавадзе прежде всего самъ оскорбляетъ память славнаго творца „Барсовой Кожи“. Далѣе, пр. Марръ называетъ самъ же эту поэму „нерукотворнымъ памятникомъ“ Что-жъ, развѣ это показываетъ, что пр. Марръ предаетъ поруганію, оскорбляетъ „святая святыхъ“. наносить смертельный ударъ грузинскому самолюбію? Развѣ говорятъ о заурядномъ хотя бы и весьма значительномъ произведеніи что оно—нерукотворный памятникъ? Развѣ не очевидно, что, называя „Барсову Кожу“ нерукотворнымъ памятникомъ, пр. Марръ воздалъ должное ея великимъ и неуязвимымъ достоинствамъ? И, наконецъ, развѣ можно желать, чтобы ученый, глубоко любящій свой предметъ, кладущій долгіе годы терпѣливаго труда на разработку темныхъ вопросовъ своей специальности, ограничилъ бы свою задачу любовнымъ и слѣпымъ восхищеніемъ какимъ-либо литературнымъ памятникомъ только потому, что народъ имъ никакъ не налюбуется въ теченіе 7-8 вѣковъ? Нѣтъ, истинная наука безпощадна въ своей любви къ истинѣ. Она должна, она прямо обязана проникать острымъ ножомъ своей критики въ самыя,

быть можетъ, дорогія народныя вѣрованія, не заботясь ни о національномъ самолюбіи ни о святости преданій старины. Сколько поколѣній армянь буквально воспитывалось на Исторіи М. Хоренскаго! Сколько вдохновеній черпалъ въ этой Исторіи армянскій народъ въ пору своихъ тяжелыхъ многовѣковыхъ бѣдъ... Но настало время научнаго анализа, — и слава Хоренскаго значительно померкла, и притомъ сами же армяне явились одними изъ самыхъ первыхъ и смѣлыхъ піонеровъ этой разрушительной работы, грѣша скорѣе излишнимъ рвеніемъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ ревнивымъ обереганіемъ національной гордости отъ неосторожнаго и непочтительнаго отношенія и въ результатѣ — высшіе интересы истины, всегда согласные съ истинными интересами народа, отъ такой работы только выиграли. По отношенію къ „Барсовой Кожи“ вѣдь и этого не было. Не оспаривая безсмертныхъ заслугъ автора этой поэмы, пр. Марръ высказалъ, свой взглядъ о заимствованности его сюжета изъ персидскаго источника, опираясь притомъ также и на слова самого поэта, и на сильное вліяніе на форму этой поэмы, оказанное персидской литературой. Но что же въ этомъ обиднаго? Кто не знаетъ, что заимствиваніе сюжета ни на іоту не умаляетъ цѣнности художественнаго произведенія, ни оригинальности творческой работы его автора. Шекспиръ значительную часть своихъ безсмертныхъ драмъ и трагедій писалъ по сюжетамъ, заимствованнымъ изъ старыхъ хроникъ. Отъ этого національная слава шекспировскихъ твореній нисколько вѣдь не умаляется. Что же касается подчиненія формами чужой литературы, то это такое явленіе, которое замѣчается въ самыхъ развитыхъ, литературахъ наиболѣе передовыхъ народовъ. Да иначе и быть не можетъ. Врядъ ли можетъ какая либо литература претендовать на совершенную свою сомобытность, такъ, какъ преемственная

связь и зависимость всѣхъ литературъ между собою- фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Русская литература отразила на себѣ вліяніе англійской и французской, эти послѣднія—вліяніе греческой и латинской и отъ этого слава достоинствъ и міровое культурное значеніе этихъ литературъ нисколько не страдаютъ, ибо, помимо сюжета, формъ и заимствованныхъ словъ и образовъ, въ творествѣ каждого народа наиболѣе важнымъ и цѣннымъ являются изобразенія дѣйствительной жизни народа и его глубокихъ сокровенныхъ идеаловъ въ своеобразномъ освѣщеніи и оцѣнкѣ народнаго генія.

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, для насъ, несомнѣнно, что пр. Марръ глубоко несправедливо подвергся оскорбительнымъ обвиненіямъ въ желаніи нанести смертельный ударъ грузинскому самолюбію въ угоду армянамъ, для которыхъ слава „Барсовой Кожи“, якобы, является бѣльмомъ на глазу. А если онъ, какъ человекъ науки, предпочелъ критическое отношеніе безмятежному и благоговѣйному созерцанію при оцѣнкѣ творенія шмпкаго мастера слова, то за это онъ заслуживаетъ только великаго признательности съ точки зрѣнія истинныхъ интересовъ народнаго самосознанія.

Остается затѣмъ упрекъ, будто пр. Марръ гдѣ то писалъ, что поэма „Барсова Кожа“или переведена, или заимствована съ персидскаго. Ничего подобнаго пр. Марръ нигдѣ не могъ говорить, такъ какъ единственное, на что онъ указывалъ и указываетъ, ссылаясь, между прочимъ, на текстъ самой поэмы, это то, что сюжетъ ея заимствованъ. Читатель, конечно не нуждается въ разъясненіяхъ, какая огромная разница между заимствованіемъ сюжета и переводомъ или заимствованіемъ самого произведенія. Пр. Марръ говорить въ этомъ отношеніи

не болѣе того, что говорить самъ Шота Руставели, творецъ національной грузинской поэмы.

Такимъ образомъ, и здѣсь опять кн. Чавчавадзе остался вѣренъ себѣ: не понявъ или сознательно переиначивъ онъ пустилъ въ обращеніе еще одну клевету про почтеннаго ученаго, заслуживающаго только глубокую благодарность какъ армянъ, такъ и грузинъ своей любовью и безпристрастнымъ научнымъ отношеніемъ къ нашей старинѣ. Но разве это смущаетъ кн. Чавчавадзе? Лишь бы нашумѣть, накричать, забить тревогу о поруганіи всего для грузинскаго народа святого и самому попарадировать въ образѣ защитника снященнаго народнаго достоянія, а тамъ кто еще станетъ докапываться до истины, да и повѣрять ли чѣмъ либо возраженіямъ, когда говорить противъ армянъ и обличаетъ армянскую интригу самъ кн. Илья Чавчавадзе, краса и гордость современной грузинской литературы!

7. Французскій корреспондентъ Кутули о грузинскомъ народѣ.

Всю слѣдующую главу IV и часть главы V кн. Чавчавадзе посвящаетъ тоже, повидимому „армянскому ученому“ - нѣкому французу Кутули, корреспонденту французской газеты „Temps.“ Въ списокъ обвиняемыхъ этотъ корреспондентъ попалъ потому, что въ 1877 году онъ, будто бы, со словъ армянскаго журналиста Арцруни и дѣятелей его лагеря печаталъ въ „Temps“ корреспонденціи, въ которыхъ рассказывалъ про грузинъ разный вздоръ, якобы, въ угоду армянамъ. Что Кутули писалъ подъ диктовку аркапъ, повторялъ, какъ эхо,

слышанное отъ армянъ, въ этомъ кн. Чавчавадзе не сомнѣвается на томъ основаніи что съ самой станці Балта, Военно-Грузинской дороги, гдѣ онъ встрѣтился съ однимъ армяниномъ офицеромъ артиллеристомъ и затѣмъ во все время непродолжительнаго пребыванія въ Тифлисѣ Кутули вращался въ кругу армянской интеллигенціи, которая всюду его водила, все показывала, устраивала ему загородные кутежи, всячески ублажая его и систематически способствуя сформированію въ немъ опредѣленнаго убѣжденія, крайне невыгоднаго для грузинскаго народа. Если Кутули все время вращался въ кругу армянъ, то, очевидно, такъ, полагаетъ кн. Чавчавадзе, онъ только со словъ армянъ могъ составить такое неблагоприятное о грузинахъ мнѣніе, которое впослѣдствіи высказывалъ во французской газетѣ. Никакого иного источника (ни относящейся литературы, ни личныхъ наблюденій) кн. Чавчавадзе не допускаетъ для Кутули.

Хотя нѣкоторыя строки корреспонденціи Кутули, довольно неодобрительныя объ армянахъ, могли бы убѣдить кн. Чавчавадзе, насколько Кутули былъ свободенъ отъ исключительно армянскаго вліянія, но кн. Чавчавадзе, самъ же приводя эти дурные отзывы Кутули объ армянахъ, все-таки упорно настаиваетъ на томъ, что вдохновителемъ его были армянскіе „философы“ и „либералы“, разные „Делингеры“ и „Гіацинты“. Нѣсколько странно въ устахъ передового грузинскаго поэта слышать слова „либералы“ и „философы“- въ ругательномъ смыслѣ, но кн. Чавчавадзе пріучилъ насъ и не къ такимъ еще „игривымъ“ пріемамъ полемики и потому оставимъ эту сторону вопроса и посмотримъ, что говоритъ о самихъ армянахъ этотъ „ученикъ“ армянскихъ либераловъ, это „эхо“ армянскихъ грамотеевъ.

Пока Кутули оставался въ Тифлисѣ, говорить кн. Чавчавадзе, и вертѣлся среди нихъ, какъ уторѣлый въ какомъ то чаду, онъ не уставалъ восхвалять ихъ, но когда ему, Кутули, случилось побывать въ Эриванской губерніи, повѣствуетъ далѣе кн. Чавчавадзе о дѣяніяхъ этого грузинофобствующаго армянофила, и собственными глазами присмотрѣться къ нимъ на собственномъ же ихъ пепелищѣ, то „задалъ же онъ имъ трезвону“, „пропѣлъ имъ пѣсенку“. „Армяне, молъ, на родинѣ своей вообще трусы, неучи, ненужды и равнодушны къ судьбѣ своей родины“. (54-55).

Какъ вамъ нравятся эти отзывы Кутули, рекомендованнаго перодъ тѣмъ въ качествѣ простого „эхо“ армянъ?! Казалось бы, этого было бы довольно для оиредѣленія истинной роли армянскаго влінія во всѣхъ писаніяхъ Кутули. Очевидно, что Кутули писалъ все, что ему приходило въ голову подъ вліяніемъ своихъ легкомысленныхъ и поверхностныхъ, наблюденій и заключеній . На этомъ можно было бы и успокоиться или, въ крайнемъ случаѣ, разнести его самого въ пухъ и прахъ за всѣ вздорныя вещи, которыя онъ позволилъ.

Себѣ говорить о грузинахъ. Но тутъ то и выдалъ себя съ головою кн. Чавчавадзе и свои нстинныя намѣренія. Стоило этому легкомысленному писателю, повторявшему безъ провѣрки всякій слышанный вздоръ, облить армянъ грязью, какъ немедленно же кн. Чавчавадзе производитъ его въ авторы, заслуживающіе такого полнаго довѣрія, что на основаніи приведенныхъ выше его словъ объ армянахъ, кн. Чавчавадзе уже дѣлаетъ въ самой опредѣленной формѣ такое заключеніе:

„Итакъ, какъ видно, они (армяне) оказываются и учеными, и народомъ, заботящимся о судьбѣ своей, храбрыми-только тамъ. гдѣ они, по ихъ собственной пословицѣ чувуютъ запахъ хлѣба“. (55)

И послѣ такой фразы кн. Чавчавадзе рѣшается увѣрять своихъ читателей, что онъ имѣетъ въ виду только армянскихъ грамотеевъ-ученыхъ и книжниковъ, а не весь народъ, къ которому онъ, преисполненъ благихъ чувствъ и пожеланій?! Вотъ ужъ истинно про себя самого кн. Чавчавадзе приводитъ изъ Евангелія отъ Матѣея изреченіе: „Рѣчь твоя обличаетъ тебя“!

Вотъ вамъ тотъ критерій, которымъ въ глазахъ кн. Чавчавадзе опредѣляются достоинства и недостатки писателя: если онъ ругаетъ армянъ-значить онъ заслуживаетъ довѣрія, и на его показанія можно строить свой выводъ; если же хвалить ихъ да еще при этомъ осмѣливается не совсѣмъ похвально отозваться о грузинах-онъ окончательно погибъ въ глазахъ кн. Чавчавадзе, нѣтъ ему ни спасенія, ни пощады ни въ этомъ, ни въ иномъ мірѣ. Имя такого писателя навѣки должно быть покрыто позоромъ. Что жъ, мы готовы признать въ такомъ критеріи много непосредственного, хотя и наивнаго, патріотизма. Много ли въ немъ справедливости и послѣдовательности-это, конечно, ужъ совсѣмъ иной вопросъ, мало волнующій этого обитателя грузинскаго Парнаса...

Но вернемся, однако, къ Кутули и посмотримъ, какъ велики его прегрѣшенія. Эти прегрѣшенія двоякаго рода. Первые заключаются въ томъ, что онъ объ армянахъ далъ слишкомъ лестный отзывъ. Спрашивается теперь, если кн. Чавчавадзе-добрый нашъ сосѣдъ, зачѣмъ колютъ ему глаза эти похвалы, расточаемыя армянамъ по французской газетѣ? Что же, развѣ отъ этого убудетъ грузинъ, затмится ихъ слава, или вообще причинить это какой либо ущербъ нравственный или матеріальный грузинамъ? Очевидно, нѣтъ! Обидно это лишь для завистливаго чувства, котораго слѣдовало бы стыдиться, а не вкладывать въ такой неумѣренной дозѣ въ свою публицистическую дѣятельность.

Посмотримъ, однако, что въ этомъ отношеніи писалъ Кутули.

Въ газетѣ „Temps“, рассказываетъ кн. Чавчавадзе, Кутули подробно описалъ свои впечатлѣнія, при чемъ армяне повели дѣло такъ, что, по корреспонденціямъ Кутули, „все оказалось армянскимъ: парламентъ (Дума) армянскій, пиры и увеселенія-армянскіе, праздники- армянскіе; Делингеры и Гіацинты- армяне, философы- армянскіе, кушанья-армянскія и гдѣ же? въ Тифлисѣ. Очевидно, здѣсь Арменія и Тифлисъ-городъ Арменіи. Какой же другой выводъ могъ сдѣлать такъ искусно опутанный пришелецъ? „Такимъ образомъ увѣрили европейскаго корреспондента, что Грузія, включая и Тифлисъ,-Арменія и вѣсть эту заставили его распространить по всему міру при посредствѣ такой почтенной и вліятельной газеты, какъ „Temps“. При этомъ кн. Чавчавадзе обнаруживаетъ тайный умыселъ такого „смѣшного вѣроломства п фальсификаціи (43), заключавшійся въ томъ, что армяне желали выдвинуть вмѣстѣ съ великимъ восточнымъ вопросомъ и армянскій“. Для этого армяне и постарались убѣдить Кутули, что Тифлисъ и вся Грузія- ихъ обиталище, ихъ страна,-и разъ это дѣйствительно такъ, кто же скажетъ послѣ этого, что армяне разсѣяны и нѣтъ у нихъ территоріи для сплоченія (43-44). „Протяните отсюда нить къ тому, что говорилъ, Сенковскій и хотя это представляетъ „ дистанцію огромнаго размера“. вы найдете ключъ къ заданной намъ загадкѣ. Какъ знать? Легко предположить, что Делингеры и философы армянскіе существовали и при Сенковскомъ“. (Стр. 44). Такимъ образомъ кн. Чавчавадзе утверждаетъ, что кружокъ Арцруни явился лишь продолжателемъ дѣла, начатаго еще Сенковскимъ и для этой цѣли сдѣлалъ Кутули, своимъ слѣпымъ орудіемъ. Но мы вѣдели въ первой главѣ, насколько чуждъ былъ Сенковскій

навязываемой ему тенденціи интересуясь лишь вопросом, о томъ, когда грузины пришли въ предѣлы Тифлиса и не касаясь совершенно всей послѣдующей судьбы этой мѣстности. Слѣдовательно, нельзя устанавливать общей виновности въ дѣлѣ, совершенно чуждомъ. но крайней мѣрѣ, Сенковскому. Что же касается кружка Арцруни, якобы внушавшаго Кутули, что и Тифлисъ, и Грузія принадлежать армянамъ, то и это указаніе нисколько не вяжется съ тѣми ци-гатами, которыя приводитъ самъ кн. Чавчавадзе. Изъ этихъ цитатъ видно лишь одно, что кружокъ Арцруни водилъ Кутули въ "Тифлисскую городскую думу, которую онъ, Кутули, величаетъ маленькимъ парламентомъ: что члены управы мерещутся корреспонденту министрами, а Арцруни съ своею либеральною партіею — ониозиціею : что Кутули вмѣстѣ съ членами кружка Арцруни обходить всѣ армянскія церкви, въ которыхъ прекрасныя и дорогія облаченія священниковъ поражали Кутуки тѣ же армяне повезли въ армянскія школы; что Кутули ввели въ армянскій интеллигентный кружокъ, чествовали на славу, угощая его армянскими кушаньями и даже повезли на храмовой праздникъ въ Шиндиси, и здѣсь, когда Кутули былъ, пораженъ, что всѣ бывшія на пирахъ и на богомольѣ женщины были съ большими какъ гора носами, то объяснили ему „толково и чистосердечно“. что всѣ эти носатыя дамы-грузинки“. (42-43).

Оставляя въ покоѣ большіе носы дамъ. видѣнные Кутули, какъ имѣющіе чисто-анекдотическое значеніе, позволимъ только спросить, что же тутъ обиднаго для грузинскаго самолюбія,

* Несмотря на всю силу армянскаго внушенія, Кутули не постѣснился, отозвавшись съ похвалою на счетъ прекрасныхъ глазъ, армянокъ-ученицъ, довольно иронически „извиниться“ на счетъ ихъ красоты („pardon , молъ!“). (Стр. 42).

что армянская интеллигенція познакомила французскаго корреспондента съ различными сторонами армянской жизни въ Тифлисѣ: школами, церковью, даже общественнымъ самоуправленіемъ въ которомъ армяне, въ особенности въ семидесятыхъ годахъ, играли такую преобладающую роль, — наконецъ, съ армянскими кушаньями? Развѣ не то же самое дѣлали и продолжаютъ дѣлать грузины съ пріѣзжими гостями, вступающими въ ихъ среду? И, наконецъ, развѣ изъ всего этого можно сдѣлать заключеніе, что армяне присваивали себѣ Тифлисъ и Грузію, какъ свою страну? Развѣ не естественнѣе видѣть во всемъ вниманіи, оказанномъ Кутули, одно желаніе познакомить Европу съ положеніемъ армянъ въ Россіи, безъ всякихъ поползновеній присвоить имъ чужое и несоотвѣтствующую дѣйствительности роль и значеніе? Даже допуская, что Кутули, что называется, переборщилъ и слишкомъ поусердствовалъ по части восхваленія армянъ, — чувствовать себя задѣтымъ можетъ только лишь тотъ, для кого весь успѣхъ армянъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы является бѣльмомъ на глазу.

Посмотримъ дальше, что еще, по убѣжденію кн. Чавчавадзе, армяне „внушили“ Кутули.

„По словамъ Кутули, въ Закавказьѣ живутъ армяне, грузины, татары и русскіе“. Но эти четыре народности указаны не за тѣмъ чтобы о нихъ трактовать. Лишь одно сопоставленіе грузина съ армяниномъ — вотъ та игра въ которой козыри всегда, по странной прихоти судьбы, оказываются въ ихъ рукахъ. Заставили же они его каркнуть, что Тифлисъ — Арменія; но и Тифлиса не довольно имъ — необходимо заставить его сболтнуть, якобы и все Закавказье принадлежитъ, армянамъ; и это желаніе, какъ увидимъ, исполнилось. Повѣдавъ Европѣ, что на Кавказѣ живутъ представители четырехъ національностей,

Кутули далѣ говорить: „Хотя армянъ, молъ, въ настоящее время меньше, чѣмъ грузинъ, всего 600 т., но въ концѣ настоящаго столѣтія число ихъ увеличится и ихъ станеть больше послѣднихъ. А остальные націи?, восклицаетъ кн. Чавчавадзе. О татарахъ и русских не упоминается ни слова, какъ будто не стоитъ говорить о нихъ, какъ будто они не могутъ быть приняты въ расчетъ. Не ясно ли, что бѣльмомъ въ глазу служить лишь перевѣсъ грузинскаго элемента въ Закавказьѣ“. (Стр. 45).

На основаніи этой фразы кн. Чавчавадзе убѣждаетъ читателя, что Кутули, будто, возвѣстилъ Европѣ, что грузины вымираютъ и вырождаются, а армяне обильно нарождаются, что „грузины, молъ, переведутся, а армяне размножатся“; что армяне составляютъ, молъ, на Кавказѣ „третье сословіе“, въ рукахъ которыхъ-торговля, всѣ ремесла, всѣ отрасли общественной дѣятельности. Они-врачи, адвокаты, люди свободныхъ профессій. У нихъ свои школы, журналы, свой маленькій парламентъ въ Тифлисѣ; армяне же дали русской арміи цѣлую плеяду генераловъ; что будущее на Кавказѣ принадлежить, армянамъ, сосѣдямъ же ихъ, грузинамъ и татарамъ, не остается ничего, какъ только обармяниться“ (стр. 46) и „превратиться въ рабовъ армянъ“ (стр. 47); что армяне, по мнѣнію „въ высшей степени всесторонне развитого философа“ (Арцруни), въ будущемъ составятъ царство съ 30-ю милліонами подданныхъ.

Послѣ всего, что выяснилось о той точности, съ которой кн. Чавчавадзе излагаетъ чужія мысли, прежде всего въ высокой степени позволительно усомниться, чтобы и въ данномъ случаѣ почтенный грузинскій поэтъ не далъ воли своей фантазіи и не вложилъ въ уста Кутули или Арцруни

того, чего, быть может, они и не думали говорить. Сомнѣнія эти позволительны еще болѣе потому, что ничего подобнаго тому, что приписывается Кутули и Арцруни, никогда не писали и не говорили его вдохновители, т. е. кружокъ Арцруни, съ самимъ Арцруни во главѣ. Публицистическая дѣятельность послѣдняго и идеи, проводимыя созданнымъ имъ органомъ „Мшакъ“ достаточно всѣмъ извѣстны и доступны. Остается, слѣдовательно, чтобы кн. Чавчавадзе и его единомышленники привели точную цитату изъ какой либо статьи, появившейся въ газетѣ „Мшакъ“, въ которой говорилось бы о вырожденіи и вымираніи грузинъ въ Закавказьѣ, о скоромъ овладѣніи всѣмъ краемъ армянами и о неизбежномъ обармяненіи грузинъ и обращеніи ихъ въ рабовъ армянъ. Смѣемъ думать, что такой цитаты не окажется!

Что же касается того, насколько армянамъ вообще чужды подобныя дѣянія и оскорбительныя для грузинъ мысли и мечты, то въ этомъ отношеніи никакія сомнѣнія неумѣстны, въ виду свидѣтельства самого кн. Чавчавадзе, который по поводу всего вздора, приписываемаго Кутули и его вдохновителями армянамъ восклицаетъ:

„Не думаемъ, чтобы какой либо разумный армянинъ согласился съ такимъ необузданнымъ бредомъ всесторонне развитого философа (Арцруни) относительно 30-ти миллионнаго армянскаго царства, которое, очевидно, сможетъ создать нынѣ малочисленный армянскій народъ только путемъ порабощенія и обармяненія всѣхъ своихъ сосѣдей“

„Мы убѣждены, продолжаетъ далѣе нашъ авторъ, что ни одинъ армянинъ, находящійся въ здоровомъ умѣ, не только не скажетъ, даже и не помыслить объ этомъ. Это стукотня распатавшейся мельницы, между армянами же или нѣтъ вовсе такихъ, а если и есть, то не стоитъ и говорить о нихъ.“

Это лишь болтовня бездѣльника. Все это глупый бредъ одного человѣка и да простится ему это “. (48).

На этотъ разъ не можемъ не согласиться вполнѣ съ кн. Чавчавадзе. Это, дѣйствительно, глупый бредъ , но только на этомъ и слѣдовало бы успокоиться, а не приводить этого бреда въ статьяхъ, посвященныхъ армянскимъ ученымъ и во всякомъ случаѣ не подымать изъ подобной вздорной болтовни такого шума. Но, видно, одно дѣло- норисоваться высокимъ безпристрастіемъ, а другое-подавить въ себѣ всѣ мелкія, дурныя чувства. Послѣднее оказалось и для кн. Чавчавадзе трудомъ непосильнымъ. Воскликнувъ съ такимъ снисходительнымъ велпкодушіемъ: „Это бредъ одного человѣка и да простится ему“, кн. Чавчавадзе въ дальнѣйшемъ все еще продолжаетъ серьезно доказывать неосуществимость этой мечты о 30 миллионномъ государствѣ, утверждая, что хотя сами армяне это знаютъ, но извѣстная часть армянъ усвоила принципъ „кричать о себѣ какъ можно больше“.

Выходитъ, что кн. Чавчавадзе не умѣетъ даже простить искренно вздорную болтовню невѣдомому фантазеру-и онъ не прощаетъ ее и не только не прощаетъ, но ловко пользуется этой же болтовней, чтобы изъ нея выудить факты, уличающіе армянскій пародъ въ отсутствіи у него основныхъ понятій о нравственности. И какъ все это ловко продѣлывается!. Какіе то армяне сообщили Кутули нѣсколько армянскихъ поговорокъ, вѣроятно, скорѣе курьеза ради, чѣмъ для характеристики армянскаго народа. Кн. Чавчавадзе подхватываетъ эти поговорки и, сопоставляя ихъ съ грузинскими поговорками, злорадствуетъ и торжествуетъ: вотъ-де, какіе армяне испорченные, а грузины какіе благородные и великодушные. Вотъ, между прочимъ, какія армянскія поговорки приводитъ кн. Чавчавадзе для этой цѣли: „Къ чему тебѣ знать, кто пекъ этотъ

хлѣбъ. Если онъ вкусенъ ѣшь, если даже его пекъ еврей“, или „Гдѣ найдешь хлѣбъ, тамъ и селись“. „Эти пословицы, восклицаетъ кн. Чавчавадзе, позоръ создававшего ихъ народа“. (49).

Прежде всего позволительно спросить, какое отношеніе имѣютъ эти армянскія поговорки къ задачамъ, книги, трактующей объ отношеніи армянскихъ ученыхъ къ грузинамъ и къ ихъ исторіи? Разсужденія на тему о достоинствахъ народа, создававшего эти поговорки, умѣстны были бы только въ трудѣ, посвященномъ не отношенію армянскихъ ученыхъ къ грузинамъ, а армянскому народу и критической оцѣнкѣ его недостатковъ и достоинствъ. Но кн. Чавчавадзе на сдовахъ всячески отклоняетъ отъ себя эту задачу, не разъ увѣряя, что народа онъ не касается и говоритъ лишь о грамотеяхъ и либералахъ. Тогда къ чему эти поговорки? Развѣ грамотей-философы виноваты въ сочиненіи народомъ такихъ недостойныхъ поговорокъ? Не ясно ли еще разъ и теперь, что кн. Чавчавадзе именно интересуется народъ армянскій, въ его цѣломъ, что его именно онъ желаетъ всячески унижить, что армянскіе ученые являются лишь козлами отпущенія, по грузинской поговоркѣ: ლიტრაჲ შენ გუბნებო-კოჲჲ შენ გიგობნე (кувшинчикъ говорю тебѣ, а ты, большой кувшинъ, слушай). Только ради этой цѣли умѣстно въ дальнѣйшемъ, сопоставленіе этихъ армянскихъ поговорокъ съ грузинскими поговорками, совершенно иного, вполне благороднаго и нравственнаго содержанія, какъ напримѣръ: „Что отдашь- твое, чего нѣтъ- потеряно“, „Давай щедро,- вѣдь и моря и принимаютъ, и выпускаютъ воды“ и, конечно, кн. Чавчавадзе отлично знаетъ превосходство этихъ поговорокъ надъ приведенными армянскими, и потому съ притворнымъ смиреніемъ, якобы, признавая армянскія поговорки болѣе современными и болѣе практичными, вопрошаетъ: „Кто знаетъ, какое зданіе крѣпче: осно-

ванное ли на нравственныхъ началахъ, или на правилѣ: загребай, хватай чужое и ѣшь, разѣ оно вкусно“, полагая, что всѣ армянскія поговорки выражаютъ эту хищную и паразитическую тенденцію, тогда какъ всѣ грузинскія поговорки являются носителями только высокихъ нравственныхъ идей. Показанъ такимъ образомъ превосходство грузинскаго народа надъ армянскимъ, кн. Чавчавадзе уже дѣлаетъ такое прямо таки „кляузное“ заключеніе: „Вотъ, оказывается, подкладка того либерализма, зная которая держали замѣчательно всесторонне развитые армянскіе философы: гдѣ увидишь, моль, хлѣбъ, тамъ и селись. Значить- родина, отечество, обиталище дѣдовъ и отцовъ нашихъ-пустыя слова, одни звуки“? (50). „Не лучше ли было вовсе умолчать о такихъ поговоркахъ, спрашиваетъ далѣе кн. Чавчавадзе, какъ бы сочувствуя армянскому народу, которому либералы и философы неумѣстною болтовнею оказываютъ лишь медвѣжью услугу“? Нѣтъ, отвѣтимъ мы кн. Чавчавадзе, это было бы для вашихъ цѣлей совсѣмъ не лучше потому, что лишило бы васъ возможности утверждать, что такія именно поговорки составляютъ, основу армянскаго либерализма, что такими низменными тенденціями, такими развращающими идеями проникнута вся армянская масса. Правда эти утвержденія вышли шитыми бѣлыми нитками, но для вашихъ цѣлей, не идущихъ далѣе желанія на весь міръ разнести низкую клевету о разлагающемся міросозерцаніи армянскаго народа,- эти поговорки нужны были и вы ими воспользовались въ расчетѣ, какъ и всегда, что и эта клевета останется не разоблаченною.

Извѣстно каждому, что поговорки выражаютъ всевозможные оттѣнки народной мысли и чувствъ: и плохіе, и хорошіе. Если это станетъ отрицать кн. Чавчавадзе, то мы ему напомнимъ, что и на грузинскомъ языкѣ имѣются такія пого-

ворки, которыя отнюдь не послужать къ чести грузинскаго народа. Вотъ напримѣръ: „Не слѣдуй за правдой: она выколетъ тебѣ глаза“, или „Пусть кто что хочетъ говорить-лишь бы мельница работала“). Можно ли выразить болѣе опредѣленно полное презрѣніе къ общественному мнѣнію и къ общественнымъ требованіямъ? По глубокому упадку нравственныхъ понятій эта послѣдняя поговорка можетъ быть сравнена лишь съ знаменитымъ „Послѣ насъ-хоть потопъ“. Или напримѣръ такія поговорки: „За идущимъ вверхъ- подымайся, за спускающимся-спускайся“; „Бабушка, за то тебя цѣлую, что бы ты выпекла мнѣ лепешки“; „Если осель твой господинъ, не говори ему „ачи““); „Матушка, матушка, какой великій боровъ умираетъ? Тебѣ то о чемъ тужить? Тебѣ же достанется отъ него большой кусокъ“! Вотъ, вѣдь, какимъ идеализмомъ и безкорыстіемъ проникнуты грузинскія поговорки! Какъ тутъ армянамъ не устыдиться своей меркантильности. Далѣе, на русскомъ языкѣ существуютъ, напримѣръ, такія поговорки: „Съ волками жить-по волчьи выть“; „Брань на вороту не веснеть“; „На что мать, когда нечего дать?“ „Хоть чертомъ зови-только хлѣбомъ корми“: „Послѣ Бога-деньги первыя“; „Хлѣбъ вездѣ хорошъ и у насъ и заморемъ“; „Были бы деньги, а честь найдемъ“: „Даютъ- бери, бранять - бѣги“; „Не любя и честь, какъ нечего ѣсть!“, „На правдѣ ничего не возьмешь“; и

* ნუ მიჰყვები სიმართლესა, ამოგაცლის სინათლესა; ვინც რა უნდა სთქვასო, წისქვილმა კი ფქვასო.

“ამჟოლს აჰყევი, დამჟოლს დაჰყევი; ბებია, იმიტომ გაკოცებ, რომ კვერი; მიცხო; ვირი რომ ბატონად გყვანდეს, ჰარის ნუ ეტყევი; ვაი, დედავ, დედავო, რა დიდი ღორი კვდებაო! შვილო, შენ რა გენაღვლებია, დიდი ჩირია გერგებაო.

*** Не переводимое выражение, служащее погоншикамъ для понуканія ословъ.

ничего-русскій народъ не боится упрека въ слабомъ развитіи нравственныхъ понятій. Наконецъ, развѣ не античный міръ оставилъ намъ поговорку: „Ubi bene, ibi patria“, коей лишь перефразировкой является армянская поговорка, столь злорадно взволновавшая кн. Чавчавадзе. Какой же серьезный писатель позволить по однимъ этимъ поговоркамъ дѣлать заключение о народѣ и съ пафосомъ восклицать, что та или иная поговорка составляетъ „позоръ создавшаго ее народа“? Никогда ни одна поговорка не можетъ составить ни славы, ни позора народа, какъ не могутъ составить позора для народа отдѣльные лжепатріоты, вооружающіеся картонными мечами для защиты своего, яко-бы, обижаемаго народа. При всей низменности такихъ единичныхъ личностей, какую бы гадкую атмосферу лжи и клеветы они вокругъ себя ни создавали, народъ за нихъ не отвѣтствененъ, потому что, какъ въ глубокихъ водахъ всегда много всякой рыбы-и хорошей, и дурной-и рядомъ и творчества съ жемчужиной встрѣчаются гаткіе слизнякии сируты, такъ и въ таинственной глубинѣ народной мысли и творчества одинакова могутъ зарождаться рядомъ съ дивнымъ образами и вдохновенными идеалами самые низменные инстинкты, какъ пережитокъ далекой варварской старины.

Мы видѣли выше, съ какими нескрываемыми завистью и злорадствомъ кн. Чавчавадзе пытается умалить и унижить армянскій народъ даже по такимъ поводамъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣятельности армянскихъ ученыхъ. Посмотримъ теперь, что внушено было армянами французскому корреспонденту Кутули относительно грузинъ.

По словамъ Кутули, прошлое Грузіи представляетъ весьма неутѣшительную картину: ослабленная дурнымъ управле-

ніемъ, завистью другъ къ другу и междоусобіями, она, моль, не имѣла покая. (Стр.51).

Въ этихъ словахъ кн. Чавчавадзе усматриваетъ пренебреженіе къ грузинамъ, внушенное армянами-философами г-ну Кутули, котрый „въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ билъ въ набать въ газетъ „Temps“ о славъ и величіи армянъ, не щадя вмѣстѣ съ тѣмъ ни нашего прошлаго, ни настоящаго, понося насъ на всѣ лады и даже почти отрицая всѣми признанное беззавѣтное мужество грузинъ“ (стр. 52) и „Кутули оповѣщаетъ Европу, что въ исторіи Грузіи нѣтъ ничего, чѣмъ бы могъ народъ ея гордиться“. (Стр.52). „Грузины составляютъ націю генераловъ, арабшиковъ и чолвадаревъ“. Хотя, моль, у нихъ много генераливъ, но они не пользуются извѣстностью. „Грузинское дворянство разорено въ конецъ; они, грузины, кромѣ волокитства, ничего не знаютъ и стремятся лишь поступить на государственную службу, такъ какъ такого рода служба представляетъ легкій трудъ. Крестьяне грузины-пьяницы и лѣнтыя“. „Они не выкупили п части земли отъ землевладельцевъ“. (Стр. 53, 54).

Всѣ эти легкомысленныя характеристики могли бы послужить основаніемъ къ обвиненію Кутули въ особомъ внутреннемъ ему нерасположеніи къ грузинамъ, если бы рядомъ съ этимъ Кутули, дѣйствительно, искренно проявлялъ особенно нѣжныя чувства къ армянамъ. Но, какъ мы уже видѣли выше, Кутули не только не былъ такимъ слѣпымъ поклонникомъ армянъ, чтобы имъ въ угоду поносить грузинъ, но даже при первомъ же удобномъ случаѣ задалъ имъ такого, по выраженію кн. Чавчавадзе, „трезвону и пропѣлъ такую пѣсенку“, что даже кн. Чавчавадзе вельми возликовалъ и возрадовался душою и чуть ли не назвалъ его молодцемъ и не потрепалъ по плечу- въ знакъ своего особеннаго удовольствія. Такъ что уже

по этому одному „армянскіе либералы “ могли бы быть освобождены отъ отвѣтственности за весь тотъ вздоръ, за тотъ „трезвон“, который тотъ же Кутули задалъ грузинамъ и за ту пѣсенку, которую онъ имъ пропѣлъ, находясь въ Тифлисъ. Это разъ. Затѣмъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукой газеты „Temps“ за 1877 годъ, чтобы проверить все приписываемое Кутули кн. Чавчавадзе. Хотя цитаты, приводимыя княземъ и внушаютъ намъ сильныя сомнѣнія въ своей точности, но на этотъ разъ повѣримъ вполнѣ князю Чавчавадзе и признаемъ, что Кутули, попавъ въ среду армянъ, говорилъ о нихъ одно хорошее, а про грузинъ— одно дурное. Готовы даже признать, что долгъ кружка Арцруни былъ въ то время помочь Кутули составить правильное понятіе о грузинахъ и не допускать, насколько это отъ нихъ зависѣло, легкомысленнаго и поверхностнаго осужденія своихъ сосѣдей грузинъ. Но спрашивается, разве въ такомъ равнодушіи къ оцѣнкѣ своихъ сосѣдей пріѣзжимъ писателямъ виноваты только армяне? Разве въ еще большей степени въ томъ же не повинны и сами грузины, съ кн. Чавчавадзе во. главе? Развѣ В. Величко не въ ихъ средѣ получилъ свое знакомство съ армянами, не здѣсь сформировалось его отрицательное отношеніе къ армянамъ, не кн. Чавчавадзе окружалъ В. Величко атмосферой неумѣренно-воскуреннаго фиміама и это въ то самое время, когда онъ, въ самомъ Тифлисъ, въ теченіе трехъ лѣтъ буквально травилъ армянъ и какъ травилъ— не въ иностранной газетѣ, издававшейся за тридевять земель, а въ центрѣ края, въ органѣ кавказской центральной власти! Развѣ не подъ вліяніемъ того же кружка кн. Чавчавадзе В. Величко продолжалъ свою кампанію и въ Петербургѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и снабдилъ своимъ предисловіемъ такой романъ, какъ „Удавы “ Георгія Борцова, являющійся сплошной клеве-

той на все армянское и столь же сплошнымъ восхваленіемъ доблестей, благородства и честности грузинъ? Что-жь, разве за всѣ эти дѣянія Величко и К^о, расцвѣтшія подъ сѣнью кружка Чавчавадзе, кто нибудь станетъ уличать грузинскихъ дѣтелей въ „фиглярствѣ“ и „пронырствѣ?“ Нѣтъ, армяне спокойно смотрѣли на всю эту комедію, разыгранную Величко съ грузинами, вѣря, что ихъ ослѣпленію настанетъ конецъ, спадетъ когда нибудь густая повязка съ ихъ глазъ и поймутъ они, наконецъ, всю мудрость своей же родной поговорки: „წობთა მამკველი-ემბაკის მოციქული“ - „Кто лстить, въ лицо, тотъ свать отъ чорта“.

Пусть же грузины помнятъ эту свою дивную поговорку и не сбиваются съ пути ни лстивыми рѣчами., ни мишурными соблазнами. И тогда клевета разныхъ Кутули, Величко и имъ подобныхъ не страшна будетъ для самолюбія ни армянъ, ни грузинъ!..

8. С. І. Кишмишевъ о послѣднихъ годахъ Грузинскаго Царства.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть сдѣланную кн. Чавчавадзе оцѣнку замѣчаній по поводу прошлаго Грузіи и грузинскаго народа, содержащихся въ сочиненіяхъ генерала Кишмишева. Эта часть нашей задачи представляется намъ особенно тягостною, именно потому, что для выясненія истины въ этомъ отношеніи намъ невольно приходится касаться такихъ сторонъ самосознанія грузинскаго народа, которыя для грузинъ, какъ и для каждаго народа, являются наиболѣе чув-

ствительными, наиболее, можно сказать, дорогими. Въ такого рода вопросахъ почти невозможно требовать отъ народа спокойнаго, вполне научно - объективнаго отношенія къ своему недавнему прошлому, какъ бы неприглядность его ни была очевидна. Съ тѣмъ большею готовностью и мы обошли бы эти щекотливые вопросы,, вопреки даже древней поговоркѣ: *amicus Platos etc.*, - что, повидимому, подобнаго рода указанія, исходящія отъ армянскихъ писателей, встрѣчаются съ особенною непріязнью и крайнимъ неудовольствіемъ въ грузинскомъ обществѣ. Потому ли, что армянскіе писатели, по мнѣнію грузинъ, завѣдомо враждебно настроены противъ всего грузинскаго, или потому, что особенно непріятны указанія, дѣлаемые нашими сосѣдями на наши прошлые недостатки, - не беремся судить. Мы констатируемъ лишь этотъ, фактъ, лишающій армянскихъ писателей всякой возможности отмѣчать какія бы то ни было отрицательныя стороны прошлаго грузинскаго народа.

Мы уже имѣли случай убѣдиться, какъ отнеслись профессоръ И. Серебряковъ, А. Цагарелъ и кн. Чавчавадзе къ совершенно безобиднымъ замѣчаніямъ пр. Патканова о такой древнѣйшей исторіи Грузіи, которой, по меньшей мѣрѣ, около 2000 лѣтъ. Даже пр. Марръ совсѣмъ не армянинъ, и тому не поздоровилось отъ грузинскаго поэта за его чисто научныя замѣчанія о грузинской поэмѣ „Вепхвисъ Ткаосани“. Такое отношеніе ко всякой попыткѣ разработки какихъ либо вопросовъ изъ исторіи грузинскаго народа, надо думать, у очень многихъ отбиваетъ всякую охоту что либо предпринимать въ этомъ направленіи, о чемъ, полагаемъ, и грузинамъ придется только сожалѣть, потому что дѣятелей на этомъ мало выгодномъ научномъ поприщѣ куда какъ немного, всего одинъ, два-и обчелся. Само собою разумѣется, - мы далеки отъ

всякаго поползновенія давать какія бы то ни было советы грузинскимъ публицистамъ: имъ лучше вѣдомо, что для ихъ народа полезно и что вредно. Насъ этотъ вопросъ интересуесть постольку, поскольку онъ можетъ имѣть вліяніе на разработку темныхъ сторонъ армянской исторіи ,въ техъ ея частяхъ, которыя тѣсно соприкасаются съ исторіей грузинскаго народа.

Такъ или иначе- намъ не миновать и этой тягостной задачи, разъ мы взяли на себя прослѣдить шагъ за шагомъ все написанное кн. Чавчавадзе объ армянскихъ писателяхъ. Итакъ, въ чемъ же заключаются прегрѣшенія ген. Кишмишева?

Какъ извѣстно, перу ген. Кишмишева принадлежитъ небольшая брошюра „Послѣдніе дни Грузинскаго Царства“, изданная послѣ его смерти. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ сообщается ея издателями, между прочимъ, слѣдующая справка объ этомъ трудѣ покойнаго ген. Кишмишева:

„Предлагаемый трудъ, найденный въ бумагахъ покойнаго генераль-лейтенанта С. І. Кишмишева, не былъ доведенъ, имъ до конца. Авторъ предполагалъ заключить свое сочиненіе изложеніемъ событій, приведшихъ послѣдняго грузинскаго царя Георга XII къ признанію необходимости, для спасенія и блага своего народа, отдаться въ вѣчное и непосредственное подданство единовѣрной Россіи. Но тяжелый недугъ не далъ ему вре мени вполнѣ обработать задуманное изслѣдованіе. Тѣмъ не менѣе, написанныя уже пять главъ, въ которыхъ ходъ событій доведенъ до начала 1798 г., настолько полно рисуютъ положеніе дѣла въ Грузіи въ царствованіе знаменитаго царя Ираклія, что могутъ быть предложены какъ самостоятельная часть сочиненія“.

Такимъ образомъ сочиненіе это не было даже издано самимъ ген. Кишмишевымъ; потому ли, что оно еще не было доведено до конца или ради избѣжанія темы, крайне щекот-

ливой въ переживаемое время,- эту тайну авторъ унесъ съ собою въ могилу. Во всякомъ случаѣ, трудно допустить, что бы писатель и военный человѣкъ, крайне чуткій къ вопросамъ чести, не взвѣсилъ всѣхъ основаній тѣхъ свѣдѣній, которыя имъ излагались въ сочиненіи, написанномъ наканунѣ смерти. Трудно допустить, чтобы человѣкъ, одною ногою стоящій на могилѣ, на одрѣ тяжелой болѣзни, задавался суетнымъ желаніемъ кого либо задѣть, кого либо унижить, а тѣмъ болѣе задѣть народъ, среди котораго онъ, повидимому, росъ и съ которыми съ дѣтства сроднился. Уже это одно обстоятельство должно было бы внушить къ такому автору и къ его добросовѣстности достаточное довѣріе. Посмотримъ теперь, въ чемъ же онъ обвиняется.

„Г. Кишмишевъ. говоритъ кн. Чавчавадзе, въ своемъ сочиненіи: „Послѣдніе дни Грузинскаго Царства“, говоритъ: „Въ концѣ XVIII ст. Грузія уподобилась выброшенному на берегъ кораблю, откуда, кто былъ посильнѣе, могъ брать все, что угодно. Голодныхъ царевичей, моль, князей содержали и кормили лавочники и купцы“. (Стр. 66). „Милый человѣкъ, хоть бы онъ вспомнилъ, что вся почти послѣдняя половина XVIII в. была временемъ царствованія Ираклія и что за этотъ періодъ времени этотъ знаменитый царь стяжалъ себѣ славу побѣдами своими надъ врагами. Даже Эривань и Елисаветполь, главные очаги армянъ, платили ему подать, не говоря уже о томъ, что почти всѣ ближайшіе ханы были у ногъ могущественнаго царя у что даже сама Россія не чуждалась содѣйствія его во время войны съ Турціею. Царь Ираклій соединилъ въ одно царство съ давняго времени разъединенныя Карталинію и Кахетію, и Имеретію тоже пожелала присоединиться, быть нодъ его скипетромъ, но внутреннія смуты и колебанія помѣшали въ этомъ престарѣлому, но все

еще бодрому и побѣдоносному царю. Въ то время, когда царь ея былъ настолько могущественъ, могла ли Грузія быть такой безпомощной и „ноходить на корабль, выброшенный на берегъ?“ Мы не можемъ сказать, что во время царя Георгія, т. е. Послѣ 1792 г. Грузія находилась въ особенно счастливомъ положеніи, но и не въ такомъ безпомощномъ, чтобы всякій могъ рвать ее на куски. Ровно нѣтъ никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было заключить, что тотъ или иной урвалъ что нибудь отъ Грузіи и что она въ послѣдніе годы XVIII ст. такъ уже была терзаема, какъ то желательно было покойному Кишмишеву... Правда, послѣ Иракліи мы ослабили, обезсилили отъ внутреннихъ смуть, но кормила корабля мы нзъ рукъ все еще не выпускали и не дали волнамъ житейскаго моря разбоить его и выбросить на берегъ. И царь Георгій въ какомъ состояніи получилъ Грузію отъ отца, въ такомъ же и вручилъ ее Россіи „во всей цѣлости, - будь-де покровительницею и защитницею единовѣрнаго тебѣ народа“. (56).

Наиболѣе всего возмутила князя Чавчавадзе вторая часть этой фразы, что „царевичей и князей нашихъ кормили тифлисскіе лавочники“. На это кн. Чавчавадзе восклицаетъ: „Кто и по чьей милости здѣсь въ Грузіи кормится и кормился прежде-пусть вѣдаютъ это Великій Сердцевѣдецъ, прозорливая совесть и злая неблагодарность людская. (57). Если не было хлѣба почему они, армяне, сѣли, поселились здѣсь вопреки ихъ пословицъ? Ужъ гдѣ такая перекатная голь, тамъ не можетъ существовать торговля и нечѣмъ тамъ купцамъ набить свою утробу. Видно, Грузія не такъ ужъ нищенски была бѣдна, какъ увѣряютъ всѣхъ армянскіе книжники, такъ какъ могла содержать не только себя, но и откармливать другихъ до отвала“. (Стр. 58).

Познакомимся теперь съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ содержится въ сочиненіи Кишмишева въ затронутомъ кн. Чавчавадзе отношеніи.

На стр. 112 упомянутого сочиненія ген. Кишмишева мы находимъ слѣдующія строки:

„Такимъ, образомъ, Грузія, съ уходомъ русскихъ войскъ въ 1797 г. изъ ея предѣловъ, уподобилась выброшенному на берегъ кораблю, откуда кто былъ посильнѣе, тотъ могъ брать все, что угодно. По одному простому бароту (указу) царевича, царевны или ихъ родственниковъ, рассказываетъ современникъ очевидецъ, расхищалось у населенія все, что было цѣннаго. Примѣру ихъ слѣдовали помѣщики. Они разоряли крестьянъ отнятіемъ лошадей, коровъ и хлѣба. Лишенные скота и возможности продолжать хозяйство, крестьяне мало по малу убѣгали отъ господъ, предпочитая скорѣе жить у дикихъ сосѣдей, чѣмъ оставаться дома. Не лучше жилось, продолжаетъ очевидецъ, городскому сословію. Въ Тифлисѣ ни одинъ изъ царскихъ родственниковъ или проживавшихъ въ городѣ князей не заботился о своемъ столѣ. Когда наступало обѣденное время, мсахури (прислуга) шныряли по базару, отнимая у торговцевъ хлѣбъ, вино, овощи, рыбу и др. продукты для стола. Еще хуже поступали они съ купцами. Если у кого изъ нихъ замѣчали деньги, то требовали въ свою пользу извѣстную сумму, въ противномъ случаѣ, ослушника сажали въ корзину, опускали съ Авлабарскаго моста въ Куру и держали его въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока несчастный не соглашался выдать просимыя деньги. Таково было положеніе Грузіи, когда не стало Ираклія“. (Курсивъ нашъ).

Изъ сопоставленія этого отрывка съ тѣмъ, что было приписано г. Кишмишеву княземъ Чавчавадзе, ясно видна прежде

всего одна крупная ошибка, допущенная кн. Чавчавадзе въ передачѣ словъ г. Кишмишева. Послѣдній говоритъ о времени послѣ смерти царя Ираклія и при томъ объ эпохѣ съ 1797 г., т. е. послѣ ухода изъ Грузіи русскихъ войскъ. Это явствуетъ изъ начала и конца приведеннаго отрывка. Кн. Чавчавадзе, возражая Кишмишеву, ссылается на блестящій періодъ царствованія Ираклія. Уже это одно показываетъ, насколько точенъ кн. Чавчавадзе въ передачѣ чужихъ словъ. Въ данномъ случаѣ это очень существенно, потому что въ своемъ сочиненіи Кишмишевъ не только не отрицаетъ славы Грузіи при Иракліи II, но даже самъ приводитъ рядъ описаній блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ царемъ Иракліемъ II надъ персіанами подъ Эриванью, надъ Омаръ Ханомъ Аварскимъ въ Дагестанѣ и надъ турками въ Аспиндзѣ. Слѣдовательно, кн. Чавчавадзе не было надобности указывать на всѣ эти примѣры, которыхъ г. Кишмишевъ отнюдь не отрицаетъ и самъ приводитъ въ своемъ сочиненіи.

Непостижимо также, изъ чего заключилъ кн. Чавчавадзе, будто Кишмишеву было „желательно“ установить именно такую печальную картину упадка Грузинскаго Царства? За отсутствіемъ какихъ либо основаній къ такому утвержденію естественно сдѣлать совершенно иной выводъ, что самому кн. Чавчавадзе для его цѣлей было необходимо приписать армянамъ подобное желаніе, чтобы создать себѣ право упрекать армянъ въ злородствованіи по поводу бѣдствій, обрушившихся на Грузію.

Затѣмъ, указаніе на то, что Грузію рвали на части у г. Кишмишева вытекаетъ изъ слѣдующихъ фактовъ, заимствованнымъ г. Кишмишевымъ изъ соч. Буткова: „Матеріалы для исторіи Кавказа“: „Царь Ираклій въ своей челобитной на имя Императрицы Екатерины, между прочимъ, просилъ: оказать

ему помощь отрядомъ въ 4 т. человекъ съ содержаніемъ отъ русскаго правительства для защиты Грузіи отъ враговъ, завоеванія Ахалцыха и отнятія кахетинскихъ земель, захваченныхъ алазанскими лезгинами". Можно, пожалуй, согласиться съ кн. Чавчавадзе, что, несмотря на всѣ эти факты, сравненіе Грузинъ съ „выброшеннымъ на берегъ кораблемъ“, сдѣланное г. Кишмишевымъ, нѣсколько неудачно, разъ корабль Грузіи держался на водѣ, тая въ себѣ много жизненныхъ силъ, но что онъ подвергался сильному расхищенію и его рвали на части, — это врядъ ли возможно отрицать. Безспорно также, что „царь Георгій въ какомъ состояніи получилъ Грузію отъ отца, въ такомъ же вручилъ ее Россіи, но кто же не знаетъ, что Грузія къ концу царствованія отца Георгія XII, т. е. царя Ираклія, была далеко не въ тѣхъ предѣлахъ, какихъ она достигла въ блестящій періодъ царствованія самого Ираклія: Ахалцихскій пашалыкъ, Эриванское и Ганжинское ханства Россія включила въ свои предѣлы спустя много лѣтъ послѣ присоединенія собственно Грузіи (Кахетіи и Карталиніи).

Что же касается, наконецъ, приводимаго г. Кишмишевымъ разсказа очевидца о томъ, что происходило въ Тифлисъ въ смутный періодъ послѣ смерти Ираклія II, то даже если допустить, что очевидецъ сочинилъ эту исторію для униженія грузинскаго дворянства, то и въ этомъ случаѣ кн. Чавчавадзе не въ правѣ въ своей оцѣнкѣ этого свидѣтельства отождествлять Грузію съ князьями и царевичами. Кишмишевъ говоритъ о бѣдности этихъ послѣднихъ и что въ извѣстную тяжелую эпо-

* Не лишнимъ считаемъ отмѣтить, что въ описаніи положенія Грузіи за этотъ періодъ ген. Кишмишевъ совершенно сходится съ Н. Дубровинымъ (см. Георгій XII, послѣдній царь Грузинскій, гл. IV).

ху послѣднихъ дней грузинскаго царства они собирали съ тифлисскихъ лавочниковъ поборы для своего пропитанія. Врядъ ли это говорилось въ осужденіе дворянства, такъ какъ въ періоды войны и нашествій, очевидно, городское населеніе, какъ болѣе огражденное отъ грабежей, могло сохранить скорѣе свои запасы и средства, чѣмъ въ селахъ, совершенно разоряемыхъ, нашествіями. Почему это временное явленіе, свидѣтельствующее лишь о царившей всюду неурядицѣ, могло быть оскорбительно для всего грузинскаго народа? Вѣдь, не говоритъ же Кишмишевъ, что тифлисскіе лавочники кормили грузинскій народъ. Почему это оказалось для народа такъ позорнымъ, что въ данную историческую эпоху (послѣдніе годы XVIII ст.) князья и царевицы настолько обнищали, что они учиняли поборы съ лавочниковъ? Впрочемъ, мы готовы согласиться къ кн. Чавчавадзе, что нелестное мнѣніе, хотя бы и самое безобидное, о грузинскихъ князьяхъ и царевицахъ должно быть обидно для всего народа, потому что народъ, состоя изъ сословій, имѣетъ одну жизнь, одинъ интересы.

Но, дѣлая эту уступку кн. Чавчавадзе, мы тѣмъ самымъ обязываемъ и его признать крайне обиднымъ для всего армянскаго народа всего того, что имъ говорится объ армянскихъ философахъ, книжникахъ и грамотеяхъ. Впрочемъ, кн. Чавчавадзе и такъ не стѣсняется хоть сколько нибудь прикрытъ свои истинныя чувства къ армянскому народу. Его, напримѣръ, возмущаетъ, что Эзовъ пазвалъ свое сочиненіе „Сношеніемъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“. Онъ считаетъ это названіе „чрезвычайно громкимъ“. Какъ же? Если ужъ кричать, такъ кричать. Это названіе ему кажется „ракетною“, пущенною ученымъ, искусившимся въ подобныхъ выходкахъ. Подумаешь, вѣдь, что армяне даже не могутъ

считаться народомъ, съ которымъ Петръ Великій мог имѣть сношенія. Вотъ, вѣдь, какого высокаго онъ мнѣнія объ армянахъ. Такъ какъ же не повѣрить ему, что „всѣ благоразумные армяне“ должны апилодировать его злобнымъ выходкамъ противъ „армянскихъ философовъ и грамотеевъ“?

Во всякомъ случаѣ, возвращаясь къ сочиненію ген. Кишмишева, мы должны признать, что въ немъ рѣшительно нѣтъ ни одной строчки, которая могла бы быть приписана злонамѣренному желанію унижить грузинскій народъ и его недавнее прошлое. Если картина „послѣднихъ дней“ грузинскаго царства оказалась мрачною, то кто же въ этомъ виновать?! Да развѣ иначе эти „дни“ могли бы быть послѣдними, если бъ, дѣйствительно, они не были мрачными. Увы, послѣдніе дни всякаго живого организма, — будь то отдѣльное лицо или цѣлое государство — бываютъ неизбѣжно мрачными и безотрадными...

9. Урартійцы и В. Гольмстремъ объ армянскомъ народѣ.

Чтобы покончить съ русскими писателями и учеными, попавшими въ брошюру кн. Чавчавадзе объ армянскихъ ученыхъ, намъ остается разобрать прегрѣшенія извѣстнаго сотрудника „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ В. Гольмстрема, талантливому перу котораго армянскій народъ обязанъ многими симпатичными и проникнутыми глубокою человѣчностью статьями, появляющимися въ этой газетѣ.

Вина В. Гольмстрема предъ грузинами, оказывается, въ томъ, что онъ, желая доказать, что армяне душой и тѣломъ

тверды и могучи, заслуживаюъ поддержки и что будущее принадлежить имъ, заявляетъ, что всѣ эти свои качества армяне доказали-де своею исторіей и что мы жестоко-де ошибаемся, что этому способному, трудолюбивому и душой и тѣломъ сильному народу не протягиваемъ руки помощи, не даемъ ему ходу и задерживаемъ его развитіе (82). Противъ всего этого кн. Чавчавадзе ничего, пожалуй, не имѣлъ бы, но онъ считаетъ большимъ грѣхомъ, если для этой цѣли-„достоинства и заслуги одного лица приписывать другому, истиннаго труженника ставить въ тѣни, а загребающаго жаръ чужими руками выдвигать на свѣтъ, превозносить его до небесъ“ (83). Такимъ достойнымъ истиннымъ труженникомъ, оставляемымъ въ тѣни, оказываются грузины, а загребающими жаръ чужими руками, выдвигаемыми не по заслугамъ на свѣтъ, являются армяне. Посмотримъ, однако, что дало поводъ кн. Чавчавадзе укорять В. Гольмстрема въ такой вопіющей несправедливости. Прежде всего изъ послѣдующихъ строкъ выясняется, что В. Гольмстрему приписывается, будто онъ въ доказательство нравъ армянъ на человѣчное къ нимъ отношеніе привелъ неудачную ссылку на то, что они происходятъ отъ древняго культурнаго народа урартійцевъ, населявшихъ 3000 лѣтъ тому назадъ мѣстности, впослѣдствіи занятыя армянами. По словамъ кн. Чавчавадзе, новѣйшія изысканія показали, что армяне не имѣютъ ничего общаго съ урартійцами и что не армяне, а грузины родственны этому древнему культурному народу. Мы не будемъ приводить длиннаго перечня заслугъ урартійцевъ. этого древнѣйшаго народа, передъ цивилизаціей всего міра. Замѣтимъ лишь одно указаніе кн. Чавчавадзе, что „по словамъ Гольмстрема, урартійцы издревле были народомъ многочисленнымъ, передовымъ, направленія въ высшей степени гуманнаго, могучимъ, непоколебимымъ, стойкимъ и

самоотверженнымъ, защитникомъ и стражею почти всего міра и такими бойцами, что чуть по измѣнили теченіе всемірной исторіи“ (87).

По словамъ кн. Чавчавадзе, г. Гольмстремъ утверждаетъ, что „если существуютъ еще остатки націи, имѣющей такія заслуги, то какъ же не подать ей руки помощи, не поставить ее на ноги и не открыть ей путь для счастья человѣчества: что остатки ихъ и нынѣ существуютъ, но человѣчество несправедливо и неблагородно поступаетъ съ ними. Грѣхъ, молъ, не поддерживать такого твердаго въ несчастнѣ, способнаго, сильнаго душою и тѣломъ и нравственными качествами мужественнаго народа и не дать ему въ руки знамени нашей культуры для счастья и просвѣщенія всей Азіи“. Далѣе кн. Чавчавадзе приписываетъ г. Гольмстрему взглядъ, что такъ какъ урартійцы были такимъ славнымъ народомъ, имѣющимъ заслуги передъ цѣлымъ человѣчествомъ, энергичнымъ, стойкимъ и мужественнымъ и такъ какъ нынѣшніе армяне, по происхожденію, потомки урартійцевъ, что армяне происходятъ изъ того же племени (88) (курсивъ нашъ), что урартійцы были никѣмъ иными, какъ армянами; что, слѣдовательно, нынѣшніе армяне, какъ плоть и кровь славныхъ урартійцевъ, являются наслѣдниками ихъ могучихъ физическихъ и душевныхъ силъ, и что, наконецъ, объ армянствѣ урартійцевъ вопіють камни, камин же не врутъ (91,92) то ясно, что всѣ добродѣтели урартійцевъ перешли, по наследству, къ армянамъ и составляютъ ихъ неотъемлемыя свойства, подкрѣпленныя историческими данными. Такимъ образомъ, армяне исторически доказали свою духовную и физическую мощь и стойкость и поэтому нужно помочь содѣйствовать въ движеніи по пути развитія такому душой и тѣломъ сильному, показавшему себя такимъ славнымъ еще съ незапамятныхъ

временъ народу, который былъ челоѡколюбивымъ даже тогда, когда другіе были еще звѣрями (88).

Мы приводимъ эти длинныя цитаты изъ брошюры кн. Чавчавадзе, что бы показать затѣмъ, съ какимъ глумленіемъ относится князь къ приписываемой г. Гольмстрему попыткѣ реабилитировать армянскій народъ въ глазахъ русскихъ читателей. Захлебываясь отъ злобы, князь Чавчавадзе съ торжествующимъ видомъ заявляетъ, что нельзя себѣ представить, какая смѣшная исторія является слѣдствіемъ того невѣжества, которое такъ воспламенило несвѣдущаго въ этомъ дѣлѣ г. Гольмстрема. „Еслибъ гг. Эзовы и К° знали, продолжаетъ, кн. Чавчавадзе, какой народъ признается европейскими изслѣдователями подъ именемъ урартійцевъ, то скорѣе отскли бы руки г. Гольмстрему, чѣмъ позволили бы ему съ такой похвалой отзываться объ урартійцахъ. Представьте себѣ, оказывается, что урартійцы— грузины“ (89). По мнѣнію кн. Чавчавадзе, такую неумѣлою защитою армянъ г. Гольмстремъ оказалъ имъ медвѣжью услугу, что такого удара армянамъ еще никто не наносилъ, что онъ пустилъ армянамъ нулю въ грудь, желая бросить букетъ розъ. Не бывать добру отъ незнанія, отъ дѣланнаго, дутаго, некуستنно возбужденнаго, но не отъ сердца исходящаго порыва. (89). „Да г о с п о д а, т о р ж е с т в е н н о в о с к л и ц а е т ъ кн. Ч а в ч а в а д з е, у р а р т і й ц ы б ы л и п р е д к а м и г р у з и н ѣ, (курсивъ нашъ). плотью и кровью грузинскаго племени-къ несчастью той группы армянъ, которая хватаетъ, подобно обжорѣ чужіе лакомые куски (стр. 89). Г. Гольмстремъ говоритъ неправду не только устами мертвыхъ камней, но даже устами уважаемаго живого челоѡка-Никольскаго-уважаемаго русскаго ассиріолога: съ нимъ Гольмстремъ поступилъ недостойно и его осторожное и солидное сужденіе по этому предмету намѣренно или по

незнанію исказилъ, передѣлалъ, чтобы съ помощью его уважаемаго имени сбытъ ложь извѣстной группѣ армянъ за правду"... „Очевидно, г. Гольмстремъ попалъ въ какую то ловушку, введенъ въ какое то заблужденіе“. „Въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ печатное слово, добавляетъ, поучительно кн. Чавчавадзе, добиваться своей цѣли посредствомъ лжи и обмана изъ всѣхъ недостойныхъ, поступковъ—позорнѣйшій и отвратительнѣйшій“. Кн. Чавчавадзе глубоко сожалеетъ что эту чистую газету(„СПБ. Вѣдомости“) не пожалѣли армянскіе ученые и ввели ее въ заблужденіе, „сдѣлали соучастницею въ фальши“ (90) съ такимъ практическимъ разсчетомъ: если хитрость удастся, то прекрасно, если же нѣтъ, то какое имъ дѣло, что газету уличать во лжи?! И о г. Гольмстремъ они не особенно будутъ горевать: какое имъ дѣло-лишь бы было возможно доставать чужими руками каштаны изъ огня. Какъ же иначе прослыть за армянскихъ ученыхъ, къ лицу ли имъ, въ виду этой цѣли, щадить чужую личность и оберегать доброе имя человѣка?! Въ книгѣ ихъ торговой этики такого правила не полагается. (Стр. 91).

Затѣмъ кн. Чавчавадзе приводитъ длинный рядъ доказательствъ того, что армяне ничего не имѣли общаго съ урартійцами, что армяне пришли въ эту страну въ VI ст. до Р. Х., клинообразныя же надписи изъ исторіи урартійцевъ относятся къ гораздо болѣе раннему періоду, когда объ армянахъ здѣсь и помину не было: что, по убѣжденію Ленормана, аборигены страны, называемой Арменіей, до конца VII ст. до Р. Х. были родственнымъ племенемъ тому, къ которому относятся грузины и нѣкоторыя нынѣшні народности Кавказа. Въ заключеніи кн. Чавчавадзе говоритъ:

„Г. Гольмстремъ не ограничивается тѣмъ, что заставляетъ камни лгать: онъ поступаетъ точно также и со свидѣтель-

ствомъ живого челоѣка. Г-нъ Гольмстремъ не стѣсняется ни того, что живой свидѣтель не проетитъ ему такого поступка, ни того, что другіе могутъ обличить его. Этотъ авторъ высокопарныхъ фразъ приписываетъ г. Никольскому такіа розказии какихъ тотъ и въ помышленіяхъ не имѣлъ: напротивъ. г. Никольскій говоритъ и доказываетъ совершенно противоположное тому, что отъ его имени утверждаетъ г. Гольмстремъ. Изъ словъ Гольмстрема видно, будто г. Никольскій подтверждаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ“ (101). „Вотъ примѣръ невѣжества г. Гольмстрема и доказательство того, что Никольскій, какъ челоѣкъ знающій и серьезный изслѣдователь, не могъ „отлить пулю“, навязываемую ему г. Гольмстремомъ“. (101).

Приведа затѣмъ выдержки изъ статьи г. Никольскаго, кн. Чавчавадзе спрашиваетъ: „Откуда же г. Гольмстромъ взялъ, что г. Никольскій подтверждаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ. Вотъ примѣръ того, какъ г. Гольмстремъ навязываетъ ему лжесвидѣтельство“. (102). Такимъ образомъ, г. Гольмстремъ „рискнулъ на ложную ссылку“ Тутъ осмѣяна сама наука..., что непростительно и неприлично“. (103). Изъ свидѣтельства г. Никольскаго не видно, что урартійцы армяне“, а между тѣмъ именно такое утвержденіе „безцеремонно навязано ему Гольмстремомъ“ и „беззастѣнчиво и беззавѣтно сбывается его именемъ, какъ, будто въ этомъ ничего нѣтъ дурного, предосудительнаго“. (103).

„Повторяемъ еще: грѣшно, непростительно навязывать, но своей прихоти, такому почтенному, осторожному, солидному ученому ложъ и разносить ее по бѣлу свѣту“ (103, 104). „Не камни воніють, а воніеть необдуманный поступокъ г. Гольмстрема. Не камни лгутъ, а г. Гольмстремъ говоритъ неправду біа себя въ грудь, какъ фарисей, играя на звонкихъ,

струнахъ, яко бы. поруганной истины и проливая крокодиловы слезы за попоранную правду“. (104).

„Ясно, что тѣ клинообразныя надписи, вопли которыхъ будто бы, такъ воспламенили г. Гольмстрема, не могутъ служить подтвержденіемъ происхожденія армянъ отъ урартійцевъ, и мы въ данномъ случаѣ видимъ, такое же ученое легкомысліе, на какое постоянно паталкиваемся, когда армянскіе философы и Делингеры заводятъ рѣчь объ армянахъ“. (94).

Чтобы разобраться въ этихъ разнообразныхъ, обвиненіяхъ, нагроможденныхъ въ одну беспорядочную кучу, попробуемъ прежде всего формулировать ихъ опредѣленнымъ образомъ. Оказывается, слѣдовательно, что армянскіе ученые ввели въ заблужденіе г. В. Гольмстрема, заставивъ его утверждать на страницахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, что армяне происходятъ отъ урартійцевъ и что урартійцы предки армянъ; что ванскія клинообразныя надписи принадлежать армянамъ. Этимъ г. Гольмстремъ ввелъ въ заблужденіе почтенную газету „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и чтобы сбыть свою ложь за правду относительно родства урартійцевъ и армянъ, онъ недостойно осторожное и солидное сужденіе ассириолога Никольскаго исказилъ и прикрылъ его именемъ свою ложь.

Изъ послѣдующихъ выдержекъ читатель убѣдится, что во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ рѣшительно нѣтъ ни одного слова правды: г. Гольмстремъ нигдѣ не писалъ того, что ему приписываетъ кн. Чавчавадзе. Въ самомъ дѣлѣ братимся къ самой статьѣ г. Гольмстрема, такъ больно уязвившей кн. Чавчавадзе, и приведемъ изъ нея точныя цитаты относящихся къ разсматриваемому вопросу мѣстъ. Статья эта подъ заглавіемъ: „И камни возопіютъ“ помѣщена была въ № 33 „С.-Петербургскихъ

Вѣдомостей“ за 1899 годъ. Въ этой статьѣ авторъ, затрагивая одинъ изъ вопросовъ нашей внутренней политики, касающійся установленія правильныхъ отношеній къ инородцамъ въ тѣхъ видахъ, чтобы приумножить духовныя силы Россіи, сохраняя все наиболѣе стойкое умственно, духовно и физически, - доказываетъ, между прочимъ, насколько была гибельна политика Турціи по отношенію къ разноплеменнымъ населяющимъ ее народностямъ и, въ частности, къ армянамъ. Будучи убѣжденъ, что армяне заслуживаютъ къ себѣ со стороны Россіи иного отношенія, не только по соображеніямъ гуманности, но и въ цѣляхъ успѣшнаго осуществленія Россіей своихъ историческихъ задачъ на Востокъ, г. Гольмстремъ разсматриваетъ историческую роль армянскаго народа въ той части Малой Азіи, которую народъ этотъ издавна занимаетъ и далѣе говорить слѣдующее:

„Мани, факель, фаресь“. Вопіють камни, разбросанные въ предѣлахъ Араратской возвышенности и въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ, около Ваискаго озера, около Урміи, около Эрзерума, наконецъ, въ Эриванской губерніи и Карской области. Камни не лгутъ. Огненными буквами повѣствуютъ надписи на скалахъ о событіяхъ библейской, ассири-вавилонской древности, столь сходныхъ съ нынѣ переживаемыми и разыгравшихся въ той же аренѣ, на великомъ пути съ Востока на Западъ. (Курсивъ нашъ). Въ этихъ мѣстностяхъ постоянно лилась кровь, происходила борьба между двумя началами, и мы являемся наслѣдниками одного изъ нихъ: его пораженіе, стремленіе его поборотъ сказывается урокомъ и для насъ. Какъ бы пассивно мы ни глядѣли на происходящее у насъ на глазахъ, какъ бы равнодушно ни относились къ событіямъ - почти

на самой нашей границѣ, наша судьба, наши интересы затрогиваются ими. Мы не должны отказываться вліять на эти событія, направлять ихъ въ свою пользу“.

„Нашъ ассиріологъ и археологъ М. Никольскій, участникъ экспедиціи А. Ивановскаго, отправленной въ 1893 году ИМПЕРАТОРСКИМЪ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ пограничныя русскія и турецкія провинціи, сообщаетъ во 2-мъ изданіи „Братской Помощи“ (пострадавшимъ въ Турціи армянамъ) въ этомъ раіонѣ замѣчательно важныя открытія. Найденныя на скалахъ и памятникахъ древности клинообразныя надписи, которыхъ въ настоящее время открыли около 100 а въ самое послѣднее время обнаружено въ русскихъ предѣлахъ до 25, написаны на особомъ языкѣ и повѣствуютъ о многочисленномъ племени, жившемъ на верховьяхъ Тигра и Евфрата, около озеръ Вана, Урмія и Гокчайскаго. Это племя не имело никакого родства съ семитическими племенами Сиріи и Месопотаміи и на ассирійскихъ памятникахъ X и IX вѣковъ Р. Х. называлось собирательнымъ именемъ странъ Наири: когда же, во второй половинѣ IX столѣтія, это племя собралось въ одно государство, на ассирійскихъ памятникахъ о немъ стали упоминать, какъ о странѣ Урарту, откуда въ еврейскихъ библейскихъ книгахъ названіе „Араратъ“ (имена эти тождественны). Центръ означеннаго царства былъ первоначально въ Эриванской низменности, но потомъ по стратегическимъ соображеніямъ, въ виду необходимости борьбы съ южными сосѣдями, перенесенъ былъ на югъ, къ восточнымъ берегамъ озера Вана. Страна урартійскихъ царей находилась въ культурномъ отношеніи въ зависимости отъ ассирио-вавилонянъ, но не разъ успѣшно оспаривала роль міровой державы у царей Ассиріи. Передъ эпохою упоминаемаго въ Библии ассирійскаго владыки Тиг-

лата Пилесера III, т. е. въ первую половину VIII вѣка, перевѣсь въ борьбѣ былъ на сторонѣ Урарту, весь сѣверъ и частью западъ ассирійской монархіи перешелъ въ руки урартійцевъ. Вѣсы колебались, и могло случиться, что, вмѣсто семитическаго племени, племя урартійское будетъ обладать міромъ, направлять ходъ всемірной исторіи. Перемена правленія и неожиданный подъемъ силъ спасъ Ассирію. Ея враги были побѣждены. Однако, не надолго. Урартійскій царь Риса, или Урса, какъ его называютъ ассирійскія надписи, снова поднялъ весь сѣверъ и западъ противъ Ассиріи и произошло страшное единоборство двухъ племенъ—и семиты восторжествовали. Открытыя г.г. Никольскимъ и Ивановскимъ надписи повѣствуютъ о перепитіяхъ борьбы, заключая въ себѣ данныя объ урартійской культурѣ, говоря о строеніи городовъ, дворцовъ, о проведеніи каналовъ и т. и. Многія современныя армянскія названія разныхъ мѣстностей имѣютъ сходство съ названіями, встрѣчаемыми на надписяхъ, которыя высѣчены то на камняхъ въ долинахъ, то на скалахъ въ ущельяхъ и на берегу озера: одна изъ надписей, давно интересовавшая заграничныхъ ученыхъ, напр., оксфордскаго профессора Сейса, высѣчена на скалѣ на берегу Гокчайскаго озера: доступа къ ней нѣтъ ни съ сухого пути, ни со стороны озера: г. Ивановскому впервые удалось снять эстампъ съ этой надписи. Клинообразныя письма то высѣкались по приказу ассирійскихъ царей-побѣдителей и повѣствовали объ ихъ побѣдахъ, то воздвигались урарійскими царями, когда перевѣсь былъ на ихъ сторонѣ. Эти памятники глубокой таинственной древностиносятъ слѣды борьбы двухъ началъ, - звѣрскаго и болѣе человѣчнаго: (курсивъ, нашъ) первое олицетворяется Ассиріей, второе- Урарту“. Приведа затѣмъ образчики надписей ассирійскихъ и урартійскихъ,

въ подтвержденіе этого положенія г. Гольмстремъ продолжаетъ:

„Урарту играла видную роль въ судьбахъ Ассиріи и всего міра, такъ какъ своимъ давленіемъ съ сѣвера пренятствовала движенію ассирійцевъ на западъ и югъ, на Сирію, Палестину и Египетъ. Послѣ одного изъ своихъ походовъ на югъ, повелитель Урарту принялъ титулъ царя царей и назвалъ свою столицу вторымъ Ассуромъ, слѣдовательно, третьимъ Вавилономъ. Не менѣе значительна была роль урартійцевъ на сѣвере и на югъ своихъ владѣній: со стороны Кавказа они закрывали путь скидамъ, а на югъ ихъ царство простиралось до Кархемиша, сдерживая нашествіе кочевниковъ южныхъ степей, откуда вышла религія кочевыхъ народовъ религія войны-Исламъ. Царство Урарту неизбѣжно должно было пасть, потому что ему приходилось бороться съ трехъ сторонъ, не находя ни откуда союзниковъ“. „Вопросъ о томъ, можно ли считать племя Урарту, называвшееся иногда народомъ Арама (родоначальника ванскихъ царей) или манейцами (по странѣ, носившей имя Мана) за предковъ нынѣшнихъ армянъ, въ виду общихъ корней этихъ названій, считается спорнымъ, и профессоръ Анучинъ на страницахъ той же „Братской Помощи“ (доказывающей тѣмъ свое безпристрастіе и добросовѣстность) высказывается противъ такой теоріи. Но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ не играетъ роли, потому, что армяне, занявши территорію бывшаго царства Урарту, по самому своему географическому положенію, наслѣдовали традиціи этого царства и выдерживали въ камитуже борьбу съ кочевниками, являясь съореоломъ христіанскаго просвѣщенія среди тѣмъ варварства, пока, наконецъ, не нашли себѣ союзника и насл

ѣдника ихъ традицій въ великой Сѣверной Имперіи“.

„Въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1895 г. въ № 7 была помѣщена статья „Еще объ историческомъ значеніи царскаго титула“, гдѣ говорится: „Въ 1828 г. внесена въ титулъ Армянская область, Урарту ассирійскихъ лѣтописей, которая, по новѣйшимъ открытіямъ русскихъ ученыхъ, играла очень важную роль въ древнѣйшей исторіи Востока и въ судьбахъ народа Божія: отвлекая силы ассиріянъ на сѣверъ, она замедляла паденіе царства Израильскаго, а, вступая въ союзъ съ Вавилономъ, ускорила паденіе царства Іудейскаго и приблизила явленіе Царства Божія, Царства Мира, Царства Христова. Санъ-Стефанскій договоръ дѣлалъ Русскаго Царя обладателемъ верхней долины Евфрата и, можетъ быть, обладаніе этими мѣстами предупредило бы кровопролитіе въ Турецкой Арменіи, если бы этотъ договоръ не былъ замѣненъ берлинскимъ, поставившимъ Арменію... внѣ значенія, внѣ міра, т. е. закрывъ ее для изслѣдованія, предавъ разоренію и звѣрскимъ насиліямъ“.

„Открытія г.г. Никольскаго и Ивановскаго, которыя первый изъ названныхъ ученыхъ сумѣлъ обосновать очень широко, важны еще въ томъ смыслѣ, что показываютъ много въ ко в у ю б о р ь б у, ш е д ш у ю в ъ п р е д д в е р и К а в к а з а, изъ за стратегическихъ путей изъ Азіи въ Е в р о п у. Арена походовъ царя Аргишти представляетъ изъ себя естественные и традиціонные: это—дорога изъ Эриванской низменности на Тифлисъ, это дорога въ низменности

* Массу интересныхъ подробностей и заключеній г. Никольскаго намъ приходится, по необходимости, опустить, предоставляя читателямъ ознакомиться съ этими крайне важными данными изъ 2-го изданія „Братской Помощи“.

нынѣшняго Александрополя, это наконецъ, тотъ путь, по которому шли наши войска въ прошлую русско-турецкую войну, черезъ Карсъ, Сарыкамышъ на Эрзерумъ“...

„Но памятники древности вѣщаютъ еще и еще, и ведутъ насъ, русскихъ людей, дальше къ сознанію духовной солидарности съ многострадальнымъ армянскимъ народомъ прожившимъ такую осмысленную, содержательную многовѣковую жизнь“. Упомянувъ объ этихъ памятникахъ армянъ, г. Гольмстремъ однако отнюдь не имѣлъ въ виду ванскія (урартійскія) клинообразныя надписи, а развалины древне-армянской столицы Ани, относящіяся къ христіанскому періоду. Дѣйствительно, вотъ что говоритъ г. Гольмстремъ вслѣдъ за приведенной нами фразой: „Въ той же книгѣ „Братская Помощь“ пр. Марръ даетъ интересный очеркъ „Ани, столица древней Арменіи—на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ имъ на месте по порученію ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссіи. Развалины Ани. „этого послѣдняго убѣжища государственной мысли въ коренной Арменіи“, вдохновили почтеннаго ученаго прослѣдить ростъ и судьбу и идеи единаго государства, зародившагося на югѣ Арменіи и постепенно уходившаго на сѣверъ, вслѣдствіе давленія извнѣ“.

Въ этомъ же очеркѣ пр. Марръ излагаетъ исключительно событія, относящіяся къ несомнѣнной армянской древней исторіи, связанной съ судьбой города Ани. Описывая развалины этого города, Марръ говоритъ: „Крестомъ была покрыта вся Арменія, такъ какъ крестъ былъ священнымъ знаменемъ населявшаго ее маленького народа, находившаго въ себѣ силу настойчиво вести, во имя національных завѣтовъ, неравную борьбу съ несмѣтными полчищами все новыхъ и новыхъ враговъ христіанства и началъ свободнаго культурнаго развитія, неся на себѣ до послѣдняго вздоха тяжелый крестъ трудовой

жизни и христiанскаго подвижничества. Развалины Ани тому свидѣтели“. „Вотъ что опять сказали камни, выступая на защиту народа, поносимаго безбожниками, покрываемаго злословiемъ и клеветой завистниковъ и словоблудовъ, не вѣрящихъ ни въ Бога, ни въ совѣсть“.

И далѣе въ статьѣ г. Гольмстрема говорится о преданности армянскаго народа христiанству, засвидѣтельствованной и историческими памятниками, и современною жизнью сельскаго населенiя: его бытомъ, обрядами, обычаями: о томъ, что надписи на камняхъ, показываютъ, какъ близко заинтересованы мы въ судьбахъ странъ, расположенныхъ въ верховьяхъ Евфрата, какъ ревниво надо намъ охранять населенiе этихъ областей, солидарныхъ съ нами въ религiозныхъ и политическихъ идеалахъ.

Въ заключенiе приведа рядъ выдержекъ изъ статьи Рорбаха, посѣтившаго ту же страну и вынесшаго о ея обитателяхъ то же впечатлѣнiе, г. Гольмстремъ такъ заканчиваемъ свою статью:

„Нѣмецкiй ученый Рорбахъ проѣхалъ по аренѣ до историческихъ событiй, онъ знаетъ объ открытыхъ надписяхъ, онъ посѣтилъ развалины города Ани, и... камни, надписи на камняхъ сказали ему то, что сердца иныхъ русскихъ людей не сумѣли имъ еще подсказать“.

Мы привели изъ статьи В. Гольмстрема все, что въ ней относится къ интересующему насъ вопросу. Какъ могъ убѣдиться читатель, въ ней не содержится рѣшительно ни одной строчки, подтверждающей обвиненiя, взводимыя кн. Чавчавадзе на почтеннаго русскаго писателя. Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что кн. Чавчавадзе совершенно невѣрно приписываетъ г. Гольмстрему, будто онъ утверждаетъ, что армяне происходятъ отъ урартiйцевъ, что г. Гольмстремъ, будто, въ подтвержденiи этого взгляда, приводитъ въ искаженномъ

видѣ мнѣніе г. Никольскаго. Ничего подобнаго г. Гольмстремъ не писалъ, а въ цитированныхъ выводахъ изслѣдованія г. Никольскаго нѣтъ рѣшительно ни одного намека на родство урартійцевъ съ армянами. Г. Гольмстремъ даже прямо указываетъ, что вопросъ о родствѣ урартійцевъ съ армянами не имѣетъ никакого существеннаго значенія: что, занявъ территорию урартійцевъ, армяне въ теченіе всей своей исторіи продолжали лишь выполнять ту роль, которая до нихъ въ тѣхъ же мѣстахъ выпадала на долю урартійцевъ: что, такимъ образомъ, армяне лишь наслѣдовали у урартійцевъ ихъ культурную роль въ Малой Азіи и доказываетъ это не тѣмъ, что говорится въ клинообразныхъ надписяхъ урартійцевъ, а всею позднѣйшею исторіей Арменіи, въ особенности со временъ принятія армянами христіанства. Очевидно, доказывая эти положенія ссылками на написанное у Рорбаха и пр. Марра объ этомъ періодѣ исторіи Арменіи, г. Гольмстремъ не имѣлъ никакой необходимости ссылаться на мнѣніе г. Никольскаго и притомъ приводитъ это мнѣніе въ искаженномъ видѣ, такъ какъ слова г. Никольскаго относятся къ урартійской исторіи. И, дѣйствительно, слова г. Никольскаго приведены вѣстать г. Гольмстрема единственно для выясненія характера и культурнаго значенія урартійской исторіи совершенно независимо отъ вопроса о родствѣ урартійцевъ съ армянами. Во всей своей статьѣ г. Гольмстремъ буквально нигде не говоритъ, что эти урартійцы предки армянъ, что исторія урартійцевъ должна служить для возвеличенія историческихъ заслугъ армянъ. Такимъ образомъ отъ начала до конца кн. Чавчавадзе лишь совершенно искажаетъ и смыслъ, и характеръ статьи г. Гольмстрема. Но, быть можетъ, спроситъ читатель, за чѣмъ же было г. Гольмстрему въ статью объ армянахъ вклеивать исторію урартійцевъ и, пожалуй, подумаетъ, что это должно

было быть сдѣлано съ цѣлью хоть намекнуть на родство армянъ съ урартійцами. Но и на эти возможные сомнѣнія статья даетъ ясный отвѣтъ. Въ ней говорится, что въ тѣхъ же мѣстахъ, лежащихъ на великомъ пути съ востока на западъ, три тысячи лѣтъ тому назадъ происходила та же борьба двухъ началъ, которую и нынѣ продолжаетъ Россія, въ качествѣ представителя культурнаго христіанскаго міра, съ варварскимъ міромъ религіи войны, что эту борьбу начали урартійцы противъ ассирійцевъ и пали въ этой борьбѣ, имъ на смѣну явились на томъ же мѣстѣ армяне и продолжали борьбу съ новыми носителями тѣхъ же анти-культурныхъ началъ и также не устояли подъ напоромъ враждебныхъ силъ; что нынѣ продолжаетъ эту борьбу Россія и она для своего успѣха должна въ свою очередь собрать вокругъ своего знамени остатки тѣхъ народовъ, которые являются носителями отстаиваемыхъ Россіей началъ гуманности, что бы общими соединенными силами хотя бы теперь нанести рѣшительный ударъ враждебнымъ имъ началамъ. Вотъ съ какою цѣлью приведена исторія урартійцевъ и эта цѣль ясно выражена въ самой статьѣ. Какъ при такихъ условіяхъ могъ кн. Чавчавадзе звалить на г. Гольмстрема такіе тяжелые упреки, что онъ ввелъ въ заблужденіе честный органъ печати, что онъ недостойно искажилъ взглядъ ученаго г. Никольского, чтобы за его спиной сбить свою ложь за правду, что онъ въ угоду и съ одобренія, яко бы, армянъ по своему невѣжеству позволилъ себѣ содѣйствовать тому, чтобы армяне чужими руками себѣ жаръ загребали, „что онъ почти весь фельетонъ посвятилъ доказательствамъ происхожденія армянъ отъ урартійцевъ и ввнуталь рассказъ о событіяхъ, случившихся minimum за 2700-2800 лѣтъ, чтобы этимъ рассказомъ доказать духовную и физическую мощь, мужество нынѣшнихъ армянъ, какъ потомковъ

славныхъ урартійцевъ“ (стр. 117),- это мы отказываемся понять и объяснить.

Въ заключеніе своихъ обвиненій г. Гольмстрема кн. Чавчавадзе сожалѣетъ, что обстоятельства и интересы книги вынудили поставить г. Гольмстрема въ ряду армянскихъ ученыхъ и желаетъ знать, что побудило его написать такую исторію, достойную лишь армянскихъ философовъ. Позволительно усомниться въ искренности и этихъ сожалѣній, и этихъ желаній, повидимому, имѣющихъ цѣлью смягчить всю силу тѣхъ глубоко оскорбительныхъ отзывовъ, высказанныхъ кн. Чавчавадзе по адресу г. Гольмстрема. Если бъ кн. Чавчавадзе дѣйствительно имѣлъ такое желаніе узнать все то, о чемъ онъ спрашиваетъ, то для этого онъ долженъ былъ лишь внимательно прочесть инкриминируемую статью и тогда, конечно, кн. Чавчавадзе не приходилось бы ни уличать г. Гольмстрема во лжи, фарисействѣ и подвохахъ, ни преподносить ему запоздалыхъ сожалѣній. Равнымъ образомъ и его желаніе знать, что руководило г. Гольмстромомъ, когда онъ писалъ свою статью, было бы вполнѣ удовлетворено. Но тогда, увы, и кн. Чавчавадзе не пришлось бы писать своей громоносной брошюры и онъ былъ бы лишенъ возможности парадировать въ роли защитника грузинской народности.

Кн. Чавчавадзе, однако, и этого мало. Недоволенъ онъ г. Гольмстромомъ еще по слѣдующимъ поводамъ.

„Проф. Анучинъ, говоритъ онъ, противникъ теоріи, считающей урартійцевъ предками армянъ; по мнѣнію г. Гольмстрема, это доказываетъ безпристрастіе Анучина, за что онъ и похваливаетъ его“.

Недоволенъ кн. Чавчавадзе этимъ потому, что изъ этого слѣдуетъ, что „на свѣтъ, якобы, существуетъ теорія, доказы-

вающая родство армянъ съ урартійцами“; что на самомъ дѣлѣ „такой теоріи нѣтъ“ и кн. Чавчавадзе приглашаетъ г. Гольмстрема назвать хотя бы одного дѣйствительнаго ученаго,-какъ сторонника той теоріи, съ которой, якобы, пр. Анучинъ не согласенъ и о которой лишь одинъ г. Гольмстремъ такъ необдуманно гремитъ и ни кто больше“; что „г. Гольмстремъ такъ подробно приводитъ свидѣтельства г. Никольскаго, въ подтвержденіе приводимыхъ имъ данныхъ о родственности, будто бы, урартійцевъ и армянъ, а о пр. Анучинѣ говоритъ два-три слова и то какъ то глухо,- онъ-де противникъ этой теоріи“ (115, 116). Разберемъ и эти замѣчанія кн. Чавчавадзе.

Прежде всего оказывается, что г. Гольмстремъ говоритъ о безпристрастіи не пр. Анучина, а редакціи „Братской Помощи Армянамъ“, которая, несмотря на всѣ свои симпатіи къ армянамъ, отнюдь не желая противодействовать распространенію правильныхъ понятій о томъ, какъ относится современное научное знаніе къ вопросу объ урартійской исторіи, напечатала сама статью пр. Анучина, совершенно отрицающую родство урартійцевъ и армянъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ кн. Чавчавадзе просто не понялъ (чтобы не сказать-переиначилъ) прочитаннаго. Вотъ подлинныя строки изъ статьи г. Гольмстрема: „Пр. Анучинъ на страницахъ той же „Братской Помощи“ (докзывающей тѣмъ свое безпристрастіе и добросовѣстность) высказывается противъ такой теоріи“. Къ кому относится эта похвала безпристрастія-къ пр. Анучину или къ „Братской Помощи?“ Мы думаемъ, ни одинъ читатель не затруднится отвѣтить на этотъ вопросъ. Фактъ этотъ имѣетъ существенное значеніе и его мы приводимъ не въ силу мелкой придирчивости. Онъ именно доказываетъ, что армяне отнюдь не замалчиваютъ и не игнорируютъ устанавливаемаго нынѣ въ

наукѣ вывода, что урартійцы-не предки армянѣ, а принадлежать къ племени, родственному грузинамѣ, такъ какъ сами армяне въ изданной ими книгѣ „Братская Помощь“ предоставили представителю теоріи о родствѣ грузинѣ съ урартійцами полный просторъ излагать свои выводы на этотъ счетъ. Очевидно, о такомъ безпристрастій умѣстно было говорить относительно „Братской Помощи“. Приписывая же эту аттестацию невѣрно пр. Анучину, кн. Чавчавадзе самъ себѣ создаетъ поводъ высказать удивленіе, за что хвалятъ пр. Анучина и намекнуть, что хвалебная рѣчь, Гольмстрема о такомъ безпристрастіи его же уличаетъ. А такъ какъ мы видѣли, что рѣчь идетъ о безпристрастіи не пр. Анучина, то само собою разумѣется- теряютъ всякую почву подъ собою всѣ эти экивоки и подозрѣнія въ библейскомъ тонѣ.

Затѣмъ на замѣчанія кн. Чавчавадзе о томъ, что на свѣтѣ нѣтъ такой теоріи, доказывающей родство армянѣ съ урартіями и что, поэтому, о пр. Анучинѣ нельзя говорить, что онъ противникъ теоріи, которой не существуетъ, -укажемъ, во 1-хъ, что именно такую теорію высказывалъ въ 1882 г. Мордтманъ, какъ это указано на стр. 376 той-же статьи Никольскаго въ „Древностяхъ Восточныхъ“; а во 2-хъ, какъ справедливо замѣчаетъ самъ кн. Чавчавадзе, сказанное о пр. Анучинѣ объясняется тѣмъ, что если пр. Анучинъ отрицаетъ происхождение армянѣ отъ урартійцевъ, то не въ опроверженіе кого либо, а въ подтвержденіе мнѣнія изслѣдовавшихъ эти обстоятельства, (стр. 115). Наконецъ, указаніе кн. Чавчавадзе, что г. Гольмстремъ приводитъ подробно свидѣтельство г. Никольскаго въ подтвержденіе приводимыхъ имъ данныхъ о родственности, будто бы, урартійцевъ и армянѣ—совершенно уже не согласуется съ правдой: какъ мы видѣли выше, рѣшительно ни одною строчкою, взятою у г. Никольскаго, г. Гольмстремъ не

подтверждаетъ этой родственности. Да и вообще говоря, этотъ вопросъ г. Гольмстремъ считаетъ, какъ было указано выше, для своихъ цѣлей не важнымъ, чѣмъ объясняется также и то, почему онъ не упоминаетъ о взглядахъ проф. Анучина относительно родства урартійцевъ съ грузинами.

Такимъ образомъ, поелѣ всего приведеннаго выше должно быть ясно, насколько всѣ обвиненія, взводимыя на г. Гольмстрема оказываются совершенно неосновательными.

10. О родствѣ урартійцевъ съ грузинами и о происхожденіи армянъ.

Изслѣдованія Ленормана и Никольскаго.

Кн. Чавчавадзе упрекаетъ, между прочимъ, г. Гольмстрема въ томъ, что онъ недостойно солидное сужденіе уважаемаго русскаго ассириолога г. Никольскаго по вопросу о родствѣ съ урартійцами нынѣ существующихъ народностей Кавказа исказилъ, передѣлавъ, чтобы съ помощью его уважаемаго имени сбить ложь извѣстной группѣ армянъ за правду. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, сколько правды въ этомъ упрекѣ и указали, что г. Гольмстремъ цѣликомъ привелъ нѣкоторыя мѣста изъ статьи г. Никольскаго объ урартійской исторіи, совершенно не ссылаясь на изслѣдованіе г. Никольскаго, для доказательства родства урартійцевъ съ армянами, такъ какъ совершенно не задавался цѣлью доказать существованіе такого родства. Посмотримъ, однако, какъ „достойно“ поступилъ кн. Чавчавадзе съ осторожными солидными сужденіями Никольскаго и Ленормана по затронутому имъ вопросу о родствѣ урартійцевъ съ грузинами.

Ф. Ленорманъ издалъ въ 1870 г. въ литографированномъ видѣ свое изслѣдованіе подъ названіемъ „Асеириологическія Письма“.

Ссылаясь на это изслѣдованіе (письмо 2-е), кн. Чавчавадзе смѣло отождествляетъ Грузинъ съ Урартійцами (алародійцами по Геродоту), и Грузинское Царство-съ Царствомъ Урарту. „О древнѣйшихъ временахъ Грузинскаго Царства и культуры его упоминается, по словамъ кн. Чавчавадзе, въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ еще въ 1300 г. до Р. Х.“ (Стр 34).

„Изслѣдованіе великаго Эженя Барнульфа усиливаетъ доказательство того, что языкъ клинообразныхъ надписей Арменіи и грузинскій-одинъ и тотъ же“. (Стр. 96). „Покойный Илья Серебряковъ, профессоръ Лазаревскаго института говоритъ: „Ленорманъ не только устранилъ всякую мысль о родственномъ происхожденіи армянъ и грузинъ, но даже самую территорію Арменіи до Ахаменидовъ изъялъ изъ владѣнія и навсегда укрѣпилъ за грузинами“. (Стр. 97). „Ленорманъ добавляетъ: „Алародійцы (иверы) представляютъ именно ту старую расу, которая оставила клинообразныя надписи въ Арменіи (Стр. 95). Словомъ- грузины и алародійцы одно и тоже, а царство Урарту-есть Царство Грузинское.

Мы не думаемъ входить въ разборъ этого чисто научнаго вопроса. Приведемъ лишь по возможности точный переводъ того письма Ф. Ленормана и извлеченія изъ статьи г. Никольскаго, въ которыхъ, по словамъ кн. Чавчавадзе, устанавливается такое тожество грузинъ и урартійцевъ. Эти выдержки всего лучше уяснятъ намъ истинное положеніе разсматриваемаго вопроса въ наукѣ.

Въ упомянутомъ 2-мъ письмѣ Ленорманъ говоритъ:

„Арменія до Ахаменидовъ была раздроблена на множество царствъ, населеніе коихъ, однако, обнаруживало большую

однородность въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Что это было за населеніе? Къ какой оно принадлежало расѣ? Свѣдѣнія даваемыя ассирійскими надписями, ни достаточно многочисленны, ни носятъ достаточно опредѣленный характеръ, чтобы дать намъ возможность установить окончательный взглядъ по этому предмету. (Стр. 119, 120). Языкъ этихъ надписей представляетъ еще темныя стороны, на которыя еще не пролить свѣтъ: даже природа этого языка еще далека отъ выясненія. (Стр. 121). Только благодаря большому развитію идеографизма оказалось возможнымъ, при настоящемъ состояніи науки, схватить общій смыслъ надписей и извлечь ихъ осто́въ или скелетъ, независимо отъ того, какъ онѣ читаются, въ то время, какъ части, написанныя фонетически, представляютъ почти абсолютныя пробѣлы, до тѣхъ поръ, пока языкъ этихъ частей не будетъ хорошо опредѣленъ и не будетъ утлублиено знакомство съ нимъ“.

Затѣмъ Ф. Ленорманъ дѣлаетъ критическій обзоръ работъ, предпринятыхъ его предшественниками для опредѣленія природы языка этихъ надписей. Отмѣтимъ здѣсь, что въ 1848 Hincks издалъ работу, единственную и по сіе время, въ которой вопросъ объ идеомахъ этихъ надписей разбирался ех professo. Авторъ этотъ полагалъ возможнымъ утверждать, что въ данномъ случаѣ имѣется языкъ чисто-арійскій. А. Layard находилъ въ этомъ языкѣ большую долю монгольскаго элемента; Rawlinson устанавливаетъ родство его съ языкомъ медовъ, туранцевъ и аккадійцевъ Вавилона, и наконецъ Mordtmann считалъ, что современный армянскій языкъ объясняетъ всѣ трудности языка надписей. Но всѣ эти мнѣнія Ф. Ленорманъ считаетъ столь же бездоказательными, какъ и не имѣющими научнаго подтвержденія. Ф. Ленорману кажется, что изученіе идеомовъ клинообразныхъ надписей, въ

томъ, что въ настоящее время можетъ быть распознано, обнаруживаетъ совершенно характерное разительное сходство языка этого съ грузинскимъ. „Я надѣюсь, говорить онъ далѣе, когда нибудь, когда мои изысканія подвинутся далѣе, представить къ тому рядъ доказательствъ абсолютно рѣшающихъ“.

Для даннаго времени Ф. Ленорманъ ограничивается доказательствами наиболѣе убѣдительными, представляемыми склоненіемъ именъ существительныхъ... Это склоненіе, крайне богатое формами, не похоже ни на идеомы арійскіе, ни на идеомы туранскіе, но, напротивъ, представляетъ тѣсное родство съ совершенно особенными формами склоненія грузинскаго. (Стр. 124, 125). Спряженіе глаголовъ распознается не такъ хорошо, какъ склоненіе именъ, большая часть формъ не имѣется или сомнительны. Но то небольшое, что онъ могъ констатировать похоже болѣе на грузинскій чѣмъ на какой либо другой языкъ*.

Однако, если идеомы по своей грамматикѣ кажутся весьма близкими исключительно къ грузинскому языку, то въ то же время существованіе арійскаго элемента въ словарь, въ которомъ онъ занимаетъ извѣстное мѣсто, было бы весьма затруднительно оспаривать. Приведа затѣмъ рядъ примѣровъ въ подтвержденіе этого заключенія. Ф. Ленорманъ далѣе замѣчаетъ, что присутствіе этого арійскаго элемента въ языкѣ и въ его словарѣ не менѣе замѣтно въ собственныхъ именахъ мѣстностей, людей и божествъ. Впрочемъ, если грамматики Грузин совершенно справедливо поддерживаютъ полную оригинальность ихъ языка, который не имѣетъ прямого сходства съ идеомами всѣхъ другихъ языковъ (см. январь 1832 г. стр. 19-24 „Тифлисской Литературной Газеты“), грузинскій представляетъ

* Примѣры, приволимые Ф. Ленорманомъ, мы опускаемъ.

также въ своемъ словарѣ значительную часть словъ, безспорно, арійскаго происхожденія. Эта часть въ языкѣ настолько развита, что Броссе могъ на нихъ опереться въ своей напрасной попыткѣ отнести этотъ языкъ къ семейству арійскихъ языковъ („Journal Asiatique“, mai 1883 et novembre 1884). Безъ сомнѣнія, какъ хорошо было замѣчено царевичемъ Теймуразомъ, добрая часть этихъ словъ, которыя персидскаго происхожденія, были введены въ сравнительно недавнее время, во время владычества персовъ: они образуютъ въ языкѣ нѣкотораго рода повтореніе п почти всегда дублированы словами, дѣйствительно, туземными, которыя имѣютъ тотъ же или почти такой же смыслъ.

Но въ то же время нельзя сомнѣваться, что другая часть арійскаго элемента словаря не болѣе древняго введенія и не приобрѣла очень рано права гражданства въ идеомахъ грузинскихъ, что и обнаружилъ нашъ великій Эжень Бюрнуфъ, который замѣтилъ, что слова этого рода были натурализованы въ части наиболѣе существенной и наиболѣе жизненной языка, какъ въ серіи мѣстоименій. Это-еще точка соприкосновенія между идеомами древнихъ клинописей Арменіи и грузинскимъ языкомъ^{*}.

Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ далѣе, данныя филологіи открываютъ первоначальное населеніе Арменіи, на сѣверѣ Аккадіи или Халден горъ Гордіенскихъ, которое было до конца VII столѣтія до Р. Хр. той же расы, какъ и грузины, и нѣкоторые современные народы Кавказа, смѣшанные, однако, въ извѣстной пропорціи съ элементами арійскими, которые

^{*} Это мѣсто письма Ленормана кн. Чавчавадзе передаетъ такимъ образомъ: „Изслѣдованіе великаго Эжена Барнульфа усиливаетъ доказательства того, что языкъ клинообразныхъ надписей Арменіи и грузинскій—одинъ и тотъ же“. (Стр.96).

были еще далеки отъ преобладанія. Это именно то самое населеніе, совершенно отличное отъ армянъ въ собственномъ смыслѣ, которое, очевидно, носило въ этиографіи Сотворенія (кн. Бытія, гл. X, 3) имя Өогорма, даваемое еще Језекиилемъ жителямъ Арменіи (XXVII, 14 — XXXVII, 6) въ то время, когда была начертана большая часть до сего времени извѣстныхъ надписей Вана и другихъ частей страны, и любопытно отмѣтитъ по этому предмету, что если армяне считаютъ себя потомками Гайка, сына Торгома, то грузины въ своихъ національныхъ традиціяхъ считаютъ также Торгома, какъ, своего предка. Но что болѣе всего разительнѣе и замѣчательнѣе въ идеомахъ клинописей Арменіи—это отсутствіе всякаго родства, даже отдаленнаго, съ армянскимъ. Народъ, который пачерталъ эти надписи и который до VI вѣка былъ исключительнымъ господиномъ страны, не имѣлъ ничего общаго съ армянами, онъ долженъ былъ отличаться радикально какъ по расѣ, такъ и по языку, и что быть можетъ, только послѣ начертанія послѣднихъ ванскихъ надписей имѣло мѣсто водвореніе въ этой странѣ армянъ въ собственномъ смыслѣ, которые вытѣснили къ сѣверу древнее населеніе, отбросивъ его въ страну (курсивъ нашъ). которую древніе называли Иверіей, а современные-Грузіей". И въ этомъ случаѣ мы приходимъ къ

* Это мѣсто въ передачѣ кн. Чавчавадзе получаетъ слѣдующее выраженіе: „Ленорманъ говоритъ въ томъ же сочиненіи своемъ, что армяне напрасно присваиваютъ себѣ происхожденіе отъ Торгома“. (Стр. 98).

** У кн. Чавчавадзе въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Ленорману приписываются слѣдующія строки:

„Гайосцы пришли въ Арменію въ то время, когда ванскія надписи уже существовали, именно въ то время, когда тотъ самый народъ

аналогичному заключенію, къ которому насъ привело изысканіе по мидійской исторіи, а именно, что обладаніе гористымъ массивомъ между Галисомъ и Каспійскимъ моремъ населеніемъ исключительно арійской расы относится къ гораздо менѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ это обыкновенно думали до сихъ поръ, оно могло имѣть мѣсто отъ VIII до VI столѣтія до-христіанской эры, а до тѣхъ поръ Мидія и Каппадокія были обитаемы народами татаро-финскимъ, туранскими мидійцами, мосхами, тибаренами, тогда какъ Арменія была населена народами, относящимися къ народностямъ Кавказа. Все, что нами было констатировано для языка, наблюдается также не для историчеекихъ традицій,—такъ какъ въ дѣйствительности не существуетъ національныхъ преданій для занимающей насъ эпохи, а что касается книги Маръ-Абасъ-Катина, то въ ней содержатся лишь смутныя воспоминанія о царяхъ ванскихъ надписей,—а въ области религіи. Клинопись Арменіи не содержитъ никакихъ упоминаній о національныхъ богахъ народа армянскаго въ собственномъ смыслѣ, о тѣхъ, о которыхъ намъ говорятъ ихъ писатели (Анаить, Спантароть, Вагакъ и Нане), равнымъ образомъ боги, фигурирующіе въ этихъ надписяхъ, совершенно невѣдомы армянскимъ историкамъ и національнымъ традиціямъ. Эти одни и тѣ же боги встрѣчаются на всѣхъ монументахъ, какъ въ окрестностяхъ Эрзерума, такъ и около

(урарту), который вырѣзалъ эти надписи, ослабленный въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ непрекращавшимися войнами съ страшными владыками Ниневіи (ассиріянами) и Вавилономъ, отодвинулся, направился къ сѣверу, (курсивъ нашъ) именно къ тѣмъ мѣстамъ, которыя въ древности назывались Иверіею, а въ настоящее время именуются Грузіею“. (Стр.96).

Вана и Палу. Такъ же какъ полное единство этнографическое, и лингвистическое существовало среди древняго населенія Арменіи, несмотря на его политическую раздробленность и бо́льшее число независимыхъ царствъ,—точно также замѣчается въ этомъ народѣ столь же абсолютное единство религиозное, служа связью между всѣми его частями. (129- 130).

Такимъ образомъ, слѣдуетъ вернуться къ заключенію Henry Rawlinson'a, что „языкъ Урарту не имѣетъ никакого сходства съ современнымъ армянскимъ. Раса, говорящая этимъ послѣднимъ идеомомъ въ дѣйствительности, повидимому, эмигрировала изъ Фргіи и постепенно овладѣла горами Востока, изгоняя или поглощая древнихъ урартійцевъ и замѣщая своими ихъ имена, языкъ, религію и традиціи“ (*en substituant à la place de ceux-ci son propre nom, son langage, sa religion et ses traditions*).

Но если это заключеніе не сходится съ мнѣніемъ, общепринятымъ у современныхъ ориенталистовъ, оно согласуется самымъ счастливымъ образомъ съ свидѣтельствомъ Геродота, который различалъ формально въ Арменіи два народа, совершенно безъ всякой связи, но своему происхожденію: Алародійцевъ въ Арменіи Большой, между Колхами и Сапирами, тѣхъ же самыхъ, что и Иверы другихъ античныхъ писателей, съ одной стороны и Matien'овъ Атрапатена—съ другой стороны, затѣмъ армянъ, которыхъ отецъ исторіи зналъ только въ западной части страны, на верховьяхъ Евфрата, около Фригіи и въ горахъ, гдѣ Галисъ беретъ своя истоки (132). Соглашаясь съ устанавливаемымъ Раулинсономъ сближеніемъ названія Аларуть—Геродота съ названіемъ Урарту ассирійскихъ надписей, Ф. Ленорманъ находитъ, что это драгоцѣнное отличіе, даваемое Геродотомъ, можетъ служить основаніемъ,

чтобы придать эпитетъ алародійскаго языка и надписямъ, о которыхъ идетъ рѣчь и которыя не имѣютъ ничего общаго съ армянскими, принадлежа положительно народу, называемому ассирійцами Урарту. Языкъ этотъ Ленорманъ называетъ алародійскимъ. Что же касается армянъ въ собственномъ смыслѣ, то по общепринятымъ традиціямъ классической древности, они считаются выходцами изъ Фригіи и принадлежащими къ той же расѣ, какъ и фригійцы.

Не приводя засимъ краснорѣчивыхъ указаній Ф. Ленормана, относящихся къ этому же выводу о происхожденіи армянъ, ограничимся замѣчаніемъ его по поводу источниковъ древнѣйшей исторіи армянъ, что такими источниками могли служить, во-первыхъ, традиціи самихъ армянъ въ собственномъ смыслѣ о первыхъ временахъ ихъ расы, восходящихъ къ ихъ происхожденію, къ эпохѣ, предшествующей ихъ утвержденію въ Арменіи, когда они жили среди или около Фригійцевъ, ихъ братьевъ. Другіе источники состоятъ въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ изъ временъ царства алародійцевъ, которые должны были сохраниться даже и послѣ утвержденія армянъ среди нѣкоторой части населенія примитивнаго, пережившей это время и слившейся съ новыми пришельцами. (Стр. 162).

Ленорманъ писалъ свои письма въ 1870 г. Спустя 23 года, т. е. въ 1893 году, русскій ученый М. В. Никольскій въ цитированной выше статьѣ „Клинообразныя надписи ванскихъ царей“, („Древности Восточныя“ т. I, вып. III) излагаетъ современный взглядъ науки на тотъ же интересующій насъ вопросъ. Мы приводимъ изъ этой статьи рядъ выдержекъ, которыя сами безъ всякихъ объясненій съ нашей стороны устанавливають отношенія грузинъ и Грузинскаго Царства къ Царству Урарту.

„Величайшіе ассиріолги, говорить Никольскій, подвизавшіеся въ дѣлѣ дешифрированія клинообразныхъ текстовъ, каковы Гинксъ, Генри Раулинсонъ, Ленорманъ, дѣлали попытки дешифровать эти надписи, но ихъ попытки не увѣнчались успѣхомъ. Клинообразные знаки, изъ которыхъ состоятъ эти тексты, заимствованы изъ ассирійскаго силлабарія и почти тождественны по фигурѣ и стилю со знаками надписей ассирійскихъ царей IX и VIII века до Р. Х. Асуръ-насиръ-абала и Салманасара II: знаки употребляются и идеографически, и фонетически съ тѣми значеніями, которыя указаны въ ассирійскомъ силлабаріи, но слова и фразы, которыя составлялись изъ чтенія этихъ знаковъ, оказались совсѣмъ не похожими на ассирійскія и обнаруживали особый языкъ, до сего неизвѣстный. Съ большею или меньшею проницательностью эти ученые могли опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ и высказать слабыя догадки о томъ, къ какому семейству можно было бы отнести этотъ языкъ. Первый, кто взялъ на себя задачу разрѣшить сполна и радикальнымъ образомъ проблему этихъ загадочныхъ текстовъ, былъ Мордтманъ, который въ своемъ обширномъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ 1882 году въ „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft“ подъ заглавіемъ: „Entzifferung und Erklärung der armenischen keilinschriften von Wan und der Umgegend“, описалъ и разобралъ всѣ извѣстныя до того времени надписи. Но эта попытка оказалась особенно неудачною. Выходя изъ того положенія, что языкъ этихъ надписей тождественъ съ нынѣшнимъ армянскимъ, Мордтманъ объяснилъ слова и фразы надписей по даннымъ грамматики и лексики новѣйшаго армянскаго языка. Но такой взглядъ могъ образоваться только благодаря весьма слабому знакомству Мордтмана съ системою клинообразныхъ знаковъ и съ

ассирийскимъ силлабаріемъ. Будучи совершенно не знакомъ съ ассирийскимъ языкомъ, Мордтманъ поусердствовалъ и одну чисто-ассирийскую надпись, найденную въ Ванѣ, разобралъ и истолковалъ на почвѣ армянской грамматики и лексикона. Въ другую крайность впалъ французскій ученый D-r Robert, который въ изданномъ имъ въ 1876 году трудѣ „Etude philologique sur les inscriptions cunéiformes de l'Arménie“ доказывалъ, что эти тексты написаны на ассирийскомъ семитскомъ языкѣ.

Но всѣмъ этимъ филологическимъ курьезамъ положенъ былъ конецъ геніальной догадкой французскаго арабиста и ассиріолога С. Гюяра (Stanislas Guyard), высказанной имъ въ краткой замѣткѣ о ванскихъ надписяхъ въ „Journal Asiatique“ за 1880 г., май—іюнь, стр. 540—543. Сдѣлавъ очень удачное наблюденіе, что большинство ванскихъ надписей оканчивается однѣми и тѣми же фразами, онъ высказалъ предположеніе, что эта фраза содержитъ формулу призванія боговъ въ каратели тѣхъ, которые будутъ пытаться разрушить надписи, формулу, которою обыкновенно оканчиваются историческія надписи ассирийскихъ царей. Благодаря этой догадкѣ. Гюяръ съ достаточною твердостью установилъ смыслъ словъ и фразъ этой формулы, что неожиданно пролило свѣтъ и на грамматическія формы ванскаго языка. Такимъ образомъ, ключъ къ надписямъ былъ найденъ. Пользуясь открытіемъ и методомъ Гюяра, оксфордскій профессоръ сравнительнаго языковѣдѣнія извѣстный ассиріологъ Сейсъ (A. H. Sayce) разобралъ всѣ надписи и результаты своихъ изслѣдованій обнародовалъ въ обширномъ мемуарѣ о ванскихъ надписяхъ, помѣщенномъ въ „Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland“ Vol. XIV, Part 3 и 4.

Выводы и наблюденія Сейса потребовали, однако, больших поправокъ, которыя были сдѣланы имъ по указанію Гюяра', равно какъ вѣнскаго проф. Мюллера (D. H. Müller) въ его добавленіи къ вышепоименованному труду въ томъ же изданіи vol. XX, part. I, но, во всякомъ случаѣ, благодаря его труду задача дешифрированія этихъ текстовъ поставлена исполнѣтвенно, хотя далеко еще не исполнѣ разрѣшена. Что касается хронологіи надписей, то она можетъ считаться установленной твердо. Ванскія надписи, по несомнѣннымъ даннымъ, относятся къ концу IX и къ первой половинѣ III вѣка до Р. X..

Несмотря, однако, на все это, языкъ и тексты ванскихъ надписей представляютъ одну изъ самыхъ трудныхъ и во многихъ отношеніяхъ еще темныхъ отраслей науки о клинообразныхъ надписяхъ, называемой ассиріологіей. Это зависитъ частью отъ того, что изслѣдователямъ приходится имѣть дѣло съ недостаточно точнымъ и еще не провереннымъ матеріаломъ, каковымъ является большая часть снимковъ съ этихъ надписей, а, главнымъ образомъ, отъ того, что до сего времени не удалось еще найти той родственной семьи, къ какой можно было бы отнести этотъ языкъ; онъ представляетъ нѣчто совершенно изолированное. Н ѣ к о т о р ы я
о д и н о ч н ы я я в л е н і я , с х о д н ы я с ѣ я з ы к о м ѣ
г р у з и н с к и м ѣ , е щ е н е д а ю т ѣ п р а в а к ѣ у с т а н о в л
е н і ю р о д с т в е н н о й с в я з и , х о т я в о з м о ж н о с т ѣ
э т о г о р о д с т в а п р и з н а е т с я п о ч т и в с ѣ м и

* „Mélanges d'Assyriologie“, Paris, 1883 г. „Journal Asiatique“ t. I, стр. 261; 517; II, стр. 306; t. III, p. 499. 8 série.

** Oesterreichische Monatschrift für den Orient (Янв. 1885 и авг. 1886). Die Keilinschrift von Aschrut-Darga въ 36 томѣ Abhand. Kaiserl. Wien Akademie.

и з с л ѣ д о в а т е л я м и э т и х њ н а д п и с е й. К ѣ
с о ж а л ѣ н і ю, с р а в н и т е л ь н о е и з у ч и н і е к а в к а з с к и х њ я з ы к о в њ, и
о с о б е н н о г р у з и н с к а г о, и х њ и с т о р і и и д і а л е к т о в њ е щ е к р а й н е
н е с о в е р ш е н н о; в о в с я к о м њ с л у ч а ѣ, т о л ь к о о т њ г р у з и н о л о г о в њ-
л и н г в и с т о в њ м ы м о ж е м њ о ж и д а т ь б о л ѣ р ѣ ш и т е л ь н а г о o т в ѣ т а
н а э т о т њ в о п р о с њ. Н о т е п е р ь и з с л ѣ д о в а т е л ь в а н с к и х њ н а д п и с е й
п р и н у ж д е н њ o б х о д и т ь с я с о п о с т а в л е н і е м њ я в л е н і й т o л ь к о в њ
п р е д ѣ л а х њ o т к р ы т ы х њ т е к с т о в њ; п р а в д а, д o в о л ь н о
з н а ч и т е л ь н о е ч и с л о э т и х њ н а д п и с е й (o к o л о в o с ь м и д e с я т и
н а д п и с e й, и з њ к o т o р ы х њ н ѣ k o т o р ы я в e с ь м а o б ш и р н ы),
y п o т р е б л e н і e v њ ш и р o k o м њ p a з м ѣ p ь i d e o г p a m m њ,
т o ж е с т в e н н ы х њ п o з н а ч e н і ю с њ a c c и р і й с к и м и, p o д c т в o c т и л я
н а д п и с e й c њ a c c и р і й с к и м њ-в c e э т o o б л e г ч a e т њ и х њ д e-
ш и ф p и p o в a н і e, н o м н o ж e c т в o c л o в њ и o б o p o т o в њ o c т a ю т с я e щ e
н e я c н ы м и и б y д у т њ o c т a в a т ь с я д o т ѣ x њ п o p ь, п o к a м ы н e
п o л y ч и м њ в a н c k o й н а д п и c и c њ п e p e в o д o м њ н a и з в ѣ c т н ы й y ж e
н a м њ я з ы к њ, т. e. ч e г o н и б y д ь v њ p o д ѣ p o з e т c k a г o k a m n я“. (Стр.
375-377).

„Страна Урарту, по ассирійскимъ и ванскимъ источникамъ,
была частью другого болѣе обширнаго цѣлага, которое назы-
вается въ нихъ странами или страною Наири. Ванскій царь
Сардури I, оставившій намъ свои надписи на ассирійскомъ
языкѣ, называетъ себя царемъ страны Наири, въ надписяхъ
же ассирійскихъ царей это названіе употребляется большею
частью какъ неопредѣленный терминъ, обозначающій сѣвер-
ныя народности, жившія на верховьяхъ Тигра и Евфрата, око-
ло озеръ Вана и Урміи, и по направленію къ Черному и Кас-
пійскому морямъ. Иногда, впрочемъ, это имя усвоится
отдѣльнымъ народностямъ, преимущественно около озера
Урміи, напр., странѣ Хубушкіа. Число странъ Наири было
весьма значительно; если сосчитать всѣ, упоминаемыя въ

ассирійскихъ надписяхъ, то ихъ наберется болѣе ста.

Твердаго политическаго цѣлаго всѣ эти государства не могли образовать по своей многочисленности и разбросанности, но они способны были, по крайней мѣрѣ, въ минуты опасности, сознавать единство и солидарность своихъ интересовъ и всегда встрѣчаютъ врага въ большемъ числѣ, цѣлой коалицей многихъ десятковъ націй. Судя по названію мѣстностей, почти несомнѣнно, что всѣ или большая часть этихъ народностей говорили на родственныхъ языкахъ, принадлежавшихъ къ одному семейству съ языкомъ ванскимъ. Въ наукѣ пока еще не установилось твердаго понятія и точнаго наименованія этихъ народностей, но, по примѣру Ленормана и Гоммеля, можно бы называть ихъ алародійцами, употребляя этотъ терминъ, взятый у Геродота, въ этнографическомъ и лингвистическомъ смыслѣ, въ отличіе отъ семитовъ Сиріи и Месопотаміи и арійцевъ Ирана и Малой Азіи. Эта особая раса, рѣзко отличная отъ указанныхъ и стоящая совершенно особнякомъ въ древнемъ мірѣ. Если къ ней не принадлежать нынѣшніе грузины, то ее слѣдуетъ считать совершенно исчезнувшей изъ среды нынѣшнихъ обитателей Малой Азіи и Закавказья.

Вопросъ объ отношеніи языка Урарту къ грузинскому требовалъ бы болѣе серьезнаго разсмотрѣнія. Къ сожалѣнію, діалекты грузинскаго еще требуютъ научной разработки, и только при выполненіи этого условія можетъ быть поставленъ вопросъ о научномъ сравненіи. Во всякомъ случаѣ, компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ могутъ быть только грузинологи или вообще лингвисты, спеціально посвятившіе себя изслѣдованію языковъ горскихъ племенъ, среди которыхъ мы можемъ только ожидать потомковъ древнихъ урартійцевъ.

По недостатку лингвистических данных, мы еще не имѣемъ возможности установить степени распространенности этой алародійской расы. Были ли въ какомъ нибудь отношеніи къ ней коссей, эламиты, до-арійскіе мидяне, такъ называемые, сумеро-аккадійцы, какъ думаетъ Гоммель,—этотъ вопросъ еще весьма далекъ отъ разрѣшенія. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что важнѣйшій народъ Сиріи и Малой Азіи, родоначальникъ оригинальной культуры и храбрый соперникъ Египта и частью Ассиріи, Хеттеи, принадлежалъ къ алародійскому племени“. (Стр. 388).

Таково положеніе вопроса объ урартійцахъ въ современной наукѣ. Возможно-ли по приведеннымъ осторожнымъ указаніямъ ученыхъ дѣлать заключеніе, что Царство Урартійское и Царство Грузинское одно и то же— пусть судить читатель. Наша цѣль-исчерпывается лишь объективнымъ изложеніемъ взглядовъ ученыхъ специалистовъ по интересующему насъ вопросу.

11. Г. А. Эзовъ и его отзывъ о грузинскомъ народѣ.

Намъ остается теперь рассмотреть трудъ Г. А. Эзова „Сношеніе Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“, который внушилъ кн. Чавчавадзе, повидимому, особенную злобу и досаду. Разбирая относящіяся къ Грузіи и грузинскому народу части названнаго труда г. Эзова, кн. Чавчавадзе буквально разражается самою отборнѣйшею бранью по адресу этого автора. Подлость, обманъ, фальсификація, продѣлки, развязность, разнузданность,—словомъ, весь свой обширный лексиконъ брани, который только могъ пройти черезъ нетребовательную провинціальную цензуру,—все это безпорядочною кучей сва-

лено на голову г. Эзова. Кн. Чавчавадзе не останавливается даже передъ глумленіемъ надъ личностью автора и восклицаетъ, что „достаточно одного г. Эзова, чтобы устраситься самого себя и съ отчаяніемъ воскликнуть: ужели человѣкъ, дѣйствительно, образъ и подобіе Божье“!? (Стр. 122).

И это называется критикой и возраженіемъ!?

Любопытно при этомъ отмѣтить, что свои неприличные выходки по адресу г. Эзова кн. Чавчавадзе пытается оправдать необходимостью защиты личнаго достоинства отъ оскорбленій и поношеній (стр. 81), забывая при этомъ, насколько именно личное достоинство налагаетъ обязанность соблюдать уваженіе къ чужой личности.

Нельзя спорить, конечно, что нѣкоторыя мѣста въ трудѣ г. Эзова могутъ показаться обидными для грузинъ. Но дѣло въ томъ, что за эти оскорбительныя мѣста, если и можно привлекать къ отвѣтственности армянскихъ ученыхъ вообще и въ частности г. Эзова-то только въ томъ случаѣ, если бы оказалось, что все сообщаемое г. Эзовымъ было имъ самимъ выдуманно, извращено или подтасовано и при томъ съ предосудительной цѣлью унижить прошлое и настоящее грузинъ. Въ дѣйствительности оказывается, однако, что современнаго положенія грузинъ г. Эзовъ совершенно не касается. Затѣмъ, относительно прошлаго и притомъ въ теченіе строго опредѣленнаго періода отъ Петра Великаго до присоединенія Грузіи къ Россіи, свои указанія г. Эзовъ обосновываетъ ссылками на различныхъ авторовъ и историковъ (Турнефора, Тавернье, Шардена, историка Соловьева и др). Если эти указанія невѣрно освѣщаютъ положеніе вещей, то, очевидно, легче всего было бы ихъ опровергнуть ссылками на другихъ ученыхъ и историковъ, высказывающихъ взгляды, противоположный тому, который цитируется г. Эзовымъ. Относиться же къ цита-

тамъ, приводимымъ г. Эзовымъ, какъ къ личнымъ злобнымъ и ядовитымъ выходкамъ по адресу грузинскаго народа врядъ ли имѣется достаточно оснований. Само собою разумѣется, намъ не приходится входить въ разборъ того, насколько вѣренъ истинѣ г. Эзовъ въ оцѣнкѣ прошлаго Грузіи и въ характеристикѣ грузинъ временъ Петра Великаго, основываясь на сочиненіяхъ иностранныхъ авторовъ и современныхъ армянскихъ историковъ, такъ какъ эти вопросы могутъ быть разрѣшены лишь безпристрастной исторіей и мы не считаемъ себя въ нихъ компетентными. Но для насъ, во всякомъ случаѣ, одно несомнѣнно, что трудъ г. Эзова отнюдь невозможно опровергать площадною бранью и патріотическими взглядами. Кромѣ того, не касаясь по существу возраженій, сдѣланныхъ на трудъ г. Эзова, мы считаемъ умѣстнымъ отмѣтить здѣсь лишь нѣсколько до очевидности несправедливыхъ нападокъ на г. Эзова.

Г. Эзову ставится въ вину неправильное освѣщеніе отношеній Грузіи къ Персіи, но при этомъ кн. Чавчавадзе не счелъ нужнымъ указать, что г. Эзовъ свои положенія основываетъ на сочиненіяхъ Тавернье, Турнефора, Шардена, Сансона и др. Развѣ не естественно спросить, почему кн. Чавчавадзе умалчиваетъ объ этомъ крайне важномъ обстоятельствѣ, устраняющемъ отвѣтственность г. Эзова и дѣлающемъ необходимымъ возмущаться и опровергать не г. Эзова, а именно этихъ перечисленныхъ выше авторовъ?

Кн. Чавчавадзе опровергаетъ указанія г. Эзова, относящіяся къ XVII и XVIII столѣтіямъ (отъ Петра Великаго) до начала XIX столѣтія ссылками на армянскихъ историковъ XI, XII и XIII ст. (Асогикъ, Ласдиверъ, Матеозъ Эдессы, Варданъ Великій) (стр. 59 - 60) и, такимъ образомъ, и здѣсь допускаетъ ту же ошибку, на которую мы указывали не разъ. Развѣ не оче-

видно, что положеніе Грузіи, описанное историками XI- XIII столѣтій, могло существенно измѣниться въ теченіе 400-500 лѣтъ? Чѣмъ же объяснить такую неудачную попытку опровергнуть приводимыя г. Эзовымъ указанія о положеніи Грузіи въ XVIII столѣтіи совершенно неподходящими ссылками на историковъ XI-XIII столетій? И почему кн. Чавчавадзе не называетъ хотя бы одного писателя XVIII столѣтія, который иначе освѣщалъ бы положеніе Грузіи въ то время ,чѣмъ это дѣлають писатели, цитируемые г. Эзовымъ? Не даетъ ли это нѣкоторый поводъ думать, что г. Эзовъ не такъ ужъ „уклонялся отъ, истины“, какъ это утверждаетъ кн. Чавчавадзе.

Г. Эзову ставится въ вину, что онъ для того, чтобы обезславить грузинъ, приводитъ одни лишь дурные о нихъ отзывы Шардена и патріарха Исаи.

Чѣмъ на самомъ дѣлѣ руководился г. Эзовъ, приводя дурной отзывъ Шардена этого мы, конечно, не можемъ знать, но въ своемъ трудѣ онъ указываетъ на этотъ отзывъ. Шардена исключительно для доказательства того развращающаго вліянія, которое имѣлъ на Грузію персидскій режимъ того времени, такъ какъ цитатъ изъ Шардена предшествуютъ слѣдующія строки:

„Мусульманство стало очень распространено среди грузинъ: но отзыву Тавернье, въ двухъ областяхъ было отъ 10 до 12 тысячъ грузинскихъ семействъ, принявшихъ мусульманство; вмѣстѣ съ религіей распространились среди грузинъ персидскіе нравы и привычки. Шахъ Аббасъ вывелъ до 80 тыс. семействъ изъ Кахетіи и поселить ихъ въ Персіи , на мѣсто же ихъ привелъ персіанъ. Такимъ образомъ, персидское вліяніе на грузинъ было очень велико, вліяніе, конечно, развращающее и принижающее (нашъ курсивъ). Вотъ въ

какихъ выраженійхъ Шарденъ характеризуетъ нравственное состояніе грузинъ“ - и далѣе идетъ цитата изъ Шардена на французскомъ языкѣ.

Если вспомнить, что эти строки приведены въ академическомъ изданіи въ 500 слишкомъ страницъ, предназначенномъ для людей науки и специалистовъ, а не для большой публики, что, такимъ образомъ, изданіе это не можетъ по самому своему характеру преслѣдовать никакихъ полемическихъ или публицистическихъ цѣлей, - то значеніе выдержки изъ Шардена потерять совершенно то ядовитое значеніе, которое ему приписываетъ кн. Чавчавадзе. И ставить г. Эзову въ вину, почему онъ, характеризуя развращающее вліяніе прежняго персидскаго режима, привелъ неблагопріятные отзывы о нравахъ грузинскаго народа въ то печальное время - врядъ ли приходится, если только признать безспорнымъ историческимъ фактомъ такое вліяніе персидскаго режима на Грузію. Въ одномъ можно вполне согласиться съ кн. Чавчавадзе, что г. Эзовъ, не нарушая достоинствъ и полноты своего труда, могъ и не приводить текстуально отзыва Шардена о грузинскомъ народѣ, ограничившись лишь общимъ указаніемъ характеристики нравовъ тогдашняго, времени, потому во 1-хъ, что, вообще говоря, всякія общія характеристики народностей, обыкновенно приводимыя различными писателями, всегда грѣшатъ своею односторонностію, впадая то въ одну, то въ другую крайность, то восхваляя неумѣренно, то предавая беспощадному поруганію, тогда какъ врядъ ли существуетъ на земномъ шарѣ народность, которая была бы одарена исключительно дурными или исключительно хорошими качествами. Съ точки зрѣнія современной научной этнографіи, само собою разумѣется, всѣ такія характеристики не выдерживаютъ серьезной критики, устанавливая какую то

незыблемость нравственныхъ качествъ народовъ, въ дѣйствительности являющихся продуктомъ сложнаго комплекса внѣшнихъ условій; во 2-хъ, потому, что цитированіе исключительно однихъ дурныхъ отзывовъ о грузинахъ на ряду съ цитированіемъ исключительно хорошихъ отзывовъ объ армянахъ отнюдь не можетъ свидѣтельствовать о научномъ безпристрастіи писателя и, очевидно, способно породить подозрѣніе въ искусственности подобнаго подбора цитатъ. Въ этомъ отношеніи какъ трудъ г. Эзова, такъ, и нѣкоторыя другія изслѣдованія безусловно грѣшатъ, если и не пристрастіемъ, потому что пристрастіе, составляя внутреннее побужденіе, не можетъ быть подвергнуто точному анализу, - то, во всякомъ случаѣ, односторонностью.

Что касается отзыва патріарха Исаіи о грузинахъ, то значеніе его также невѣрно освѣщено кн. Чавчавадзе. Г. Эзовъ этому отзыву предпосылаетъ слѣдующія строки:

Вахтангъ (грузинскій царь), желая наказать жителей сунитовъ, призвавшихъ лезгинъ, (во время похода въ Ганжу), разрѣшилъ своему войску сдѣлать нападеніе на мѣстное мусульманское населеніе, строго воспретивъ касаться христіанъ. Но воины, разсыпавшись по всѣмъ окрестнымъ мѣстностямъ до рѣки Тертеръ, произвели страшное опустошеніе, и награбленное возами отправляли въ свой лагерь; они грабили не только магометанъ, но и христіанъ. При приближеніи войска къ армянскимъ деревнямъ, населеніе обыкновенно выходило на встрѣчу съ духовенствомъ въ облаченіи, во главѣ, съ крестами и свѣчами, при звонѣ колоколовъ, но грузины накидывались на нихъ, грабили облаченіе, церковныя книги и утварь и все имущество; „такимъ образомъ, все уцѣлѣвшее отъ лезгиновъ, пишетъ патріархъ Исаія, уничтожила жадная, ненасытная и безжалостная нація Грузинская. Вотъ какая польза

намъ была отъ прихода Вахтанга, хотя онъ самъ человѣкъ добрый, благочестивый и христілюбивый, (курсивъ нашъ) но Грузины, по свойственному имъ грубому и буйному праву, ему не повиновались“. (Сдѣлана ссылка на „Краткую исторію агванской страны“, Кандзасарскаго католикаса Исаи. Іерусалимъ, 1868 г. см. Г. Эзовъ, стр. LIII).

Изъ этой выдержки видно, во 1-хъ, что патріархъ Исаія говоритъ о мородерствѣ грузинскихъ войскъ, которыя не повиновались своему царю и во 2-хъ, что на ряду съ такимъ фактомъ Исаія отдаетъ полную справедливость благороднымъ качествамъ грузинскаго царя Вахтанга. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, имѣющемъ, однако, весьма существенное значеніе для оцѣнки безпристрастія показаній Исаи,-кн. Чавчавадзе ни единымъ словомъ не обмолвился, (стр. 66-67), и потому, приведя лишь первую часть цитируемой фразы, онъ обвиняетъ и патріарха Исаію, и г. Эзова въ желаніи односторонне отфѣнить одно дурное въ грузинской жизни. Если при этомъ вспомнить, что отъ мородерства ни одна армія, особенно въ прежнее время, не была свободна, а тѣмъ болѣе отъ него не могло быть свободна и армія Вахтанга, получившая разрѣшенія самого царя грабить мусульманское населеніе,-то жалоба патріарха на это мородерство грузинскаго войска потеряетъ всякое значеніе, какъ характеристика всего грузинскаго народа. Эти указанія патріарха Исаи и г. Эзова кн. Чавчавадзе считаетъ тенденціознымъ измышленіемъ, направленнымъ къ той же цѣли унижить и опорочить грузинъ. Если бы рассказъ патріарха былъ бы правдивъ, то какимъ образомъ, спрашиваетъ кн. Чавчавадзе,- во 1-хъ, самъ патріархъ Исаія, по его же словамъ, „отдался подъ покровительство грузинъ и цѣлыхъ четыре мѣсяца провелъ въ ихъ столицѣ“ и затѣмъ могъ писать монаху Минасу, что „грузины и армяне нынѣ всѣ

въ единомушномъ единеніи пребываютъ“, что „Вахтангъ намѣревается итти снова съ войсками своими къ Ганжѣ.“ Развѣ такъ радостно было, продолжаетъ далѣе кн. Чавчавадзе, ожидать вновь вторженія такого войска, которое въ первый разъ до-чиста ограбило и разорило армянъ и содрало шкуру съ его духовенства?“ (Стр. 69). Во всѣхъ этихъ указаніяхъ кн. Чавчавадзе усматриваетъ противорѣчія, которыя не иначе могутъ быть объяснены, по его мнѣнію, какъ все тѣмъ же желаніемъ досадить и обругать грузинъ при каждомъ удобномъ поводѣ. Но дѣло въ томъ, что патріархъ Исаія писалъ, что онъ поѣхалъ въ Тифлисъ съ царемъ Вахтангомъ, котораго высокія качества онъ признаетъ. Нѣтъ ничего новѣроятнаго въ томъ, что въ то время правительственной дезорганизаціи грузинскія войска могли грабить попутно армянское населеніе, вопреки чувствамъ, самихъ грузинскихъ правителей. Какъ въ „Исторіи Агванской земли“, такъ и въ письмахъ патріарха Исаіи и монаха Минаса всюду воздается хвала царю Вахтангу и вспоминается его имя съ благодарностью. Это отмѣчается самымъ г. Эзовымъ. „Вахтангъ любилъ армянъ“. пишутъ его свидѣтели... „съ нами онъ, обращается съ большою любовью“... Вахтангъ человѣкъ добрый, благочестивый и христіанскій“. (Стр. LIII-LIV). Возможность факта мородерства не можетъ быть опровергнута слѣдующими словами того же патріарха Исаіи, что „грузинцы и армяне нынѣ всѣ въ единомушномъ соединеніи пребываютъ“, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ говорится, что „эти народы надежды ни на кого, кромѣ Его Императорскаго Величества, не имѣютъ и его токмо избавленія ожидаютъ и нынѣ де армянъ въ готовности военныхъ людей съ 40.000, а впредь когда они увидятъ милость и обнадеживаніе Его Императорскаго Величества, то и еще можетъ ихъ собратца съ 40000 и что въ томъ же намѣреніи гру-

зинцы всѣпрѣбываютъ и единодушно съ ними армяне поступаютъ и ожидаютъ полощи и избавленіи Его Императорскаго Величества“ (Г. Эзовъ, стр. LV).

Въ освѣщеніи кн. Чавчавадзе оказывается, что въ этомъ письмѣ „Исаія клянется Минасу, что теперь армяне и грузины-де души другъ въ другъ не чають и грузинскій народъ соединился душой и тѣломъ съ армянскимъ“. (Стр. 69). Увы, какъ намъ ни отраднo было бы видѣть такія отношенія между грузинами и армянами-въ приведенномъ отрывкѣ изъ письма патріарха Исаи-нельзя, къ сожалѣнію, усмотрѣть ничего иного, кромѣ простого соединенія на почвѣ военныхъ дѣйствій противъ общаго+ врага.

Несправедливо также было бы упрекать г. Эзова, будто бы онъ заставлялъ, говорить хулителя грузинъ, хвалившаго же ихъ намѣренно заставилъ, молчать. (Стр. 71). Хулителемъ, какъ мы видѣли, былъ патріархъ Исаія, хвалившимъ же-архіепископъ Минасъ Первазіаицъ. О чемъ же именно говорилъ этотъ послѣдній, что было утаено г. Эзовымъ? Архіепископъ писалъ монаху Минасу, что „Господь Богъ, нынѣ послалъ намъ Вахтанга пастыремъ и господиномъ. Онъ покровительствовалъ намъ и защищалъ насъ, прогнавъ враговъ нашихъ, и, сплотивъ армянъ, оберегаетъ и лично заботится о насъ“. Письмо это отъ 12 декабря 1722 г. напечатано въ разбираемомъ трудѣ г. Эзова. Слѣдовательно, говорить объ утайкѣ г. Эзовымъ этихъ строкъ въ то время, какъ самъ же г. Эзовъ ихъ опубликовалъ впервые, извлеки изъ нѣдръ забытыхъ архивовъ,-никоимъ образомъ нельзя. Вотъ если бы о существованіи письма архіепископа Минаса Первазіанца кн. Чавчавадзе узнать изъ другого источника, а не отъ самого обличаемаго г. Эзова или-же оказалось бы, что изъ приведеннаго письма была

исключена часть, говорящая въ пользу грузинъ,- тогда, конечно, г. Эзова можно было бы обвинять въ томъ, что онъ „хвалившаго ихъ намѣренно заставилъ молчать“. Этотъ хвалившій, дѣйствительно, долгіе годы молчалъ, покрытый столѣтнею пылью, и если заговорилъ и повѣдалъ міру о покровительствѣ, оказанномъ армянамъ Вахтангомъ, то этимъ онъ обязанъ ни кому иному, какъ тому же самому г. Эзову, впервые опубликовавшему это письмо.

Если же кн. Чавчавадзе недоволенъ, что въ текстѣ введенія г. Эзовымъ не приведены цитированныя выше слова архіепископа Первазіанца,-то мы всецѣло признали бы справедливымъ упрекъ кн. Чавчавадзе, что г. Эзовъ умолчалъ о такомъ важномъ обстоятельствѣ, опровергающемъ свидѣтельство патріарха Исаи относительно разгрома, учиненнаго грузинскими войсками надъ армянскимъ населеніемъ, еслибъ въ дѣйствительности эта принисываемая Первазіанцу благодарность Вахтангу была выражена такъ, какъ ее передаетъ кн. Чавчавадзе и если бы и все послѣдующее содержаніе того же письма не умаляло бы совершенно значеніе покровительства, оказаннаго армянамъ Вахтангомъ и его войсками.

У г. Эзова напечатанъ какъ армянскій оригиналъ письма Первазіанца, такъ и русскій „бѣлой переводъ, отданный въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества“. Если кн. Чавчавадзе было трудно прочесть армянскій оригиналъ, то, по крайней мѣрѣ, русскій официально представленный переводъ долженъ былъ бы быть приведенъ въ точности. Но кн. Чавчавадзе и этотъ переводъ изложилъ „своими словами“ и снабдилъ безчуждо распространительнымъ толкованіемъ и тѣмъ ввелъ прежде всего самого себя въ заблужденіе относительно истиннаго значенія похода Вахтанга въ Ганжу. Мало

того, ограничившись цитатой одного небольшого мѣста, онъ совершенно не обратилъ вниманія на содержаніе остальной части того же письма. Отъ этого похоть Вахтанга въ Ганжу въ глазахъ кн. Чавчавадзе получилъ значеніе какой-то особой святой войны, предпринятой Вахтангомъ во главѣ грузинскаго народа съ цѣлью освобожденія армянъ отъ мусульманскаго ига. Не удивительно послѣ этого, что кн. Чавчавадзе глубоко возмущенъ сообщеніемъ патріарха Исаи о разгромѣ грузинскими войсками армянскаго населенія. Посмотримъ прежде всего, что въ дѣйствительности писалъ Псрвазіанцъ вардопету Минасу.

По русскому „бѣлому“ переводу Первазіанцъ пишетъ:

„А нынѣ Богъ простеръ сердца христіанскія и далъ намъ пастыря, принца грузинскаго Вахтанга, который отъ непріятеля началъ насъ охранять и очищать и достальныя армянскіе народы собралъ и содержитъ въ своей власти и береженіи“.

Въ армянскомъ оригиналѣ эти слова изложены такъ: Եւ Ա՛ծ զարթոյց ազգիս Քրիստոնէից զբարի հովիւն և զբաջայալոք վալիւն Վրացտանու որ իւր խոհեմութեամբն և հանճարեղութեամբն, հաւաքեաց զմեացեալ և զգրուեալ ազգս հայոց, և ի տեղիս տեղիս ամրացոյց, և խնամարկեաց, և եղ ւսիհապան յամենայն ուրեք՝ ի վերայ նոցայ-что въ точномъ переводѣ означаетъ:

„И Богъ пробудилъ для насъ, христіанскаго народа, добраго пастыря и побѣдоноснаго вали Грузіи, который въ своей прозорливости и предусмотрительности собралъ остальной разсѣянный армянскій народъ и укрѣпилъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и простеръ, заботу и поставилъ хранителей надъ ними всюду“.

Кн. Чавчавадзе то же мѣсто письма Первазіанца приводитъ въ такомъ видѣ:

„Господь Богъ нынѣ послалъ намъ Вахтанга пастыремъ и господиномъ. Онъ покровительствовалъ намъ и защищалъ насъ, прогнавъ враговъ нашихъ и, сплотивъ армянъ, оберегаетъ и лично заботится о насъ“. (Курсивъ нашъ). (Стр. 70).

Причемъ и эти строки кн. Чавчавадзе комментируетъ такъ:

„Вахтангъ явился покровителемъ и защитникомъ ихъ (армянъ), избавилъ, ихъ отъ враговъ, печется о нихъ и бережетъ ихъ“. (Стр. 70).

Судя по армянскому оригиналу, Вахтангъ „простеръ заботу, собралъ разсѣянный армянскій народъ, укрѣпилъ ихъ и поставилъ надъ ними хранителей“. Въ изложеніи же кн. Чавчавадзе Вахтангъ, оказывается, уже защитилъ армянъ и прогналъ враговъ. Послѣдующее содержаніе письма даетъ объясненіе, какимъ образомъ и насколько успѣшно выполнилъ Вахтангъ эту задачу, принисываемую ему кн. Чавчавадзе.

„Мы имѣли вѣдомость, пишетъ тотъ же Первазіанецъ, что Императорское Величество со многими войсками пришелъ на вспоможеніе христіанъ, для чего принцъ Вахтангъ приготовился съ братьями и сыновьями, и двумя патріархами и съ архіереями, и многими христіанами и съ дарами и ожидали такъ, яко-входа Христова въ Іерусалимъ съ вайями, въ городѣ Ганжѣ съ два мѣсяца, а потомъ увѣдомились, что Императоръ возвратился назадъ и лезгинцы о томъ разгласили, о чемъ всѣ христіане зѣлвно соболѣзнуютъ: яко разсѣянные, съ плачемъ возвратились по своимъ жилищамъ, а мы съ Вахтангомъ поѣхали въ Грузію“. Объ этомъ событіи г. Эзовъ пишетъ такъ: „Вахтангъ съ войскомъ числомъ до 30 тысячъ, въ сопровожденіи патріарха Исаіи

двинулся на лезгинъ; при приближеніи Вахтанга бунтовщики удалились“. (Стр. LXII). Слѣдовательно, и г. Эзовъ не скрываетъ, что съ приходомъ Вахтанга во главѣ своего войска лезгины (грабившіе и разорявшіе армянское населеніе) удалились и не утаиваетъ этой услуги, оказанной Вахтангомъ со своими войсками, армянскому населенію.

Далѣе архієпископъ Первазіанцъ продолжаетъ:

Узнавъ о пріѣздѣ въ Грузію пословъ отъ Императора, „народы поганскіе разгласили, что мы стали уже подъ рукою и въ подданствѣ Императора Россійскаго и что будемъ магометановъ побивать, отчего они, магометане, стали намъ отчасти злоствовать и такъ къ Вахтангу, какъ къ нашему бѣдному народу свирѣпы, отчего мы стали нынѣ между турками, персіанами и лезгинцами яко ветхой на морѣ корабль и не имѣемъ иной надежды, какъ токмо на Бога и на Императорское Величество, я тебя, брата, усердно прошу для Бога и христіанства: старайся, чтобы Императорскія войска въ Шемаху поспѣшили и чтобы имя его тамъ провозгласилось, и какъ мы о томъ скоро увѣдаемъ, то со сто тысячью нашего армянскаго народа къ стопамъ Его Величества привергнемся и съ вооруженіемъ готовы будемъ, а ежели до марта мѣсяца не будутъ, то наши народы отъ непріятелей всѣ разорятся и также труды Его Величества и мы всѣ тутъ пропадемъ; однако, нашъ принцъ Вахтангъ и всѣ будемъ стоять твердо и до послѣдней капли крови съ братьями и съ дѣтьми и со всѣми духовными особами, дабы намъ пребыть подъ ногами Императорскаго Величества; и будемъ ждать вышенисаннаго Императорскаго войска до праздника Святой Пасхи, и но крайней мѣрѣ, что бы намъ ни было, терпѣть будемъ, а ты старайся, чтобы какъ наискорѣе Императорскія войска въ Шемаху поспѣшали, а мы уже будемъ съ непріятелями управ-

ляться. Дай Боже, чтобъ счастливо для нашего вспоможенія какъ наискорѣе въ означенное мѣсто прибыли, и ежели Императорскаго Величества войска тысячъ 20 или 30 въ Шемаху не будутъ, то мы, конечно, разоримся и пропадемъ и все наше дѣло бездѣйствительно и не въ состояніи будетъ для того, что ежели турки подымутся и Эривань возьмутъ, то въ то время превеликая будетъ трудность и персіане зѣло усилятся, а мы всѣ пропадемъ“. (Стр. 339, 340. Г. Эзовъ. „Сношенія Петра Великаго“.

По кн. Чавчавадзе, армяне были обязаны Вахтангу защитой и избавленіемъ отъ враговъ. По Первазіанцу-онъ только лишь собралъ разсѣянный армянскій народъ съ этою благою цѣлью, которую, однако, выполнить не смогъ, такъ какъ, судя по послѣдующимъ строкамъ того же письма, оставилъ Ганжу и вернулся въ Тифлисъ, узнавъ, что русскія войска по придутъ въ Закавказье. Если принять толкованіе кн. Чавчавадзе, тогда, конечно, рассказъ патріарха Исаи о мородерствѣ грузинскаго войска не вяжется съ содержаніемъ письма Первазіанца. Но если вникнуть въ истинный смыслъ письма Первазіанца, то такое мородерство ничего невѣроятнаго само по себѣ не представить, такъ какъ Вахтангъ при самомъ сильномъ его расположеніи къ армянамъ, не отрицаемомъ ни патріархомъ Исаіемъ, ни г. Эзовымъ, и при стремленіи его сплотить самихъ армянъ для борьбы съ врагами, могъ быть и не въ силахъ удержать отъ мородерства свои войска, которымъ самъ же онъ далъ право грабить мусульманское населеніе. Такое непослушаніе войскъ Вахтангу дѣлается особенно вѣроятнымъ еще въ виду сообщеній историковъ о поспѣшномъ возвращеніи Вахтанга изъ Ганжи, вызванномъ извѣстіемъ изъ Тифлиса, что тамъ ему угрожаетъ опасность со стороны хана кахетинскаго и враждебныхъ ему князей грузинскихъ (стр. LV г. Эзова, „Сно-

шенія“ и т. д.), а также и о послѣдующемъ бѣгствѣ Вахтанга въ Россію, гдѣ онъ самъ вмѣстѣ съ сыномъ искалъ убѣжища (тамъ же, стр. LVI).

Въ силу всего изложеннаго, думаемъ, легко понять, что покровительство, оказанное Вахтангомъ не могло имѣть серьезнаго значенія, разъ положеніе армянскаго народа оставалось столь печальнымъ и, надо думать, именно поэтому походъ Вахтанга въ Ганжу не былъ истолкованъ г. Эзовымъ какъ покровительство, защита, избавленіе армянъ отъ враговъ и попеченіе и береженіе, оказанное армянскому народу Вахтангомъ при помощи и содѣйствіи своего народа. Если же кн. Чавчавадзе придалъ этому походу такое важное значеніе, то мы думаемъ потому лишь, что былъ введенъ въ заблужденіе неточнымъ русскимъ переводомъ письма Первазіанца, вдобавокъ еще болѣе искаженнымъ самимъ кн. Чавчавадзе и невѣрно имъ комментированнымъ. Г. Эзовъ, вѣроятно, читавшій письмо Первазіанца въ армянскомъ оригиналѣ, очевидно, долженъ былъ обратить свое главное вниманіе на бѣдственное положеніе армянъ, составляющее почти исключительное содержаніе письма, а не на тѣ нѣсколько строкъ, гдѣ говорится о приходѣ Вахтанга съ войскомъ въ Ганжу. Еслибъ этотъ фактъ имѣлъ такое важное значеніе въ судьбѣ армянъ, что армяне были защищены и спасены, то неужели архіепископъ Первазіанецъ, этотъ, по мнѣнію кн. Чавчавадзе, достовѣрный свидѣтель, не счелъ бы обязаннымъ повѣдать объ этомъ крайне важномъ событіи нѣсколько подробнѣе вардопету Минасу? И, наконецъ, какая была бы въ этомъ случаѣ необходимость ждать помощи извнѣ, если-бъ Вахтангъ успѣшно выполнилъ свою задачу? Поэтому если и г. Эзовъ ограничился замѣчаніемъ, что съ приходомъ Вахтанга въ Ганжу лезгины удалились, то

врядли о значеніи этого похода Вахтанга можно было бы сказать что нибудь большее.

Но почему, спрашивает кн. Чавчавадзе. архіепископъ Первазіанецъ, бывшій при Вахтангѣ, ничего не говорилъ въ своемъ письмѣ о такомъ возмутительномъ фактѣ, какъ грабежъ армянъ грузинскими войсками. Мы полагаемъ, что умолчаніе объ этомъ легко объясняется тѣмъ, что письмо Первазіанца адресовано было въ Петербургъ, вардопету Минасу, который въ то время хлопоталъ тамъ о присылкѣ войскъ въ Закавказье. Письмо это, должно было, имѣть официальное значеніе и какъ документъ представлено было въ Императорскій Кабинетъ. По самому своему назначенію оно, очевидно, не могло содержать разсказа о мородеретвѣ грузинскихъ войскъ, въ особенности въ виду того, что въ то самое время представители обѣихъ націй соединили свои усилія къ выполненію общихъ политическихъ задачъ. Въ такія минуты, конечно, не мѣсто было сводить свои личные счета. Могъ-ли г. Эзовъ при такихъ условіяхъ отнестись отрицательно къ сообщенію патріарха Исаи? Мы не думаемъ, тѣмъ болѣе, что даже въ позднѣйшее время, какъ сообщаетъ Бутковъ (см. стр. 181-182. „Матеріалы для исторіи Кавказа“) на основаніи официальныхъ документовъ, грузинскія войска, за полною неустроенностью интендантской части, даже „въ своей землѣ гдѣ ни стоятъ или проходятъ—оставляютъ опустошенія“.

Такимъ образомъ, сообщеніе патріарха Исаи, неопровергаемое никакими прямыми указаніями—не находится также и въ противорѣчіи съ другими историческими обстоятельствами, относящимися къ тому же времени.

Второй неблагоприятный отзывъ о грузинахъ приведенъ Эзовымъ, по словамъ кн. Чавчавадзе, со словъ Тотлебена и

этотъ отзывъ также, по его мнѣнію, напечатанъ „дабы вновь обдать грязью грузинъ“. Князю Чавчавадзе кажется, что какъ отзывъ патріарха Исаи, такъ и слова Тотлебена понадобились Эзову—очевидно, для того, что, пожалуй, судьба не удостоить его другой разъ такого случая лягнуть любимыхъ имъ братьевъ-грузинъ. Какъ же не соблазниться и упустить такой счастливый случай совершить завѣтный для армянъ подвигъ? Если все это не такъ, то какой же причиной и логикой можно объяснить еще другое странное обстоятельство, что г. Эзовъ въ книгѣ, озаглавленной имъ:

Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“ задѣваетъ и царя Ираклія, и повѣствуетъ о дѣяніяхъ гр. Тотлебена? Что тутъ общаго?.. Для чего онъ вклеилъ личность временъ Екатерины Великой въ сочиненіе „О сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ?“ По мнѣнію кн. Чавчавадзе, это объясняется все тѣмъ же, что „для г. Эзова грузинъ, служить лишь мишенью, такъ какъ же ему утерпѣть, чтобы не забросать его комками грязи. При этой цѣли Тотлебенъ—пріятная и подходящая для г. Эзова личность, и самое упоминаніе объ Иракліи даетъ ему случай недостойно отозваться и объ этомъ знаменитомъ нашемъ царѣ.“(72).

„Вотъ что пишетъ Тотлебенъ о грузинахъ, повѣствуетъ намъ г. Эзовъ, (приводится, отзывъ о грузинахъ, который мы опускаемъ). Г. Эзову только этого и хотѣлось, а иначе повторяемъ, во 1-хъ, къ чему годно это свидѣтельство Тотлебена, когда рѣчь идетъ о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ и во 2-хъ, что за достойный довѣрія человѣкъ Тотлебенъ, чтобы довѣриться безъ провѣрки и разслѣдованія его свидѣтельству?!. Всякій другой порядочный человѣкъ не только счелъ бы недостойнымъ себя ссылаться на такого свидѣтеля, но

даже не позволилъ бы себѣ соприкасаться съ нимъ изъ опасенія запачкаться (курсивъ нашъ). (Стр. 75). По словамъ кн. Чавчавадзе, Тотлебенъ былъ „по русскимъ officialнымъ документамъ-мерзѣйшій, безсовѣстный человѣкъ, взяточникъ, грабитель, измѣнникъ, лжецъ и доносчикъ“. (Стр. 74).

Мы должны замѣтить, что въ данномъ случаѣ кн. Чавчавадзе попалъ, что называется, впросакъ. Въ дѣйствительности у г. Эзова на стр. XC, указываемой кн. Чавчавадзе къ тому мѣсту, гдѣ говорится объ отозваніи Тотлебена и о назначеніи на его мѣсто ген.-м. Сухотина. сдѣлано подстрочное примѣчаніе слѣдующаго содержания: „Грам. и др. источ. документы XVIII стол., относящіеся къ Грузіи. Грамота Императрицы Ираклію отъ 13 января 1771 г. стр. 262. В ъ и н с т р у к ц і и д а н о й г е н . - м . С у х о т и н у отъ 13 января 1771 г. было повторено п. I, что „не ищется присовокупить грузинскихъ земель, какъ отдаленныхъ и совсѣмъ не подручныхъ къ нашей Имперіи“, и рекомендовалось обращаться съ грузинскими владѣтелями и со всѣми тамошними людьми съ осторожностью, въ виду того, что по доставленнымъ, гр. Тотлебеню свѣдѣніямъ, они... и далѣе идетъ возмущившій кн. Чавчавадзе отзывъ о грузинахъ, приводимый на стр.74. (п. 4). „Не можно, ка е т с я , с к а з а н о б ы л о в ъ и н с т р у к ц і и , отъ грузинцевъ самымъ ихъ порабощеніемъ малодушными учинившихся, требовать храбрости и послушанія“ (п. 2). Тамъ же. стр. 469.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на свидѣтельство Тотлебена ссылается само русское правительство въ своей инструкціи Сухотину, а вторая часть приписаннаго гр. Тотлебену отзыва и вовсе не принадлежитъ Тотлебену, а составляетъ выраженіе все той же самой правительственной инструкціи.

Кн. Чавчавадзе на стр. 77, между прочимъ, указываетъ, что г. Эзовъ, опрометчиво отдавшись своей страсти, позволилъ себѣ необдуманно посягнуть на правильность титула Императора Всероссийскаго и не считалъ, якобы, Грузію царствомъ, между тѣмъ, какъ „еслибъ Грузія не было царствомъ, если бы владѣтели ея не именовались царями, то въ полномъ титулѣ Императора Всероссийскаго не было бы, между прочимъ, титула „Царь Грузинскій“. Еслибъ онъ(Эзовъ) хоть немного вникнулъ въ смыслъ словъ своихъ, то затрепеталъ бы отъ страха, говоря: „Въ какую бѣду ввекъ меня языкъ мой“. Но пусть не трепещетъ, и отъ этихъ нашихъ словъ, снисходительно добавляетъ кн. Чавчавадзе:—въ русскихъ законахъ есть много поводовъ для снисхожденія къ поступкамъ маньяка“. (Стр 77). Чтобы показать кн. Чавчавадзе, насколько такой пріемъ полемики рискованъ, чтобы не сказать неблаговиденъ, мы невольно должны высказать радость по поводу приведеннаго успокоительнаго разъясненія кн. Чавчавадзе, и вынуждены указать, что на такую благодѣтельную снисходительность русскихъ законовъ къ маньякамъ, поводимому, и самъ кн. Чавчавадзе сильно разсчитываетъ, заявляя, что всякій порядочный чловѣкъ не только счелъ бы недостойнымъ себя ссылаться на такого свидѣтеля, какъ Тотлебенъ, но даже не позволилъ бы себѣ соприкасаться съ нимъ изъ опасенія „запахаться“, - и это въ то самое время, когда именно на это свидѣтельство ссылалось русское правительство въ инструкціи генералу Сухотину.

Но, конечно, и кн. Чавчавадзе нѣтъ повода „трепетать отъ этихъ нашихъ словъ“. Опрометчивое увлеченіе страстью всегда простительно.

На вопросъ кн. Чавчавадзе, зачѣмъ г. Эзовъ приплелъ личность временъ Екатерины Великой въ сочиненіе „О сноше-

ніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“, мы можемъ отвѣтить заглавіемъ самой книги и введенія къ этой книгѣ. Книга озаглавлена: „Сношеніе Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“. Документы, извлеченныя изъ Московскаго и др. Архивовъ и другихъ учреждений. Этимъ документамъ предпослано введеніе подъ такимъ заглавіемъ: „Историческій обзоръ отношеній русскаго правительства къ армянскому народу“. Въ этомъ обзорѣ разсмотрѣніе событій доведено почти до нашего времени. Зачѣмъ было автору предпринимать такой трудъ, какъ обзорѣніе отъ Петра Великаго до нашего времени, это, конечно, дѣло его личное. Но что въ такомъ обзорѣ умѣстно было касаться событій и фактовъ временъ Екатерины Великой, — это само собою понятно. Понятно также, почему, говоря объ отношеніяхъ правительства къ армянамъ, невозможно было не коснуться и положенія Грузіи, и отношеній того же правительства къ грузинскому народу, разъ жизнь этихъ народностей такъ тѣсно соприкасалась и переплеталась между собой. Упреки въ этомъ отношеніи для насъ непонятны. Можно говорить о пристрастіи г. Эзова, о неправильномъ освѣщеніи фактовъ, — словомъ, все, что угодно о его книгѣ — въ смыслѣ критики содержанія, но приставать къ нему съ инквизиторскими вопросами, зачѣмъ онъ коснулся событій грузинской жизни, — это значить не отдавать себѣ отчета, въ какихъ предѣлахъ умѣстна и полезна критика.

Мы не будемъ за симъ касаться вопроса о томъ, чѣмъ была Грузія во времена персидскаго владычества — самостоятельнымъ ли царствомъ или подвластною Персіи провинціей и были ли въ то время правители этихъ провинцій царями или нѣтъ, — такъ какъ этотъ вопросъ можетъ

подлежать разсмотрѣнію лишь на основаніи документовъ, чего, повидимому, старательно избѣгаетъ кн. Чавчавадзе, предпочитая пользоваться лишь различными болѣе или менѣе остроумными полемическими приѣмами и уловками, направленными къ одной цѣли поймать г. Эзова на противорѣчіяхъ. (См. Стр. 75-77).

Въ тоже время не можемъ обойти молчаніемъ стремленія кн. Чавчавадзе уличить г. Эзова въ желаніи доказать, что чуть ли не армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій Долгоруковъ предалъ Россіи Грузію. „Эта завѣтная мысль г. Эзова такъ хотро кружится на трехъ-четырехъ страницахъ около этого факта, такъ искусно проводится между строками, что вы неожиданно натываетесь на выводъ, что не будь упомянутого архіепископа—Грузія не поступила бы подъ покровительство Россіи. Г. Эзовъ, между прочимъ, увѣряетъ, что „архіепископъ Іосифъ проявлялъ большую энергію: онъ воздерживалъ царя Ираклія, обнаружившаго готовность подчиниться Ага-Магометъ-хану, обнадеживая его русскою помощію, уговаривалъ хановъ содѣйствовать русскимъ войскамъ, присягою удостоверяя ихъ что не будетъ имъ никакихъ обить со стороны россійской“. Словомъ, вослицаетъ кн. Чавчавадзе все что ни дѣлалось въ этомъ смыслѣ, было дѣломъ рукъ одного лишь архіепископа Іосифа Аргутинскаго, (Стр.78). Хотя такое заключеніе кн. Чавчавадзе вовсе и не вытекаетъ изъ цитируемыхъ строкъ, такъ какъ г. Эзовъ нигдѣ не говоритъ вовсе, что „все“ въ этомъ отношеніи дѣлалось однимъ архіепископомъ Іосифомъ Аргутинскимъ, но даже еслибы и можно бы было вывести подобное заключеніе изъ приведенныхъ словъ г. Эзова, -надлежало освѣдомить читателя, на чемъ г. Эзовъ основалъ такое заключеніе о дѣятельности упомянутого архіепископа. Сдѣлать такое разъясняющее указаніе было тѣмъ

легче, что самъ г. Эзовъ приводитъ на этотъ счетъ точнѣйшія указанія, а именно онъ ссылается: 1) на стр. 145-147, Т. III соч. Н. Дубровина „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, и 2) письма главнокомандующихъ русскими арміями Римскаго-Корсакова и гр. Зубова, приводимыя на стр. 339, 340 и 341 Т. III „Собранія актовъ, относящихся къ обзорѣнію исторіи армянскаго народа“.

Еслибъ кн. Чавчавадзе не ограничилъ бы своей критики однимъ проницательнымъ восклицаніемъ и проверилъ бы по ссылкамъ все, что написано у г. Эзова о дѣятельности архіепископа Іосифа Аргутинскаго Долгорукова, то онъ прежде всего убѣдился, что факты, приводимые г. Эзовымъ относительно дѣятельности архіепископа Іосифа, заимствованы имъ изъ официальныхъ документовъ и изъ названной выше книги Н. Дубровина и что г. Эзову принадлежитъ лишь начало фразы: „Архіепископъ Іосифъ между тѣмъ проявлялъ большую энергію“. Но спрашивается, какъ же иначе можно было охарактеризовать эту дѣятельность, если факты, сообщаемые историками объ этой дѣятельности, вполне достовѣрны? Развѣ эта дѣятельность не было энергичною? И гдѣ тутъ поводъ строить догадку, будто г. Эзовъ стремится доказать, что Грузію передалъ Россіи чуть ли не армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій Долгоруковъ и что не будь упомянутаго архіепископа, Грузія не поступила бы подъ покровительство Россіи (стр. 78). Г. Эзовъ не только не приписываетъ архіепископу Іосифу такой заслуги, но содержаніемъ всего введенія къ своему труду доказываетъ, насколько присоединеніе Грузіи явилось неизбежнымъ слѣдствіемъ историческихъ событій, въ ходѣ которыхъ отдѣльныя, даже самыя даровитыя личности, конечно, не могли играть рѣшающей роли.

Въ заключеніе своей критики труда г. Эзова кн. Чавчавадзе открываетъ таинственную загадку, почему г. Эзовъ такъ громко трубить о величіи армянъ, грузинъ же обдаеть грязью. Разгадать эту загадку помогъ кн. Чавчавадзе грузинскій журналъ „Моамбе“, указавъ на затаенную мысль г. Эзова доказать, что „Грузія-де не Грузія, а древняя Арменія“. (Стр. 80). Къ такому выводу „Моамбе“ и кн. Чавчавадзе пришли по слѣдующему поводу. У г. Эзова на стр. СХІІІ приведено извлеченіе изъ рапорта Лазарева Кноррингу, въ которомъ достойными награды оказываются только армяне, а о грузинскихъ дворянахъ даны отзывы, что при дворѣ никто изъ нихъ не можетъ служить, что они не получили никакого образованія и что трудно различить здѣшняго царевича отъ простого мужика. Въ примѣчаніи сдѣлана ссылка на Актъ Археологической Комиссіи. (Т. I, №529-532). Между тѣмъ на этихъ страницахъ „Актъ“ такого рапорта Лазарева не находится. Этого, оказывается, достаточно, чтобы торжествующимъ образомъ восклицать „о развязности и разнужности“ г. Эзова и о примѣненіи имъ „недостойнаго и грязнаго оружія съ цѣлью трубить о величіи армянъ и грузинъ же обдавать грязью“. (Стр.81). Къ приведенному факту журналъ „Моамбе“ добавляетъ еще другой-яко бы, измышленія г.Эзова-несуществующаго церемоніала объявленія въ армянскомъ соборѣ манифеста о присоединеніи Грузіи.

По поводу этихъ двухъ обвиненій г. Эзовъ въ своемъ „Письмѣ въ редакцію“ газеты „Тифлисскій Листокъ № 83, 1899 года даетъ слѣдующія объясненія.

„1) Въ рапортѣ генерала Лазарева генераль-лейтенанту Кноррингу („Акты“, т. I, № 528), между прочимъ, сказано: „Какая же при сей публикаціи со стороны армянскаго патріарха Іосифа сдѣлана церемонія, оной описаніе, присланное ко мнѣ

отъ его святѣйшества, представить честь имѣю“. Патриархъ Иосифъ въ то же время писалъ генераль-лейтенанту Кноррингу, между прочимъ и объ обнародованіи манифеста въ армянскомъ соборѣ: „а съ какою церемоніею былъ объявленъ оный манифестъ, о томъ будетъ вамъ донесено подробно въ письмѣ ген. Лазарева, и вы, конечно, отправьте въ надлежащее мѣсто“. („Акты“ т. I, №530). Генераль-лейтенантъ Кноррингъ исполнилъ желаніе архіепастьря и отправилъ церемоніаль въ Петербургъ, гдѣ онъ и хранится въ дѣлахъ мин. ин. дѣлъ. Изъ этого церемоніала я въ своей книгѣ и привожу выписки. Хотя двукратное упоминаніе въ „Актахъ“ о церемоніалѣ и приведенныя мною въ ковычкахъ извлеченія изъ него не могли оставить сомнѣнія въ его существованіи, но мой рецензентъ не только сомнѣвается, но и утверждаетъ, что я „фальсифицировалъ исторію“; для сего онъ воспользовался тѣмъ, что цитата „тамъ же, т. I, № 530“ (стр. CXI введенія) должна быть приведена не послѣ той цитаты, подъ которой она ошибочно поставлена, („Акты“ т. I, № 530), а послѣ предыдущей цитаты- „Государственный архивъ III, № 23, 1780-1801“. Для полнаго уличенія моего рецензента въ клеветѣ, я посылаю въ редакцію „Тифлискаго Листка“ копію съ церемоніала съ просьбою напечатать, такъ какъ онъ не лишень и теперь интереса*.

„2) Что касается рапорта генераль-маіора Лазарева, въ измышленіи котораго меня обвиняетъ рецензентъ, то въ существованіи этого рапорта и въ томъ, что я привелъ его дословно, рецензентъ можетъ убѣдиться, если раскроетъ III т. „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ академика Н. Дубровина, гдѣ на стр. 360 пропечатанъ этотъ

* Церемоніаль этотъ напечатанъ въ томъ же номерѣ „Тифл. Листка“ въ „Иллюстр. прибавленіи“.

рапортъ, извлеченный изъ тифлисскаго архива канцеляріи намѣстника.

Провѣривъ это указаніе г. Эзова мы, дѣйствительно, на стр. 360 т. III соч. Н.Дубровина нашли цитируемый имъ рапортъ Лазарева. Слѣдовательно, г. Эзовъ не выдумалъ этого рапорта, а онъ существуетъ.

Остается разсмотрѣть содержаніе этого рапорта; въ немъ двѣ части. Въ первой говорится, что „болѣе всѣхъ заслуживаютъ награжденія крестами князья И. Тумановъ, Д. Бебутовъ, и С. Аргутинскій-Долгоруковъ“. Въ немъ не говорится, что исключительно только эти князья заслуживаютъ награжденія, другіе же вовсе не заслуживаютъ этихъ наградъ, а только что эти князья заслуживаютъ болѣе всѣхъ. Развѣ изъ этого можно заключить, что никто больше, кромѣ этихъ трехъ князей, не заслуживалъ награды?

Во второй части рапорта говорится, что „всѣ здѣшніе дворяне нисколько не лучше нашихъ однодворцевъ, кого же сдѣлать графами и баронами. Къ этому надо еще прибавить, что въ нѣкоторыхъ семействахъ одинъ изъ братьевъ преданъ намъ, а другой находится въ числѣ мятежниковъ. При дворѣ никто изъ нихъ не можетъ служить, потому что всѣ они не получили никакого образованія, трудно различить здѣшняго царевича отъ простаго мужика. (Idem. стр. CXII). Изъ этого видно, что нелестная аттестація Лазарева относится ко всѣмъ дворянамъ безъ всякихъ изъятій, а не только къ грузинамъ, а слѣдовательно къ армянскимъ княжескимъ фамиліямъ, что, конечно, совершенно правильно, такъ какъ эти фамиліи, живя въ Грузіи въ равныхъ съ грузинскимъ дворянствомъ условіяхъ, врядъ ли могли чѣмъ либо отличаться отъ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, рапортъ Лазарева оказывается нелестнымъ, не только вообще для всего дво-

рянства, но и для тѣхъ армянъ, которые болѣе другихъ заслуживали награжденія крестами, такъ какъ по рапорту рѣшительно никто не признавалъ себя достойнымъ служить при дворѣ и быть награжденнымъ титуломъ графа или барона. Если же, забывая эту суровую аттестацію всего дворянства, придавать важное значеніе тому обстоятельству, что по рапорту Лазарева трое армянъ-князей оказались болѣе всѣхъ достойными награжденія крестами, то вѣдь и это лестное отличіе относилось только къ троицъ армянамъ.

А такъ какъ въ Грузіи были не только три армянскихъ князя, а гораздо больше, то, слѣдовательно, если и можно говорить о пристрастіи г. Эзова, то только лишь по отношенію къ этимъ тремъ лицамъ, а не ко всѣмъ армянскимъ князьямъ и дворянамъ, такъ какъ Лазаревъ говоритъ что эти трое армянъ оказались болѣе всѣхъ достойными награжденія крестами, а слѣдовательно и болѣе всѣхъ прочихъ армянъ-дворянъ и князей. Но, конечно, важнѣе всего обратить вниманіе на вторую часть рапорта Лазарева, гдѣ говорится много нелестнаго объ уровнѣ развитія „всѣхъ здѣшнихъ дворянъ“, а не только всѣхъ „грузинскихъ дворянъ“. Подъ здѣшними, т. е. Жившими въ Грузіи, дворянами, очевидно, надо понимать дворянъ не только грузинскихъ, но и армянъ. Если бы кн. Чавчавадзе спокойно въдумался въ рапортъ, то въ сущности онъ ничего лестнаго для армянскаго дворянства въ немъ не вычиталъ и не сталъ бы опровергать этотъ рапортъ тѣмъ, что тотъ же Лазаревъ въ одномъ изъ слѣдующихъ рапортовъ представилъ къ наградамъ многихъ грузинъ, какъ будто г. Эзовъ, приводя первый рапортъ, добивался этимъ доказать, что ни одинъ изъ грузинъ не былъ достоинъ награжденія крестами. Очевидно, для историка важно было цитировать первый рапортъ

Лазарева для характеристики уровня развития вообще всего дворянства того времени, а не для рѣшенія вопроса, былъ ли кто-нибудь изъ дворянъ достоинъ награжденія какими либо орденами или крестами.

Такимъ образомъ, тщательное разсмотрѣніе содержащихся въ трудѣ г. Эзова замѣчаній о Грузіи и грузинахъ проводить насъ къ заключенію, что г. Эзовъ по документамъ и историческимъ сочиненіямъ серьезныхъ авторовъ излагалъ ходъ интересовавшихъ его событій и описывалъ положеніе Грузіи, и кн. Чавчавадзе не привелъ рѣшительно ни одного факта, который могъ бы свидѣтельствовать о недобросовѣстномъ отношеніи автора къ своей задачѣ, объ искаженіи, фальсификаціи имъ исторіи или о неправильномъ ея освѣщеніи; что единственно, быть можетъ, въ одномъ можно упрекнуть г. Эзова, что онъ привелъ текстуально дурной отзывъ о грузинахъ Шардена, для характеристики развращающаго вліянія персидскаго режима, и цитировалъ инструкцію русскаго правительства Сухотину, наряду съ благопріятными отзывами Тавернье, Шардена и др. Объ армянахъ. Но развѣ только этого одного достаточно, чтобы печатное слово дѣлать орудіемъ неприличнаго издѣвательства надъ личностью и обвинять автора въ „подломъ обманѣ“?!

И развѣ не естественно въ такомъ случаѣ спросить, какъ же назвать дѣятельность тѣхъ, кто желали бы набросить покровъ идеализаціи на прошлое своего народа; тѣхъ, кто потворствуя развращающему и невѣжественному самообольщенію, не говорятъ своему народу всей правды и изъ близорукаго расчета поддерживаютъ въ немъ фантастическое представленіе о его прошломъ?...

12. Заключение

Резюмируя всѣ свои выводы, кн. Чавчавадзе приходитъ къ заключенію, что отъ г. Сенковского до В. Гольмстрема въ продолженіи 60-ти лѣтняго періода армянскіе книжники добиваются систематически одной цѣли показать всему свѣту, что лучше, устойчивѣе, способнѣе армянъ никого нѣтъ въ Малой Азій, въ особенности въ Закавказьѣ; что для такой цѣли армянскіе книжники рѣшились „скрутить“ грузинъ, оскандалить ихъ имя, чтобы отъ нихъ и слѣда не осталось, опорочить ихъ исторію, присвоить ее себѣ, лишить ихъ территоріи и увѣрить свѣтъ, что грузины на пути къ выроженію и что не сегодня-завтра они поголовно вымрутъ и обармянятся“. (Стр. 121).

Внимательно прослѣдивъ собранные нами матеріалы, мы не нашли въ нихъ ни малѣйшаго подтвержденія подобныхъ обвиненій. Очевидно, вздорныя корреспонденціи француза Кутули и цитаты изъ Шардена, изъ инструкціи генералу Сухотину и изъ исторіи патріарха Исаи о мородерствѣ грузинскихъ войскъ не могли бы служить столь обширной цѣли, какъ совершенное стираніе съ лица земли грузинъ и ихъ обращеніе въ армянъ. Равнымъ образомъ, слишкомъ микроскопическимъ оружіемъ явились бы для такой грандіозной задачи-искаженіе одной клинообразной надписи, приписываемое о. Месропу, Яко-бы, присвоеніе артвинскаго храма армянами или критика „Древней Грузинской Хроники“ проф. Патканова. А ужъ статья В. Гольмстрема, возбуждающая симпатіи во имя гуманности къ армянскому народу или цитаты, изъ Моисея Хоренскаго (Эмина, Худабашева и Эрицева) или даже самая ужасная вещь-печальная повѣсть о послѣднихъ дняхъ Грузинскаго

Царства- и того меньше могли бы служить столь разрушительнымъ цѣлямъ. Пожалуй, одного только г. Сенковскаго еще можно было бы обвинить въ желаніи передать г. Тифлисъ армянамъ и изгнать грузинъ изъ ближайшихъ къ нему предѣловъ. Но и г. Сенковскій, увы, говорить о Грузіи XII столѣтія, а не о Грузіи всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Или, быть можетъ, наконецъ, пр. Марръ, повторивши слова Шота Руставели о заимствованности сюжета „Барсовой Кожі“, -желалъ въ угоду армянамъ упразднить Грузію и обратить грузинъ въ рабовъ армянъ?Но мы тщетно вопрошали бы всѣхъ поименованныхъ авторовъ и тщетно искали бы во всемъ ими написанномъ отвѣта на интересующіе насъ вопросы. Ни одинъ изъ авторовъ, ни одно изъ написанныхъ ими сочиненій не можетъ быть признано причастнымъ къ тому грандіозному разрушительному дѣлу, въ которомъ кн. Чавчавадзе обвиняетъ всю армянскую интеллигенцію.

Между тѣмъ, брошюра кн. Чавчавадзе даетъ полное основаніе къ совершенно иному заключенію, а именно, что не армяне позорятъ имя грузинъ, а, наоборотъ, кн. Чавчавадзе рѣшительно все сдѣлалъ, чтобы окончательно обезславить всю армянскую интеллигенцію.Но, конечно, мы не претендуемъ на полное свое безпристрастіе, какъ „сторона заинтересованная“ и потому предоставляемъ въ этомъ отношеніи высказаться тому, кто по своему положенію, происхожденію и по характеру своихъ работъ, -могъ бы претендовать на компетентность и безпристрастіе въ большей степени, чѣмъ мы и чѣмъ кн.Чавчавадзе. Мы говоримъ о проф. Маррѣ.

Въ своей „Отповѣди Акакію“, котораго преимущественно лишь повторяетъ кн. Чавчавадзе, - этотъ ученый профессоръ

пишетъ: „Мы положительно можемъ утверждать, что ни одинъ серьезный армянскій писатель не позволитъ себѣ написать о грузинахъ столько дикихъ вещей, сколько высказано объ армянахъ въ статьѣ Акакія, грузинскаго писателя, безпорно первой величины“...(Стр. 566 Брош. Пом. Изд. 2-е).

„Тринадцать лѣтъ мы читаемъ по-армянски, вотъ уже 10 лѣтъ, какъ изучаемъ армянскихъ авторовъ въ качествѣ специалиста, но ни у одного армянскаго историка, ни у одного армянскаго писателя мы не встрѣчали ни одного мѣста, гдѣ самобытность грузинъ подверглась бы такому крайнему сомнѣнію или осмѣянію. Напротивъ того, не будь армянскихъ авторовъ, значительная часть грузинскаго прошлаго на вѣки осталась бы покрытою непроницаемымъ мракомъ. О достоинствахъ грузинскихъ князей говорится не только въ армянскихъ историкахъ, но въ записяхъ и припискахъ армянскихъ рукописей. Этотъ фактъ въ наукѣ давно признанный, и если онъ въ современномъ грузинскомъ обществѣ не оцѣненъ по достоинству, то вина этому не скудость или непригодность армянскихъ матеріаловъ для грузинской исторіи, а незна-

* Читателямъ, быть можетъ, неизвѣстно, что возникновеніемъ въ Европѣ чисто научнаго интереса къ грузинскимъ историческимъ памятникамъ непревзойденнаго до сихъ поръ труженика-грузиновѣда М. Brosset грузины отчасти обязаны свѣдѣніямъ армянскихъ источниковъ по грузинской исторіи. Вотъ что говорить по этому поводу Д. Бакрадзе: „Когда въ 1822 г. въ Парижѣ было основано Азіатское Общество, одинъ изъ его членовъ, прославленный С. Мартенъ убѣдилъ названное общество, что Грузія не бѣдна историческими памятниками, какъ это думаютъ, и что обнародованіе ихъ прольетъ свѣтъ на минувшую жизнь Востока. Эту мысль С. Мартенъ основывалъ на отрывочныхъ данныхъ европейской науки и особенно на свѣдѣніяхъ армянскихъ памятниковъ, которые имъ въ совершенствѣ были изучены“.

комство грузинъ съ древне-армянской литературой и основанное отчасти на этомъ незнаніи враждебное настроеніе ко всему армянскому“... (Стр. 563, тамъ же).

„И въ ученой армянской средѣ, лучшей показательницѣ степени развитія національнаго самосознанія, какъ и въ армянской интеллигенціи, господствуетъ не только терпимость, но и охотное вниманіе къ грузинскому вліянію въ древне-армянской жизни. Между прочимъ, не грузинъ, армянскій ученый І. Дашянъ выяснилъ посильно, какую важную роль сыгралъ въ армянской литературѣ грузинскій текстъ одного философскаго трактата греческаго писателя Прокла, имѣвшаго въ средніе вѣка огромное значеніе“... (Стр. 569 тамъ же).

Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ мыслей пр. Марра можетъ служить вся брошюра кн. Чавчавадзе объ армянскихъ ученыхъ. Дѣйствительно, ни одинъ армянскій писатель, даже-самый фанатическій поклонникъ своего народа, - не позволитъ себѣ высказать о грузинахъ сотою доли того, что съ такою злобою написано кн. Чавчавадзе объ армянахъ, не позволитъ прежде всего изъ уваженія къ своему достоинству, изъ уваженія къ многовѣковымъ братскимъ отношеніямъ, объединявшимъ не разъ армянъ и грузинъ, во имя борьбы съ общими врагами высшихъ интересовъ человѣчности, изъ уваженія къ тому народу, съ которымъ армяне сталкиваются на каждомъ шагу... Такъ какъ же намъ повѣрить кн. Чавчавадзе, что именно армяне посѣяли тотъ жгучій разладъ, который вооружилъ грузинъ и армянъ другъ противъ друга, нарушивъ добрыя отношенія, бывшія между ними пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Какъ же намъ повѣрить, что ненависть изъ за грузинства или армянства возникла среди насъ и единство пошатнулось по винѣ только „армянскихъ

книжниковъ“ (стр. 122), когда во всей армянской литературѣ нельзя найти хотя бы одной страницы въ духѣ той ядовитой національной травли, которой проникнута вся рассмотрѣнная нами брошюра кн. Чавчавадзе?!...

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Ն. Մառ «Վրացի պոետ Ակակին հայերի մասին»

Грузинский поэт Акакий об армянах	4
Вместо ответа публицисту – поэту	23
Վրացի պոետ Ակակին հայերի մասին	45
Հայ-վրացական հարաբերությունների մասին անցյալում	65
Պր. Նիկ. Մառի առաջին ընդդիմախոսությունը	68
Պր. Նիկ. Մառի երկրորդ ընդդիմախոսությունը	76
Ծանոթագրություններ	102

ОГЛАВЛЕНИЕ

Զ. Ս. Վերմիշև «Հայ - վրացական հարաբերությունների մասին»

ВВЕДЕНИЕ	110
1. Взглядъ пр. Сенковского на историческую Грузію	113
2. пр. Эминъ, А. Худабашевъ и А. Эрицевъ	146
3. Артвинскій храмъ.Снимки клинообразныхъ надписей, сдѣланные о. Месропомъ Сумботянцемъ. Захватъ армянами территоріи урартійцевъ	155
4. Профессоръ Паткановъ и его критика грузинскихъ лѣтописей	184
5. Мнѣніе В. Ланглуа о грузинскихъ лѣтописяхъ. Отзывъ проф. Марра о проф. Паткановѣ	221
6. Проф. Н. Я. Марръ и его отношеніе къ грузинской культурѣ и отзывъ о „барсовой Кожѣ“	232
7. Французскій корреспондентъ Кутули о грузинскомъ народѣ	247
8. С. І.Кишмишевъ о послѣднихъ годахъ Грузинскаго царства	263
9. Урартійцы. В. Гольмстремъ объ армянскомъ народѣ	272
10 . О родствѣ урартійцевъ съ грузинами и о происхожденіи армянъ. Изслѣдованіе Ленормана и Никольскаго	291
11. Г. А. Эзовъ о грузинскомъ народѣ	305
12. Заключение	332

ՀԱՅ – ՎՐԱՑԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

ՄԱՏԵՆԱՇԱՐ

ՄԱՏԵՆԱՇԱՐԻ ՀԻՄՆԱԴԻՐ
ԵՊՀ ՀՀԻ ՎՐԱՑԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅՎԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ԳԻՐՔ Բ

Շապիկի ծևավորումը՝
Համակարգչային ծևավորումը՝
Սրբագրիչներ՝

Գևորգ Շառոյանի
Արթուր Բոյախչյանի
Նելլի Բայրամյան,
Ռուզաննա Յուլյան
Ծովինար Յուլյան

Ստորագրված է տպագրության 23.05.2013: Չափսը 60x84 1/16:
Թուղթը՝ օֆսեթ № 1: Տպագրությունը օֆսեթ՝ 21,25 տպ. մամուլ:
Տպաքանակը՝ 200:

Տպագրվել է «Գևորգ - Հրայր» ՄՊԸ

հրատարակչությունում

Երևան, Գրիգոր Լուսավորչի 6:
Հեռ. 52-79-74, 52-79-47:
Էլ. փոստ lusakn@rambler.ru